Serial

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 5—6

МАЙ—ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

МОСКВА—1925

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 5—6
МАЙ—ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—1925

Главлит № 38895 Москва. Тираж 4.500 экз.

Типография изд. „Правда" и „Беднота". Яуск. мост, Серебрянич. наб., д. 22а.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
А. Деборин.—Ленин о сущности диалектики	5
В. Ленин.—К вопросу о диалектике	14
О задачах марксизма в нашу эпоху	19
И. Разумовский.—Детские и старческие болезни в правовой теории	26
Б. Завадовский.—Предисловие к ст. о голоде	44
В. Кеннон.—Природа голода	47
А. Карлсон.—Биологическое значение голода	62
З. Цейтлин.—Физика Гегеля	78
М. Покровский.—К вопросу об особенностях исторического развития России (продолжение)	89
Б. Борилин—Ленин и проблема империализма	110
М. Рубинштейн.—Реформизм и колониальная политика	140

К 100-летию со дня смерти Сен-Симона (1825—1925 г.)

[illegible].—Ранний пророк «организованного» капитализма	161
Г. Зайдель.—«Неосенсимонизм» и реформистский синдикализм	198

Трибуна.

А. Варьяш.—Как не надо писать критику	215
Ник. Карев.—Хождение по мукам философской критики	238

Библиография.

Д. Рязанов.—Обзор литературы о Сен-Симоне	—
Б. Завадовский.—Провалы популяризатора	271
Ф. Капелюш.—Политическая экономия без понятия стоимости	284
Н. Рубинштейн.—Н. Рожков.—Русская история в сравнительно-историческом освещении	289

Ленин о сущности диалектики.

А. Деборин.

Льва узнают по когтям. Достаточно внимательно прочесть печатаемый ниже краткий фрагмент Ленина о диалектике, чтобы убедиться в глубоком понимании Лениным философских основ марксизма вообще и существа диалектики в частности. Все свойственные Ленину особенности выступают в этом отрывке с полной определенностью, выпуклостью и яркостью: глубина и тонкость мысли, простота литературной формы и поразительное умение сочетать самые абстрактные идеи с революционной практикой, с живой жизнью.

В своем фрагменте, озаглавленном «К вопросу о диалектике», Ленин, само собою разумеется, не ставил себе целью исчерпать все содержание диалектики. Он хотел обратить внимание лишь на самую важную особенность диалектики, а именно: на тождество или единство противоположностей, как на основной закон об'ективного мира и человеческого познания.

В одной из своих философских тетрадей, напечатанной в № 1—2 «Под Знаменем Марксизма» Ленин дает следующее определение диалектики.

«Диалектика,—говорит он там,—есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую».

Тождество противоположностей есть действительно основной закон природы, истории и человеческого познания. В этом законе Ленин правильно видит основную сущность диалектики, которая состоит в том, что во всех процессах природы и общества существуют внутренне противоречивые и противоположные тенденции. Все вещи в самих себе противоречивы, говорит Гегель. И он резко выступает против основного предрассудка современной логики, состоящего в том, что «противоречие не считается столь же существенным и имманентным определением, как тождество». Между тем, как на самом деле противоречие следовало бы считать за нечто более глубокое и существенное, чем тождество».

Ибо в противоположность ему тождество есть определение лишь простого, непосредственного, мертвого бытия; противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью[1]).

Такова же и точка зрения Ленина. Где нет противоречия, борьбы противоположностей и перехода их друг в друга, там нет развития, нет жизни, нет двигательной силы. Но противоположности не существуют в раздельности, каждая сама по себе; они составляют тождество. Противоположности и противоречия содержатся внутри тождества. Абстрактного, формального тождества в реальной действительности не существует. Каждое тело подвержено постоянным, непрерывным изменениям, снимающим и видоизменяющим его «тождество».

Каждое **конкретное** живое тождество содержит в себе различия, противоположения. Все противоположности переходят друг в друга через промежуточные звенья или ступени. Поэтому в природе и в обществе нет нигде абсолютных граней. Все существует в мире не само по себе, но в отношении ко всему другому. Нечто по тому именно и содержит в себе противоречия, что оно вместе с тем тождественно; оно по тому тождественно, что заключает в себе противоречия.

Если бы в мире все было тождественно с самим собою, то не было бы никакого изменения и развития. Основной закон природы есть **движение**, движение же есть **превращение** одних форм в другие, постоянный переход одного в другое. На вечном превращении одних форм или явлений в другие основан весь процесс развития мира. Процесс превращения форм, процесс развития совершается путем перехода из одной противоположности в другую. Но противоположности эти существуют в единстве и рождаются из раздвоения единства. «Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей, — говорит правильно Ленин.—Развитие есть «борьба» противоположностей».

Существуют две концепции развития, говорит Ленин. Одна концепция рассматривает развитие как уменьшение и увеличение, как повторение. Эта концепция безжизненна, мертва и суха. Вторая же концепция кладет в основу развития подвижное тождество или единство противоположностей, раздвоение единства. Только эта концепция дает ключ к **самодвижению** всего сущего, ибо она исходит из того, что все сущее, всякая вещь в силу внутренних противоречий **само движется**, раздваиваясь

---

[1]) **Hegel**, Wissenschaft der Logik, herausg. von G. Lasson, II T., S. 58.

на противоположности, между которыми существует и взаимная связь, взаимное отношение—единство.

Для иллюстрации этой мысли достаточно указать на современное буржуазное общество, которое раздваивается на противоположные классы, между которыми существует и определенное взаимоотношение. Нет пролетариата без буржуазии, нет буржуазии без пролетариата. И не может быть никакого развития и движения вперед без классовой борьбы.

Только концепция единства противоположностей «дает ключ к самодвижению» всего сущего, только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность, к уничтожению старого и возникновению нового»,—говорит Ленин. В самом деле, скачки, перерыв постепенности, превращение в противоположность, переход количества в качество и обратно—все это может быть об'яснено только из единства противоположностей. Все полярные противоположности обусловливаются взаимодействием обоих противоположных полюсов,—говорит в одном месте Ф. Энгельс. Об'единение их существует лишь в их разделении, связь их—лишь в их противопоставлении; противопоставление же существует лишь в их связи и об'единении. Но именно поэтому все противоположности относительны и переходят друг в друга. Всякий процесс в природе и в истории возможен лишь как «самодвижение», т.-е. как раскрытие и борьба противоположностей в пределах их связи и единства.

Природа составляет великое целое, где все связано между собою незаметными переходами и где разнообразные формы движения материи превращаются друг в друга; механическое движение, теплота, свет, электричество переходят при определенных условиях друг в друга. Всякое же изменение совершается путем перехода количества в качество и качества в количество.

Тождество противоположностей составляет в известном смысле основу, на которой покоится как низшая, так и высшая математика. «Одним из главных оснований высшей математики,—пишет Энгельс в Анти-Дюринге,—является противоречие, заключающееся в тождестве, при известных условиях, прямой линии с кривой». Тождество положительного (+) и отрицательного (−) составляет также в известном смысле основу низшей математики. Ленин поэтому и подчеркивает значение для математики этой элементарной формы тождества положительного и отрицательного. «Обе эти формы положительного и отрицательного,—говорит Гегель,—проявляются уже в первых определениях, в коих они употребляются арифметикою.

Во-первых, $+a$ и $-a$ суть вообще противоположные величины, a есть лежащая в основе обеих сущее в себе

единство, которое, будучи само безразлично к противоположению, без всякого дальнейшего понятия служит здесь мертвым основанием. Правда, $-a$ означает отрицательное, $+a$ положительное, но каждое из них есть столь же противоположное, как и другое.

Далее, a есть не только простое лежащее в основе единство, но, как $+a$ и $-a$, оно есть рефлексия этих противоположений в себя; даны два различных a, и безразлично, какое из них хотят считать за положительное или отрицательное; оба остаются различными и положительными»[1]).

Переходя к механике, необходимо заметить, что здесь мы имеем дело с элементарной простейшей формой движения и постольку с низшей формой диалектики. Простейшая форма механического движения выражается в тождестве действия и противодействия. Механическое движение есть простое перемещение места; оно имеет дело только с количествами и потому категория количества здесь является основной.

В основе современного взгляда на атом лежит представление о нем, как о единстве, системе, заключающей в себе два противоположных полюса. Атомы, по современным представлениям, составлены из положительного и отрицательного электричества, при чем внутри атома находится положительное ядро, кругом же него электроны. Строение же ядра противоположно строению атома. Незачем здесь подробно останавливаться на учении о строении атома или его ядра. Для наших целей достаточно сказанного.

Химия представляет собою новую область, где единство противоположностей выражается «в соединении и диссоциации атомов», как выражается Ленин. В физике и в особенности в химии мы имеем дело с качественными изменениями тел в зависимости от изменения количественного их состава. С другой стороны, именно в физике и химии мы имеем высшую, по сравнению с механикой, форму единства противоположностей. В механике противоположности внешни по отношению друг к другу. В химии, в силу так наз. притяжения или «сродства», разные, противоположные тела об'единяются в новое тело, взаимно проникая друг в друга так, что свойства каждого отдельного входящего в соединение тела исчезают и образуются совершенно новые свойства, присущие лишь вновь образованному телу.

В механике, физике, химии мы имеем дело, таким образом, с различными формами движения. «При всей постепенности,— говорит Энгельс,—переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом. Таков характер

---

[1]) Hegel, Wissenschaft der Logik, her. von G. Lasson, II. T., S. 45.

перехода от механики небесных тел к механике меньших масс на отдельных небесных телах, или же переход от механики масс к механике молекул, охватывающей движения, которые составляют предмет исследования собственно физики, как теплота, свет, электричество, магнетизм; точно так же переход от физики молекул к физике атомов—химии—опять-таки совершается посредством решительного скачка; еще более это имеет место при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белковины, являющейся, главным элементом органической жизни» [1]).

Ту же идею единства противоположностей и перехода различных форм движения друг в друга имеет в виду Ленин, когда устанавливает, следуя Гегелю и Энгельсу, градацию: механика, физика, химия и социология. Математику мы здесь потому опускаем, что она занимает особое положение, являясь абстрактным выражением реальных процессов действительности вообще.

Подобно тому, как в действительности все противоречиво и при известных условиях развития, в силу внутреннего единства и связи всего существующего, превращается в свою противоположность, так и **понятия** столь же подвижны, противоречивы и гибки, ибо понятия суть лишь отражения материального процесса и его единства вне нас.

«Всесторонняя универсальность, гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,—вот в чем суть»,— говорит в другом месте Ленин. Скептицизм и софистика эту гибкость понятий рассматривают и применяют суб'ективно. Скептицизм и софистика рассматривают, например, относительное только как относительное, превращая относительное в **суб'ективное** и отрывая его от абсолютного. Для диалектики же самое различие между относительным и абсолютным относительно. «Гибкость (понятий. *А. Д.*), примененная об'ективно, т.-е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного движения мира»,—говорит Ленин. Суб'ективисты и скептики утверждают, что мы познаем только конечное и относительное. Они не видят связи конечного и относительного с бесконечным, абсолютным, Поэтому они всякое относительное познание считают познанием суб'ективным, а не об'ективным. Но по существу всякое истинное познание относительного есть познание абсолютного и бесконечного, познание об'ективного мирового процесса.

Зачатки всех элементов диалектики имеются уже в любом предложении,—говорит Ленин,—так как всему познанию человеческому вообще свойственна диалектика. Мы не только в отно-

[1]) **Энгельс**, Анти-Дюринг, 1918 г., стр. 58—59.

сительном познаем абсолютное, потому что абсолютное доступно нам через относительное и само «складывается» из конечных и относительных «моментов», но мы в единичном познаем всеобщее, так как всеобщее существует лишь через единичное. Соотношение между единичным и общим составляет также тождество противоположностей, взаимную их связь и переход одного в другое. Ленин подчеркивает, что как изучение, так и изложение необходимо начинать с простого, основного массовидного. Так поступает Маркс в «Капитале». Он начинает с товара, в котором уже даны все противоречия буржуазного общества. Дальнейшее изложение «разворачивает» все заключенные в клеточке буржуазного общества противоречия.

В любом предложении заключаются, как в «ячейке», «клеточке», зачатки всех элементов диалектики. В предложении «Иван есть человек» высказывается диалектическое положение, что единичное, отдельное есть общее. Это значит, что конечное изменяется, переходит в бесконечное, единичное превращается во всеобщее, исчезая в своей изолированности и связывая, «опосредствуя» себя с другим, с всеобщим, с бесконечным. Отдельное противоположно общему и в то же время тождественно с ним. Отдельное, единичное не существует в себе самостоятельно, изолированно, вне связи со всем другим. Оно связано с общим, со всеми существующими явлениями. Общее же, с своей стороны, не существует иначе, как через отдельное. Поэтому отдельное есть общее, как всякое общее есть «сущность» отдельного. «Общее, с точки зрения диалектики и в противоположность формальной логике, не есть пустая абстракция, а существенный момент или сущность всего отдельного. Но «всякое общее вместе с тем лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы». С другой стороны, «всякое отдельное не полно входит в общее».

Абстрактному всеобщему формальной логики противопоставляется конкретное всеобщее, которое содержит в себе все богатство особенного и отдельного. Ленин, подобно Марксу и Энгельсу, принимает Гегелевское учение о понятии, в котором различаются три стороны или момента: отдельное, особенное и всеобщее. От отдельных или единичных предметов, свойств совершается переход к особенному, а от особенного—к всеобщему. Все эти моменты или стороны не существуют раздельно, обособленно, самостоятельно, а связаны воедино. Всеобщее есть тождество, но не отвлеченное и пустое, а такое, которое содержит в себе особенное и единичное, т.-е. различия и противоположности. Всеобщее и особенное даны в единстве, которое и есть отдельное или единичное. Всеобщее поэтому действительно только в единичном и в связи с особенным. Нет дома вообще, человека вообще,

есть только определенные дома, люди. В диалектическом понятии эти три момента даны в нераздельной связи. И только такое понятие, которое «воплощает в себе богатство особенного и отдельного», как выражается Ленин, и есть конкретное целостное понятие. «Всякое понятие,—говорит Ленин,—тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.». Таким образом мы в нашем познании единичное поднимаем на ступень особенного и всеобщего; в конечном находим бесконечное. Такое познание есть правильное отражение об'ективной связи природы.

Отдельное в своем частном, непосредственном бытии есть, с одной стороны, нечто случайное, но, с другой стороны, оно есть необходимое, поскольку отдельное заключает в себе общее, поскольку оно есть всеобщее и поскольку всеобщее есть сущность единичного. Случайное и необходимое противополагаются друг другу, как явление и сущность. Тот же самый процесс мы имеем и в естествознании. Оно «показывает» нам природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей»,—говорит Ленин.

Ленин делает упрек Плеханову в том, что он, как и Энгельс, берет тождество противоположностей как сумму примеров, а не как общий закон мира и познания. Мы уже видели, как надо понимать этот закон тождества или единства противоположностей. Второй урок, который Ленин делает Плеханову, сводится к тому, что последний рассматривает теорию познания как самостоятельную дисциплину и некоторым образом противопоставляет ее диалектике. Между тем, как «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма». Диалектическая теория познания рассматривает свой предмет и само познание исторически,—на основе развития всей жизни природы и духа, всего конкретного содержания мира. Метафизический материализм не знает диалектики, не умеет применять ее к развитию мира и познания. Поэтому метафизический материализм односторонен и ограничен, беден содержанием.

Диалектический же материализм есть «живое многостороннее познание с бездной оттенков», бесконечно сложный процесс познания бесконечно богатого содержания, постоянное приближение к действительности, никогда не исчерпаемой целиком. Познание человека идет по кривой линии, бесконечно приближающейся к ряду кругов. Ленин намечает четыре таких основных «круга»: Демокрит-Гераклит, Декарт-Спиноза, Гольбах-Гегель (через Беркли-Юм-Кант) и Гегель-Фейербах-Маркс.

Каждый последующий «круг» шире, богаче, многостороннее предыдущего, составляя высшую ступень познания в сравнении

с предшествующим «кругом», служащим ему основанием и предпосылкой. Каждый «круг» составляет для данной эпохи итог познания мира, то возможное приближение к действительности, которое дается достигнутой степенью развития человеческой практики и познания. Поэтому Ленин говорит в другом месте, что учение Маркса есть «законченный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке, в лице немецкой философии, политической экономии и французского социализма». Марксом «замыкается» последний для нашего времени «круг», марксизм представляет собой поэтому вывод и обобщение всей предшествующей истории человеческого познания, высшее его достижение. Однако само собою разумеется, что «круг» никогда не может «замкнуться», что познание человека бесконечно приближается лишь к кругу, но никогда его не «замыкает», не завершает. Действительность не исчерпаема и поэтому человеческое познание есть всегда лишь приблизительно верное отражение мира. Человечество в своем историческом развитии все больше и больше приближается к адэкватному познанию об'ективного мира, абсолютного; однако, как бы ни приближалось наше познание к абсолютному, оно остается всегда относительным.

Если диалектика есть «многостороннее познание с бездной оттенков» приближения к действительности, то из каждого оттенка, отрывка или кусочка прямой линии, приближающейся к кругу, растет философская система. В этом смысле и философский идеализм не беспочвенен, а имеет гносеологические корни, как говорит Ленин. Ибо «любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую прямую (линию), которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину, где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов». Философский идеализм не представляет собою абсолютную ложь, ибо он вырастает из того же корня, из какого вырастает и материализм. Как идеализм, так и материализм одинаково растут на «живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, об'ективного, абсолютного человеческого познания». Тем не менее философский идеализм есть поповщина, ложь, пустоцвет, ибо он превращает один из оттенков бесконечно сложного познания в абсолют, обломок действительности—в целое. «С точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, чрезмерное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный». Вырвав «обломок» из всей совокупности явлений, оторвав его от материи, идеалисты свой «оттенок», «обломок», имеющий несомненные корни в дей-

ственности, раздувают до размеров целого, до размеров абсолюта.

Диалектический же материализм прекрасно понимает, что этот «обломок», будучи вырван из всеобщей связи и оторван от материи, лишен реальности и представляет собою «пустоцвет». Гносеологические корни идеализма Ленин видит поэтому в суб'ективизме и суб'ективной слепоте, в окостенелости и односторонности, которые отрезок прямой линии превращают в прямую, в целую систему, в безусловное. «Оттенок» же обладает действительностью в связи со всей многоцветной радугой, отражающей материальный мировой процесс и его единство, его цельность. Поэтому различие и противоположность между идеальным и материальным также не безусловно, не абсолютно, а лишь относительно. На живом дереве живого и об'ективного человеческого познания, как прекрасно выражается Ленин, встречаются всевозможные оттенки, разнообразные черты и грани, которые, однако, действительны лишь в связи с целостным деревом, в связи со всем материальным процессом. Каждый же оттенок есть лишь одностороннее отражение об'ективного процесса, а потому ложное, неистинное, оторванное от материальной почвы. Истинное диалектическое познание отражает всесторонность материального процесса и его единство; оно должно дать отображение диалектики самих вещей, самой природы, самого хода событий во всей их многосложности и всесторонности.

К вопросу о диалектике*).

Н. Ленин.

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см[отри] цитату из Филона о Гераклите в начале III части (о „познании“) Лассалевского Гераклита) есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей „Метафизике“ постоянно бьется около этого и борется с Гераклитом resp.[1]) с Гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны содержания диалектики д[олжна] б[ыть] проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (напр. у Плех[ано]ва) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров [„напр., зерно“, „напр., первоб. коммунизм“ тоже у Энгельса. Но это для популярности...], а не как закон познания (и закон об'ективного мира).

В математике + и —. Дифф[еренциал] и интегр[ал].

В механике действие и противодействие.

В физике полож[ительное] и отриц[ательное] элво [электричество].

В химии соединение и диссоциация атомов.

В общв. [общественной] науке кл[ас]с[овая] б[орь]ба.

Тождество противоположностей („единство“ их, м. б. вернее сказать? хотя различие терминов „тождество“ и „единство“ здесь не особ[енно] существенно. В изве[стном] смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в т.[ом] ч.[исле]). Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спон-

---

*) Перепечатано из журнала «Большевик» № 5—6 за 1925 г.

[1]) Одновременно, вместе с тем.

тайнейном развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, к[а]к уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая—жизненна. Только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие суб'ективизма (скептицизма и софистики etc[1]) от диалектики, м[ежду] пр[очим] то, что в (об'ективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для об'ективной диалектики и в релятивном есть абсолютное. Для суб'ективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двиг[ательная] сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, суб'ект, etc[1]). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „само“-движения.

У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение бурж[уазного] тов[арного]) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ б[у]рж[уазного] об[ще]ства) все противоречия (resp[1] зародыши всех противоречий) совр[еменного] об[щест]ва. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ[2]) его основных частей, от его начала до его конца.

Таков же д[олжен] б[ыть] метод изложения (resp[1] изучения) диал[екти]ки вообще (ибо диал[екти]ка... (б[уржуазного] о[бще-

[1]) И так далее.

[2]) Греческая буква „сигма“, употребляемая в математике для обозначения суммы.

ства])*)... у Мх [Маркса] есть лишь частный случай диал[екти]ки)... Начать с самого простого, обычного, массовидного etc [2]) с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диал[ектика]: отдельное есть общее. Ср[авни] Aristoteles, Metaphysik [4]) пер. Швеглера Bd II. S. 40, 3 Buch 4 Capitel 8—9 [5]): „denn natürlich kann man nicht der Meinung seyn, dass es ein Haus — дом вообще — gebe ausser den sichtbaren Häusern“ [6]).

Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, к[ото]рая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, об'ект[ивной] связи природы etc[2]. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уж здесь, ибо говоря: Иван есть ч[елове]к, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, к[а]к случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому.

Так[им] обр[азом] в любом предположении можно (и должно), как в „ячейке“ „клеточке“ вскрыть зачатки всех эл[ементов] диал[екти]ки, показав так[им] обр[азом], что всему познанию ч[елове]ка вообще свойственна диал[екти]ка. А ест[ество]знание показывает нам (и опять таки это надо показать на любом, простейшем примере) об'ективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диал[екти]ка и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую сторону дела (это не „сторона“ дела, а суть дела) не обратил внимания Плех[ано]в, не говоря уже о других марксистах.

* * *

*) Неразобранное в первоначально опубликованном «Большевиком» тексте, слово воспроизведено И-том Маркса-Энгельса.

[4]) Аристотель. Метафизика.

[5]) Т. II. стр. 40, 3-я книга, гл. 4.

[6]) Ибо, очевидно, невозможно думать, будто какой-то дом вообще существует вне (помимо) видимых домов.

* * *

Познание в виде ряда кругов представляет и Гегель (см. Логику)—и соврем. „гносеолог" естествознания, эклектик, враг гегелевщины (коей он не понял) Paul Volkmann (см. его Er. theor. Grundzüge... 5) [7]).

> [Обязательна ли хронология? Нет!]
>
> „Круги" в философии:
>
> Античная: от Демокр[ита] до Платона и диал[ектики] Гераклита.
>
> Возрожд: Декарт v[ersu]s [8]) Gassendi (Spinoza?)
>
> Новая: Гольбах—Гегель через Беркли, Юм, Кант Ге[гель]—Фе[йе]рб[а]х—Мх [Маркс].

Диал[екти]ка как живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действ[ительно]сти (с фф. [философской] системой, растущей в целое из каждого оттенка—вот неизмеримое богатое содержание по сравн. с „метафизическим" материализмом, основная беда коего есть неумение применить диал[екти]ки к Bildertheorie [9]) к процессу и развитию познания.

Ф[илосо]ф[ский] ид[еали]зм есть т[оль]ко чепуха с т[очки] зре[ния] материализма грубого, [простого] *) метафизичного. Наоборот, с то[чки] зре[ния] диал[ектическо]го м[а]т[ериа]ли[зма] ф[илосо]ф[ский] ид[еали]зм есть одностороннее, преувеличенное, überschwängliches [10]); (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от пр[иро]ды, обожествленной. Ид[еали]зм есть поповщина. Верно. Но ид[еали]зм ф[илосо]ф[ский] есть („вернее" и „кроме того" дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека.

NB. весь афоризм.

Познание человека не есть (resp[1] не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой

---

[7]) В русском издании книга Фолькман, П., называется: „Теория познания естественных наук".

[8]) Против.

[9]) Теория развития.

*) См. сноску на стр. 16.

[10]) Чрезмерный, беспредельный.

линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую (линию), которая если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота voila[11]) гносеологические корни идеализма. А у поповщины (=ф[илосо]ф[ского] ид[еали]зма), конечно, есть гносеол[огические] корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного истинного, могучего, всесильного об'ективного, абсолютного человеческого познания.

---

[11]) Вот.

О задачах марксизма в нашу эпоху.

В марте этого года вышел первый номер немецкого журнала „Unter dem Banner des Marxismus“ („Под Знаменем Марксизма“). Содержание № 1 составляют: Вступительная статья редакции. Н. Ленин—Под знаменем марксизма (перевод письма нашему журналу). Н. Бухарин—Империализм и накопление капитала. А. Деборин—Последнее слово ревизионизма. В. Юринец—Психоанализ и марксизм. Д. Рязанов — Новая работа Маркса о заработной плате. К. Маркс — Заработная плата. Д. Рязанов — Введение Энгельса к марксовской „Классовой борьбе во Франции“ и в библиографии: В. Юринец—Теория относительности и русская марксистская литература. Г. Якобсон—Отголоски кантовского празднества в советской прессе. М. И. Донской—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.

Горячо приветствуя нового товарища по борьбе за воинствующий материализм на Западе, мы помещаем в этом номере перевод его программной редакционной статьи. Пусть появление журнала будет знамением того, что скоро под старым боевым знаменем нам удастся окончательно сокрушить не только буржуазный идеализм и реформистскую глупость, но и капиталистическую действительность, духовным ароматом которой они являются.

РЕДАКЦИЯ.

Первый номер нашего журнала выходит в такое время, когда социал-демократический «марксизм» уже подвел теоретические итоги своего предательства. На наших глазах «живой марксизм» социал-демократов, этот отброс нашей бурной эпохи, носится по мутным волнам воскресающего мистицизма, немощного философского идеализма, утонченной порнографии, религиозного кликушества, декадентского «искусства», апокалиптических лжемышлений, половых сатурналий и «возвышенных» лозунгов. Но его идеологическое ничтожество, обволакиваемое удушливой атмосферой разлагающегося трупа, еще опирается до поры до времени на костыли отживающих иллюзий прошлого. Эти костыли нужно разбить, жалкой эклектической мешанине «конструктивного социализма» презренных Макдональдов и трусливых Бернштейнов, за полы которых ныне цепляются господа Каутские и Гильфердинги, нужно противопоставить подлинный, революционный мар-

линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую (линию), которая если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота voila[11]) гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= ф[илосо]ф[ского] ид[еали]зма), конечно, есть гносеол[огические] корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного истинного, могучего, всесильного об'ективного, абсолютного человеческого познания.

[11]) Вот.

О задачах марксизма в нашу эпоху.

В марте этого года вышел первый номер немецкого журнала „Unter dem Banner des Marxismus“ („Под Знаменем Марксизма“). Содержание № 1 составляют: Вступительная статья редакции. Н. Ленин—Под знаменем марксизма (перевод письма нашему журналу). Н. Бухарин—Империализм и накопление капитала. А. Деборин—Последнее слово ревизионизма. В. Юринец—Психоанализ и марксизм. Д. Рязанов — Новая работа Маркса о заработной плате. К. Маркс — Заработная плата. Д. Рязанов — Введение Энгельса к марксовской „Классовой борьбе во Франции“ и в библиографии: В. Юринец—Теория относительности и русская марксистская литература. Г. Якобсон—Отголоски кантовского праздничества в советской прессе. М. И. Донской—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.

Горячо приветствуя нового товарища по борьбе за воинствующий материализм на Западе, мы помещаем в этом номере перевод его программной редакционной статьи. Пусть появление журнала будет знамением того, что скоро под старым боевым знаменем нам удастся окончательно сокрушить не только буржуазный идеализм и реформистскую глупость, но и капиталистическую действительность, духовным ароматом которой они являются.

РЕДАКЦИЯ.

Первый номер нашего журнала выходит в такое время, когда социал-демократический «марксизм» уже подвел теоретические итоги своего предательства. На наших глазах «живой марксизм» социал-демократов, этот отброс нашей бурной эпохи, носится по мутным волнам воскресающего мистицизма, немощного философского идеализма, утонченной порнографии, религиозного кликушества, декадентского «искусства», апокалиптических лжеизмышлений, половых сатурналий и «возвышенных» лозунгов. Но это идеологическое ничтожество, обволакиваемое удушливой атмосферой разлагающегося трупа, еще опирается до поры до времени на костыли отживающих иллюзий прошлого. Эти костыли нужно разбить, жалкой эклектической мешанине «конструктивного социализма» презренных Макдональдов и трусливых Бернштейнов, за полы которых ныне цепляются господа Каутские и Гильфердинги, нужно противопоставить подлинный, революционный мар-

ксизм. В лице последнего находит свое теоретическое выражение коммунизм, который грозным великаном восстает перед запуганным запуганным сознанием буржуа и «социалистического» реформиста.

Война воочию доказала правильность революционно-марксистской точки зрения всякому, кто желает видеть и слышать. Только безнадежные педанты считают еще практическое осуществление социализма задачей отдаленного будущего. Империалистская война была по своей материальной сущности не чем иным, как могучим восстанием производительных сил мирового хозяйства против втиснутых в рамки государственных границ методов национального присвоения. Но эта война доказала в то же время, что капитализм не в состоянии разрешить задачу раскрепощения производительных сил. Она показала, что эта проблема может быть разрешена только одним путем—путем низвержения всей капиталистической системы, которая ныне угрожает самому существованию общества. Так гигантская война империалистов между собою вызвала бурю революции против самих империалистов, гражданскую войну пролетариата, восстание крестьян, волнения в колониях и национальную борьбу в метрополиях.

Снова и снова приходится поражаться теоретическому бесстыдству и идейному убожеству теоретиков «интернациональной» социал-демократии, считающих уместным как раз теперь выступать в роли Пиндаров «Лиги Наций» и воспевать своими скопческими голосами новую эру буржуазного «миролюбия», «организованности», «взаимопомощи», «тесного сотрудничества» и прочих чудес «демократического пацифизма». В эпоху, когда воздушные эскадрильи сбрасывают пудовые бомбы неслыханной взрывчатой силы, когда прославляются ядовитые газы, разрушающие на своем пути все живое, когда эти великолепные изобретения сделались основными аттрибутами «цивилизации»,—в эпоху, когда под ружьем стоят человеческие массы, оставляющие в тени даже большие армии довоенного времени, когда военные бюджеты вопреки всем благонамеренным речам о разоружении растут с бешеной быстротой, когда каждый день рождает новые конфликты и весь мир находится в состоянии невыносимого напряжения,—в эпоху, когда все старые представления о «спокойствии», «непрерывности» и «постепенности» сохраняют лишь ретроспективное значение давно исчезнувших исторических признаков, когда весь аппарат капиталистического режима бывшей российской империи опрокинут и разбит вдребезги, когда миллионные массы народов Азии, пробуждаемые для освободительной борьбы, охвачены глубоким брожением,—в эпоху, наконец, когда капиталистический мир стоит с обнаженным мечом против Союза Советских Республик, между тем как в окружающем империализм колониальном кольце на-

роды захлебываются в крови,—в такую эпоху «интернациональная» социал-демократия провозглашает устами своих теоретиков новую эру «мирного» капитализма, выбрасывает за борт теорию классовой борьбы, заменяет революцию «педагогикой», диктатуру пролетариата «коалицией», марксистский материализм идеалистическим мусором, воинствующий атеизм незаконным сожительством с религией. Марксизм, этот верный меч рабочего класса, превращен ею в теорию предательства революции.

Этой недопустимой низости мы об'являем борьбу под знаменем неискаженного марксизма, того марксизма, который искони вызывал ожесточеннейшую ненависть буржуазии, который повергает господствующие классы нашего времени в настоящие припадки бешенства и всегда будет бельмом на глазу у капиталиста. Наш марксизм—не теория подхалимских жестов, но теория революции, теория переворота, теория классовой борьбы пролетарского авангарда. Наоборот, социал-демократический «марксизм» есть теория предательства революции, теория отрицания классовой борьбы, либеральное искажение марксизма, которые мы должны непрерывно и неустанно разоблачать, если хотим привести к победе пролетарскую революцию.

Задачи нашего журнала определяются задачами эпохи, в которую мы живем. Еще никогда не было, да и не могло быть накоплено такого множества разнообразных опытов, как в истекшее десятилетие. Если орлиное око марксова гения уже определило главный путь истории, как путь к диктатуре пролетариата, если Маркс в то же время доказал об'ективную, закономерную необходимость этого хода развития и сверх того набросал с изумительной проницательностью основные черты этой диктатуры, то наше время доставляет нам новый, неисчерпаемый в своей историко-социальной содержательности материал для рассмотрения наших теоретических знаний и для углубления наших марксистских обобщений. На наших глазах возникли чудовищные хозяйственные организации финансового капитала, опирающегося на сеть могучих банков; вся государственная машина буржуазии перестраивается с лихорадочной поспешностью, что об'ясняется все более тесной спаянностью государственного аппарата буржуазии с кликами финансово-капиталистических королей стали, железа, угля и нефти; военно-технические рессурсы государственной власти необычайно усовершенствовались, развились в поистине сатанинскую систему машинных и химических средств истребления человечества; либеральная «свободная конкуренция» купцов и промышленников уступила место столкновениям империалистических гигантов, в боях которых все превращается в развалины и сотрясаются самые основы капиталистического здания. Дальнейший рост производительных сил

парализуется быстрым развитием разрушительных подземных процессов. Под гром орудий рвутся все хозяйственные связи, стираются с лица земли целые государства, из-под обломков бывших империй возникают новые народы, перемещаются старые могучие центры мирового хозяйства. Чем-то новым веет в мире, по-новому бьется его пульс. Новые общественные слои выступают на арену истории. Недвусмысленными действиями пролетариат начинает открыто заявлять о своей воле к завоеванию власти. Все громче раздается голос порабощенных колониальных народов, этого заселяющего целые континенты миллиардного резерва человечества, который из немого, покорного, безгранично эксплоатируемого об'екта капиталистической «цивилизации» вырастает в суб'ект собственной активной воли к жизни. С небывалой быстротой развиваются центробежные силы капиталистического господства, дремавшие где-то в глубине в идиллические времена доимпериалистической эпохи. С другой стороны, с каждым днем ширится и крепнет родившийся из великих классовых битв союз пролетарских республик, существование которого кладет начало дальнейшей, принципиально новой стадии общественного развития. В самом деле: новые хозяйственные формы в многообразном переплетении с еще сохраняющимися старыми устоями экономических форм прошлого; новые типы государственности, опирающиеся на организации трудовых масс; новые формы сотрудничества народов, ставящего себе общие цели, совершенно чуждого буржуазному «правопорядку»; возникновение совсем новых взаимоотношений между классами и—last non least—надо всем этим быстрый расцвет советской культуры. Разве все это не требует самым настойчивым образом тщательного теоретического анализа?

Социал-демократические циники, которые к вящщей славе какого-нибудь Бернштейна тем усерднее ревизируют марксизм, чем решительнее живая действительность подтверждает правильность марксовых учений, безжалостно разрывая мелко-буржуазную паутину ревизионистских конструкций,—эти паралитические рыцари буржуазии бросают в лицо международному коммунизму новую клевету. Они обвиняют нас в вытеснении марксизма ленинизмом. Это противопоставление марксизма и ленинизма настолько же фривольно, насколько лживо и глупо. Ленинизм не может ни заменить, ни вытеснить марксизм уже по одному тому, что он и есть сам марксизм. Ленинизм - это марксизм нашей эпохи, марксизм, который усвоил и теоретически переработал, ассимилировал все новые факты современного развития, ни на волос не отступая ни от метода, ни от сущности марксова учения. Более того, ленинизм не только не отступает от марксизма, но он один сумел беспощадно отразить

все нападения на марксизм, откуда бы и когда бы они ни исходили и каких бы областей философии, науки или политики они ни касались. И когда господа, признающие своим философом кантианца Форлендера, своим учителем «этики» полу-попа Крапьльда, своим государствоведом лассальянца Кунова, исказителя Маркса, своим тактиком Носке, своим кумиром Бернштейна, своими вдохновителями Макдональда и любезную фабианскую чету Сиднея и Беатрису Веббов,—когда, говорим мы, люди такого калибра проливают крокодиловы слезы над заменой марксизма ленинизмом, то поистине нельзя не поражаться беспредельности социал-демократического лицемерия.

Нелепо исповедывать в наши дни марксизм и не быть в то-же время ленинистом, ибо один только ленинизм продолжает славную теоретическую и практическую традицию марксизма в специфических условиях, созданных истекшим десятилетием.

Мы все имеем право на неискаженное Бернштейном наследие Маркса и Энгельса.

Коммунизм выступает ныне на арене классовой борьбы как единственная сила, оспаривающая у капитала историческое право на руководство общественными функциями, т.-е. как сила, сознательно стремящаяся к перевороту, к разрушению всех факторов, задерживающих прогресс человечества. В то же время коммунизм развертывает на территории бывшей российской империи творческую деятельность созидания—факт, которого теперь уже не решаются отрицать даже самые закоренелые противники Союза Советских Республик. Поэтому один только коммунизм, захвативший власть и сумевший удержать ее,—в противоположность фабианской болтовне английских реформистов о «конструктивном социализме», который так же «конструктивно» привел своих апостолов к власти, как, с помощью ториев, «конструктивно» устранил их от нее,—один только коммунизм имеет право громко заявлять о своих успехах в социалистическом строительстве.

В двух направлениях, в двух плоскостях истории, разрушительной и созидательной, осуществляется деятельность сторонников революционного марксизма. Это обстоятельство чрезвычайно расширяет исторический горизонт, оно дает нам возможность осознать все проблемы в доселе еще невиданном об'еме и ставит в порядок дня такие вопросы, о существовании которых даже и не подозревали прежде. Это огромное обогащение нашего опыта обязывает нас к углубленной постановке проблем, к бесстрашию и смелости в области теории.

Великая эпоха гибели старого общества и рождения нового знаменуется также глубокой революцией, охватывающей все звенья идеологической цепи. Чувство всеобщей неустойчивости

и неуверенности порождает внутри официальной буржуазной науки тяги к «иррациональному», «мистическому», «интуитивно постижимому». Гнилой скептицизм и даже религия снова допускаются в науку с величайшей готовностью. С другой стороны, расширяющаяся сфера научной деятельности попадает во все более явное противоречие со старыми теоретическими обобщениями и предельными понятиями, которые из «формы» развития превратились в путы для него. Отсюда мучительные поиски новых синтезов и безрезультатность всех усилий; отсюда разочарованность и та зараженная атмосфера, в которой ныне живут идеологи западно-европейской буржуазии. Наоборот, в советских государствах укрепилась гегемония марксизма. Марксизм завоевывает там все более широкие круги ученых—в том числе естественников, математиков и даже филологов. На основе растущей социалистической экономики, властно требующей планового хозяйства, централизованного руководства и установления прочных связей между различными хозяйственными факторами, неизбежно развивается потребность в научном монизме и окончательном изгнании всякой религии и идеалистической метафизики из всех областей научной мысли. Грандиозный переворот в общественной психологии находит свое выражение и в перевороте внутри идеологических кадров общества во всех отраслях научной работы, имеющих ныне свой об'единяющий центр в марксизме. И мы видим, действительно, как марксизм со своим диалектически-материалистическим методом проникает теперь в такие области, в которые ему не было доступа прежде.

Как действительное завоевание власти рабочим классом, его диктатура—в противоположность «коалиции» Каутского и «конструктивизму» Макдональда—впервые создает возможность политической самодеятельности широких масс, так эта же диктатура, утверждающая власть марксизма и в сфере идеологии, впервые дает возможность фактически занять все идеологические командные высоты. Вот как возникает синтез, которого тщетно ищет официальная буржуазная наука. Победоносное наступление рабочего класса означает вместе с тем победоносное утверждение марксизма. И как революционный коммунизм в области непосредственно материальной классовой борьбы приближается в своей цели только в тяжелых боях с буржуазией, с социал-демократическим оппортунизмом, который сделался вернейшим сподручником буржуазии,—так и в идеологической классовой борьбе знамя марксизма должно быть пронесено сквозь ожесточенные битвы с темными средневековыми теориями буржуазии и беспринципными теориями реформизма, давным-давно прогнившими и ничтожными по существу, но еще продолжающими оказывать влияние. Оказывают же они до сих пор влияние по-

тому, что они поддерживаются буржуазией, потому что они сосредоточивают в себе все иллюзии, все заблуждения, все суеверия, все предрассудки, еще живущие в отсталых слоях рабочего класса, потому что они мобилизуют все временные мещанские интересы, все привилегии, все лживое и отжитое, что еще сохраняется в рабочей аристократии. Только поэтому живут еще идейно давным-давно обанкротившиеся социал-демократы.

И поэтому мы должны бить их и в области теории, бить и бить до тех пор, пока все предрассудки и иллюзии не будут рассеяны окончательно и победоносная идея марксизма не воцарится повсюду.

Но бить врагов—этого одного еще мало. Мы должны беспощадно разоблачать наши собственные слабости. Ведь еще Маркс отметил, как характерную особенность пролетарских революций, их постоянную самокритику. И как часто Ленин открыто признавал свои ошибки. Бесконечная сложность проблем, требующих марксистского разрешения, делает ошибки неизбежными. Это справедливо и для теории. Наш журнал будет поэтому уделять внимание и этой задаче.

Мы приглашаем всех, признающих вместе с нами необходимость такой дискуссии, к деятельному участию в нашем журнале. Мы обращаемся ко всем, в ком зрелище теософско-религиозно-идеалистических оргий в «святилище науки» вызывает отвращение и искреннее негодование. Сражаясь под знаменем оптимистического мировоззрения революционного пролетариата, сражаясь

под знаменем марксизма,

мы об'являем войну всякой религии, всякому идеализму, всякому искажению и извращению науки.

Детские и старческие болезни в правовой теории.

И. Разумовский.

> Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть...
>
> **Ленин.** Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

Недавно тов. И. Степанов, в своей полемике по поводу политической экономии, употребил выражение: «троцкизм в экономической теории». Мы скромно полагаем, что в указанном конкретном случае тов. Степанов направил свое обвинение отнюдь не по надлежащему адресу. Но верной остается та общая мысль, что различные политические направления и прослойки в нашей партии, в той или иной мере отходящие от основных положений ленинизма и ленинского диалектического метода, могут находить и находят себе отражение в самых, казалось бы, отдаленных и отвлеченных областях теории. Мы не говорим уже о достаточно хорошо известной и выявленной связи бывшей «рабочей оппозиции» с богдановщиной, с пролеткультовщиной; но и прикрытый левой фразой оппортунизм и зачастую перерастающий в него «левый», доктринерский коммунизм—все эти настроения, находившие и отчасти сейчас находящие себе место в наших партийных рядах, нередко проступают и легко прощупываются в том или ином академическом докладе, в ученой, на специальную тему написанной статье и т. п. И это слишком понятно: марксо-ленинская теория представляет из себя, и с политической, и с чисто-теоретической стороны, настолько проникнутое единством, монолитное целое, что *малейший теоретический уклон от нее не может не сопровождаться и политическим уклоном, и наоборот.* И в философии, и в социологии, и в экономике, и в праве—всюду на белоснежных вершинах чистой теории мы обязаны открывать зародыши или отрыжки тех или иных *политических* настроений, обязаны *всегда* соединять нашу теоретическую борьбу с борьбой политической и *на этой базе* строить и всю нашу теоретическую полемику.

Последнее в полной мере относится и к нашей, наиболее молодой, правовой теории. В силу ряда исторических причин,

...росы права должны были в гораздо меньшей степени привлекать внимание марксистской мысли в предреволюционный период, чем, скажем, вопросы философии или политической экономии: марксизм ограничивался лишь самой общей критикой буржуазно-юридической идеологии в связи с разработкой учения о государстве. Период гражданской войны не принес в этом отношении ничего нового, кроме общих, неопределенных фраз о социалистическом, пролетарском «правосознании». И лишь практические потребности нэпа вызвали интерес как к конкретным юридическим вопросам, так и к общей теории права. Отсюда происходит то сохранившееся еще пренебрежительное отношение к вопросам юридической теории многих наших марксистов, которые ...но полагают, что раз право—«буржуазная идеология», то ...от ли им заниматься? Отсюда и та явная неподготовленность к разрешению правовых проблем наших наиболее видных юристов, ...в вовсе не могущих освободиться от цепей формального мышления, или же, в лучшем случае, склоняющихся к упрощенной концепции права, понимая его в качестве норм, установленных классом государством. До сих пор еще в большом фаворе необуржуазное учение о «социальных функциях права» в его социал-демократической обработке у Кариера (Реннера); пропитывающий эту теорию насквозь нормативизм, в котором экономика поглощается правом, превращаясь в «функцию» правовых институтов, доходит до крайних пределов у некоторых наших доморощенных «материалистов» (напр., своеобразная помесь Штаммлера с Петражицким у Е. Энгеля). Впрочем, если ничего общего с подлинным марксизмом не имеют вышеназванные «старческие болезни правизны», то не лучше обстоит дело и с воззрениями некоторых наших видных и талантливых юристов, до сих пор не продолжающих болеть «детскими болезнями левизны». Левая фраза о «борьбе» с юридической идеологией, желание превратить право в «целесообразные технические правила»—а на деле, зачастую, то же полнейшее подчинение юридической идеологии, обычно не идущее дальше «последнего слова» буржуазной юридической науки (напр., у А. Г. Гойхбарга). ...Правовая «левизна», как выяснится из дальнейшего, очень ...но переходит в «правизну» именно потому, что в самой этой «правизне» она имеет свои корни. И обратно: сегодняшнему типичному представителю юридической метафизики ничего не стоит, как на завтра превратиться в такого же голого, метафизического отрицателя юридической идеологии. Ни тот, ни другой не в состоянии поставить вопрос диалектически: о «преодолении» юридической идеологии, о правомерности ее в определенных пределах и в то же время о пределах этой правомерности. Ибо ни тот и ни другой не связывают этой правовой идеологии с определенными материальными общественными отношениями.

Как известно, подобное метафизическое «отрицание» имеет дело и в других областях идеологии: так же ставится некоторыми ...бы «левыми» товарищами вопрос о марксистской философии, марксистской социологии и т. д. Но особенно опасным становится ...но, пожалуй, в области права, которая, более чем какая-либо иная, теснейшим образом связана с нашей конкретной политикой. Здесь каждый «старческий» или «детский» уклон легко

может повлечь за собой те или иные *законодательные последствия*, стало быть, и последствия политические. Здесь поэтому вопрос о чистоте марксистского, диалектического подхода приобретает первостепенной важности значение. И всякого рода уклоны от него легко поддаются сопоставлению с соответствующими политическими течениями и настроениями. Здесь, где интересы теоретической истины так тесно переплетены с интересами нашей политической борьбы, мы *вынуждены* поэтому поступиться и всей нашей нелюбовью к литературной полемике, и всем нашим уважением к тем или иным «друзьям Платонам»!

Как это указал уже давно Ленин, «вся наша экономическая политика... является применением нами, коммунистами, *приемов торговых*, приемов капиталистических» (доклад ЦК на XI с'езде партии). «В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как *торговцу*». Чтобы «двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством»[1]), мы используем и расширяем товарооборот, рыночные отношения. Но рыночные отношения неизбежно предполагают и *юридическую форму*, предполагают, стало быть, и ту юридическую идеологию, с которой борются сейчас наши «левые» юристы. Вопрос стоит не об абстрактном отрицании, а об умелом *использовании* для нужд социалистического строительства и буржуазно-правовой формы—поскольку ее неизбежно предполагают товарооборот и рыночные отношения—путем вложения в эту форму определенного *классового содержания*. Но это возможно лишь при правильном анализе самой правовой формы, при правильном понимании связи юридической идеологии с общественными отношениями.

К каким большим и теоретическим заблуждениям и связанным с ними политическим ошибкам ведет отсутствие этого понимания, мы покажем на разборе новой книги проф. М. А. Рейснера «Право»[2]).

I.

Теоретическая полемика в наши дни носит подчас «жестокий» характер: критика склонна наседать, что называется, «во-всю», не щадя ни звания, ни возраста, ни личного самолюбия. И мы нисколько не сомневаемся, что многие на нашем месте соблазнились бы исторической генеалогией нынешних теоретико-правовых воззрений проф. Рейснера: они стали бы напоминать ему не только не столь отдаленные времена, когда в изображении проф. Рейснером «государства» читатель находил все... кроме самой государственной машины, но и ту подлежащую уже забвению «плюсквам-перфектную» эпоху, в каковую проф. Рейснер переходил от «органологической» теории государства к Кнаппу и Петражицкому, окропляя последнего марксистской водицей[3]).

---

[1]) См. *Ленин*, т. XVIII, ч. 2, стр. 141, 71.

[2]) М. *Рейснер*, Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Ленгиз. 1925. Причудливый заголовок соответствует, очевидно, общей идее книги.

[3]) Любопытствующих отсылаем к сборнику «Политический строй современного государства», т. I, Пет. 1905. Статья М. *Рейснера*: «Избирательное право», стр. 83—116, и др. работам М. *Рейснера*: «Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология», 1908, «Государство», изд. 1, 1911, и изд. 2 и т. д.

Мы, однако, не падки на подобного рода полемические приемы. Не пытаясь копаться в теоретических ошибках прошлого,—кто из нас без греха в этом отношении!—мы будем исходить лишь из того поучительного настоящего, какое представляет нам последняя, несомненно, наиболее зрелая и продуманная работа проф. Рейснера. Более того: мы с самого начала воздадим ей должное. Огромный опыт научной работы, несомненно, сказался в самом положительном смысле и на характере построения книги, и на выборе использованного историко-литературного материала. Если к этому еще прибавить прекрасное по большей части литературное изложение, интересные характеристики отдельных исторических эпох, отдельные верные соображения и мысли, рассыпанные на страницах об'емистой книги (275 стр.),—то все эти ее положительные черты должны, несомненно, вызвать к ней внимание и интерес читателей. Но тем книга проф. Рейснера и более и требует большего внимания к себе и критики: методологические грехи ее—увы!—далеко перевешивают чашку весов с ее достоинствами.

Общий ход развития мыслей автора следующий. По мнению его, марксистская теория, в противоположность буржуазному сознанию, «принципиально чуждалась создания идеологических надстроек... Во всяком случае, «идеологии» необходимо приводились в связь с известными реальными явлениями». На первый план марксизмом было поставлено «разоблачение экономических фетишей, столь блистательно начатое сокрушением товарного фетишизма» (курсив, как и всюду, наш, стр. 7). Однако в целому ряду исторических причин слишком мало внимания было уделено «опиуму права». Перечисляя ряд буржуазных историков и теоретиков, которые, по мнению проф. Рейснера, сыграли значительную подготовительную роль для марксистской правовой теории, М. А. Рейснер останавливается на Л. Кнаппе, «сделавшем то же в юриспруденции, что Фейербах сделал для религии»: согласно воззрениям Кнаппа, под давлением потребностей «создается целая система фантастических представлений, играющих роль специальных раздражителей», «всевозможные правовые фантазмы», а говоря современным языком, идеологии». Такое же внимание посвящается Петражицкому, который, хотя не исходил из общественного человека, но «во многом проточил фундамент догматической юриспруденции» и учение об интуитивном праве которого Рейснер переработал в «самое настоящее интуитивное классовое право» (стр. 17, 18, 20, 21).

Напомнив о своих заслугах по выявлению «классового интуитивного права революционных масс», М. А. Рейснер переходит в дальнейшем к положению современной марксистской юриспруденции, «представляющей изумительное извращение науки и марксовой диалектики». Строится эта литература за немногими исключениями «не по типу научного исследования», «совершенно игнорируется или перетолковывается основное учение марксизма о праве—о его идеологическом характере». Право отождествляется с «государственным приказом», «одним махом уничтожены» обычное, первобытное право, правовое сознание; классовая теория права понимается «не в том смысле, что каждый общественный класс творит и несет с собе свое классовое право, а в том, что классовое право есть

только право господствующего класса» и т. п. (стр. 29, 30). Наблюдая современное возрождение правовых понятий, проф. Рейснер «недоумевает: ...нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы» (курсив автора). «Спрашивается, почему бы на-ряду с правовым покрытием этих понятий и не допустить также и соответственного религиозного построения?» (стр. 34). М. Рейснер приходит к следующему выводу: «Перед революцией я думал, что право могло бы быть использовано нами, как революционное оружие. В настоящее время, при наличии новой экономической политики и замедления мировой революции, я склонен стать на противоположную точку зрения. Меня весьма страшат наши новые правовые увлечения,—и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков, даже на основе пролетарской диктатуры» (стр. 35).

Уже вышеприведенные положения вводной главы в значительной мере выявляют точку зрения автора. Более подробное освещение она получает в исторических главах, в которых М. А. Рейснер пытается установить «связь между правом и хозяйством в его исторических формах, при чем воспользоваться теми явлениями права, которые наиболее элементарны и просты». Полемизируя с тов. Стучкой, якобы заимствовавшим свои определения права у Иеринга, проф. Рейснер протестует против сужения понятия права «от идеологической формы, присущей экономической структуре (а в частности хозяйственной апроприации вообще, считая в том числе и собственность коллективную), до весьма ограниченного во времени и пространстве понятия права, как момента, присущего исключительно одной частной собственности, едва ли не буржуазного типа и классового общества, обладающего развитым государственным аппаратом» (стр. 38). С этой целью он и пытается указать примитивные явления права, «лишенные строго классовой оболочки, но тем не менее обладающие не только ярким правовым признанием, но и судебной защитой». Цитируя ряд соответствующих мест из историков права Поста, Дареста, М. Ковалевского и т. д., проф. Рейснер приходит к выводу, что одним из древнейших способов судебного процесса является судебный поединок (стр. 44): в этом и заключается «борьба за право», которую напрасно смешивают с борьбой вообще. И тут попутно М. А. Рейснер сообщает нам, что «между человеком и материальным миром вообще не может быть никакой правовой связи», что «камни, трава и деревья, так же как и вода и реки, не могут быть лицами в юридическом смысле», «не могут вступать в правовые сделки, нести обязанности и осуществлять права» (!) (стр. 50). Но подобным же внеправовым отношением, как и к материальному миру, может быть и отношение к человеку, которое ограничивается одним «характером исключительно хозяйственных целей и характером грубого использования»: лишь со времени войн между родами борьбы, идеи реванша мы имеем идеологическую оболочку права. «Насколько причуд-

в (т.-е. произвольна. *И. Р.*) связь между классовыми отношениями и правовой формой, показывает и тот факт, наиболее обширные и глубокие отношения классового ...ства в истории человечества (вплоть до XIX в.), а именно ...ство, были лишены как раз там правового ха...тера, где мы находим связь эксплоатации и ...сподства между рабом и господином» (стр. 52). Част... войне родов или непрерывной кровной мести, по мнению ...снера, придает правовой характер прекращение ее, прими...е через посредство вмешательства суда. Однако тут же ...снер признает «основной чертой юридической идеологии имен...е ригидность» или неуступчивость: выходит, что у каждой ...борющихся сторон имеется своя неуступчивая правовая идео...гия, и борьба не может закончиться, пока искусственно не ...дается между ними «идеологическая общность». Спор между ...ми замкнутыми и непримиримыми «правами» завершается тем, ... какое-то высшее правовое суждение привлекает ...делу новые правовые ценности (? *И. Р.*), создает ...годаря им новый же эквивалент, или единицы возмещения ...производит акт уравновешения, обладающий свой...ствами бес...порного и окончательного решения (стр. 57).

Проф. Рейснер не останавливается специально на родовом ...естве, историю развития которого он доверчиво передает по Гроссе и М. Ковалевскому. В родовом обществе он рассматри...т отдельно его внутреннюю и внешнюю стороны. В то ...мя, как с внутренней стороны род представляется ему ...мирённой средой», где поэтому «нет ни правовых отно...ний, ни правовой защиты», и наказание представляется ...шественно в форме изгнания, с внешней стороны роды пред...лают из себя правовые единицы, между которыми развиваются ...вовые отношения. Тут зарождается «посреднический или тро...ский междуродовой суд», разрешающий конфликты между ро...ми суд «менее всего государственный», но уже закрепляющий ...вовые традиции в нормах. «Нужно быть глубоким невеждой ...области права, чтобы связывать появление твердых право...х норм, этого процессуального, а слишком часто и ма...риального выражения права в кодексах, уставах, сбор...ках и символических процессуальных действиях исключи...льно с государственным законодательством»... (стр. 69). «Та...м путем за первым правом обиженного рода и за про...тивоположным ему вторым правом обидчика явилось новое ...третье право—право, установленное посредником, кото...му первоначально без всякого государственного содействия, ...бодно и добровольно, подчинились обе стороны... Общее ...право найдено... (стр. 70). Древнейший процесс совер...шается «по принципу уголовного преследования»: «око за око ...т царит невозбранно», это—«требование равенства в первичной ...форме материальной компенсации». «Идея равенства должна была ...ть особенно присущей первобытному коммунизму» (стр. 74, 75). ...ким образом, по мнению М. Рейснера, зарождается правовая ...еология, которая приспособляется к дальнейшей хо...зяйственной эволюции и вмещает в себе новые хозяйствен...ые и социальные отношения. Так система композиций,— ...есь, как и в ряде других случаев, Рейснер повторяет

Лафарга, — т.-е. система пропорциональной денежной оценки и возмещения преступления, могла быть достигнута лишь благодаря уравнительному пропорциональному дележу земли при господстве земельной коммуны. Здесь мы имеем уже «бесспорное влияние торгашеского духа». Равенство по справедливости «здесь достигает нового развития пропорционального отношения. Эта пропорция оказывается особенно пригодной для выражения народившихся классовых градаций» (стр. 80). Здесь мы впервые встречаемся с начатками классового права». М. Рейснер оговаривается, что не справедливость создает право, но, наоборот, «общее» право создает справедливость: «Если с точки зрения пропорционального отношения моего и чужого права к праву общему устанавливается определенное прямое или пропорциональное равенство между моим правом и чужим, и я нахожу это равенство правильным, самое решение суда я называю справедливым. Если требование чужого права и моего права совпадают с общим правом, я называю это требование **справедливым**» (стр. 86). «Так **устанавливается в виде общего права норма права или об'ективное право**». Установление этого общего «об'ективного» права сопровождается **той или иной символикой**, которая впоследствии начинает переноситься на все экономические действия и факты, в виде особой их формы. «**Снабженные такой формой акты, называются правовыми**... Поскольку общественные отношения... организуются... при большем или меньшем участии инстинкта мести и стремления к формальному равенству они дают идеологическую надстройку, которую мы называем **правовой или построенной при помощи идеи справедливости**» (стр. 91, 92).

Так как проф. Рейснеру легко можно было бы возразить, что ведь внутри рода, построенного на равенстве, по его мнению, права и не существует, то он предусмотрительно оговаривается: «Право возникает не там, где равенство и притом полное уже стало реальным фактом. Сознание права является лишь тогда, когда равенство нарушено и является стремление восстановить его» (стр. 93). Это—шаг для того, чтобы иметь возможность перейти к феодализму; право «оказалось способным к необычно пестрой фабрикации всевозможных неравенств под кровом справедливого равенства». Оказывается, что «средневековье и в частности феодализм отличались совершенно исключительным развитием правового начала. Это—общее мнение ученых» (стр. 94). В отличие от отношений между рабом и его господином, между крепостным крестьянином и феодальным сеньером «признается нечто общее». «С крепостными в известной степени договариваются. С ними устанавливается некоторая почва пропорционального равенства, и свойственный им классовый интерес получает возможность формулировать свои требования под углом такого равенства и соответственной междуклассовой правды. Голое насилие и эксплоатация сменились каким-то подобием социального компромисса» (стр. 98). Оказывается, что «еще задолго до окончательного крушения общинного владения старинному равенству было нанесено много непоправимых ударов», и крестьяне вынуждены были передавать свои земли феодалу, что еще усугублось давлением рождающегося городского капитала: «от старых

...листических вольностей... в запасе мужицкой правды-справедливости оставалось одно последнее положение, вернее, одна фикция, которая так характеризует собой вообще наличность правовой идеологии. И это признание равенства между крестьянами и господином в одном только пункте: в праве заключать договор на началах призрачного равноправия и столь же воображаемой свободной воли» (стр. 101). Отсюда, под давлением закрепощения, ведут свое происхождение и крестьянские войны, которые «для юриста имеют совершенно исключительное значение» и где «под религиозным флагом скрывается строго правовое содержание» (стр. 102). Требования восставших крестьян «дают нам типичный образец построения классового права. Оно здесь отнюдь не навязано господствующим классом. Наоборот, оно формулируется классом угнетенным и притом на основании его самим сложившихся прав» (стр. 103). Феодальное право вообще представляет собой шаг вперед в том смысле, что «между средневековыми людьми существует общность воззрений», они «подчиняются общему праву»: победа противника является «правовым доказательством» (стр. 110). При феодализме, таким образом, право «насыщено классовым интересом»: «договорное начало дает возможность **отдельным видам классового права притти к выработке некоторого общего** права, обязательного для всей страны» (стр. 115), а между тем юристы, которые желают рассуждать по-марксистски, как раз игнорируют феодализм при своих конструкциях классового права». Здесь именно каждый отдельный класс, а **подчас его группировка создали свое собственное право, в котором выразился классовый интерес**». Проф. Рейснер приходит к следующему общему выводу: «Поскольку существуют **различные классовые интересы**, постольку же при правовой организации общества имеются и **различные системы права**, из которых каждая носит строго классовый характер. **Общее право есть только результат компромисса этих отдельных прав**». «Так выясняется новая социальная функция права. Это есть **идеология, стремящаяся к компромиссу**, действительному или призрачному... Она исходит из равенства борющихся сторон, а кончает глубоким неравенством во имя справедливости» (стр. 117, 119).

При таком понимании права, каково же должно быть «соотношение между властью и правом», между правом и государством? Здесь, приведя, по своему обыкновению, ряд цитат из различных авторов относительно ранних форм власти и исходя из того положения, что «нет права без прав», проф. Рейснер указывает на то, что целый ряд случаев громадного напряжения власти лишен правовой идеологии (в семье древнего римлянина, в ранних деспотиях, в рабовладельческом строе). В законе нужно различать акт веления власти и высказывание правового характера. Власть и право—обе эти идеологические формы являются как бы конкурирующими друг с другом». В борьбе абсолютизма с буржуазией «здесь чрезвычайно резко противополагаются две идеологические формы организации общества» власть и право. Правовой характер власть принимает в действительности лишь там, где мы находим несколько самостоятельных и независимых органов государства, при чем для осуществления их деятель-

ности требуется необходимо каждый раз соглашение, если не официальный договор» (стр. 146).

Мы не будем здесь подробно останавливаться на изображении проф. Рейснером развития буржуазного права, которое он понимает как право торгового оборота» и где у него не выступают в такой мере спорные моменты: нужно сказать, что проф. Рейснеру, несомненно, помогла в этом отношении новейшая марксистская литература по общей теории права, на которую, однако, не делается никаких ссылок. Отметим здесь лишь пару характерных моментов. Говоря о равенстве, как об основе спроса и предложения, при полном торжестве «товарного фетишизма» Порядок природы, «естественного права» «родился отражается в нашем мозгу и дает соответственные «идеальные побуждения» в виде формы равенства, постольку экономическое отношение становится правовым» (стр. 151). На рынке мы также имеем борьбу, нарушение и восстановление равенства: «это равенство устанавливается, конечно, на основе спроса и предложения, при полном торжестве «товарного фетишизма». Порядок природы, «естественного права» «родился на рынке», но это право буржуазии «оказалось способным покрыть своим универсальным плащом и новые производственные отношения, а в частности отношения классовые» (стр. 160, 167).

Мы переходим, наконец, к тому, что проф. Рейснер называет «пролетарским правом». Оказывается, что мы имеем здесь дело с законодательством о труде в буржуазном обществе: называя его буржуазным правом, мы, по мнению автора, не отправляемся от источника правовых требований. Борьба ведется рабочими во имя отдельных правовых требований, которые получают «свое частичное воплощение в окончательном компромиссе», в «мирном договоре двух борющихся сторон», в праве, как «способе организации равенства и неравенства» (!) (стр. 183). Пролетариат «несет с собой свое классовое право и так или иначе вкрапливает его в буржуазные кодексы» (стр. 184). Такими элементами пролетарского права являются право собраний и союзов, право стачки, право коллективного договора. «Мы имеем суб'ективное право капитала, построенное при помощи своей справедливости и право труда, построенное на том же идеологическом принципе, т.-е. правовом, но имеющем в основании другой оценочный критерий, т.-е. признание основной ценности труда» (стр. 193). Поскольку мы имеем здесь в буржуазном законодательстве компромисс, «связанность чужим правом», это уже «не буржуазное право, а капиталистический правопорядок» (стр. 196).

Чтобы не задерживаться слишком долго на изложении мыслей автора, мы оставим пока в стороне рассматриваемое им советское право и обратимся прямо к выводам последней главы «Право». Их, впрочем, можно уже легко предвидеть из всего предыдущего. Право существует, таким образом, и в доклассовом обществе, где оно покоится на начале мести, как право междуродовое, которое затем развивается во внутриродовое право. «Появление классового общества кладет резкий отпечаток на правовую структуру. Право разбивается на отдельные идеологические системы классовых групп и отныне каждое из них получает свой собственный отдельный ход. Поэтому уже в со-

...ном обществе мы находим не одно право, но столько же правовых построений, сколько имеется сословий» (стр. 245). Все ...и отдельные права «складываются с замирением общества в общий правопорядок». Связь права с хозяйством несомненна, так как «каждый класс строит свое право на основе своего положения в производстве и обмене», поэтому «право есть результат хозяйственных отношений, а в частности производственных отношений. Как известно, в этом пункте марксистская теория права поддерживается рядом мыслителей из буржуазного лагеря» (стр. 248). Право—«идеологическая форма, основанная на равенстве неравного» (стр. 257). Поэтому, допуская существование родового права, наличностью которого «можно только об'яснить и последующее право земельной общины с ее первобытным коммунизмом», проф. Рейснер останавливается на вопросе, исчезнет ли в коммунистическом обществе вместе с узким кругозором буржуазного права всякое право? Проф. Рейснер приходит к положительному выводу: с одной стороны, право—идеологическая форма, со свойственными ей двойными или даже тройными отражениями и извращениями, которая должна смениться научно-техническим выражением», с другой стороны, фактическое неравенство есть постоянный признак права, и «этим дефектом запятнано и родовое право» (стр. 258). Другим таким общим выводом проф. Рейснера является то, что при изучении развития права нужно итти от суб'ективного права к праву об'ективному, при чем—предусмотрительно оговаривается М. Рейснер—суб'ективное право «не есть чисто психологическое переживание во вкусе Петражицкого». Во-первых, мы имеем здесь «давление (?!) материальной среды», во-вторых, «психологическая установка суб'ективного права совершается здесь в качестве идеологического отражения действительности... с тем, чтобы при помощи этого идеального побуждения организовать опять-таки (?) известное коллективное действие или реальное поведение, несущее на себе определенные следы известного метода представления... Нам важна его внешняя активность, его материально выраженное поведение в материальном мире» (стр. 263).

2.

Мы, разумеется, при всех допущенных длиннотах, отнюдь не исчерпали всего обильного содержания книги проф. Рейснера, в частности не дали надлежащего представления о множестве историко-литературных ссылок и цитат, которые составляют, между тем, едва ли не большую часть книги. Но приведенных наиболее важных положений,—отнюдь не являющихся нарочито подобранными неудачными фразами!—полагаем, достаточно для некоторой их оценки.

И здесь, прежде всего, бросается в глаза тот, слишком отчетливо сказавшийся и бьющий порой через край, теоретический эклектизм, которым проникнуты все построения проф. Рейснера. Мы вовсе не хотим здесь обидеть автора и сказать, что нет внутренней последовательности, своей, так сказать, имманентной логики в проведении им своей собственной точки зрения, состоящей в воззрении на право, как на «правосознание». Но вся беда в том, что автор пытается уложить ее в прокру-

стово ложе подлинно-марксистской теории, совместить ее не только с противоречащими ей положениями, которые можно найти у Маркса и у Энгельса, но и с теми новыми соображениями о природе права, которые были высказаны за последние годы в новейшей марксистской литературе. Пытаясь «вместить многое» и заранее предупредить таким образом все могущие быть ему сделаны возражения, проф. Рейснер, естественно, оказывается не в состоянии создать из этого единое, стройное целое. Более того: в стремлении к этому, М. А. Рейснер не расценивает должным образом отдельных верных положений и мыслей, находимых им у других авторов; у него нет должного мерила, чтобы поставить на свое место и идею «эквивалентности» в праве, связанную, главным образом, с развитием обмена (см. об этом у т. Е. Б. Пашуканиса), и роль социальных компромиссов в образовании «правопорядка», и самое понятие правопорядка, как совокупности норм. Поэтому все эти отдельные верные мысли и положения получают у него своеобразное, по большей части неправильное освещение или произвольное истолкование.

Но основное, конечно: несмотря на разговоры о марксовой диалектике, отсутствие подлинно-диалектического подхода к историческому развитию классового общества, который учитывал бы все элементы зарождения этого классового общества в доклассовом и все элементы отмирания этого общества в коммунизме, который прослеживал бы «вылупливание», как говорили Маркс и Ленин, одной общественной формы из другой[1]. Этой подлинной диалектики нет у проф. Рейснера, а потому он не может понять той связи, которая существует между классовым обществом, государством и правом. Когда он пытается, напр., найти в доклассовом, родовом обществе правовые явления с ярко выраженными правовыми признаками и судебной защитой, то он не замечает, что имеет дело с теми же моментами зарождения частной собственности, классов, обмена и т. д.—одним словом, более ранних или более поздних признаков классового общества в рамках общества доклассового. Что междуродовые столкновения могут сопровождаться третейским судебным разбирательством племенных старшин или священников—в этом нет никакого сомнения. Но разве проф. Рейснер полагает, что в будущем коммунистическом обществе не будут возможны конфликты лиц и целых групп и невозможно будет их разрешение третейским путем? А ведь, согласно проф. Рейснеру, право исчезает в коммунистическом обществе. (Хотя не совсем понятно, как это оно может исчезнуть, раз эта форма «присуща хозяйственной аппропriации вообще» стр. 38). Тут автора не может оправдать и ссылка на «извращенный» характер правовых представлений, который де несовместим с обществом «фактического равенства». Но ведь то же фактическое равенство имеет место и в родовом строе. И, если, согласно проф. Рейснеру, возникающее вначале «междуродовое

[1]) Последнее сказывается, между прочим, на слишком большом доверии пр. Рейснера к цитируемому историко-литературному материалу (что должно означать «подлинно-научное» изучение истории права!): здесь Рейснер, вслед за своими вдохновителями, смешивает зачастую в своем изображении «дикарей» самые различные общественные формы: поздний патриархат, ранний феодализм, начала простого товарного производства и т. п.

право» перерождается во «внутриродовое», то мы имеем здесь дело с развитием обмена, прежде всего между родовыми общинами, а затем с развитием его внутри рода, с закреплением частной собственности и т. д. Мы имеем здесь, стало быть, не какое-то особое право родового общества, построенное по тому или иному принципу, а первый, ранний этап развития права классового общества. Никто не отрицает существования так наз. «обычного права», третейских судов и т. п. и при родовом строе, но это обычное право стоит на грани нравственности: оно—еще не право в строгом смысле слова, потому что такое «обычное право» будет иметь место и при коммунизме.

Понятие права неотделимо от понятия имущественного, классового неравенства—в этом именно смысле, а не в том, который придает ему М. А. Рейснер, Маркс и Ленин называют всякое право «правом неравенства». Оно зарождается не вне имущественных, а стало быть классовых отношений, но вместе с этими классовыми распределительными имущественными отношениями, как их формальное, идеологическое «опосредование». И если в рабовладельческом строе мы имеем классовые отношения между рабовладельцем и рабами, но в пределе не имеем между ними правовых отношений, в отличие от аналогичного им положения крепостных, то это не потому, что феодалы и крепостные договариваются, а между рабовладельцами и рабами никакого «компромисса» их «прав» не создается: самый акт договора—явление второстепенное, последующее. Основное же то, что между крепостным и феодалом, равно как и между рабочим и капиталистом создается отношение материальной взаимозависимости, отношение, определяемое положением классов в производстве, в котором материальные производительные силы тесно связаны с противостоящей им производительной силой человека, и находящее себе выражение в отношении распределительном, имущественном.—Раб же рассматривается как «живое орудие», а потому классовое отношение между ним и рабовладельцем и не опосредывается правовой формой, как отношения распределительные и меновые: и с развитием обмена мы все еще здесь в обществе простых товаровладельцев, но не общества капиталистического найма. Поэтому, если фактические отношения классов и не всегда находят себе опосредование в правовой форме, то зато эта правовая форма всецело относится к тому, что является высшим типом классовых производственных отношений, к отношениям имущественного распределения и обмена. Мы не касаемся здесь уже того особого вопроса, что все категории классового общества—классы, частная собственность, право, государство—получают свое полное и наивысшее развитие лишь на ступени товарно-капиталистического общества, и что поэтому в более низких общественных формах мы можем искать лишь подготовительные, низшие формы права и государственности.

И здесь нужно указать, что взаимоотношения права и государства также далеко неотчетливо понимаются проф. Рейснером. Разумеется, как это указал Маркс, «право не сводится к закону»; ошибочно было бы, или, по крайней мере, явилось бы значительным упрощением, отождествлять право с одними законодатель-

ными нормами, издаваемыми государством. Акты государственной власти могут быть неправомерны с точки зрения существующих материальных общественных отношений. Право не порождается властью, но зато оно ею выявляется, декларируется, существующие «нормы» самих общественных отношений укладываются в законодательных актах государства в соответствующую рациональную, осознанную и соответствующую выгодам господствующего класса форму. Более того, на высокой ступени развития государственности—а это имеет место лишь с товарным производством и развитием торгового капитала—правовая норма начинает связываться не только с самим аппаратом власти, но и с идеологическими представлениями о «всеобщей, верховной, суверенной воле». Точно также и применение правовых норм администрацией и судебное их подтверждение классовым судом, являющимся таким же орудием господствующего класса и элементом политической надстройки, а не каким-то нейтральным «юридическим» учреждением—все это также ведет к выявлению и укреплению правовой формы. Между правом и государством, как двумя характерными особенностями классового общества, существует, таким образом, тесная связь: государство всеми своими элементами—законодательством, судом, администрацией—содействует развитию и оформлению той или иной определенной классовой же правовой формы. Сводя государство к «идеологической форме власти» (?), проф. Рейснер видит лишь противоречия этих обеих форм, но не замечает их связи, ибо не хочет видеть обуславливающего и ту и другую форму классового общества.

Если эклектизм проф. Рейснера обусловлен, главным образом, отсутствием у него правильного, подлинно-диалектического подхода к развитию классового общества и понимания связи и взаимозависимости всех сторон и элементов этого общества, то еще в большей мере именно отсутствием такого подхода об'ясняется и та особенность его социального рассмотрения, которую мы, за отсутствием подходящего термина и считаясь с последними «увлечениями» проф. Рейснера в области психологии!—позволили бы себе определить, как социальный фрейдизм. Нам представляется, что нашей марксистской критике следует обратить внимание на этот своеобразный уклон от марксистской теории, который мы иногда обозначаем как «психологизм» и который проявляется в терминологическом хотя бы отождествлении общественного сознания с сознанием индивидуальным и в неправильном понимании взаимозависимости между общественными отношениями и общественным сознанием. Здесь необходимо иметь в виду целых две особенности. С одной стороны, «бессознательное» в общественном смысле, т.-е. в том смысле, что общественное сознание не об'емлет целиком, полностью строя данных общественных отношений, хотя оно и протекает в головах сознательных и совершающих сознательные действия людей,—это бессознательное понимается в узко-физиологическом или психо-физиологическом смысле, по образцу фрейдовского индивидуального «бессознательного». На явления же общественного сознания целиком переносится психофизиологический механизм сознания индивидуального. Так, проф. Рейснеру «способы представления» кажутся не чем иным,

как «отражением в мозгу», «условными раздражителями», «фантазмами», «символикой», своего рода «сигналами» со стороны «бессознательно протекающего общественного процесса: самые «отражения» мыслителя им, как «двойные и тройные отражения», в виде ряда «этажей» и т. п. С другой стороны, указанный социальный фрейдизм не понимает связи идеологических представлений с общественными отношениями[1]). Марксистская теория, по мнению М. А. Рейснера, «чуждалась создания идеологических надстроек» (?), она «сокрушала» (?!) товарный фетишизм. Отсюда и его непонимание, зачем нам «нужны» «какие-то загадочные правовые образы»: идеология права мыслится им как нечто абстрактное, нисколько не связанное с данными экономическими отношениями, которое поэтому легко взять и отбросить в сторону за ненадобностью. Этим об'ясняется и беспомощность его в тщетных, многократных попытках «определить» право—от «точки зрения пропорционального отношения» вплоть до «социального метода наиболее простого компромисса, построенного при помощи распределения власти и вещей по принципу равенства и неравенства» (стр. 223) (??!). Правда, и здесь у проф. Рейснера имеется ряд противоречий, и местами эта абстрактность проступает у него не так отчетливо: порой, наоборот, под пра-отношения, поскольку они организованы под углом зрения равовыми отношениями он склонен понимать самые экономические «венства-неравенства». Но и здесь совершенно очевидно, что отчетливо этой связи между правовой идеологией и правовыми отношениями, того, что сами эти правовые отношения и являются, по выражению Ленина, отношениями идеологическими—он себе не представляет. А между тем, правовую идеологию, в первую очередь, нужно искать в самих общественных отношениях: она возникает вместе с ними, как опосредывающая эти материальные отношения идеологическая форма. И если в дальнейшем правовые отношения—теоретически или исторически—и представляются обособленными от опосредываемых ими

[1]) См. также статью проф. Рейснера: «Условная символика, как социальный раздражитель» («Вестн. Комм. Академии», № 9) и др. В последней своей статье «Социальная психология и учение Фрейда» («Печать и революция», кн. 3, 1925 г.) он делает уже попытку несколько отмежеваться от чисто индивидуальной психологии и от Фрейда, все же находя у последнего «революционные» и «материалистические», социологические моменты. (Крайне характерно, что тут же «борющийся» с юридической идеологией проф. Рейснер «целиком соглашается» с рядом положений о государстве крайнего норматививиста, Г. Кельзена!) Удивительно ли, что у Фрейда, при большом желании, можно отыскать и кой-какие материалистические моменты?! Но вся суть в том, что, следуя Фрейду (его „Тотем и табу"), проф. Рейснер полагает, что „сексуально окрашенное мышление", под влиянием материальных причин, переходит „в одном случае—в построении религиозной космогонии", „в другом—сексуально-мистический террор" и т. п. (Вест. К. Ак., стр 194). Общественное сознание, разумеется, имеет место нигде иначе, как в головах отдельных индидов; но в это общественное сознание, предопределенное общественными отношениями, вовсе не следует включать все те имеющиеся у отдельных индивидов элементы сознания, в которых может проявиться природная сексуальность и т. п. Аналогичный априорный характер получает у Рейснера и развитие „универсального плаща" права. „Новая социология Фрейдизма" тем и отличается, что общественные отношение с ней как-то пропадают, растворяясь в психологической терминологии „рефлексов", „вытеснений" и т. п. Наблюдая же все эти поиски „материализма", то у Фрейда, то у Кельзена и т. д., ну как не вспомнить язвительных строк Ленина о наших махистах. которые «прочтут Оствальда. поверять Оствальду», «прочтут Маха, поверят Маху», „назовут это марксизмом"! (См. „Материализм и эмпириокритицизм").

материальных отношений, отдифференцировываются от этих последних, об'ективируются для общественного сознания, то это не значит, что мы должны забывать связь их, как формы, с их **содержанием**, с производственными отношениями.

У М. А. Рейснера же право мыслится лишь как «результат хозяйственных (?) отношений» (действительно, это называется далеко уйти от буржуазной науки!): его «идеологическая форма» не является «формой» какого-либо определенного «содержания». Отсюда проистекает и вся путаница, которая имеет у него место по вопросу о пресловутом «правосознании». С его точки зрения, как мы уже видели, каждый отдельный класс, а «подчас и его группировки», создают свое собственное, «интуитивное» право, выражающее их классовые интересы. Так создаются различные «системы права», различные классовые правосознания, которые определяются положением класса в производстве, и лишь в результате компромисса этих отдельных классовых прав создается общее право. Здесь проф. Рейснер, как и подобает истому фрейдисту, снова **упустил из виду посредствующее звено—общественные отношения**. Вовсе не так, что положение в производстве **непосредственно** отражается «в мозгу» того или иного класса, но отражается оно через посредство связывающего эти классы **основного производственного отношения** и через связанное с этим производственным отношением общественное сознание! Форма распределения и обмена в буржуазном обществе—товарная форма—предполагает **этим самым буржуазно-юридическую форму** для актов найма рабочей силы: а вовсе не так, чтобы получился капиталистический «правопорядок» в результате «компромисса» буржуазного и пролетарского права. Самый правопорядок—не что иное, как та же совокупность правовых отношений, рассматриваемая лишь с точки зрения «должного». Поэтому «правосознание», о котором говорит М. А. Рейснер,—**еще не право**: более того, оно является лишь отражением в сознании того или иного класса предопределенной самими материальными отношениями правовой формы. Что между классами идет борьба и могут иметь место компромиссы—это несомненно, но этот компромисс сказывается прежде всего **на характере материальных**, производственных отношений, и правовая форма вовсе не является результатом компромисса «правосознаний». Поэтому неверны рассуждения проф. Рейснера и о «пролетарском праве»: разумеется, пролетариат использовывает в буржуазном обществе правовую идеологию и его требования принимают форму правовых требований: но от этого воплощающее их буржуазное законодательство не перестает быть самым настоящим «буржуазным правом», со всеми присущими этой правовой форме особенностями.

Вся ложность позиции, занятой проф. Рейснером, сразу разоблачается перед нами, когда он, рискуя поставить себя в смешное положение, **начинает полемизировать—с кем бы вы подумали?—с самим Марксом и Лениным!** По мнению проф. Рейснера, Маркс, говоря о первой фазе коммунизма, что на ней еще господствует «буржуазное право», «**слишком подчеркивает** близость такого права к праву буржуазному... Маркс готов и эту форму пролетарского права признать в известной степени «буржуазной». **Мы бы не пошли так далеко**...

ним казалось бы более правильным отделить равенство, основанное на непосредственном вознаграждении трудом за труд от равенства буржуазного общества (курсив наш, стр. 202, 204). И проф. Рейснер начинает терпеливо «раз'яснять» Марксу, что хотя в переходный период диктатуры пролетариата мы имеем «компромисс» пролетарского права с буржуазным, но это уже более совершенное «равное право» и т. д., и т. п. В чем же ошибка проф. Рейснера и почему он мог оказаться в такой неловкой позиции? Да в том и потому, что для Маркса, как и для Ленина, «буржуазное право» вовсе не есть право только буржуазии, как этого хочет проф. Рейснер, но неизбежно-историческая форма правовых отношений при условиях товарного обмена или условиях, аналогичных этим последним. В этих пределах, поскольку сохраняются на первой стадии коммунизма формы распределения, напоминающие обмен и выражающие фактическое неравенство, постольку сохраняется и «буржуазное право». Разумеется, «буржуазное право», **вместе с тем**, является и правовой идеологией господствующего класса—буржуазии, но это потому, что сама буржуазия представляет **персонификацию определенных производственных отношений**. Этого не понимает проф. Рейснер, и это проявляется и во всех его рассуждениях о «советском праве».

Но здесь проф. Рейснер совершает одновременно и несомненную **политическую ошибку**, и его, обнаруженный нами, теоретический уклон грозит ему определенным политическим уклоном от ленинской линии в использовании права для революционного строительства. Как указывает проф. Рейснер, «правотворчество» победившего пролетариата проходило два последующих периода. Сначала—и в сем, оказывается, был повинен и сам Рейснер (стр. 21) —мы обратились к «революционному правосознанию» масс, «которое имелось в наличности уже в ноябре месяце 1917 г.», сложилось до революции. При этом проводилось резкое разграничение «между деятельностью права» в судах и борьбой с контр-революцией соответствующих органов: Ч. К., трибуналов. Подобно пролетариату, и крестьяне принесли в революцию свое классовое право и выявили его в своем «сводном крестьянском наказе». «Наш военный коммунизм был в то же время осуществлением революционных требований рабочих и крестьян»: «в самые формы неравенства была влита новая мерка — трудового начала» (стр. 216). Выражением этого периода остался наш кодекс о труде и ст. 18 «Конституции РСФСР». При новой экономической политике «пришлось усилить примесь буржуазного права и буржуазной государственности», снова возродилась буржуазия: поэтому мы имеем «**некоторый компромисс трех классовых систем права**», но настоящая система советского права, по мнению проф. Рейснера, **не адекватна наличному соотношению сил**. Поэтому наше право «может стать реакционной силой, которая закрепит переходный период в его нэповской форме сверх всякой действительной необходимости» (стр. 224): тут особенно опасными представляются проф. Рейснеру «свойственные правовой идеологии фикции и фантазмы». Переходя к нашим кодексам, проф. Рейснер критикует целый ряд наших юридических увлечений, недостаточное выявление правосознания пролетариата, разделение на

«публичное» и «частное» право, связанное в действительности лишь с буржуазной собственностью и т. д. В последнем разделении проявилось наше «увлечение торговым оборотом»,—между тем как превалирование у нас государственного производства не подает к этому повода. «Мы не должны забывать, что гражданское или частное право это есть основное орудие вражеской нам силы на идеологическом фронте» (стр. 237); «частная деятельность есть дополнение к основному факту нашей коллективной собственности» (стр. 239). Поэтому Рейснер рекомендует нам классификацию А. Менгера на вещи потребляемые, используемые и средства производства, при чем на последние право собственности должно принадлежать исключительно государству...

Мы не будем останавливаться здесь на отдельных, быть может, и верных замечаниях проф. Рейснера по поводу наших кодексов. То, что «правовые увлечения» у нас действительно имеют место, что мы оставляем слишком мало места государственному контролю в нашем законодательстве и зачастую самым нелепым образом заимствуем буржуазно-правовую терминологию, не давая себе даже права в нее вдуматься—это слишком хорошо известно! Но дело не в этом, а в общей экономически-правовой концепции проф. Рейснера, которая политически уже устарела на 2—3 года. Можно ли говорить, что в декретах «военного коммунизма» нашло себе выражение «правосознание» пролетариата? Разумеется, можно, если только это «правосознание» расшифруем и откроем за ним нашу партийную программу. Но вот если мы зададимся вопросом, создалась ли в период того же военного коммунизма особая правовая форма, соответствующая новым производственным отношениям, а не одному только «правосознанию», то должны будем ответить на это отрицательно. Почему? Да потому, что самые новые производственные отношения только намечались в нашей системе главков, но они еще не стали в действительности основными производственными отношениями, потому что сохранялся и товаропроизводящий крестьянин и прикрытые формы торговли: одним словом, для такой новой правовой формы еще не созрела почва. Но она и не могла созреть для нее, потому что мы не могли не перейти к нэпу и, стало быть, к рецепции более адэкватного ему «буржуазного права». Значит ли это, что политические особенности нашего строя не должны найти выражения в нашем праве? Нет, разумеется, но это должно быть произведено с учетом особенностей буржуазно-правовой формы. Поэтому и разделение на публичное и частное право имеет у нас практический смысл: обладание «гражданскими» правами какого-либо торговца еще не тождественно обладанию правами политическими. Однако и превосходство правового положения государства-капиталиста перед частным капиталистом должно в области этого частного права выявиться, главным образом, постольку, поскольку самое экономическое привилегированное положение превращает государство и в юридически-привилегированный «суб'ект»... (Мы оговариваемся: «главным образом», потому что, несомненно, нашим законодательством должны быть учтена монополия внешней торговли, и несудебное урегулирование конфликтов между государственными организациями и некоторые другие особенности нашего политико-экономического строя).

Вести борьбу за отчетливое выявление диктатуры пролетариата и союза его с крестьянством, против всякого рода затемняющих их, произвольных правовых конструкций, против буржуазных отрыжек, «старческих болезней правизны» в правовой теории—разумеется, одна из наших основных задач. Но одновременно не забывать и о другом пределе—нашего наступления.

Не отрицать абстрактно правовую идеологию, помнить о ее правомерности в определенных пределах, вместе с опосредствуемыми ею и используемыми нами рыночными отношениями, уметь в то же время учитывать пределы этой правомерности!.. Не вооружаться против «чрезмерной юридизации» в тот самый момент, когда мы призываем к революционной законности и когда установление на некоторый период твердых правовых норм представляется политически необходимым. И не уподобляться тем «левым» Дон-Кихотам в их «борьбе» с буржуазной культурой, в то время, как, по словам Ленина, «у нас и с буржуазной культурой дела обстоят очень слабо». И если то право, которое мы внедряем нашими кодексами, и будет местами, в отдельных частях, носить буржуазный привкус, то это не так опасно в наши дни, как «борьба» с правом—с рынком—с крестьянским товарным хозяйством—с оплотом нашего успешного социалистического развития!

Предисловие к статьям Кэннона „О природе голода“ и Карлсона „Биологическое значение голода“.

Б. Завадовский.

В № 1—2 «Под Знаменем Марксизма» за этот год мы поместили уже отрывки из книги Кэннона, освещающие физиологические процессы, лежащие в основе таких суммарных эмоциональных состояний нашего тела, как гнев, боль или страх. Теперь мы приводим еще одну главу из той же книги Кэннона (главу XIII), в которой он, базируясь опять-таки на собственных экспериментальных исследованиях, рассматривает природу чувства голода, как функцию сократительных движений желудочно-кишечного тракта. Как и в предыдущей статье, основную ценность этих идей мы видим не в их законченности и непреложности—этого здесь как раз и нет,—а в той методологической установке строгого физиологического исследования, в методологических подходах современного экспериментатора, с которыми читатель познакомится по этой главе.

В тех же целях для сравнения и в дополнение к идеям Кэннона мы предлагаем вниманию читателей нашего журнала первую главу из монографии другого крупнейшего американского физиолога—Антона Юлиуса Карлсона. Это—глава о «Биологическом значении голода» из специальной монографии Карлсона, выпущенной им в 1918 году под заглавием: «The control of a Health and Disease («Голод при здоровье и болезни») об'ем свыше 300 страниц (привожу эти данные для характеристики степени углубления этих проблем, которые достигнуты в этом отношении западными учеными). Нам кажется, что эта глава из Карлсона хорошо дополняет мысли Кэннона и сможет охарактеризовать современное направление физиологических исследований, стремящихся уяснить материальные основы психических явлений, к каковым, вне сомнения, следует отнести и такие примитивные психические движения, как чувство голода и аппетит.

Вместе с тем, я позволю себе отметить черты незаконченности и неуточненности представлений и формулировок как в изложении Кэннона, так и в особенности у Карлсона в двух сторонах их соображений.

1. Прежде всего это касается формулировок, которые даются ими для разграничения понятий голода и аппетита. В особенности это сказывается в изложении Карлсона, который несколько многословно и в то же время с многочисленными прорывами в сторону «психологизмов» и суб'ективистских терминов пытается

провести это различие и об'яснить физиологически механизм появления первого акта сосания, минуя понятие аппетита.

Между тем, весь этот вопрос может быть легко и просто понят и все ставится на свое место, если применить к нему рефлексологический анализ. С точки зрения рефлексологической «голод»—это есть комплекс безусловных рефлекторных процессов, источник возбуждения которых мы должны усмотреть, оставаясь пока в пределах фактов, данных Кэнноном, в сократительных движениях желудочно-кишечного тракта.

Совершенно естественно, что «чувство» голода и вытекающие отсюда реакции «голодного возбуждения» организма, в частности «рефлекс сосания» у ребенка, вполне укладываются в схему такого врожденного механизма физиологически детерминированных безусловных рефлексов.

Наоборот, аппетит физиологически обусловлен системой условных связей, т.-е. реакций нервной системы, связывающих в течение жизненного опыта акт еды с определенными вкусовыми, зрительными и обонятельными восприятиями. Таким образом чувство голода обусловлено непосредственными физиологическими изменениями в крови и теми импульсами, которые вследствие этого передаются в подкорковые центры мозга; отсюда—малая отчетливость и, как я бы выразился, «разлитость», «неоформленность» того об'екта, на который направлено чувство голода. Наоборот, аппетит имеет своим механизмом корковые центры мозга и сочетается непременно с конкретными условными рефлексами на определенный вид, вкус или запах того или иного кушания, поэтому он формулируется нашим сознанием в терминах гораздо более конкретных и—как это ни парадоксально—в образах гораздо более материальных. А между тем, это очень легко понять: голод—это стихийный зов живой организованной плазмы, ощущающей нехватку питательного материала и проявляющей в силу этого реакцию повышенной «беспокойной» возбудимости, но присущей всем организмам, в том числе и заведомо лишенным сознания (поскольку та же рефлексология позволяет нам совершенно конкретно связать акт «сознания» с наличием больших полушарий головного мозга). Аппетит же присущ лишь тем животным, которые обладают способностью к образованию отчетливых условных связей. Но именно потому в нашем сознании «подсознательное» чувство голода конкретизируется обычно в форме аппетита, направленного на тот или иной пробуждаемый в нашей «памяти» вид пищи. Вот почему суб'ективно рефлекс «голода» подменяется условным рефлексом «аппетита», что так затрудняет в общежитии различение этих разных по своим механизмам физиологических состояний.

Со своей же стороны мы бы сказали, что даже в устах таких последовательных и сильных биологов, какими являются Кэннон и Карлсон, правильное с методологической стороны разделение понятий голода и аппетита сильно затрудняется тем обстоятельством, что они не владеют гениальным рефлексологическим методом, подаренным нам И. П. Павловым.

На этом примере как нельзя ярче выявляется все преимущество учения Павлова об условных рефлексах перед параллельными ему системами американских бехевиористов с их методом «проб и ошибок», которым оперирует в своей статье Карлсон.

2. Второе наше замечание касается по существу уяснения природы голода, как это дается Кэнноном. Как можно видеть из его статьи, он в процессе своего анализа приходит к выводу, что чувство голода есть функция сократительных движений желудочно-кишечного тракта. И дальше он лишь вскользь упоминает о тех изменениях в составе голодной крови, которые в свою очередь воздействуют на стенки желудка, вызывая его сокращения. Между тем мы хотим подчеркнуть здесь, что именно здесь и лежат проблема и пути дальнейшего изучения этих явлений в современной постановке вопроса. Ибо, как мы выразились, несколько упрощая вопрос, Кэннон пока довел разрешение вопроса только до той ступени, когда мы можем указать тот источник нервных центростремительных импульсов, которые доводят периодически до нашего сознания голодное состояние организма. Но не может быть никаких сомнений, что эти сокращения желудка в свою очередь детерминированы теми химическими изменениями в составе крови, которые по указанию самого Кэннона непосредственно доказаны в опытах Люкгардта и Карлсона. Поэтому задача, которая стоит перед современным физиологом, который ставит своею задачей познать все звенья, образующие цепь механизмов, обусловливающих голодное чувство, лежит теперь именно в том, чтобы вскрыть характер тех изменений, которые протекают в голодной крови и влияют на изменения в сократимости желудочных стенок. Это—именно тот путь изучения химических регуляций в животном организме, который сближает задачи изучения чувства голода с теми проблемами о природе эмоций, которые Кэннон так блестяще анализирует, рассматривая их как функцию содержания адреналина в крови.

Мы считаем весьма вероятным, что и в данном случае железам внутренней секреции принадлежит существенное значение и что на этом пути можно ожидать еще интересных и существенных для нашей проблемы открытий. Именно, исходя из этих соображений, нами совместно с переводчиком этой статьи А. Г. Кратиновым и другими сотрудниками нашей лаборатории предпринята в настоящее время серия исследований, имеющая целью выяснить влияние желез внутренней секреции на движения пищеварительного канала у собак, а с другой стороны, по вопросу о состоянии этих желез в разных состояниях эмоционального возбуждения по линии работ Кэннона, изложенных в предыдущей статье.

1. Природа голода.

Вальтер Кэннон

(профессор физиологии Гарвардского университета).
Перевод с английского В. А. Дрофмана и А. Г. Кратинова.

На-ряду с болью и с доминирующими эмоциями страха и ярости, как агентов, определяющих поведение организма, стоит и ощущение голода. Это ощущение столь непреложно, столь неприятно и мучительно, что люди совершали преступления, чтобы его утолить. Оно вызывало каннибализм даже среди цивилизованных людей. Нередко оно влекло за собою самоубийства. Это чувство побеждало целые армии, ибо по мере усиления мук голода воинственный дух направлялся в иную сторону—в сторону удовлетворения личных, эгоистических стремлений.

В 1905 году, наблюдая на самом себе урчания, вызванные деятельностью пищеварительного канала, я имел случай заметить, что ощущение голода непостоянно, но появляется вновь и в момент его исчезновения можно часто услышать через стетоскоп довольно громкие урчащие звуки. Этот и другие факты, указывающие на то, что источником голодных ощущений являются сокращения пищеварительного канала, были опубликованы в 1911 году. В том же году в сотрудничестве с одним из моих учеников Уошберном мне удалось окончательно доказать это положение.

Аппетит и голод.

Ощущения аппетита и голода столь сложны и столь тесно связаны друг с другом, что для их правильного обсуждения необходимо предварительно ясно формулировать самые понятия. Существует взгляд, что аппетит это—первая ступень голода, умеренная и приятная ступень его; самый же голод есть дальнейшая стадия, неприятная и даже болезненная, являющаяся в результате неудовлетворения аппетита. На этом основании аппетит и голод должны были бы отличаться только количественно. Существует, однако, другой взгляд, согласно которому оба эти ощущения в основном отличны друг от друга; этот взгляд кажется нам более правильным.

Тщательное наблюдение указывает, что аппетит связан с предшествующими вкусовыми и обонятельными ощущениями пищи. Аппетит определяется вкусом и запахом, приятными или внушающими отвращение, свойственными тому или другому

пищевому веществу. Таким образом аппетит включает в себя весьма важные психические моменты. Так, напр., мы можем мысленно представить себе заранее запах ароматного бифштекса или вкус персиков и крема; одно это представление может доставить нам удовольствие. При его реализации непосредственные вкусовые и обонятельные ощущения подкрепляют удовольствие.

Как уже было указано выше, экспериментальные наблюдения над животными и людьми показали, что удовольствие от предвидения и реализации играют весьма значительную роль в пищеварительных процессах, вызывая рефлекторное отделение слюны и желудочного сока.

Среди зажиточных людей, которым доступно изобилие пищи, аппетит, повидимому, является вполне достаточным показателем потребного организму количества пищи. Мы садимся за стол, потому что обед подан, потому что тем самым мы избегаем неприятных ощущений голода и потому что стоящая перед нами пища соблазняет нас своим вкусом и запахом. Однако при менее благоприятных условиях потребности организма удовлетворяются под влиянием более сильных и более настойчивых требований голода.

Трудно описать ощущение голода, но каждому из нас приходилось иногда испытывать тупую, мучительную боль под ложечкой и в эпигастрии, которая может стать могучим фактором человеческого поведения. Как указал Штернберг, голод иногда доходит до такой степени, что побуждает к принятию даже отвратительной пищи, которая может вызвать тошноту. Голодный суб'ект стремительно набрасывается на пищу. Ему не до аппетита, его привлекает не качество, а количество пищи, которую он готов проглотить целиком.

Голод и аппетит, таким образом, значительно различаются по своей физиологической природе, по локализации и по своим психическим элементам. Можно испытывать аппетит еще и тогда, когда голод уже утолен. Кто ощущает голод, когда подается соблазнительный дессерт, и все же отказывается ли от него ктонибудь по той причине, что голод утолен? С другой стороны, аппетит может отсутствовать, в то время, когда голод дает себя чувствовать. Разве обжора разборчив в пище? Разве мы все не знаем, что «голод—лучший повар»? Хотя оба ощущения могут существовать отдельно, тем не менее они исполняют одну и ту же функцию, появляясь одновременно и побуждая к принятию пищи. И, действительно, кооперация аппетита и голода является, повидимому, причиной того, что их так часто отождествляют друг с другом [1]).

---

[1]) Рефлексологически мы бы определили так, что голод—это есть комплекс безусловных рефлексов, корни которых лежат в глубоких физиологических изменениях организма и, повидимому, в изменениях в химизме крови, а аппетит в гораздо большей мере является чисто нервным процессом и обусловлен природою тех условиых связей (рефлексов), которые выросли на почве вида, запаха и др. раздражений, идущих от пищи в момент удовлетворения голода. Отсюда понятно, что для пробуждения аппетита достаточно одних условных раздражителей, а голод вырастает лишь на почве физиологической ненасыщенности организма в целом. *Б. З.*

Ощущение голода.

Можно думать, что чувство голода имеет одно центральное место возникновения и несколько второстепенных. Особая тупая боль, сопровождающая голодное состояние, локализованная в эпигастрии, является обычно первичным позывом к принятию пищи. Если, однако, за этим первым позывом не последует удовлетворение, то ощущение голода может стать особенно мучительным и в то же самое время локализация его становится все более неопределенной. Последнее можно рассматривать, как наиболее существенный признак голода. Кроме тупой боли, могут появляться признаки утомления и сонливость; обморочное состояние или сильная головная боль; раздражительность и тревога. В результате ослабляется способность к планомерной работе. То обстоятельство, что эти признаки варьируются у разных индивидуумов (напр., головная боль у одного и обморочное состояние у другого) указывает, что они не являются главными признаками голода, но более или менее постоянно сопровождают последний. «Ощущение пустоты», на которое указывали как на важный элемент голода, есть скорее абстракция, чем определенное состояние сознания, а потому мы его также исключили из нашего обсуждения. Таким образом из всех вышеуказанных признаков наиболее важным и постоянным является тупая давящая боль, на которой мы детально остановимся.

Итак, чувство голода подлежит рассмотрению с психологической точки зрения, и обсуждение его возможно только на основе самонаблюдения; можно также изучать его в связи с предшествующими ему состояниями и с физиологическими условиями, его сопровождающими. Таким образом для изучения голода необходимо применять как об'ективные методы, так и самонаблюдение. Подобный психо-физиологический подход мы сохраняем во всем изложении. Раньше всего мы займемся рассмотрением наиболее известных и заслуживающих внимание теорий голода.

Существуют две главные теории голода. Первая из них утверждает, что голод есть общее ощущение, не имеющее специального места возникновения. Эта теория пользовалась гораздо большей популярностью среди физиологов и психологов, чем другая, принимающая местное происхождение голода. При изложении этих взглядов мы встретимся с целым рядом новых наблюдений, проливающих свет на эти воззрения.

Первая теория—голод, как общее чувство.

Идея, что голод является следствием общего состояния тела, покоится на том факте, что, по мере использования организмом питательных веществ, содержание последних в крови убывает. Подобную точку зрения защищал Шифф, который предполагал, что уменьшение количества пищевых веществ в крови вызывает повышенную потребность тканей в притоке новых запасов. Это об'яснение сказывается также и на нервных клетках мозга, которые путем внутренних изменений вызывают ощущение голода. Таким образом голод является выражением общего состояния организма, как целого.

В подтверждение этого взгляда приводится три группы доказательств:

1. «Голод с течением времени усиливается»—это косвенное доказательство. Усиление голода с течением времени—явление обычное; оно вполне гармонирует с тем предположением, что поскольку нормальная потребность организма в пище не удовлетворяется, общее состояние тела и крови все ухудшается.

Хотя справедливо то, что, по мере уменьшения доставки пищевых веществ, голод усиливается, однако такое совпадение не может служить доказательством того, что чувство голода является непосредственным результатом обеднения организма питательным материалом. В самом деле, если б это было так, то мы могли бы ожидать все большего нарастания пыток голода вплоть до наступления голодной смерти. Однако этому противоречит много фактов. Голод, например, при длительном голодании, по крайней мере у некоторых лиц, совершенно исчезает спустя несколько дней.

Лючиани, тщательно отмечавший переживания голодателя Суччи, заявляет, что ощущение голода спустя некоторое время исчезает и больше не появляется. Он описывает также двух собак, которые на 3-й или 4-й день голодания не обнаруживали никаких признаков голода и относились совершенно пассивно к пище. Тигерштедт также изучал обмен веществ при голодании и нашел, что, несмотря на весьма сильную потребность в пище в первый день испытания, неприятные ощущения скоро исчезают и к концу голодания суб'екту приходится иногда даже побудить себя к принятию пищи. Суб'ект «Ж. А.», на котором производили наблюдения Тигерштедт и его сотрудники, сообщает, что на 4-й день голодания он не испытывал никаких неприятных ощущений.

Каррингтон, изучив множество лиц, которые, в целях восстановления своего здоровья, воздерживались в течение разных периодов времени от пищи, отмечает, что «привычный» голод обычно длится не больше 2—3 дней, а при употреблении большего количества воды длительность его никогда не превышает 3 дней.

Витерби, корсиканский адвокат, осужденный на смерть за политические преступления, решил избегнуть наказания, лишая свой организм пищи и воды. Он делал тщательные заметки в течение 18 дней, которые он прожил. На третий день ощущение голода прекратилось и, хотя после этого жажда время от времени появлялась, чувство голода больше не возвращалось. Подобных фактов можно было бы представить очень много, но и приведенных вполне достаточно, чтобы показать, что после первых нескольких дней голодания чувство голода может прекратиться вовсе. Исходя из теории, что голод есть проявление потребности всего организма, мы должны были бы допустить, что, по мере голодания, каким-то таинственным образом эти потребности исчезают уже на 3-й день, а вместе с ними прекращается и чувство голода. Нелепость такого мнения вполне очевидна.

2. «Голод может ощущаться даже при полном желудке» или обратно. Тщательное изучение человека с фистулой двенадцатиперстной кишки показало, что несколько измененное чувство голода наблюдается при полном желудке. В доказательство при-

водит известный случай, описанный Бушем. Его пациент, у которого пища вываливалась из фистулы 12-перстной кишки, испытывал голод вскоре после еды; однако это чувство сменялось сытостью, как только пищевая кашица вводилась в кишочник через дистальную часть фистульного отверстия. Так как всасывание пищи идет, главным образом, через стенки кишечника, то отсюда можно сделать прямой вывод, что ощущения пациента обусловливались не местным состоянием пищеварительного канала, но общим состоянием организма.

Всестороннее рассмотрение доказательств, почерпнутых из наблюдений над случаями дуоденальной фистулы, будет дано ниже. То обстоятельство, что по наблюдениям Буша чувство голода прекращалось, как только в кишечник вводилась пища, имеет, как мы увидим позже, весьма важное значение. Может быть, исчезновение голода после введения кашицы в кишечник не является непосредственным результатом подобного кормления, но вызывается присутствием веществ, изменяющих характер деятельности желудочно-кишечного тракта. Основание для такого рода предположения мы найдем в последующем изложении.

3. «Животные могут жадно набрасываться на пищу после перерезки блуждающего и чревного нервов»—это ложный аргумент. Третий довод в пользу теории, утверждающей, что голод имеет общее происхождение в теле, вытекает из наблюдений над животными. Путем перерезки блуждающего и чревного нервов удается полностью изолировать от центральной нервной системы кардиальную часть пищевода, желудок и тонкие кишки. Животные, подвергнутые такой операции, тем не менее, поедают предлагаемую им пищу и могут даже обнаруживать некоторую жадность. Как можно об'яснить такое поведение (элиминируя возможность местного возбуждения), если не принять теорию центрального происхождения голода.

Хотя на ошибочность этого доказательства раньше не обращали внимания, однако она легко может быть обнаружена. Мы уже видели, что аппетит, как и голод, может побудить к принятию пищи. В самом деле, животное, у которого все нервы пищеварительного тракта перерезаны, может проявлять такое же стремление к пище, как и хорошо питающийся человек, который находит удовольствие в приятном запахе и вкусе пищи и ничего не знает о муках голода. Даже после перерезки вкусовых нервов, как это имело место в опытах Лонже, возможность ощущения запаха все же сохраняется, так же как и приятные ассоциации, которые могут быть вызваны при виде пищи. Свыше 50 лет тому назад, Людвиг указал на то, что даже после перерезки всех нервов принятие пищи может быть вызвано чисто психически; и так как животное все же продолжает есть после перерезки тех или других нервов, было сделано заключение, что указанные нервы не принимают участия в ощущении голода. Так как для принятия пищи, очевидно, вовсе не требуется голода, то и самый акт еды не свидетельствует о голодном состоянии животного, а в случае перерезки нервов—не есть доказательство центрального происхождения голода.

Необоснованность допущений, лежащих в основе теории, которая рассматривает голод, как общее ощущение.

Рассмотренные до сих пор доказательства, как мы видели, мало подкрепляют теорию центрального происхождения голода. Более того, теория эта покоится на шатком основании. Так, например, нет никаких конкретных указаний на то, что на первых ступенях голода появляются сколько-нибудь заметные химические или физические изменения в составе крови. Точно также нет никаких доказательств в пользу непосредственного возбуждения серого вещества коры головного мозга химическими веществами крови. В самом деле, попытки искусственно вызвать возбуждение в сером веществе при помощи химических агентов оказались бесплодны; даже раздражение электрическим током, которое дает положительные результаты, должно быть доведено до такой силы для того, чтобы вызвать движение, что последнее скорее можно приписать возбуждению нижележащего белого вещества, чем клеткам серого вещества коры головного мозга. Нечувствительность клеток коркового вещества вовсе не согласуется с теорией, которая рассматривает их, как стражей, предупреждающих об опасности обеднения организма пищевыми веществами.

Потребности организма могут существовать и в отсутствии голода.

Против теории, рассматривающей голод как непосредственный результат обеднения организма пищевыми запасами, можно привести дальнейшие доказательства, почерпнутые из наблюдений над больными, страдающими лихорадкой. У таких больных процессы обмена протекают весьма интенсивно. Ткани тела до такой степени разрушаются, что вес больных значительно падает, и все же ощущение голода в этих условиях полного истощения совсем отсутствует.

Далее, если голодный суб'ект поедает пищу, то вскоре после этого прекращается чувство голода - задолго до того, как сколько-нибудь значительное количество питательных веществ могло быть переварено и всосано, и, следовательно, задолго до того, как кровь и общее состояние тела, если они до этого подверглись каким-нибудь изменениям, могли быть восстановлены до нормы.

Более того, лица, подвергавшиеся лишениям, свидетельствуют, что голод может быть временно подавлен проглатыванием неперевариваемых веществ. Ясно, что обрезки кожи и кусочки мха, не говоря уже о глине, которую поедали отамаки, не могли бы компенсировать огромные потери органического вещества. В виде возражения на этот аргумент, указывали на то, что центральные состояния, как правило, могут тормозиться периферическим возбуждением: так же, как, например, сон может быть рассеян смачиванием висков, точно так же и голод может быть подавлен раздражением стенок желудка. Это возражение не попадает в цель, ибо самый факт периферического торможения еще нуждается в доказательстве. Отсутствие голода во время лихорадки и быстрое прекращение голода после принятия неперевариваемых веществ еще больше ослабляет теорию, считающую, что это ощущение возникает вследствие обеднения тела питательными веществами.

Теория, что голод имеет центральное происхождение, не об'ясняет быстрое наступление и периодичность этого ощущения.

Замечено, что голод появляется внезапно. Можно бродить по лесу или работать в поле, где не требуется сосредоточенного внимания и вдруг без предупреждения можно мгновенно почувствовать приступ голода. Если это внезапное появление ощущения соответствует общему состоянию организма, то изменения последнего должны наступать столь же внезапно или должен существовать некий критический момент, сопровождаемый мгновенным появлением этого ощущения. Однако не существует ровно никаких доказательств того, чтобы в процессе обмена веществ имело место хотя бы одно из этих условий.

Другая характерная особенность голода, это—его периодичность. Ощущение голода может то исчезать, то вновь появляться в течение нескольких часов. Далее, сама интенсивность этого чувства неодинакова, но может то усиливаться, то ослабевать. В некоторых случаях колебания интенсивности могут доходить до периодической смены голода и покоя в пределах одного и того же приступа голода. Из своего собственного опыта я могу указать, что в одном случае приступы голода сменялись следующим образом:

Появление:	Исчезновение:
12 – 37 – 20	38 - 30
40 45	41 – 40
41 – 45	42 – 25
43 – 20	43 - 35
44 – 40	46 55
46 - 15	46 – 30 и т. д.

Также и здесь периодический характер голода заставляет предполагать периодическое обеднение пищевыми веществами. Отсутствие голода в данный момент заставляет предположить обилие пищи в организме, появление же голода спустя десять секунд, согласно той же теории, указывает на внезапное истощение запасов, а еще через десять секунд следующее прекращение голода должно было бы свидетельствовать о внезапном пополнении этих запасов. Такая пестрая смена состояний организма, может быть, и возможна, однако из того, что мы знаем о процессах обмена, столь быстрые перемены весьма мало вероятны. Таким образом периодичность голода есть дальнейший аргумент против теории центрального происхождения голода.

Теория общего происхождения чувства голода не об'ясняет его местной локализации.

Последним возражением против указанной выше теории может служить то обстоятельство, что она не об'ясняет наиболее характерный признак голода, а именно: локализацию чувства голода в гастрической области. Шифф и другие авторы, придерживающиеся теории общего происхождения чувства голода, выставляют против этого возражения два аргумента. Во-первых, они указывают на то, что ощущение не всегда локализуется в

области желудка. Шифф опрашивал солдат и выяснил, что некоторые из них указывали на шейную или грудную область, 23—на грудную кость, 4 дали неопределенный ответ и только двое указывали на желудок. Другими словами, указания на гастрическую область наиболее редки.

Другой аргумент против важности локализации чувства голода сводится к тому, что такая локализация иллюзорна. Безрукий калека может ощущать зуд, который, как ему кажется, локализован в пальцах, хотя последних он давно лишился. Тот факт, что безрукий калека может чувствовать зуд и приписывать его отсеченным частям тела, отнюдь не доказывает, что испытываемое им ощущение, действительно, возникает в этих частях. Подобным же образом, локализация болезненных ощущений при голоде в какой-нибудь особой части тела вовсе не доказывает, что это ощущение возникает именно в данной области. Таковы аргументы против теории местного происхождения чувства голода.

При обсуждении указанных аргументов вспомним, раньше всего, оговорку самого Шиффа, что число опрошенных им солдат слишком незначительно для окончательного решения вопроса. Далее, то обстоятельство, что многие из них локализовали ощущение голода в области груди или грудной кости, отнюдь нельзя считать противоречащим периферическому происхождению чувства голода. Следует помнить, что описание тех ощущений, которые развиваются в результате нарушений внутри организма, почти всегда страдают неопределенностью. Как показали Хед и другие авторы, состояние внутренних органов, вызывающих какое-нибудь ощущение, по большей части приписывается не самим внутренним органам, но соответственно расположенным кожным покровам. Однако такие показания мы вовсе не считаем бесценными потому только, что они не определяют точно источника ощущений. Напротив, мы постоянно пользуемся подобными показаниями, как основой для суждения о нарушениях внутри организма.

На второй аргумент, что локализация ощущений на периферии еще не есть доказательство его периферического происхождения, мы можем ответить, что вся сила этого возражения зависит от того количества дополнительных данных, которым мы в этом отношении располагаем. Так, например, если мы замечаем прикосновение пальца к какому-нибудь предмету, мы вправе допустить, что одновременное ощущение предмета, которое мы приписываем пальцу, есть результат соприкосновения, но ни в коем случае не чисто центральное ощущение, случайно приписанное нами периферическому органу. Точно так же и в случае голода единственное, что требуется в подкрепление периферической локализации этого ощущения,—это то, что одновременно с муками голода появляется ряд состояний организма, которые мы можем рассматривать, как источник этих мук.

Для того, чтобы доказать, что периферические условия могут определить чувство голода, попытаемся путем изучения пустого желудка установить, в самом ли деле период голода сопровождается такими изменениями, которые говорили бы в пользу теории местного происхождения голода.

Голод не вызывается пустотой желудка.

Среди тех предположений, которые высказывались в подкрепление теории периферического происхождения голода, существует одно, которое приписывает чувство голода пустоте желудка. Николаи показал с помощью желудочной фистулы, что первые признаки голода появляются, когда желудок уже совсем пуст. Однако в других случаях ощущение голода после промывания желудка появляется лишь периодически, при чем интервалы покоя колебались от $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ часов. Во время покоя, несмотря на пустоту желудка, ощущение голода отсутствовало. Тот же факт задолго до этого был описан Бомоном, который из своих наблюдений над Алексисом Сен-Мартином заключил, что голод появляется спустя некоторое время после нормального опорожнения желудка. Таким образом пустота желудка сама по себе еще не об'ясняет явлений.

Голод не обусловливается соляной кислотой пустого желудка.

Другая теория, исходящая, повидимому, из наблюдений над повышенной кислотностью (hyperaciditas) желудочного сока, сводится к тому, что болезненность ощущения голода вызывается соляной кислотой, которая в данном случае отделяется в пустой желудок. Но и эта теория противоречит фактам. Николаи сообщил, что промывные воды желудка, взятые от голодного суб'екта, нейтральны или слабокислотны. Последнее подтверждается наблюдениями Бомона и вполне согласуются с данными, полученными многочисленными экспериментаторами при исследовании желудка голодающих животных. Во время первых дней голодания вовсе не наблюдается секреции сока в пустом желудке. Далее, лица, страдающие отсутствием соляной кислоты желудочного сока (achylia gastrica), испытывают нормальное ощущение голода. Ввиду этого соляную кислоту нельзя считать причиной голода.

Голод не обусловливается напряжением слизистой оболочки желудка.

Третья теория, впервые предложенная Бомоном, пытается об'яснить происхождение голода напряжением желудочных желез. Прекращение болевых ощущений при длительном голодании ставится в связь с общим обеднением организма водой, которое отражается и на работе желудочных желез, ослабляя их напряжение[1]). Указанная теория нашла сочувствие у некоторых авторов. Так, например, Лючиани дополняет ее предположением, что нервы слизистой оболочки желудка обладают повышенной чувствительностью при отсутствии пищи; этим он пытается об'яснить происхождение мук голода. Точно так же и Валенти недавно заявил, что теория Бомона наиболее правдоподобна. Однако опытные данные, полученные указанными исследователями, не убедительны. Лючиани перерезал оба блуждающих

[1]) Быть может, более правильное об'яснение было предложено Болдыревым. Болдырев показал, что к концу второго или третьего дня голодания в желудке собак начинается отделение желудочного сока, которое длится неопределенно долго.

нерва, после предварительной их кокаинизации, Валенти же просто их кокаинизировал; собаки, обнаруживавшие интерес к пище лишь за несколько минут до операции, хотя в других отношениях вели себя вполне нормально, все же отказались от предлагаемой им пищи, ограничиваясь только обнюхиванием и облизыванием ее. Такое полнейшее пренебрежение к пище длилось неодинаково долго, но не больше двух часов. Блуждающие нервы, повидимому, проводят импульсы, вызывающие акт еды; однако нет никаких указаний на то, чтобы эти импульсы возникали в результате напряжения желудочных желез. Более того, теория напряжения не в состоянии об'яснить действие наполнения желудка неперевариваемыми веществами. Согласно наблюдениям Павлова и других над людьми, пережевывание и проглатывание неаппетитной пищи не вызывает вовсе секреции желудочного сока. Все же такая пища, будучи проглочена, вызывает прекращение голода; Николаи же нашел, что ощущение голода исчезает при введении в желудок зонда. Вряд ли указанные приемы ослабляют напряжение желудочных желез. Теория напряжения, далее, не об'ясняет ни быстрого наступления голода, ни его периодичности. Трудно представить себе повторное набухание и спадение желез в течение периода, длящегося несколько секунд. По этой причине мы вправе отбросить эту теорию.

Голод, как результат сокращений.

Остается, наконец, рассмотреть, как возможную причину болезненных ощущений при голоде, сокращения желудка и прочих отделов пищеварительного тракта. Эта идея не нова. Шестьдесят девять лет тому назад Вебер заявил, что «сильные сокращения мышечных волокон совсем пустого желудка, сопровождаемые максимальным спадением желудочной полости, составляют часть того чувства, которое мы называем голодом». Двадцать пять лет спустя (в 1871 г.) Фирордт пришел к тому же заключению, а с тех пор к этому взгляду присоединились Эвальд, Кнапп и Герц. Указанные авторы не сумели, однако, получить прямых доказательств, хотя Герц опирается на наблюдения Болдырева над голодающими собаками, считая, что эти наблюдения, может быть, об'ясняют то, что он называет «желудочным ингредиентом чувства голода».

Сокращения пустого желудочно-кишечного тракта.

Однако аргумент, выставляемый против теории периферического происхождения голода в силу сокращений желудочно-кишечного тракта, сводится к тому, что пустой желудок мало активен. Так, например, Шифф утверждал, что «движения пустого желудка не часты и гораздо менее энергичны, чем во время пищеварения». Лючиани приводит то возражение, что движения желудка во время пищеварения гораздо более активны, чем вне пищеварения и в пустом желудке почти вовсе прекращаются. Валенти (1910 г.) же заявил: «Мы знаем очень хорошо, что движения желудка во время пищеварения достигают максимальной интенсивности; в пустом же желудке они более редки и менее резко выражены», а потому они не могут быть причиной голода.

Однако уже давно были известны факты, говорящие против этих возражений. В 1899 г. Бетман обратил внимание на сокращения желудка после нескольких дней голодания. В 1902 г. Вольф сообщил, что через 48 часов после принятия пищи желудок кошки иногда сокращается в такой степени, что может походить на слегка увеличенную 12-перстную кишку. В подобных же условиях мною было замечено точно такое же резкое сокращение желудка—особенно в его пилорической части. Анагом Гис наблюдал то же самое. В 1905 г.[1]) Болдырев показал, что весь желудочно-кишечный тракт обнаруживает периодическую деятельность в отсутствии пищеварения[2]). Каждый период деятельности длится от 20 до 30 минут, при чем в течение этого времени происходит от 20 до 30 ритмических сокращений желудка. Последние, как указывает Болдырев, могут быть сильнее, чем во время пищеварения. Проводимые им кривые вполне отчетливо подтверждают это. Интервалы покоя между периодами деятельности длятся от $1\frac{1}{2}$ до 2 часов. Особенно замечательно наблюдение Болдырева, что при голодании, которое длится 2—3 дня, интервалы покоя постепенно удлиняются, а периоды сокращений все укорачиваются: движения прекращаются вовсе, как только начинается непрерывное отделение желудочного сока.

Сокращения желудочно-кишечного тракта, как причина голода.

Работа Болдырева появилась в то время, когда я был занят указанными выше наблюдениями над урчаниями желудочно-кишечного тракта при пищеварении. Мне казалось вероятным, что сокращения пустого пищеварительного канала могут об'яснить происхождение голодных мук, особенно в свете наблюдений Болдырева. Действительно, Болдырев сам рассматривал голод в связи с периодической деятельностью, однако он исходил из того представления, что голод может эту деятельность вызвать; но так как интенсивность и частота этих движений уменьшилась с течением времени (а, согласно его ожиданиям, они должны были бы все усиливаться), то он не усмотрел в этих явлений никакой связи[3]). Не истолковывал ли Болдырев ложно свои наблюдения? Пытаясь выяснить возможность появления сокращений, обусловленных голодом, не проглядел ли он другую возможность, а именно, что сам голод может обусловливаться сокращениями? Целый ряд наблюдений заставляет думать, что Болдырев не сумел оценить одну сто-

---

[1]) Первые работы В. Н. Болдырева появились в 1902—1904 гг. С 1905 г. впервые эти работы стали печататься в иностранных физиологических журналах (примечание *А. К.*).

[2]) Эта ссылка на работы В. Н. Болдырева не совсем точна. Болдырев считал, что в периодической деятельности принимает участие желудок и тонкие кишки, о сокращениях слепой кишки упоминает я только вскользь. Как показали дальнейшие исследования, произведенные Б. Н. Тарусовым в физиологической лаборатории ИНО в Одессе, толстые кишки не принимают участия в периодической деятельности (примечание *А. К.*).

[3]) В своих последующих работах В. Н. Болдырев ближе подошел к этой связи периодических движений и чувства голода, а работа С. В. Аничкова, произведенная в его лаборатории в 1914 г., вполне подтверждает точку зрения Кэннона (примеч. *А. К.*).

рону важных результатов, им полученных. Так, например, я заметил исчезновение болезненных ощущений голода в то время, как был слышен звук от прохождения газа вверх через кардиальную часть желудка. Доказательство того, что газ поднимался вверх, а не проталкивался вниз, можно усмотреть в том факте, что немедленно за одним урчащим звуком следовал другой. Давление, которое выталкивало газ из желудка, по всей вероятности и было причиною предшествовавшего ощущения голода. Далее, это ощущение может моментально прекратиться через 2 секунды после проглатывания небольшого количества слюны или чайной ложки воды. Если желудок не находится в состоянии сильных сокращений при голоде, то это, в согласии с наблюдениями Либа и моими, можно об'яснить как торможение сокращений актом глотания. Таким же точно образом можно было бы об'яснить и быстрое прекращение болезненных ощущений вскоре после начала еды, ибо повторное глотание вызывает непрерывное торможение[1]). Может быть, сюда же относится открытие Дюксеши, что соляная кислота вызывает понижение тонуса пилорической части желудка; наступающее с принятием пищи отделение кислого желудочного сока могло бы вызвать расслабление того участка желудка, который наиболее энергично сокращается.

Сокращение пищеварительного тракта и чувство голода у человека.

Хотя вышеуказанные факты привели меня к убеждению, что голод есть результат сокращений пищеварительного канала, все же непосредственных доказательств в моем распоряжении не было. Для того, чтобы установить возможность доказательств в пользу предполагаемой связи, Уошберн почти каждый день в течение нескольких недель вводил в желудок тонкостенный резиновый баллончик около 8 см. в диаметре, прикрепленный к резиновой трубке[2]). Баллончик оставался в желудке в течение 2—3 часов. После этих предварительных опытов введение баллончика и пребывание его в пищеводе и в желудке не вызывало никаких нарушений в моторной деятельности желудка. Чтобы произвести запись сокращений, баллончик помещался в фундальной части желудка, умеренно раздувался и соединялся с водяным манометром, который сообщался с цилиндрической камерой (шириной в 3,5 см.). На поверхности воды в камере помещался поплавок, с помощью которого записывались движения фундальной части желудка. В дни испытания Уошберн воздерживался от завтрака или же ел весьма умеренно. Опыт начинался в 2 часа. Регистрирующий аппарат устанавливался как это только что было описано. Для того, чтобы избежать всяких ошибок, которые могли возникнуть вследствие искусственного давления на баллончик, в подреберье укреплялся пнеймограф, который отмечал движение брюшной стенки. Однообразие этих

[1]) Отсутствие голода у пациентов Буша во время принятия пищи можно об'яснить таким же путем.

[2]) Николаи сообщает, что первое введение в желудок зонда вызывает прекращение голода, но при повторном введении эффект становится ничтожным.

движений должно было указывать на отсутствие особых сокращений со стороны мышц живота. Кроме того, производилась отметка времени в минутах—электромагнитный отметчик чертил прямую, при чем его можно было попеременно включать. Все эти приспособления для записи находились вне поля зрения Уошберна; последний мог включать электро-магнитный отметчик, как только начинал испытывать голод.

Иногда наблюдения начинались еще до появления чувства голода; в других случаях это чувство спустя некоторое время сменялось усталостью. Ни в одном из таких случаев не наблюдалось сокращений желудка. Но всякий раз, как Уошберн заявлял, что он ощущает голод, неизменно регистратор показывал сильные сокращения желудка. Как и в моих ранних опытах, эти ощущения иногда протекали прерывисто на протяжении периода сокращений, иногда же представляли собою непрерывный приступ голодных мук. Добытые Уошберном интроспективным путем наблюдения над болезненными ощущениями при голодании вполне согласуются с записью желудочных сокращений. За редким исключением, однако, сокращения достигали почти максимума еще до того, как появлялось ощущение голода.

Этот факт может быть рассматриваем, как доказательство того, что сокращения желудка предшествуют ощущению голода, а не наоборот, как то думал Болдырев. Каждое сокращение длилось около $1/2$ мин., а интервалы между ними—от 30 до 90 сек., в среднем—около одной минуты. Весь период сокращений длился 20 мин., амплитуда же отдельных сокращений колебалась от 11 до 13; предварительно я насчитал на самом себе 11 приступов за то же время. Таким образом порядок этих величин у нас обоих один и тот же. Количество сокращений в нашем случае меньше, чем то, которое Болдырев нашел у собак; эта разница, может быть, находится в связи с более медленным ритмом желудочной перистальтики у человека по сравнению с собакою.

Как мы уже указывали, до появления голода желудок находился в покое. Иногда до начала движений протекал довольно значительный промежуток. Раз начавшись, они длились некоторое время и затем прекращались.

Ощущение голода, о котором Уошберн сообщал при появлении сокращений, прекращалось вместе с последними. Запись сокращений производилась вне поля зрения суб'екта, исключается возможность того, что они являются артефактами, вызванными самовнушением. Близкое совпадение сокращений с болезненными ощущениями голода ясно указывает таким образом, что первые явления являются источником для вторых.

Наблюдения Болдырева показывают, что во время сокращений желудка происходит и сокращение кишок. Можно себе представить, что в этих движениях принимают участие все отделы пищеварительного тракта, снабженные гладкой мускулатурой. Так, наприм., нижняя часть пищевода состоит из гладкой мускулатуры. В наблюдениях над Уошберном удалось установить, обладает ли эта часть активностью во время голода. К той части резиновой трубки, которая находилась в пищеводе, прикреплялся тонкий резиновый баллончик (палец резиновой пер-

чатки длиною в 2 см.) и погружался в желудок. Наполнив баллончик воздухом и зажав резиновую трубку с тем, чтобы не выпустить из баллончика воздух, его осторожно извлекали из желудка, пока он не достигал кардиальной части пищевода, о чем можно было судить по сопротивлению. Затем воздух из баллончика выпускался, и трубку поднимали еще на 3 см. Баллончик наполнялся вновь воздухом, при чем давление последнего доводилось до 10 см. водяного столба. Вдыхание вызывало поднятие рычажка, записывающего изменения давления; если после этого слегка вытянуть еще резиновую трубку, то при вдыхании рычажок уже не поднимается, а опускается. В первом случае, следовательно, трубка находилась над полостью желудка и ниже диафрагмы. В этом положении баллончик с поплавком (через посредство камеры в 2,3 см. в диаметре) регистрировал периодические сокращения. Отличаясь большей длительностью, эти сокращения обладают той же частотой, что и сокращения желудка.

Исследование голода, опубликованное мною и Уошберном в 1912 г., было продолжено Карлсоном (Чикаго), и его наблюдения на человеке с постоянной желудочной фистулой точно так же, как и над самим собою и своими сотрудниками[1]), вполне подтвердили наши выводы о связи между сокращением пищеварительного канала и ощущением голода. В целой серии интересных работ Карлсон и его сотрудники в значительной мере углубили наши познания в области физиологии «пустого» желудка. Они не только подтвердили существование сокращений пищеварительного тракта, но показали, что иногда эти сокращения могут переходить в судорожное сокращение желудочных мышц. Далее, выяснилось, что характерные сокращения желудка продолжаются после перерезки блуждающих нервов, т.-е. они не зависят от импульсов, идущих через черепно-мозговые автономные нервы. Недавно Люкхардт и Карлсон показали, что кровь голодающего животного после ин'екции в вену нормального животного может вызвать указанную выше судорогу или тетанус желудка, при чем этот эффект не наблюдается, если кровь взята от сытого животного. Можно считать вероятным, что в крови содержится вещество, способное возбуждать голодные сокращения желудка. Однако этот пункт нуждается в дальнейшем исследовании.

Располагая приведенными данными, устанавливающими непосредственную причинную связь голода с сокращениями желудка, удается легко разрешить большинство тех затруднений, с которыми сталкиваются другие теории. Так, напр., сразу об'ясняется внезапное наступление голода и свойственная ему периодичность—явление необ'яснимое с других точек зрения.

Во время лихорадки, сопровождаемой повышенным обменом веществ, голод отсутствует. Это отсутствие голода при лихорадке об'ясняется наблюдением Мерфи и моими: мы нашли, что инфекция, охватывающая кровеносную систему, сопровождается полным прекращением движений пищеварительного канала. Болдырев наблюдал, что в момент усталости периодические движе-

[1]) Аналогичное исследование над самим собою произведено Аничковым С. В. См. примечание на стр. 57 (примечание *А. К.*).

ния отсутствовали вовсе. Этим самым выражение «слишком устал, чтобы есть» получает рациональное об'яснение.

Патологическая форма чувства голода—непомерный голод (булимия) у нервных больных—также получает об'яснение, поскольку хорошо известно, что у этих больных наблюдается нарушение тонической иннервации пищеварительного канала.

Так как нижняя часть пищевода так же, как и желудок, периодически сокращается, вполне естественно, что лица, опрошенные Шиффом, относили это ощущение к грудной кости. Сокращение нижнего отдела пищевода также об'ясняет и тот факт, что после удаления желудка, а в некоторых случаях при переполнении желудка пищей, не прекращается чувство голода. Мыслимо, что сокращение кишок вызывает смутное ощущение голода. В самом деле, окончательное исчезновение видоизмененного ощущения голода у описанного Бушем больного с дуоденальной фистулой могло быть обусловлено пониженной активностью кишечника при введении в него пищевой кашицы.

Наблюдения, изложенные в этой главе, как уже было указано, находят много точек соприкосновения с опытами Болдырева над периодической деятельностью пищеварительного канала у голодающих собак. Болдырев нашел, что каждый период деятельности характеризуется не только сокращениями, захватывающими большую часть пищеварительного канала, но также отделением желчи, панкреатического и кишечного соков, богатых ферментами. Желудочный сок при этом не отделялся. Как только начиналась секреция желудочного сока, периодическая деятельность прекращалась. Какое значение имеет вся эта столь сложная картина? В другом месте я показал, что перистальтика желудка обуславливается расслаблением желудочной мышцы, следующим за ее тоническим сокращением. Доказательство в пользу того, что желудок сильно сокращается во время голодания (т.-е. находится в состоянии повышенного тонуса), было приведено выше[1]).

Таким образом самые условия, вызывающие голод и побуждающие к принятию пищи, приводят немедленно к перистальтике желудка, обусловленной растяжением укоротившихся под влиянием проглоченной пищи мышц. В этом отношении, быть может, имеет значение наблюдение Гаудека и Штиглера, которые показали, что желудок опорожнивается гораздо быстрее, когда пища с'едается в голодном состоянии, чем в других случаях. Иначе говоря, голод нормально есть показатель того, что в желудке наступили сокращения, необходимые для последующей пищеварительной работы; с принятием пищи эта работа начинается и прекращается чувство голода. В то же самое время в двенадцатиперстную кишку поступают панкреатический, кишечный сок, а также желчь, необходимые для процессов пищеварения. Таким образом периодическая деятельность пищеварительного канала при голодании есть не только источник болезненных ощущений голода, но в то же время подготовление пищеварительного аппарата для принятия проглоченной голодным животным пищи.

---

[1]) В пустом желудке и пищеводе находится газ. Вполне естественно, что они обнаруживали бы ритмические сокращения, тонически укорачиваясь под влиянием своего содержимого.

2. Биологическое значение голода.

Антон Юлиус Карлсон

(профессор физиологии У-та в Чикаго).

Перевод с английского В. А. Дорфмана и А. Г. Кратинова.

Комплекс ощущений, которые побуждают человека и высших животных к принятию пищи, называют голодом и аппетитом. С точки зрения сохранения живых организмов, принятие пищи в такой же мере важно, как и размножение. Следовательно, чувство голода является столь же основным, как и половое влечение. Действительно, если мы биологически определим голод как совокупность условий (пожалуй, скорее, чем комплекс ощущений), ведущих к принятию пищи, то с такой точки зрения голод является более фундаментальным или примитивным, чем половое влечение (libido), так как питание необходимо для всех форм жизни, тогда как половое воспроизведение—только для некоторых.

Каков бы ни был механизм, лежащий в основе голода, стремление к пище у высших животных есть, очевидно, чувство, захватывающее их более или менее сложную нервную организацию. По этой причине, может быть, следовало бы приписывать голод, как чувство или сознательный процесс, только тем животным, которые обладают нервной системой и пищеварительным каналом. Но ведь все организмы питаются. Каковы же в таком случае те факторы, которые побуждают к принятию пищи одноклеточных животных и более просто организованных многоклеточных, не обладающих специальной нервной системой? Существует ли какая-нибудь действительная связь между теми первичными факторами, которые заставляют амебу преследовать и пожирать другой простейший организм, и механизмом голода, побуждающего голодного волка к погоне, захвату и пожиранию кролика?

Все одноклеточные животные, по крайней мере, в периоде жизнедеятельности, живут в воде, в животных или растительных соках, или внутри живых клеток других животных. В случае более простых организмов, ведущих паразитический образ жизни, условия питания, в главном, совпадают с теми условиями, которые господствуют в тканях высших животных. Иными словами, пищевые вещества растворены в среде, окружающей клетку или все животное. По Пюттеру, это одинаково справедливо для всех просто организованных существ, обитающих в воде. Неизвестно, в какой степени растворенные в морской воде органические вещества поддерживают жизнь низших животных—во всяком случае, этот фактор весьма мал или вовсе незначителен

Бидерман, Липшютц, Керб, Моргулис). Известно, что все водные многоклеточные организмы питаются одноклеточными животными и растениями, т.-е. они поглощают в виде пищи твердые частицы. Что касается процессов поглощения твердых частиц простейшими организмами, то в этом отношении мы встречаем практически идентичные условия в случае особых фагоцитарных клеток у высших животных, хотя этот процесс, вероятно, не представляет собою процесс питания.

Чем определяется количество поглощаемой пищи и жадность у одноклеточных животных? В периоде жизнедеятельности поглощение пищи длится непрерывно, поскольку это зависит от количества пищевых веществ, окружающих организм. Питательные и непитательные частицы поглощаются без всякого различия,—правда, существует много исключений из этого правила. В некоторых случаях мельчайшие подвижные организмы, благодаря своей подвижности, проникают в одноклеточные организмы и здесь перевариваются; однако поглощение твердых частиц у простейших обусловливается активными амебоидными движениями. Усиление амебоидных движений, повышенная сократимость псевдоподий, служащих для захватывания добычи, движение ресничек как у свободноплавающих, так и у сидячих форм,—все это можно принять, как внешнее выражение состояния голода, так как этим обеспечивается снабжение пищей.

Соответствует ли действительности подобное определение голода? Дженнингс в своей работе о процессе питания у амебы тоже не касается этого пункта, если не считать немногих случайных замечаний по поводу того, что амеба может оставаться в покойном состоянии после того, как она захватила частицы пищи; но так как еще до действительного конца пищеварения амеба снова приходит в движение, то этот короткий период покоя нельзя считать состоянием насыщения. Ферворн полагает, что все явления, сопровождающие принятие пищи у простейших, включая сюда и известную способность выбора пищи, сводятся без остатка на автоматические движения (хемо- и стереотропизм); однако он не указывает, в какой мере степень подвижности изменяется в зависимости от степени голода. Ходж и Айкенс нашли, что ресинчки сувойки сокращаются равномерно круглые сутки, направляя в тело пищевые частицы: «все попытки перекормить этих крошечных животных не оказывали никакого эффекта на обнаруживаемую ими степень голода». В среде, изобилующей пищей, ресинчки тела туфельки сокращаются менее активно, приводя, таким образом, животное в состояние покоя, тогда как оральные ресинчки продолжают сокращаться с той же силой, вгоняя пищевые частицы в ротовое отверстие (Дженнингс). С другой стороны, Уолленгрен не наблюдал никаких изменений ни в движении ресничек, ни в сократимости вакуоли, ни в возбудимости туфельки во время голода, если не считать того, что при приближении к голодной смерти деятельность ресничек и вакуоли понижается.

Шеффер описал некоторые перемены в проведении инфузории трубача в промежутки между голодным и сытым состоянием. При избытке пищи тело трубача несколько сокращается, движение мембраны в большой мере ослабевает, животное ста-

новится менее реактивным на внешние раздражения и лучше различает пищевые частицы от непереваримых частиц окружающей водной среды. Степень сытости зависит, повидимому, не от количества пищи в теле, а от иных факторов. Можно думать, что истощение или голод вызывает у трубача повышенную возбудимость, усиление подвижности и жадность к пище. Не лишено возможности, что будущие исследования обнаружат подобные различия и у других простейших. Паркер нашел, что мясо или экстрактивные вещества его вызывают изменение направления удара ротовых ресничек морской анемоны, в результате чего ток воды гонит пищевые частицы внутрь глотки. Такое явление можно считать примером значительной специализации. Вызовут ли экстрактивные вещества мяса указанное обращение удара ресничек после того, как анемона насытится мясом, или другой пищей?

Что касается пищевых веществ, находящихся в растворе, то можно допустить, что скорость и количество их поглощения зависят от скорости диффузии этих веществ и от проницаемости клеточной стенки. Разбавление указанных веществ внутри клетки может повести за собой увеличение проницаемости и наоборот. Наши сведения о взаимной связи процессов внутри живой клетки и внутри одноклеточных животных столь ограничены, что мы не в состоянии предсказать, какой эффект произведет скудность пищевых веществ на амебоидное и реснитчатое движение, и только если обеднение пищей приблизится к истощению, эти движения, по всей вероятности, будут в значительной мере ослаблены. У некоторых животных частичное или полное голодание, повидимому, ускоряет обе стадии обмена веществ; однако факторы, принимающие участие в этих процессах, вероятно, значительно более сложны, чем простое непосредственное раздражение клетки.

В случае фагоцитов высших животных на сцену выступают некоторые новые факторы. Во-первых, фагоцитоз у многоклеточных животных не есть в основе своей процесс питания, а служит для разрушения клеточных остатков и чуждых организму клеток. Насколько нам известно, фагоцитарные клетки многоклеточных питаются органическими веществами, растворенными в соках тела--подобно остальным клеткам организма. Во-вторых, скорость и количество поглощенных чужих клеток отчасти зависят не от состояния фагоцитарных клеток, а от известных веществ (опсонинов), содержащихся в соках тела и воздействующих на чужие клетки. «Пищеварительный фагоцитоз» простейших, поскольку нам известно, не зависит от этого фактора. В-третьих, помимо опсонинов, отличительным признаком фагоцитирующих клеток многоклеточных является то, что они могут быть «приучены» к усиленной деятельности. Механизм этой способности до сих пор служит предметом догадок. Указанные различия в биологическом значении фагоцитоза многоклеточных и процесса питания простейших еще не означают, однако, что основной механизм фагоцитарного процесса в обоих случаях различен.

Существуют указания на то, что относительное обеднение пищей, по крайней мере, у некоторых простейших, влечет за собою повышенную подвижность (амебоидное, реснитчатое движе-

ние), а также жадность к пище и более быстрое ее восприятие. Эти явления указывают, повидимому, на повышенную возбудимость клетки—иными словами, состояние голода у простейших есть состояние повышенной возбудимости. Мы не сможем, однако, входить здесь в рассмотрение вопроса о том, каким образом голодание клетки усиливает ее возбудимость. Для тех, кто предпочитает антропоморфические представления, преследование, захват и выбор пищи простейшими есть выражение состояний сознания, аналогичных тем, которые в подобных условиях возникают у многоклеточных. Однако при настоящем уровне наших знаний более простые об'яснения не только достаточны, но и более полезны. Принципы диффузии и избирательной проницаемости или адсорбции вполне об'ясняют восприятие растворенной пищи. Избирательное поглощение твердых пищевых частиц, поскольку мы с ним сталкиваемся, есть, вероятно, унаследованный механизм, служащий для дифференциальной реакции на механические и химические раздражения. Дело усложняется при исследовании амебоидного движения и движений ресничек, усиливающихся при голодании. Румблер пытался разложить первое из этих движений на чисто физические явления поверхностного натяжения. Однако, по крайней мере, для амебы Дженнингс показал несостоятельность этой теории. Но если даже нам и неизвестны те процессы в клетках, которые лежат в основе избирательного поглощения пищи, мы все же не думаем, чтобы они по своей природе отличались от таких физико-химических явлений, как поверхностное натяжение. Гамбургер показал недавно, что кислородное голодание усиливает фагоцитоз. Однако это, по всей вероятности, не есть тот механизм, который усиливает подвижность клетки в состоянии голодания, равно как нет никаких данных за то, чтобы уменьшение количества содержащихся в клетке пищевых веществ сопровождалось кислородным голоданием.

II. Голод у растений.

Такое общебиологическое представление о голоде, вероятно, в равной мере приложимо как к низшим, или одноклеточным растениям, так и к одноклеточным животным. Однако это наше утверждение не базируется на непосредственном наблюдении. У нас накопилось множество исследований, посвященных хемотаксису и прочим тропическим реакциям низших растений (Пфеффер, Книп, Кузано, Шибата и др.). Книп приписывает бактериям чувство обоняния и вкуса и показывает, что реакции бактерий на известные химические раздражения зависят от реакции питательной среды; однако он, повидимому, не исследовал, является ли таким фактором также и количество и качество пищи в окружающей среде. Точно также в опубликованных недавно обширных исследованиях Кендалля и его учеников над обменом веществ у бактерий вовсе не рассматривается вопрос о влиянии голодания на поведение этим организмов. Зооспоры споровых растений питаются, повидимому, путем фагоцитоза, подобно одноклеточным животным, и весьма возможно, что это явление у растений в такой же мере подвержено влиянию голода, как и у низших животных. Листер следующим образом описы-

вает заглатывание микроспор и бактерий зооспорами миксомицетов:

«В одном случае, поглотив двух бацилл и окружив их двумя отдельными пищеварительными вакуолями, зооспора в течение некоторого времени оставалась в покое. Я наблюдал за процессом переваривания этих бацилл. Приблизительно через полтора часа (покоя) зооспора тронулась с места, сильно ударяя по воде своими ресничками».

За исключением бактерий, зооспор спорофитов, группы «паразитических» растений и до некоторой степени так наз. «насекомоядных» растений, все растения питаются неорганическими веществами почвы и углекислотой воздуха, и здесь подвижность растений, если отвлечься от явлений роста, играет весьма малую роль. Растение неспособно само передвигаться с места на место, а также не обладает способностью передвигать свою пищу даже в столь малой степени, в какой обе эти способности свойственны прикрепленным животным. Мы имеем полное право говорить о голодании растений; однако, в случае высших растений нет никаких указаний на то, чтобы голодание повышало возбудимость или усиливало подвижность, т.-е. чтобы голодание вызывало биологическое состояние голода; с другой стороны, вряд ли подобные изменения помогали бы высшим растениям в их борьбе с голодом.

III. Голод у высших животных.

Чувство голода у человека представляет собою в большей или меньшей мере болезненное ощущение, локализуемое в области желудка. У нормальных людей резкая боль ощущается только при исключительно сильном голоде. Обычно же чувство голода появляется в виде неприятного давления, сопровождаемого ощущением «пустоты» в эпигастрии.

Другой характерной чертой чувства голода, известной из наблюдений над человеком, является его периодичность, даже если желудок все время остается пустым и движения индивидуума не прекращаются. Значение этого признака было особенно резко подчеркнуто Бардье, Штернбергом, Полиманти, Кэнноном и Уошберном. Можно думать, что указанная периодичность одинаково имеет место у большинства млекопитающих и птиц. У более низко стоящих животных, поскольку это было исследовано, периодическое появление и исчезновение чувства голода носит иной характер, а, может быть, и вовсе отсутствует. Некоторые лица, повидимому, одновременно с гастрическим испытывают некоторое ощущение и в пищеводе, в глотке и в жевательных мышцах. Однако, автор ни разу не испытывал указанного ощущения. Во всяком случае, они, повидимому, отличаются от ощущения, локализуемого в желудке тем, что не носят неприятный или болезненный характер. У тех видов птиц, у которых пищевод расширяется в зоб, чувство голода, вероятно, возникает скорее в зобу, чем в мускулистом желудке.

Однако, болевое ощущение различной силы, возникающее в верхней части желудка, есть безусловный элемент чувства голода. К нему часто присоединяется ряд других явлений. Наиболее частое из них—это ощущение общей прострации или слабости. Нередко же появляется головная боль, тошнота, раздражительность, неустойчивость сосудо-двигательных нервов, а ино-

да и обморочное состояние. Строго говоря, известная степень повышения возбудимости есть неизбежный эффект голода даже более умеренного, и ее поэтому не следовало бы причислять ко вторичным признакам голода. У нормальных индивидуумов с устойчивой нервной системой сильный голод может вовсе не сопровождаться ощущением слабости. С другой стороны у некоторых индивидуумов слабость, головная боль и общее беспокойное состояние могут вылиться в такую резкую форму, что вытесняют иногда из сознания самый фактор голода—болезненные ощущения в желудке.

Чувство голода у человека обусловлено пустотой желудка. Взрослые люди, принимающие пищу от 3 до 5 раз в день, редко испытывают голод, за исключением тех случаев, когда они заняты изнурительным физическим трудом или подвергаются сильному охлаждению. У таких людей нервные импульсы, идущие от желудка и вызывающие появление голодных мук, недостаточно интенсивны.

В последующем изложении мы покажем, что муки голода обусловлены известными тоническими состояниями и движениями желудка, при чем возникшие этим путем нервные импульсы достигают известных частей головного мозга. Поэтому чувство голода у человека требует наличия нервной системы, сократимого пищеварительного канала и чувствительных проводящих путей для установления между ними связи. Эти анатомические условия общи всем позвоночным и многим беспозвоночным, включая и кишечно-полостных.

Влияние голодания на поведение, в главном, обще всем этим животным. Главными признаками указанного влияния можно считать повышенную возбудимость и беспокойное состояние. Беспокойное состояние, вероятно, не обусловлено непосредственно сознанием, так как оно наблюдается и у животных, лишенных головного мозга (собаки, птицы). Чувство голода, достигшее большого напряжения, подавляет, повидимому, чувство страха, так как голодающее животное становится все более смелым и яростным. Обычно допускают, что голодание вызывает у человека сварливость и антисоциальные инстинкты. С другой стороны, длительный пост религиозных фанатиков делает их, как они это себе представляют, более достойными общения с богами.

У нормального человека и, вероятно, также у хищных животных, вовсе или почти пустой желудок с необходимостью вызывает чувство голода. Это не имеет, повидимому, места у жвачных животных и вообще у травоядных, ибо у них желудок никогда не остается пустым—даже при многодневном голодании. Точно так же и птицы поглощают пищу более или менее непрерывно даже в том случае, если зоб и желудок переполнены пищей. Указанные животные либо испытывают голод уже при частично опорожнившемся желудке, либо они поглощают пищу не потому, что испытывают голод, но под влиянием аппетита.

С другой стороны, чувство голода у некоторых животных может, повидимому, вовсе отсутствовать, несмотря на то, что желудок остается пустым в течение многих недель или даже месяцев. Обычно допускают, что рейнские и тихоокеанские виды лосося во время нереста подвергаются длительному голоданию, как только они входят в устье реки, несмотря на то, что

эти рыбы производят большую мышечную работу, передвигаясь против течения на сотни километров, подымаясь по водопадам и вступая друг с другом в драку из-за самки. **Фойт** полагал, что в этих условиях лосось не ощущает голода. В неволе некоторые животные иногда отказываются от пищи и умирают голодной смертью, окруженные обилием пищи. Позыв пустого желудка, достигнув известной силы, может разбудить спящего ребенка, человека или собаку, но он не в состоянии пробудить животное, находящееся в состоянии зимней спячки. «Гусеница,—говорит великий физиолог **Галлер**,—только то и делает, что ест и выбрасывает вон остаток от переваривания пищи». После того, как гусеница превратилась в бабочку, она подчас до конца своей жизни вовсе не принимает пищи, особенно если она живет недолго, несмотря на большую трату энергии при полете и воспроизведении потомства. Нельзя думать, что скудное питание или даже полное его прекращение у многих насекомых, проделавших метаморфоз, обусловлено атрофией или отсутствием пищеварительного канала. Эти особые условия связаны, очевидно, с изменениями в головном мозгу, в желудке или в приводящих путях, идущих от желудка к мозгу, которые могут быть выяснены лишь при помощи новых методов исследования; однако эти явления не опровергают вышеизложенную точку зрения о роли чувства голода в акте принятия пищи или о роли пустого желудка в происхождении этого чувства.

За исключением только что указанных специальных случаев, существует множество доказательств в пользу того, что у нормального индивидуума интенсивность и постоянство чувства голода пропорциональны степени активности и интенсивности процессов обмена веществ. Так, например, чувство голода выражено более резко у молодых растущих индивидуумов, чем у старых и инертных. Есть некоторое основание полагать, что у млекопитающихся чувство голода может появляться еще до рождения. У теплокровных животных голод усиливается при низких температурах и подавляется при резком нагревании. Обратное может быть справедливо для холоднокровных, однако экспериментальных данных на этот счет еще не существует. Указанные отношения затушевываются при разных заболеваниях.

IV. Голод, аппетит и принятие пищи.

Почему неприятная, давящая боль в желудке побуждает нас к принятию пищи? На это мы, естественно, отвечаем, что **знаем**, что пища утоляет голод. Иными словами, мы основываемся на личном опыте. Однако такое решение вопроса нельзя считать удовлетворительным, когда речь идет о новорожденном. Если животное и испытывает голод до рождения, то оно еще не знает, какое действие оказывает на это чувство принятие пищи. Что побуждает новорожденное животное в первый раз принять пищу? Имеем ли мы здесь дело с унаследованными рефлексами—с «инстинктом»? **Гемелли** и другие авторы считают чувство голода выражением «инстинкта». Животное выходит на свет из яйца или матки, одаренное главнейшими рефлексами, при чем большая их часть, может быть, уже испытана еще до вступления в новые условия существования. Среди этих рефлексов на-

ходятся и пищевые рефлексы; таковы, например, защитные рефлексы при выбрасывании изо рта невкусных или, действительно, вредных веществ. Как мы уже видели, голодное состояние желудка усиливает рефлекторную возбудимость. Это приводит к большей подвижности в случае новорожденных, способных к движению, и к большей активности пищевых рефлексов у всех остальных, что наблюдал автор на децеребрированных голубях, которых он содержал в хороших условиях в течение нескольких месяцев после операции. Когда зоб опорожняется, голубь становится беспокойным, непрестанно движется и даже пытается клюнуть пол, стенки клетки и воздух. Когда ему случается клюнуть пищу, положенную перед ним, он этой пищи, как таковой, не «узнает»; при этом он даже не раскрывает клюва. В этом отношении замечателен тот факт, что рефлекс клевания вызывается одним только чувством голода.

Новорожденный кладет себе в рот все, что находится у него под руками, проглатывая «пищу» или выплевывая ее обратно— в зависимости от ее химических свойств и от ее консистенции. Таким образом может казаться, что новорожденный ассоциирует гастрический голод с актом принятия пищи, накопляя личный опыт по методу проб и ошибок. В случае человека имеет место сознательное направление со стороны матери. Последнее, вместе с фактом подражания, вероятно, имеет место у цыплят, «обучающихся» клеванию зерна. У птенцов, клюющих пищу изо рта матери, указания последней, точно также, повидимому, играют роль первоначального фактора. Чувство голода у новорожденных млекопитающих вызывает рефлекс сосания, а у свеже или преждевременно вылупившихся птенцов—широкое разевание клюва. Эти второстепенные различия зависят, очевидно, от унаследованных рефлексов, и для их об'яснения нет нужды прибегать к понятию «инстинкта».

Согласно высказанной нами гипотезе, связь между первичным чувством голода и актом принятия пищи зиждется на личном опыте, накопленном путем «проб и ошибок». Основным фактором является усиление всех рефлексов под влиянием гастрического голода, подавление мучительных ощущений голода и сознание противоположного чувства сытости путем сосания, жевания и поглощения пищи. Эта теория требует наличия памяти—иначе каждый акт или период принятия пищи должен сызнова проходить стадию проб и ошибок.

Возникает вопрос, не играет ли у новорожденного аппетит роль связующего звена между чувством голода и принятием пищи. До сих пор вопрос о природе аппетита и о его связи с голодом служит предметом неопределенных и смутных догадок. Многие физиологи, повидимому, склонны полагать, что аппетит и голод в основе своей идентичны и отличаются только в степени—иначе говоря, умеренный голод они называют аппетитом, а сильный аппетит — голодом. Другие, однако, утверждают, что аппетит и голод отличаются друг от друга не только качественно, но и по самой природе лежащего в их основе механизма. Последний взгляд, повидимому, ближе всего к истине.

Мы знаем, что аппетит не может быть отделен от воспоминаний о пище, т.-е. ее запаха, вкуса и внешнего вида. Действительно, эти воспоминания, повидимому, доставляют нам большое

удовольствие, и «стремление», свойственное аппетиту, может быть, представляет собой только особый вид присущего нам стремления к удовольствию. Если это так, то не может быть никакого побуждения к пище, вызванного аппетитом, у новорожденного, которому до того не приходилось самостоятельно принимать пищу. Возможно, однако, что в аппетите, в виде унаследованного механизма, заложено стремление к пище, независящее от личного опыта, и когда последний приобретается индивидуумом, процессы памяти сливаются или покрываются унаследованным фактором, в результате чего оба они не могут быть отделены в сознании. Унаследованный аппетит, если таковой существует, вероятно, представляет собою, главным образом, положительный хемотропизм (к запаху, вкусу), хотя птенцы, способные разыскивать пищу тотчас же после вылупления из яйца, руководствуются при этом скорее зрением, чем обонянием.

Этот положительный хемотропизм к пище у новорожденных млекопитающих может содержать в себе элемент удовольствия. Само собой разумеется, что такой унаследованный положительный хемотропизм, усиливающий подвижность животного и направляющий его движения, совместно с унаследованными хватательными рефлексами, приводит новорожденного к принятию пищи даже в отсутствии голода. В присутствии же последнего, принятие пищи завершает опыт подавления неприятных ощущений голода путем принятия пищи. Леб и другие авторы указывают на положительный хемотропизм, как на фактор, способствующий отысканию и выбору пищи, особенно у низших животных; однако неизвестно, вызывает ли голодание у таких организмов повышенную возбудимость и двигательные реакции на специфические химические раздражения.

Мы видим таким образом, что первое принятие пищи у новорожденных или свеже-вылупившихся животных, питающихся без помощи матери, может быть об'яснено любой из вышеизложенных теорий. При наличии болезненных ощущений голода, повышающих подвижность, рефлекторную возбудимость животного и унаследованные хватательные рефлексы, ведущие к отказу от вредной или «неприятной» пищи, акт принятия пищи будет зависеть только от ее доступности для индивидуума, и утоление болезненных ощущений голода с приемом пищи устанавливается очень быстро. С другой стороны, при наличии унаследованного аппетита или положительного хемотропизма, который дает начало известным обонятельным и вкусовым раздражениям, направляющим действие рефлексов и вызывающим приятные ощущения, принятие пищи становится точно также неизбежным.

Получив первый опыт в поглощении пищи, индивидуум будет в дальнейшем стремиться к ней, побуждаемый аппетитом, т.-е. в силу того удовольствия, которое доставил ему вкус и запах пищи, или в силу голода и опыта, диктующего ему, что поглощение пищи удаляет болезненные ощущения.

До сих пор мы применяли слово «пища», большей частью ограничивая его понятием органических пищевых веществ. В более широком смысле понятие «пища» включает в себя все те вещества, которые необходимы для сохранения жизни животного. Ощущения, вызываемые лишением воды (жажда) и задержкой внешних процессов дыхания (dyspnoe), не имеют ничего общего

ни по характеру, ни по происхождению с чувством голода (обусловленным пустотой желудка), за исключением того, что все три комплекса ощущений носят в большей или меньшей мере неприятный и болезненный характер. Можно, однако, говорить о чувстве жажды по аналогии со стремлением к пище, но это не есть аппетит, аналогичный аппетиту в случае пищи. Такое различие, вероятно, обусловлено тем, что чистая вода не дает вкусовых ощущений, а, следовательно, не оставляет их в памяти. Пиво и прочие напитки дают вкусовые ощущения, и потребление их может, поэтому, и не сопровождаться действительной жаждой—аналогично тому, как известные сорта пищи могут вызывать у нас аппетит и в отсутствии голода.

V. «Солевой голод».

То, что физиологи называют «солевым голодом», обычно не испытывается человеком, если не считать того предпочтения, которое некоторые люди отдают известному содержанию соли в пище. Однако некоторые травоядные животные не проделывали бы огромных расстояний в поисках «солевых источников» только потому, что пища их недостаточно солона. Хорошо известно, что понижение содержания хлористого натрия в крови и в тканях ниже известного предела влечет за собою серьезные нарушения в жизнедеятельности организма; однако нам неизвестно, какое действие оказывают эти нарушения на сознание. Возможно, что это—скорее ощущение общей слабости и угнетения, чем специфическое ощущение, локализуемое в какой-нибудь определенной части тела, несмотря на то, что уменьшение содержания $NaCl$ в крови понижает концентрацию HCl в желудочном соке, а вместе с тем вызывает и расстройства пищеварения.

Опыты Форстера над собаками и голубями и Лунина над мышами показали, что животные эти погибают скорее при недостаточном содержании солей в пище, чем при полном отсутствии последней. При этом наблюдаются следующие признаки: слабость и кахексия, повышенная возбудимость, дрожание конечностей, расстройства желудочно-кишечного тракта (непереваривание пищи, отказ от пищи). Подлежит сомнению, действительно ли животные и человек нуждаются в поваренной соли, если в пище присутствуют другие соли, обычно в них встречающиеся. Смис, ветеринар-физиолог, утверждает, что, «как плотоядные, так и травоядные получают вместе с поглощаемой ими пищей достаточное количество солей, несмотря на общераспространенное убеждение, что дикие травоядные животные нуждаются в натрии. Можно с уверенностью сказать, что прирученные лошади могут содержаться в неволе в прекрасном состоянии, не получая вовсе поваренной соли, кроме той, которая содержится в их обычной пище, а это количество весьма незначительно». Тем не менее, не подлежит сомнению, что травоядные животные, как дикие, так и домашние, поглощают поваренную соль, как только она становится им доступной, тогда как этого нельзя сказать о плотоядных животных. Этнография достаточно определенно указывает на то, что потребность в соли или, по крайней мере, сильное влечение к ней, развилось только у тех рас или племен, которые питаются растительной пищей. По Бунге, среди рас,

живущих исключительно, или, главным образом, на животной пище, соль либо вовсе неизвестна, либо весьма мало распространена, либо недолюбливается; в то же время обитающие в Центральной Африке племена, питающиеся растительной пищей, лакомятся солью подобно детям, обожающим конфекты. Некоторые антропологи полагают даже, что столь резко выраженная потребность в соли или в животной пище служит одним из факторов каннибализма.

Путешественник Мунго Парк описывает свои собственные переживания следующим образом: «Кончавшиеся запасы соли привели меня в угнетенное состояние. Продолжительное питание одной лишь растительной пищей вызвало, наконец, столь мучительное желание соли, что я едва в состоянии его описать». Нам не приходилось сталкиваться с длительным солевым голоданием у человека. Все же лица, принимающие обыкновенную пищу, но лишенную поваренной соли, обычно жалуются на то, что через некоторое время у них исчезает аппетит (благодаря тому, что пища становится невкусной), и появляются неопределенные расстройства во всем теле—состояние, подобное тому, какое наблюдается у людей, находящихся долгое время на одном и том же или недостаточном пищевом режиме.

Но если допустить, что травоядные животные испытывают «солевой голод», сказывающийся в виде общего угнетения и слабости или в виде особых нарушений пищеварительного канала, то каким образом животные могут догадаться, что принятие соли облегчит их состояние и, далее, как они отыскивают местонахождение соли? По всей вероятности, это зависит от памяти и личного опыта. Можно допустить, что известная соленость пищи доставляет этим животным удовольствие в силу унаследованных ими рефлексов или в силу слабо возбуждающего действия солей. По этой причине они поедают или слизывают соль, когда находят ее, независимо от действительной потребности. Далее, если действительная потребность в соли выражается в общих нарушениях организма и если животное натыкается на соль, то рано или поздно оно встречается с тем фактом, что поглощенная соль облегчает состояние организма. До тех пор, пока теленок питается молоком матери, нет необходимости вводить в его пищу добавочное количество солей. Естественно, однако, что теленок, сопровождая мать к «солевому источнику», в подражание ей или из простого любопытства, познает вкус соли и ее местонахождение еще до того, как он сталкивается с действительной потребностью в ней. Таким путем, под руководством матери, или всего стада, устанавливается личный опыт.

Физика[1]) Гегеля.

З. Цейтлин.

I. Вступительное замечание.

В известном предисловии к Анти-Дюрингу (от 1894 г.) Фр. Энгельс сопоставляет натурфилософию Гегеля с современным Гегелю естествознанием. «Гораздо легче,—пишет Энгельс,—вместе с бессмысленной чернью топтать в грязь, à la Карл Фохт, старую натурфилософию, чем оценить ее историческое значение. Она содержит много нелепостей, но фантастична не более, чем современные ей нефилософские теории эмпириков-естествоиспытателей, а что она заключала в себе много разумного, это начинают понимать с распространением теории развития. Так, Геккель с полным правом признал заслуги Тревинуса и Оксана. Что касается специально Гегеля, то он во многих отношениях стоит гораздо выше современных ему эмпириков, которые думали объяснить всякое непонятное явление тем, что приписывали ему какую-нибудь силу—силу тяжести, силу плавления, электрическую силу и т. д. или же, где это не шло, измышляли какое-то неизвестное вещество: световое, тепловое, электрическое и т. д. Эти воображаемые вещества в настоящее время совершенно устранены, но **и г р а с с и л а м и**, против которой боролся Гегель, процветает еще в Инсбругской речи Гельмгольца. В противовес унаследованному от французов XVII в. обожествлению Ньютона, которого Англия засыпала почетом и богатствами, Гегель утверждал, что Кеплер, которого Германия допустила умирать с голоду, является настоящим обоснователем современной механики мировых тел и что Ньютонов закон тяготения уже содержится во всех трех законах Кеплера, а в третьем даже буквально выражен. То, что Гегель в своей натурфилософии (§ 270) и в дополнениях (соч. Гегеля 1842 г., т. VII) доказывает несколькими простыми уравнениями, встречается снова, как результат математической механики у Густава Кирхгофа (Лекции по математической физике, 2-ое издание, Лейпциг, 77 г., стр. 10) и по существу в той же, впервые развитой Гегелем, простой математической форме. Натурфилософы относятся к сознательно диалектическому естествознанию так же, как утописты к современному коммунизму». Эта характеристика уясняет нам как взгляды самого Энгельса, так и истинный смысл физики Гегеля. Физика эта подвергалась многочисленным нападкам. Нападающие придирались к различного рода мелочам, не будучи способными понять существенного. Развитие физики показало, однако, что

[1]) Термин «Физика» употребляется нами в общем смысле, а не в специально Гегелевском

Гегель, действительно, в своих физических воззрениях не только стоял во многих отношениях гораздо выше современных ему эмпириков, занимавшихся «игрой с силами», но что также, несмотря на ошибки и фантастику в частностях, благодаря методу диалектики сумел в основном далеко опередить свое время. В этом нетрудно убедиться, рассмотрев физику Гегеля с точки зрения развития физических воззрений за последние $^3/_4$ столетия.

2. Пространство, время, движение, материя и сила в физике Гегеля.

История физики с полной очевидностью выявляет следующий основной факт: многочисленные сначала «особые физические субстанции» и «силы» постепенно в процессе развития «снимаются» и заменяются единой мировой субстанцией—«материей» и ее движением. Физика превращается в единую науку о движении материи. В этом смысле физика стремится к адинамизму, т.-е. неопределенное понятие силы заменяется строгим и ясным понятием пространственного движения материи [1]). Вот почему Энгельс говорит, что натурфилософия Гегеля гораздо выше воззрений современных Гегелю эмпириков, вот почему Энгельс упрекает Гельмгольца в «игре с силами» [2]). Физика Гегеля, действительно, адинамична. Согласно методу Гегелевской диалектики определению конкретного—материи и силы—предшествует определение абстрактного—пространства, времени и движения. Пространство, по Гегелю, «есть только форма, или отвлечение: именно отвлеченная форма внешности одного предмета по отношению к другому» (§ 254).

Это определение напоминает определение Лейбница: пространство—порядок сосуществования вещей. Но Лейбниц утверждал, что порядок этот не существовал бы без вещей. Гегель же

---

[1]) 1. Физика сводит явления к пространственным движениям материи. „Но,—говорит Энгельс („старое введение к диалектике природы"),—движение материи не сводится к одному только грубому механическому движению, к простому перемещению, движение материи, это—также теплота и свет, электрическое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и, наконец, сознание". Это положение Энгельса нетрудно понять, если признать справедливым утверждение Плеханова, что Маркс и Энгельс были спинозистами. Движение материи обладает не только известным количеством, но и качеством, и Энгельс в своем Введении выдвигает наряду с законом сохранения количества движения, закон сохранения качества. Теплота, например, сводится физикой к известным пространственным движениям, но эти движения обладают также известным качеством, тем именно, которое, сочетаясь с качеством движений нашего воспринимающего телесного аппарата, образует ощущение тепла. Итак, говоря, физический анализ дает одностороннее определение движения, как пространственного перемещения, биологический же (в широком смысле слова) дополняет это определение качественным моментом. Таким образом истинное понятие движения можно извлечь из всей совокупности нашего знания. Следует, однако, строго разграничивать физическую задачу определения движений материи от биологической. Путаница и смешение в этом пункте часто ведет к мистицизму. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

[2]) Энгельс ссылается на Густава Кирхгофа. Известно, что Кирхгоф поставил задачей своей механики (см. Предисловие) исключить механическое понятие силы, дав „чистое описание" движений в пространстве и во времени. Это „чистое описание", вполне уместное в механике, было подхвачено Махом, чтобы, исказив идею Кирхгофа, распространить „чистое описание" на все области научного познания. Неоднократно указывалось, что Мах ложно ссылается на авторитет Кирхгофа, так что мы на этом останавливаться не будем.

говорит, что «если мы вообразим себе полное отсутствие всех вещей, мы все-таки должны будем допустить, что пространственные отношения сохраняются независимо от этих последних. Бесспорно можно сказать, что пространство есть порядок, потому что оно есть не что другое, как внешнее соотношение. Но дело в том, что внешнее соотношение, составляющее сущность пространства, существует независимо от всякого реального наполнения» (§ 254). В этих определениях нетрудно узнать Гегелевскую метафизику: пространственные отношения, как об'ективные идеи, имеют известное реальное существование, не будучи еще воплощенными в материальные вещи. Если отбросить эту метафизику, то Гегелевское воззрение на пространство сделается диалектико-материалистическим.

«Прежняя метафизика,—говорит Гегель (§ 254),—старалась разрешить вопрос, есть ли пространство нечто реальное, или оно составляет свойство вещей? При этом полагали, что оно похоже на ящик, который имеет самостоятельное существование, хотя бы он ничем не был наполнен. Но пространство уступчиво, оно не оказывает никакого сопротивления. Напротив, все реальные предметы исключают совместное существование других предметов. Следовательно, реального пространства в этом смысле вовсе нет. Пространство всегда наполнено и не различается от своего наполнения. Аналогичные рассуждения мы находим относительно времени и движения. Время—это прежде всего «возникновение и исчезновение, существующее абстрагирование, Хронос все порождающий и пожирающий своих детей» (§ 258).

Движение есть перемена места (как «наличного единства пространства и времени») математической точкой (§ 261). От этих невещественных, отвлеченных понятий происходит переход к реальным предметам. Рассудок,—утверждает Гегель (§ 261),—не в состоянии понять этого перехода от идеального к реальному, от абстрактного к конкретному бытию, в настоящем случае от пространства, времени, абстрактного движения к реально движущейся материи, как «непосредственно тождественного единства пространства и времени».

Тренделенбург подверг «переход» Гегеля основательной критике, а Маркс окончательно раз'яснил эту «тайну метафизической спекуляции».

Так как диалектический материализм совершенно не нуждается в переходе от идеального к реальному, то он принимает конечные выводы Гегеля, отбрасывая его метафизику. Выводы эти таковы:

«Когда нам представляется движение, мы тотчас же спрашиваем, что движется? То, что движется, есть материя. Пространство и время наполнены материей. Пространство не соответствует своему понятию; его понятие находит свое осуществление в материи. Философия природы часто брала своей исходной точкой материю и смотрела на пространство и на время как на формы этой последней. В самом деле пространство и время суть только формы, под условием которых существует материя, как элемент реальный. Но понятие пространства и времени более отвлеченны, чем понятие материи, и потому они

должны быть рассматриваемы прежде этой последней. Исследуя их, мы находим, что материя составляет их истину.

Как нет движения без материи, так нет материи без движения».

Таким образом, если с точки зрения своей метафизики Гегель и признает, что формы бытия материи—пространство, время и движение,—как об'ективные идеи имели в известный момент диалектического развития свое самостоятельное существование, то затем они неразрывно слились с материей или—точнее—обнаружились в реальности материи: не существует пространства, времени и движения вне материи, как не существует материи вне пространства, времени и движения. Воззрение Гегеля совпадает в конечном итоге с воззрениями древних физиков, Декарта, Спинозы и, как мы полагаем, диалектического материализма.

«Взяв за исходный пункт своей физики протяженную материю и ее пространственно-временное движение. Гегель переходит к понятию количества движения. Диалектический смысл этого понятия выясняется Гегелем с замечательной отчетливостью: «Величина материи есть масса, а величина движения есть скорость. Поэтому действие материи есть продукт обоих этих факторов—массы и скорости. Скорость есть не что иное, как количественное отношение пространства и времени, которые оба идеальны, между тем как масса реальна. Так как скорость заступает действие массы и действие остается одинаковым, если масса уменьшается на столько, на сколько скорость увеличивается, то «только недальновидность виновато в том, что рассудок не замечает их тождества, хотя оно явствует из этой смены одного из них другим. Так, например, известно, что в рычаге расстояние заменяет массу, и наоборот: в этом случае невещественная величина производит то же действие, как и соответствующая ей вещественная величина. Таким образом, величина движения слагается из двух моментов: из скорости, т.-е. определенного отношения между пространством и временем, и из массы; величина движения не изменится, если мы увеличим скорость и уменьшим массу, или наоборот—уменьшим скорость и соответственно тому увеличим массу. Кирпич сам по себе не убивает человека; он производит это действие, достигая известной степени скорости; в этом случае пространство и время убивают человека» (§ 261).

Переходя к понятию силы, Гегель подчеркивает условность этого понятия, его производность от понятия количества движения. «Говорят также,—пишет Гегель,—что материя наделена первобытными силами, и не хотят вникнуть в значение этого понятия. Но проявление всякой силы совершается во внешности и доступно чувствам. Все, что таится в силе, то обнаруживается в проявлении; и сила достигает своего внешнего проявления через посредство идеальных моментов, и именно пространства и времени.

При этом мы должны еще обратить внимание на одно, очень часто употребляемое выражение. Говорят, что силы насаждены в материи, т.-е. даны ей извне, как будто нераздельность силы и материи произошла случайно, и эти последние снова могли быть разделены.

...только мы сказали, что все, что есть в материи или силе, обнаруживается в пространстве и во времени, и в самом деле но обнаружение своих внутренних свойств в пространстве и во времени составляет сущность материи».

3. Гегелевская критика Ньютона.

Физика Гегеля, базирующаяся на понятиях материи и движения, считающая силу понятием условным и производным, т.-е. физика адинамическая, не могла не столкнуться с псевдо-ньютоновым динамизмом. Мы говорим псевдо-ньютоновым, потому что подлинная физика Ньютона была также адинамической, отличаясь от картезианской физики Гегеля в одном лишь, правда существенном, пункте, на котором мы остановимся в дальнейшем.

Но физика Ньютона была искажена под давлением теологии, так что сила из понятия условного и производного превратилась в мистико-метафизическую сущность.

Так как Гегелю не были известны подлинные взгляды Ньютона, а он судил о последнем на основании сложившейся традиции, то Гегель решительно выступил против псевдо-динамизма Ньютона. Критике Ньютона посвящено одно из первых сочинений Гегеля, именно диссертация «Об орбитах планет» (1801 г.).

Чтобы понять как следует основную идею этой работы, необходимо прежде всего выяснить пункт различия между физикой Гегеля и подлинной физикой Ньютона,—пункт, о котором мы упомянули выше.

Пункт этот относится к воззрению на природу обычной (т.-е. весомой) материи. Ньютон делил всю вселенскую материю на две части: пассивную (инертно-весомую) и активную (spiritus—или первая материя, эфир по нашей терминологии). Гегель же, признавая, что материя неразрывно связана с движением, не мог допустить пассивности материи в абсолютном смысле.

Ньютон считал источником сил, т.-е. движения, активную материю (эфир); так как теологии необходимо было доказать присутствие руки бога во всемирном тяготении, то эфир был изгнан из физики Ньютона, и пространство, которое Ньютон мыслил себе как относительную пустоту (наполненную не обычной, весомой материей, а спиритусом, как «чувствилищем бога»),—пространство это превратилось в абсолютную пустоту, а силы—в мистические сущности, исходящие в конечном счете от божьих мышц.

Гегель не мог, конечно, допустить, чтобы рука бога непосредственно действовала в законе притяжения. Он выразил это в парадоксальной форме, вызвавшей многократные насмешки глупцов.

«Движение небесных тел,—говорит Гегель в «Философии природы»,—есть свободное движение; небесные тела шествуют подобно блаженным богам, как говорили древние. Они не таковы, чтобы иметь принцип покоя или движения вне себя. Самостоятельная центробежная сила, как и самостоятельная центростремительная сила, принадлежит к числу метафизических бессмыслиц». Если отвлечься от этой парадоксальной формы и уяснить себе, что именно понимал Гегель под «свободным движением», то мысль Гегеля представится в ином свете. Современная

наука пришла к заключению, что инертных, пассивных масс не существует, что всякое тело—сосредоточие громадного количества внутреннего движения. На основе такого понимания Риман, например, построил теорию всемирного тяготения, а Гербер дал решение проблемы движения перигелия Меркурия, т.-е. уточнил закон тяготения Ньютона. Вот в этом именно смысл «свободного движения» Гегеля. Что значит быть свободным по Гегелю? Это значит быть активным. Постольку, поскольку вещь не пассивна, т.-е. не подчиняется всецело внешней необходимости, а заключает в себе принцип активности,—она свободна. Но свобода—только момент конкретного бытия, момент диалектический, связанный с моментом необходимости. Гегель исходил из понятия единства конкретного бытия. Всякая вещь—это, с одной стороны, «бытие в себе и для себя», но вместе с тем и «вне себя бытие», т.-е. находится в известном необходимом отношении к целому: абсолютно изолированных вещей не существует. Но что же видал Гегель в искаженной физике Ньютона? Ньютонова пассивная материя не только заключала в себе порок пассивности, но вместе с тем порок абсолютной изоляции. К этой изоляции привели Бентли-Котс, превратив эфир Ньютона в абсолютную пустоту. Это превращение привело к «метафизической бессмыслице»—сверх'естественным самостоятельным центробежно-центростремительными силам. Гегель, как диалектик, не мог допустить иного об'яснения природы, кроме такого, которое исходит из самой природы. Допустить сверх'естественные силы означало отказаться от основного диалектического постулата тождества мышления и бытия. Этот постулат (identitas rationis et naturae) и составлял предмет доказательств диссертации Гегеля. Гегель говорит поэтому[1]): «И то, и другое (т.-е. центробежная и центростремительная силы) с математически-механической точки зрения непонятно и таинственно, так как нельзя понять, каким образом бог толкает, а также каким образом всеобщее тяготение или притяжение, *действующее на расстоянии*, следовательно, *без давления и толчка* может сообщить движение телу. Математика имеет дело только с величинами, а астрономия с пространством и временем, материей и силами, небесными телами и их свободным движением: поэтому одной математики недостаточно, чтобы обосновать физическую астрономию и об'яснить путь планет. Для этой задачи нужно прибегнуть к натурфилософскому понятию материи и ее необходимого раздвоения или дифференцирования (диремции) на противоположные силы». Здесь перед нами наглядно выступают два пункта, рисующие силу и слабость Гегеля:

1) Критика Гегеля относится главным образом к Бентли-Котсу. Ньютон, полагая материю (весомую) пассивной, об'яснял центробежную и центростремительную силы активным началом—эфиром, через посредство которого и действует Абсолютный Дух. Это—обычное учение оккультизма, разделяющего мир на тело (пассивное начало), душу (активное, формирующий посредник, spiritus—эфир) и дух или разум (идею). Сам Гегель не отказался бы от такой теории и его учение не очень уж так далеко отстоит от воззрений Ньютона.

[1]) Цитируем по Куно Фишеру; Гегель, т. I, стр. 238.

1) Слабость Гегеля. Гегель не учел урока картезианцев и [illegible]. Картезианцы и Ньютон пытались постичь «физическую [illegible] в последней инстанции». Эта попытка потерпела кру[illegible] и Ньютон вступил на истинно-диалектический путь посте[illegible] овладевания природой. Но Гегель был метафизическим, [illegible] можно так выразиться, диалектиком. Его философия стре[illegible] сделаться систематичной. Гегель хотел основать вечную [illegible]физическую империю, в которой Абсолютный Дух обрел бы, [illegible], свое самосознание. Эта империя очень смахивала на [illegible]скую государственную машину, звенья которой в лице прус[illegible] бюрократов, казались Гегелю последним воплощением абсо[illegible] идеи. Про Гегеля рассказывают анекдот, что он будто бы [illegible]нивал себя с Христом—воплотившимся Логосом—и подобно [illegible] говорил о себе: я есмь жизнь, истина и путь. Этот [illegible]дот—клевета, но в символическом смысле он характерен. При[illegible], как известно, решила посмеяться над абсолютной системой [illegible]геля—она сразила философа самым прозаическим «бытием в [illegible]»—холерной бациллой. Вечная прусско-гогенцоллерновская [illegible]архия тоже погибла от бациллы времени[1]).

Второй пункт об'ясняет диалектические излишества Гегеля, [illegible]рые поставили его в смешное положение. Не имея никакого [illegible]ятия об истинном методе Ньютона, о поразительной глу[illegible] и продуманности Ньютонова учения о тяготении, Гегель [illegible] на закон тяготения, который является фундаментом Не[illegible] Механики. Прусское чванство толкало Гегеля к выдви[illegible] заслуг Кеплера[2]). «Открытие законов планетных путей,—[illegible] Гегель[3]),—составляет бессмертную заслугу Кеплера, ко[illegible]рую Ньютон несправедливо затмил в глазах мира. Ньютон, на [illegible] законов, найденных Кеплером индуктивным путем, [illegible]троил принцип тяготения, т.-е. всеобщего притяжения или [illegible]ести и из него дедуктивно вывел законы Кеплера». Последние [illegible] показывают, как далек был Гегель от понимания действи[illegible]ного метода Ньютона. Заслуг Кеплера никто отрицать ни [illegible]ет, но говорить, что закон тяготения выведен только из [illegible]нов Кеплера значит отрицать великое значение принципа [illegible]го-научного доказательства[4]),—принципа, развитого впервые [illegible]риложении к теории тяготения Ньютоном и обосновавшего [illegible]бесную Механику». Подчиняясь давлению сил систематиче[illegible]ого ума, Гегель докатывается до утверждений, что «не одна [illegible] же сила притягивает яблоко к земле и заставляет планеты [illegible]аться вокруг солнца» (диссертация), что планеты, в противо[illegible]ложность солнцу и звездам, «как непосредственно конкретные [illegible], суть тела наиболее совершенные» (Аристотель!)[5]), что «ме-

---

1) См. Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. Энгельс считает „систему" Ге[illegible] последней системой. „С одной стороны, потому, что эта система пред[illegible]ляет собой величественный итог всего предыдущего развития, а с другой—[illegible], что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из [illegible]ринта систем к действительному познанию".

2) „Гегель был немец и, подобно своему современнику Гете, порядочный [illegible]стер". (Ф. Энгельс „Людвиг Фейербах").

3) Философия природы, § 268 и сл.

4) См. наши статьи „Метод доказательства и пр." („П. З. М.", №№ 6—7 1924 г. и 1—2—3 за 1925 г.).

5) Философия природы, § 270.

жду Юпитером и Марсом нельзя искать планеты»[1]) и т. п. Последнее утверждение доставило много удовольствия филистерам, противникам Гегелевской и всякой вообще философии. Дело в том, что Гегель защищал свою диссертацию в августе 1801 года, а в январе того же года астроном Пиацци в Палермо открыл между Марсом и Юпитером планету Цереру! Несмотря на этот урок, Гегель в «Философии природы» повторяет критику Ньютоновой физики и дает «разумное обоснование из понятий» законов Кеплера. Это обоснование, по сравнению с доказательством Ньютона, прямо наивно[2]); но эта и все другие ошибки Гегеля не должны все же мешать видеть правильное зерно его критики, направленной в действительности против физики Бентли-Котса. Чтобы показать, насколько эта критика верна и далеко опередила свое время, мы приведем цитаты из первых двух, попавшихся нам под руку, современных физиков (мы могли бы число их умножить). Вот что говорит о силе знаменитый сотрудник и единомышленник В. Томсона проф. Тэт (см. «Свойства материи», стр. 7):

«Озаглавив это сочинение словами свойства материи, мы сделали уступку обычаю и удобствам изложения. Впрочем, заключающаяся здесь ошибка далеко не так чудовищна, как сохранившийся до сих пор обычай употреблять термин центробежная сила. Слово сила из-за его краткости будет часто употребляться нами, но оно в сущности не обозначает ничего об'ективного, потому что не выражает собою ни материи, ни энергии (т.-е. движения. *З. Ц.*). Это есть представление, вытекающее из «мышечного чувства» совершенно таким же образом, как вытекли из показаний других чувств идеи блеска, шума, запаха или боли. Во всех этих случаях нет ничего внешнего, об'ективного, что прямо соответствовало бы представлению». Тэт буквально даже повторяет слова Гегеля о метафизической бессмыслице самостоятельных и центробежно-центростремительных сил.

«Прежде существовало мнение,—говорит Тэт (стр. 99),—вызванное, вероятно, примерами вроде верчения на нитке камня (при чем кажется, как будто камень тянет руку), что тела имеют стремление удаляться прочь от центра вращения. Отсюда родилась центробежная сила, для уравновешивания которой потребовалась центростремительная. Термин центробежная сила укоренился в научном языке. Выражение это представляет некоторые удобства, если только его не раздваивать по смыслу, как силу и как направление из центра, а просто употреблять как указание, что для сохранения телом движения по кривой (вместо естественного пути по прямой) необходимо действие силы к центру кривизны».

Под действием силы англичане, как известно, разумеют приток известного количества движения; мысль Тэта, следовательно, такова: для того, чтобы тело двигалось по кривой, необходимо, чтобы тело получало из окружающей среды известное количество движения, направленного в конечном счете к центрам

---

[1]) Диссертация.

[2]) Мы говорим о „разумном обосновании из понятий", а не о математическом выводе, который отмечен Энгельсом со ссылкой на Кирхгофа.

кривизны траектории. Иначе говоря, то, что обычно называют центробежно-центростремительными силами, есть лишь указание на связанные с данным телом процессы движения в окружающей среде»[1]).

Другой знаменитый физик Фредерик Содди (см. «Материя и энергия», стр. 89), несправедливо (по существу) упрекая Ньютона в введении метафизического понятия силы[2]), говорит: «Понятие о силе и ее псевдофизическом существовании задержало на целые столетия открытие закона сохранения энергии. Существует лишь то, что сохраняется. Попытки установить закон сохранения силы были очень продолжительны, но совершенно бесплодны. В других отраслях науки понятие о силе является только обманом и камнем преткновения». История физики показывает, что физика двигается к адинамизму. Если кому выгодна «игра с силами» (великолепное выражение Энгельса), то для науки она действительно является обманом и камнем преткновения. Вот почему такие ученые, как Вильям и Дж. Дж. Томсоны, Кирхгоф, Гельмгольц и, наконец, Г. Герц, делали упорные усилия, чтобы построить адинамическую физику. Величайшим завершением этих попыток является «Механика» Г. Герца, находящаяся, по понятным причинам, в пренебрежении до сих пор. Гельмгольц справедливо, однако, говорит, что механика Герца еще сыграет крупную роль в будущем. Заметим в заключение, что физика Эйнштейна по существу адинамична. Но здесь палка перегибается (последователями, которые «часто опаснее противников») в другую сторону: отвергается не только реальность сил, но и реальность движения, движение превращается в чистую относительность, что ведет, конечно, не только к физическим парадоксам, но и к идеализму.

4. Абсолютная механика Гегеля.

В предыдущих §§ мы в общих чертах охарактеризовали основы натурфилософии Гегеля.

Перейдем теперь к подробностям, дабы более точно уяснить оттенки Гегелевских воззрений. Мы начнем с Гегелевской теории тяготения или абсолютной механики. Теория тяготения Гегеля—теория философская. Многие склонны пренебрежительно

---

[1]) В случае вращения, например, обычного тела эта среда скрыто фигурирует в так наз. „силах упругости". В. Томсон пытался свести эти силы к вихревому движению в однородной несжимаемой жидкости. В случае всемирного тяготения одни ученые (напр., Риман) считают средой сами тяготеющие массы, а другие (напр., Лесаж, Томсон, Бьеркнес) вводят особые среды (ультрамировые атомы, эфир). Нам лично воззрение Римана представляется наиболее вероятным: тяготение обусловлено тем, что обычные массы (солнце, например, земля, планеты) не являются чем-то пассивным, а представляют огромные резервуары скрытой энергии. Современная физика установила, что энергия массы выражается произведением этой массы на квадрат скорости света ($E = m \cdot c^2$): тяготение обусловлено непрерывным обменом энергии между массами тел. Как мы доказываем в специальной работе, это воззрение дает хорошее решение проблемы движения перигелия Меркурия, т.-е. подтверждается опытом.

[2]) Содди, впрочем, замечает: „Всеоб'емлющий гений Ньютона не мог долго оставаться в заблуждении относительно истинного значения силы; но для всякой великой мысли последователи часто бывают опаснее противников".

относиться к философскому анализу научных проблем, но история науки (особенно за последние два десятка лет) с несомненностью доказывает необходимость и важность такого анализа. Философское решение научных проблем имеет большое ориентирующее значение, хотя здесь на-лицо опасность—принимать такое решение за научное. Мы уже отметили, что заслуга Ньютона в том, что он от общего картезианского решения проблемы тяготения перешел к строго научному, положив этим конец «бесконечным фантазиям» (выражение Ньютона) картезианцев, базировавшимся на общефилософских соображениях и возможной природе тяжести. Научное решение Ньютона было положительным шагом вперед, но оно заключало в себе и момент отрицательный. Овладев формальным законом тяготения, ученые пользовались им для разработки различных вопросов, в первую очередь вопросов небесной механики, достигнув, в последней особенно области, необычайных результатов, таких, как теоретическое открытие Леверрье и Адамсом планеты Нептун. Этот успех закона Ньютона в связи с неудачей многочисленных попыток по существу об'яснить механизм тяготения приводил мало-по-малу ученых к мысли довольствоваться знанием формального соотношения и рассматривать тяжесть как существенное, прирожденное свойство материи, не подлежащее дальнейшему «об'яснению».

Попытки об'яснить механизм тяготения начали рассматриваться, как теоретически праздные и научно бесполезные; философы «чистого описания» старались подкрепить такое воззрение гносеологическими соображениями касательно природы физической теории. Но движение самой науки «снимало» Ньютонов формализм, сами факты опыта заставляли переходить от формализма к рассмотрению закона тяготения по существу. Дело в том, что закон тяготения, провозглашенный абсолютом природы, обнаружил прорехи как в области микрокосма — молекулярной сфере, так и в сфере макрокосма—небесной механике. В последней, в частности, области никак не удавалось подвести под закон тяготения различные аномалии планетных движений, из которых самая известная—это аномалия движения перигелия Меркурия. Рядом ученых были предложены различные видоизменения закона Ньютона [1]), и таким образом закон был релятивизирован. Эти видоизменения производились в большинстве случаев чисто формально, путем «нащупывания» (tatonnement), а потому оказывались в общем неудовлетворительны. Наконец, молодой немецкий ученый Гербер, отбросив частично формальный метод и положив в основу своего анализа несколько удачных идей касательно механизма тяготения, сумел в 1898 году дать рациональное видоизменение закону Ньютона и получить формулу (впоследствии полученную также Эйнштейном) движения перигелия Меркурия, формулу, которая вместе с тем удовлетворительно в общем об'ясняла и другие аномалии. Теория Гербера подверглась ожесточенной критике. Критика эта зиждилась на полном непонимании идей Гербера, на застывших метафизических понятиях, прочно укоренившихся в умах ученых, на нежелании снять покров «загадки» с закона тяготения. Между тем

---

[1]) См. статью Zennek'a (qravitation) в Математической Энциклопедии, т. IV.

основная идея Гербера чрезвычайно проста. Она заключается в том, чтобы рассматривать потенциальную энергию, как кинетическую по существу. Иначе говоря, теория Гербера адинамична, т.-е. рассматривает силу тяготения, как производную всеобщего движения материи [1]).

Таким образом философский подход к вопросу помог решить определенную научную задачу. Вот почему Гегелевская теория всемирного тяготения, дающая диалектико-философский анализ проблемы на основе адинамизма, представляет значительный интерес. И если бы ученые и неученые филистеры вместо того, чтобы придираться к метафизическим уклонам и фантастике Гегеля, постарались продумать то существенное, которое содержится в его воззрениях, то они убедились бы, что у Гегеля есть чему поучиться. Действительно, метод Гегеля, как правильно отметил Энгельс, совпадает с методом Кирхгофа, а метод последнего—с подлинным методом Гюйгенса—Ньютона; с той лишь разницей, что Ньютон менее формален, нежели Кирхгоф. Последний просто принимает коэффициент массы постоянным, в то время как Ньютон обосновывает это постоянство атомистической гипотезой, выведенной на основании закона падения тел Галилея [2]). Существенное в методах указанных мыслителей—это адинамизм, т.-е. они отрицали метафизическую реальность сил, а исходили из движения материи. И если у Ньютона фигурирует сила, то только в качестве вспомогательно-производного понятия, строгое определение которого представляет великую заслугу гения Ньютона.

Гегель не был знаком с подлинным методом Ньютона, ибо в противном случае он должен был бы признать гениальность этого метода, изобретенного великим Гюйгенсом и развитого столь блестяще Ньютоном.

Мы уже указали, что Гегель наполнял пространство непрерывной материей, не косной, а неотделимой от присущего ей движения. Любопытно отметить справку Мишле о том, что «первое, с чего начиналась в нем (первом очерке Гегеля по философии природы. *З. Ц.*) философия природы, был эфир».

Мишле говорит, правда, что понятие эфира у Гегеля не совпадает с тем, что под этим именем разумеют естествоиспытатели. Это действительно так, но не имеет большого значения, ибо несовпадение относится к Гегелевской метафизике: здесь мы имеем то же самое, что и в понимании понятий пространства и времени, которые согласно Гегелевской метафизике как-то существовали до своего реального осуществления в материи. Вот, впрочем, Гегелевское определение эфира:

«Идея, как тождество существования и понятия, должна быть названа абсолютной материей или эфиром. Ясно, что это наименование равнозначаще с чистым духом. В самом деле, эта абсолютная материя не есть что-нибудь чувственное; она есть чистое понятие, а существующее понятие есть дух; она носит первое имя, когда не думают о ее сущности, точно так же, как, говоря о духе, считают недостаточным его первое название, по-

---

[1]) Основы теории Гербера, его метод и история вопроса изложены нами в работе „Метод классической механики решения проблемы движения перигелия Меркурия", переданной нами для опубликования в „Вестник Коммунистической Академии".

[2]) См. наши статьи „Метод доказательства" и „Hypotheses non fingo". „П. З. М." № 6—7—1924 г. и 1—2—3—1925 г.

тому что не хотят вспомнить о втором его элементе, т.-е. о существовании. Будучи прост и равен себе, эфир есть неопределившийся дух, недвижный покой, или бытие, возвратившееся из разнообразия к единству своей сущности, субстанция и бытие всех вещей, бесконечная и неизменная связь, равнодушная к внешней форме и определенности и вмещающая их в себе, и по тому самому способная принять всякую форму и бесконечно изменяться. Итак, эфир не проникает во все, но сам есть все; ибо он есть бытие. Нет ничего вне его, и он не изменяется; он вмещает все в себе, единит все, он текуч и невозмутимо прозрачен. Эта чистая сущность, возвратясь к чистому бытию, разрешила в себе всякое разнообразие, оставила его позади себя, и противополагается ему. Другими словами, эфир есть то духовное по своей природе бытие, которое, возникши из разнообразия, не уяснило себе своей духовной сущности; это—чреватая материя, абсолютно отданная движению, бродящая; она, зная, что лежит в основе всего, вмещает в себе многоразличные и повидимому самостоятельные моменты, но в то же время знает, что не выходит из среды самой себя, и во всем пребывает. Поскольку эфир или чистая материя пребывает в самой себе, или есть чистое самосознание, он существует как бытие вообще, а не как раздельное и реально определенное существование. Но это неопределенное бытие определяется и переходит в определенное существование, именно приобретает раздельную внешнюю реальность. Дух, перейдя в природу, движется в элементе реальности. Необнаружившийся дух, эфир, не реален: пока он не раскрылся в реальном элементе, он еще не полон; он замкнут в своей сущности, и ему предстоит развиться в раздельных формах существования».

Чтобы уразуметь как следует этот отрывок, необходимо руководствоваться правилом В. И. Ленина: «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу)—т.-е. я выкидываю боженьку, абсолют, чистую идею». Если поступить по рецепту В. И. Ленина, то Гегелевский эфир превратится в субстанцию Спинозы. Исходной точкой Гегелевской философии природы и является эта субстанция постольку, поскольку Гегель рассматривает природу как определенную ступень в развитии Абсолютной Идеи. Так как диалектический материализм отбрасывает идею Гегеля, то его философия природы, взятая «в себе», независимо от метафизики «ступеней», является философией диалектического материализма. При изложении воззрений Гегеля мы будем придерживаться порядка 1-го издания Натурфилософии. Мишле говорит, что «главная ошибка 1-го издания состояла в том, что в различных его отделах высшие (т.-е. более развитые и более сложные) явления нередко предшествовали низшим (т.-е. простейшим и менее сложным); так в механике вслед за общим тяготением следовали конечные механические явления, давление, падение, удар и инерция»... Замечание Мишле совпадает с тем, что говорит Маркс о научном методе в «Введении в критику политической экономии». Согласно Марксу метод диалектики требует скачка от высшего и сложного к низшему и простому, а затем уже возвращения к исходному пункту, как к «полной и об'ясненной конкретности». Маркс указывает, однако, что при анали-

[..]ческом исследовании синтетическое целое должно постоянно [..]ть необходимой предпосылкой в уме исследователя. Так как [по]нимание Гегелевских воззрений требует уяснения его синтетической предпосылки, то мы и начинаем с Гегелевской Абсолютной Механики.

Как мы уже указали в первых §§, основное положение Гегелевской небесной (абсолютной) механики заключается в приписании небесным телам «свободного (абсолютного) движения». Чтобы оценить как следует этот тезис, необходимо очистить его предварительно от приводящих и ненужных метафизических элементов. Метафизика Гегеля требовала, чтобы планеты были самыми «совершенными небесными телами».

«Планеты,—говорит Гегель (§ 230),—совмещают в себе отличительные свойства прочих небесных тел, и потому в механическом отношении они совершеннее всех прочих тел солнечной системы. Развитие жизни возможно только на планете. Древние народы ставили выше всего солнце и обоготворяли его. Мы нередко подражаем им, когда ставим отвлечения рассудка (так называемые [об]щие силы) выше конкретных форм действительного мира».

Если планеты «совершеннее» солнца, то солнечная система [с]овершеннее» звезд: звезды «стоят на низшей ступени материального развития (§ 268)—и всякое органическое тело стоит выше [и] по своему устройству. В звездах нет жизни, потому что они [м]ертвы. Звезды нельзя даже сравнить с солнечной системой, которая организована и в которой мы впервые видим осуществление разумных законов». Если отбросить эту ненужную и давно опровергнутую наукой метафизику, то идею Гегеля о свободном [(а]бсолютном) движении, приложенную ко Вселенной в целом, [м]ожно выразить так: Вселенная представляет собою единое и [а]бсолютное целое или, выражаясь терминами Спинозы, есть [су]бстанция или самопричина, т.-е. материя и движение Вселенной [н]е обусловлены внешними причинами (силами), а являются коренным бытием. Таким образом смысл свободного движения [м]атерии в том, что понятие причины не может быть приложено [к] Абсолюту в целом. Вот почему в Абсолютной Механике [Г]егеля царит свободное (абсолютное) движение, несвободное же [ра]ссматривается в механике конечной.

Идея Гегеля не нова, но она выражена им в очень отчетливой [ф]орме. Научное ее значение громадно, так как история науки [п]оказывает, с каким трудом эта элементарная, но фундаментальная [м]ысль проникает в умы, а ее усвоение помогло бы устранить [м]ногие мнимые метафизические «загадки», в частности «загадку [вс]емирного тяготения». Идея Гегеля о «свободном движении» лежит в основе всех адинамических (чисто-кинетических) концепций физики[1]), в частности, в основе знаменитой «Механики» [Г]ерца.

Но может быть адинамические физики Томсонов, Герца и др. [у]старели?

Тогда возьмем самые новейшие выводы космической физики. [Ос]новное утверждение общей теории относительности Эйнштейна [з]аключается в том, что движение планет по эллиптическим орби-

[1]) См. статью A. Voss'a (§ 26) в IV томе Математической энциклопедии [„]Die Prinzipien der rationellen Mechanik").

там является именно «свободным движением»: планеты двигаются по инерции в неевклидовом пространстве и никакой реальной силы притяжения не существует.

Теория относительности представляется, однако, многим неприемлемой и непонятной. Укажем тогда на новейшую работу D-r'a Nenning'a: «Космическая динамика» [1]), базирующуюся на евклидовой теории вихрей Гельмгольца—Томсона. Неннинг утверждает возможность криволинейных планетных путей, исходя из представления взаимодействия планет и эфира: «свободное» движение планеты в эфире в связи со всей совокупностью движений (вихревых) в этой среде дает криволинейные орбиты. Таким образом философское решение проблемы тяготения на основании идеи свободного движения таково: вселенская материя (эфир) находится в непрерывном движении; движения отдельных частей образуют «частные центры», которые в свою очередь об'единяются в «общем центре» и т. д.

Гегель говорит (§ 268): «Всякое тяжелое тело, по своему понятию, есть тело независимое и в то же время подчиненное своему центру. Обыкновенно превращают эти два условия, входящие в понятие всякого тяжелого тела, в две независимые силы, соответствующие силе притяжения и отталкивания—именно в силу центростремительную и силу центробежную. При этом представляют себе, что эти независимые друг от друга силы совмещаются в третьем—в самом теле, и влекут это последнее в разные стороны. Таким образом глубокое понятие о всеобщем тяготении уступает место самому произвольному представлению, и пока в учении об абсолютном движении будет господствовать теория этих пресловутых сил, до тех пор в нем не будет ни мысли, ни разума. Все эти тела и силы представляются себе независимыми друг от друга. Но, как мы об'яснили в настоящем параграфе, тела, связанные абсолютным движением, тесно соединены в одну разумную нераздельную систему. В ней главный общий центр противополагает себе другие частные центры, окруженные единичными телами—зависимость которых от первого обнаруживается в их совместном движении вокруг этого центра» (курсив везде Гегеля). Гегель справедливо указывает (§ 220), что центробежно-центростремительные силы—это полезные математические фикции: математика «представляет пройденное пространство под видом диагонали двух сил—силы центробежной и центростремительной, или разлагает его на эти мнимые силы и таким образом облегчает себе свои вычисления. Центростремительная сила соответствует радиусу, центробежная—касательной, а дуга есть диагональ этой и другой. Но не должно забывать, что эти, так называемые, силы суть не что иное, как математические линии, и что в действительности их нельзя отделить одну от другой».

Гегель решительно и вполне основательно восстает против пресловутого толчка или импульса, который должен был быть присоединен к силе тяготения для получения криволинейного движения. Этот «толчок» порожден фикцией центробежной силы и антропоморфным образом мышления, переносящим понятия

[1]) D-r Nenning, Kosmische Dynamik, München 1923 г.

узкого первичного опыта на сферу вселенной. Если обычное мышление полагает, что планеты начали двигаться по кривым вследствие центробежной силы, которая была «сообщена всем небесным телам в начале творения посредством первоначального толчка или импульса, отбросившего их в сторону», то Гегель утверждает, что «такое случайное и внешнее движение может быть сообщено косной материи, т.-е. материи, не обладающей собственной самодеятельностью; так, когда мы вертим камешек на нитке вокруг руки, он постоянно натягивает нитку и стремится улететь».

Гегель предостерегает против наиболее частой метафизической ошибки: ложных заключений от частей к целому.

Мы не будем касаться метафизических соображений Гегеля, касающихся «разумного» обоснования законов планетных движений и других подробностей его критики научной теории тяготения. Куно Фишер справедливо говорит, что «постоянные пререкания с эмпирической физикой, которыми до надоедливости переполнены примечания к философии природы Гегеля, вовсе не составляют ее достоинства, а скорее вредили и вредят ей».

Пререкания эти затемняют действительную сущность Гегелевских воззрений и дают возможность критикам придираться к нелепым и фантастическим выводам Гегелевской метафизики, вроде того, что сила тяжести больше на экваторе, или что «солнце совмещает в себе покой и движение», а потому «оно вращается, не изменяя своего места» и т. п.

Коснемся лишь еще одного существенного вопроса. Гегеля упрекают в том, что он будто бы утверждает, что солнечная система «не имеет истории», ибо, осуществляя идею свободного движения, солнечная система не находится ни в какой зависимости от причин, действующих во времени» (П. Чижов). Утверждению Гегеля противопоставляются научные теории происхождения солнечной системы. Здесь наиболее четко обнаруживается полное непонимание основной идеи Гегеля о свободном движении.

Гегель в «Введении в философию природы» (§ 247) подробно об'яснил, как необходимо отвечать на вопрос о вечности мира. «Время,—говорит Гегель,—приложимо только к конечным предметам, и оно начинается для каждого из них вместе с возникновением предмета»... «Но философия природы возвышается из сферы конечной в сферу всеобщего, бесконечного: она не следит за сменою конечных существований, но изучает то, что есть в них непреходящего и вечного. Она смотрит на мир не как на совокупность конечных существований, но изучает то, что есть всеобщего в этих конечных предметах. Вот почему она вовсе не касается вопроса о начале и происхождении этих последних».

Гегелю без сомнения прекрасно была известна теория Канта-Лапласа, на которую напирают критики. Но Гегель сознательно исключал рассмотрение вопроса из философии природы. Его Абсолютная Механика ставила себе целью не вопрос о происхождении мира, вопрос, входящий в сферу науки, а вопрос об общих законах движения материи, образующих методологический ключ к правильной трактовке проблемы тяготения. Критик Чижов сам указывает (стр. 225): «Законы абсолютной или небесной ме-

ханики представлялись ему (Гегелю) таким необходимым звеном в ряду причин законов природы, что он не мог вообразить себе времени, когда бы они отсутствовали. Такое отсутствие, по его мнению, составило бы пустоту в природе». Гегеля можно лишь упрекнуть в том, что он, обуреваемый жаждой метафизической системы, полагал, что им открыты уже законы абсолютной механики. В действительности же законы эти познаются человечеством в длительном течении времени. Но метафизические уклоны Гегеля не лишают значения ту долю истины, которая заключается в воззрениях этого великого диалектика—материалиста наизнанку.

(*Продолжение следует*).

К вопросу об особенностях исторического развития России.

(Продолжение).

М. Н. Покровский.

II. Где уже только одни исторические замечания.

Продолжаю свое маленькое исследование о том, чем держалось русское самодержавие, и что помогло этому мамонту дожить до XX века.

Перед 1905 годом, отчасти и после, у нас очень распространены были разговоры о том, колониальная страна Россия, или нет, колониальный тип развития у нас, или нет. При этом имелось в виду, что Россия сама есть колония для западно-европейского капитала. Не обращали внимания на другую сторону: что Россия есть одно из величайших **колониальных государств** мира: что она, колония она или нет по отношению к западно-европейскому капиталу, является обладательницей самых больших колоний, какие только имеет какое-либо другое европейское государство, исключая Англию и Францию. По площади своих колоний среди этих государств царская Россия занимала даже первое место: в то время, как площадь **всех** английских колоний составляла около 13 милл. кв. километров, всех французских—около 11 милл.—площадь одной Сибири превосходила 13 милл. кв. километров. По **населенности**, русские колонии уступали, конечно, не только английским и французским, но и голландским: но все же и население Сибири, Средней Азии и Кавказа в 1905 году доходило до 26 миллионов жителей, т.-е. равнялось хорошему европейскому государству, вроде Италии второй половины XIX в.).

Что Сибирь, Средняя Азия и Кавказ суть **колонии**, этого у нас многие не понимали просто потому, что учебники географии под «колониями» разумели «заморские» владения, а все перечисленные страны имели с основным ядром «Российской империи», с тем, что называлось тогда «Европейской Россией», непрерывную сухопутную связь. Поэтому многие в простоте души говорили тогда, что у России «вовсе нет колоний» или была, когда то.

только одна—«Российские Американские владения» по ту сторону Берингова пролива, да и ту в 1867 году продали Соединенным Штатам. Но с этой, школьно-географической, точки зрения нелепо было говорить и о России, как колонии Западной Европы, потому что от последней Россия тоже морем не была отделена. Если же понимать под «колонией» то, что все экономически грамотные люди понимают, т.-е. страну, менее культурную, чем метрополия, и служащую для последней источником сырья, а в новейшее время—местом, куда вывозится капитал (в эту стадию развития Россия перед 1905 годом еще не вступила), то все эти страны окажутся самыми что ни на есть образцовыми колониями, начиная с Сибири, которая уже с XVI—XVII в.в. доставляла один из самых ценных тогда видов сырья, пушнину, а позже золото, и кончая Кавказом, который в 1901 г. дал «империи» больше нефти, чем имело какое-либо государство мира, и Средней Азией, которая перед войной покрывала 50% всей потребности тогдашней России в хлопке. Это были настоящие колонии, форменные колонии, и то, что в любую из них можно было доехать из Петербурга, не садясь на корабль, только давало одну добавочную черту: колониальные нравы, в Англии или Франции отделенные от метрополии океаном, в России не были от нее отделены никакой осязаемой чертой и свободно просачивались до самого центра.

А нравы эти были, опять-таки, более первобытные, чем где бы то ни было в это время. Использование колоний, как источников промышленного сырья, это, ведь, явление нового времени, для России конца XIX—начала XX века. В расцвет захвата колониальных владений в Америке и Азии, в XVI—XVII веках, колонии просто грабили, просто отнимали у населения что было поценнее, а при малейшем сопротивлении самое население истребляли. Колониальный грабеж был неразрывной составной частью первоначального накопления. «История голландского колониального хозяйства», говорит Маркс,—«а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII века—развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей».

Возьмем ли мы завоевание Закавказья в 1820-х годах, или Средней Азии в 1860-х, эта характеристика Маркса будет бесподобной фотографией того, что проделывала в названных местах «не имевшая колоний» царская Россия. Вот перед нами один из самых образованных русских генералов начала XIX века, друг декабристов, Ермолов, и вот два эпизода из истории «управления» им Закавказья, эпизода, излагаемых не по какому-нибудь «памфлету», а со слов официального историка Кавказской войны, тоже русского генерала, Дубровина. 24 июля 1819 года умер «после

непродолжительной болезни» Измаил—хан шекинский (персы открыто говорили, что он был отравлен состоявшим при нем русским чиновником, и делали в этом смысле даже официальные заявления). В столицу умершего хана, Нуху, немедленно же были двинуты «для предупреждения волнений» русские войска. Затем, повествует генерал Дубровин, «главнокомандующий, под предлогом неимения прямых наследников, приказал ввести в ханстве шекинском русское управление... Вместе с тем было приказано: привести в известность ханские доходы, не изменяя ни количества их, ни порядка взноса; печать ханскую и мирзу, управляющего делами, взять под стражу, дабы пресечь ему возможность выдавать фальшивые ханские грамоты. Привести в известность грамоты, выданные Измаил-ханом на управление деревнями или на разного рода имущество, данное в собственность, описать собственное имущество хана, долженствующее поступить в казну; составить список всему ханскому семейству с обозначением состоявшей у каждого собственности, чтобы определить им приличное содержание от казны». Семейство умершего хана было попросту, таким образом, ограблено: официальные документы, на которых основано изложение Дубровина, умалчивают только об одном—какой комиссионный процент учли в свою пользу исполнители этой операции, русские чиновники, штатские и военные. Что они были здесь несколько заинтересованы, показывает всеобщая уверенность, разделявшаяся и русскими офицерами, что отравлен был Измаил-хан по прямому приказу главного военного начальника края, генерала кн. Мадатова. Этот же последний, по общему мнению, был виновником и другой не менее смелой операции, совершенной в соседнем Карабахском ханстве. Здешнего хана, повидимому, отрава не брала, и для устранения его пришлось прибегнуть к средству менее трагическому, но зато для того времени необычайно прогрессивному,—теперь мы назвали бы его провокацией. Племянника хана подговорили донести на дядю, будто тот хочет его убить, при чем, для большей убедительности, было симулировано даже и самое покушение. Немедленно было наряжено строгое следствие. Поняв, к чему клонится дело, хан бежал в Персию, предусмотрительно захватив с собой бóльшую часть жалованных грамот императора Александра, но зато бросив все свое имущество. Тогда племянника, который уже видел себя наследником всего оставленного ханом, включая и самое ханство, преспокойно сослали в Симбирск, а «выморочное» достояние карабахской династии поступило в собственность русской казны.

К таким сложным операциям приходилось прибегать, когда дело шло о ханах и беках, т.-е. помещиках. С «простым народом» обращение было, разумеется, проще. Вот, например, в какой обстановке жили при Ермолове чеченцы на плоскости,—наиболее

близкие к нам соседи: «В случае воровства каждое селение обязано выдать вора, а если он скроется, то его семейство. Но если жители дадут средство к побегу всему семейству вора, то целое селение предается огню. Точно так же обещано поступить с селением в том случае, если жители, видя, что хищники увлекают в плен русского, не отобьют его или не отыщут; из такой деревни за каждого русского, взятого в плен, приказано брать в солдаты по два человека туземцев. Известно было, что без пособия и укрывательства самих владельцев горцы не могли проезжать от реки Сунжи, а потому по всему пространству своих земель владельцы должны были иметь постоянные караулы. Если же затем, по исследованию, окажется, что жители беспрепятственно пропустили хищников и не защищались, то деревня истребляется, *жен и детей вырезывают*»... «Таким образом жители, попрежнему продолжая воровство и разбои» (или даже только не сопротивляясь разбойникам, прибавим мы), «непременно истреблены будут». И это не была пустая фраза—чеченцы могли рассказать о случаях, когда за убийство одного казака истреблялись до последнего жители целого аула. «Ужасный ропот в народе на несправедливые и нерезонные поступки Пестеля (командовавшего в Чечне генерала) дошел до меня в самом начале в'езда моего в здешние провинции», писал знакомый нам кн. Мадатов, посланный расследовать дело, когда Пестель довел горцев до всеобщего восстания. «Народ говорит, что удовлетворения ни в чем не видит и даже ни одного ласкового слова от Пестеля, а слышит одни лишь только всегдашние повторения его: *прикажу повесить*».

А кн. Мадатов, мы только что видели, сам был человеком достаточно широких взглядов. Это, однако, все же касалось «виновных»—хотя бы в том, что русским генералам и офицерам «хотелось кушать». Но в официальной истории завоевания Кавказа мы на каждом шагу встречаем «меры воздействия», направленные против целых племен, уже без различия правых и виноватых. То у кабардинцев отнимут все земли, то у чеченцев отнимут весь корм для скота, запасенный ими на зиму, т.-е. фактически отнимут весь скот, ибо после этого им ничего не оставалось, как отдать весь скот русским, и т. д., и т. д. Как видим, в первой половине XIX в. царская империя ничем не уступала «образцовой капиталистической стране XVII столетия». Шли годы и десятилетия, Кавказ был завоеван, но «империя» продолжала держаться на той же высоте.

Вот перед нами другой выдвигающийся колонизатор, знаменитый туркестанский ген.-губернатор Кауфман. Он только что взял теперешнюю столицу Узбекистана Самарканд, взял вторично: жители, добровольно подчинившиеся при первом прибли-

лении войск генерала Кауфмана, вновь «отпали», когда русский отряд ушел дальше, а под Самаркандом появились состоявшие на службе бухарского эмира шахрисябцы. Попросту говоря, несчастные самаркандцы, по азиатскому обычаю, подчинились тому, кто был сильнее в данный момент. Они, однако, на этот раз прогадали: при всей незначительности сил, оставленных Кауфманом в самаркандской цитадели, взять эту последнюю обратно бухарцам не удалось. Город был жестоко наказан за свое непостоянство: между прочим, сожжен был огромный самаркандский базар, разгромлены мечети, минаретами которых пользовались нападающие во время осады цитадели. Что «зачинщики» были без милосердия казнены,—это разумелось само собой, при чем судопроизводство было упрощено до последних пределов возможности: комендант цитадели называл командующему войсками «виновных», а тот, покуривая папиросу, равнодушно приговаривал по поводу каждого: «расстрелять, расстрелять, расстрелять». Это показалось чересчур простым даже разделявшему взгляды военного начальства русскому художнику... Но самому начальству этого показалось мало, и оно вдобавок ко всему прочему разрешило солдатам в течение нескольких дней грабить город, не разбирая уже ни правого, ни виноватого. Один из руководивших грабежом, какой-то интендантский чиновник, так рассказывал художнику Верещагину про свои подвиги: «Зашел я с солдатами в один дом, где старая-престарая старуха нас встретила словами «аман, аман» (будьте здоровы). Смотрим, а под цыновкой, на которой она сидела, что-то шевелится. И действительно, там оказался мальчуган, лет шестнадцати. Мы его вытащили и, натурально, убили вместе со старухой»[1].

И тут, как на Кавказе, дело не ограничивалось «виноватыми»,—принимались меры и «общего характера». «Трепет азиатов перед русским именем, рассказывает один патриотический русский путешественник, был достигнут нелегко и стоил недешево. Необходимы были беспощадные кровавые расправы с туземцами за малейшую их попытку напасть на русского, прежде чем могло установиться в стране теперешнее, вполне безопасное положение. Целые кишлаки выжигались до тла за какое-нибудь одно тело убитого русского, найденное по соседству. И иначе поступать было невозможно с народом, для которого грабеж и убийство были обычной стихией»... В другом месте наш автор находил у этого народа такую «душевную воспитанность», какой, к его огорчению, он не замечал у «простого русского человека». Но не будем ловить его на словесных

[1] Беру все эти примеры из моей книжки: „Дипломатия и войны царской России“, стр. 186—187, 204—205, 331—332. За подробностями отсылаю читателей туда же.

противоречиях: вот факты, которые передал ему «один очень авторитетный русский житель Ташкента, имевший возможность со всех сторон изучить быт туземцев». «Мы нашли тут, в Туркестане, такую строгость нравов, о которой у нас и понятия не имеют. Слово самого маленького начальника для них было законом. Послушание изумительное. Честность такая везде была, что ни один дом на ночь не запирался; в Ташкенте, впрочем, и до сих пор они не запираются по старой памяти, хотя воровство удесятерилось против прежнего»... Но пятьдесят лет, прошедших со времен Ермолова, все же сказались. В Средней Азии уже не останавливались на простом, «наивном» грабеже. Были применены «последние слова» новейшей финансовой техники. С каким совершенством, ответ на это дают размеры налога, падавшего на туземцев в начале XX века, сравнительно с тем, что они платили до начала русского владычества и в первые его годы. Вот один пример: Дагбитская волость Самаркандской области и уезда. «Ранее (до 1892 года) взимаемый налог, в сумме 320 рублей, ниже размера нового налога, в сумме 5107 руб. 51 коп., на 1496,09%». Вы думаете, что это исключение? Разве лишь в смысле яркости примера: перечтите итоги по другим местностям, вы увидите 87%, 135%, 264% превышения нового поземельного налога над старым. Всюду налоги в 1½—2½ раза выше, относительно, чем были тогда в самой России. Меньше всего подвергалась фискальной эксплоатации из волостей Самаркандского уезда волость Дюрткульская,—ее новые налоги выше старых всего на 43,35%. Но надо знать, что такое Дюрткульская волость. Вот что о ней говорит официальная статистика: «К началу 70-х годов в этой волости было на счету русской администрации 45 населенных мест с 976 дворами, а спустя 20 лет, в 1893 году, здесь найдено 36 населенных мест с 817 дворами, т.-е. менее на 9 селений и 159 дворов». Но из наличных дворов 225 было выморочных, а 90—сиротских. «Если ко всему этому прибавить почти полное отсутствие людей в возрасте за 50 лет и наружный крайне захудалый вид населения волости, то понятным становится»,—вы думаете, влияние русского управления на судьбу этой волости? Нет: «немаловажное значение санитарных условий» [1]).

Проходит еще 30 лет. Мы еще дальше на восток от места подвигов генерала Ермолова—в Маньчжурии. Как туда попали русские, это мы расскажем в другом месте, в настоящей связи нас интересует, как они там действовали. Мы опять берем почти официальный документ—записку одного из строителей Китайской восточной дороги (порт-артурской ветки), инженера Гиршмана, со-

[1]) Там же, стр. 344.

ставленную в 1902 г., а относящуюся к событиям 1900—1901 г.г. Гиршман, человек деловой, притом сам бывший на войне (в Турции в 1877—1878 г.г.) соглашается, что «к войне не применима прописная мораль, и в пылу сражения или подавно штурма, грабежи являются делом вполне естественным». Но, замечает он «все-таки приходится думать, что такой пыл не может быть долговечным и во всяком случае не должен бы допускаться на продолжительное время, и что самый грабеж не должен доходить до какого-то безумного уничтожения добра только из страсти к уничтожению, и что вместе с тем должны бы приниматься меры к охранению того имущества, которое, будучи вполне бесполезно для каждого отдельного солдата, являлось бы драгоценною добычею, в смысле облегчения военных расходов (предметы интендантского довольствия). К сожалению, однако, по крайней мере, в первом периоде войны до взятия Хайчена включительно, все высказанные соображения были оставляемы без всякого внимания»....

«Приискивались предлоги к бесконечному ряду экспедиций, которые являлись столь желательными в смысле возможности новых реляций и новых представлений к наградам, но, к сожалению, также и новых грабежей и порчи тех отношений, которые так легко было поставить в лучшем виде при строгом исполнении соглашения».

А вот маленькие образчики того, что представляли собою эти самые «экспедиции»:

«Другая крупная экспедиция предпринята была в сторону Монголии, под начальством генерала Церпицкого, на основании сведений, что Хин-цань (один из вождей сопротивлявшегося русским населения) находится около Кула и оттуда руководит новыми враждебными действиями против нас. Для всякого, знающего ту невероятную быстроту, с которой в Китае всякие известия передаются без телеграфа, не могли не быть ясно, что Хин-цань, несомненно, успеет уйти из своего убежища задолго до прибытия русских войск. С другой стороны, не было также секретом крайне дружеское расположение к нам монголов, а таковое еще усилилось благодаря хорошим отношениям, установившимся между главными монгольскими ламами Мукдена и полковником Громбчевским. Благодаря этим отношениям, экспедиция была снабжена надежными китайскими чиновниками и письмами для предупреждения всяких лишних столкновений. Конечным пунктом экспедиции являлся город Куло с его древним монастырем, глубоко чтимым во всей Монголии и знаменитым своими богатствами. Все эти обстоятельства должны были, повидимому, с одной стороны, обещать самый спокойный поход экспедиции, а, с другой, внушить руководителям ее особую осторожность, дабы не терять располо-

жения монголов. В первом отношении все шло как нельзя лучше: повсеместно отряды, составляющие экспедицию, находили самый лучший прием, население встречало подарками, все необходимые припасы доставлялись по минимальным ценам, и конечно экспедиция вся прошла бы таким же образом, если бы генерал-лейтенанту Церпицкому не показалось неудобным совершать поход без всяких лавров. И поэтому, судя по личному мне рассказу его при нескольких свидетелях, генерал, приближаясь к Куло, притворяется больным, и потому принимается решение войти в Куло только на другой день. Когда же китайские чиновники, приняв соответствующие меры, легли спать, генерал немедленно выздоравливает, двигается ночью на Куло и, на основании какого-то выстрела, последовавшего будто бы при подходе наших войск и вполне естественного, особенно в Китае, где ночные выстрелы служат лишь выражением бдительности сторожей города, монастырь захватывается силой; масса жителей и монахов предается избиению, а затем начинается полнейшее разграбление, в результате коего на долю самого генерала, по его собственным словам, достается не меньше 200 штук одних древних идолов из золоченной бронзы.

«Параллельно с большими экспедициями шли и малые, предпринимавшиеся, вопреки соглашению, на основании всяких самых случайных сведений о появлении хунхузов или нахождении складов оружия. Подобной готовностью нашей к экспедициям, на основании непроверенных сведений, и нашим незнанием местных условий, прежде всего, воспользовались, судя по многих рассказам, сами хунхузы (китайские бандиты, для борьбы с которыми предпринимались экспедиции); имея в виду разграбить какого-нибудь зажиточного жителя, они сами доносили о таковом, как о хунхузе и, конечно, прекрасно умели воспользоваться результатами следовавшего затем разгрома. Неудивительно, конечно, и то, что поданный генерал-лейтенантом Церпицким пример удачного парализования сопровождающих китайских чиновников нашел вскоре подражателя в лице ротмистра Булатовича. Здесь, однако, прием был упрощен, так как чиновники были попросту арестованы; затем, таким же способом и с тем же успехом, как в Куло, совершилось взятие укрепленной фанзы в 12 верстах от Мукдена, которая, как и заранее можно было знать, являлась не хунхузским гнездом, а пунктом убежища для окрестного населения в случае опасности и потому изобиловала всем лучшим добром этого населения».

На протяжении трех четвертей столетия методы действия, как видим, эволюционировали так мало, что было бы смешным педантством искать здесь какого-нибудь «социального перерождения». При Николае II, как и при Александре I, непосредствен-

ной целью русской колониальной политики было то же, что являлось такой целью для португальцев или голландцев XVII века— прямой грабеж. И было бы в высшей степени странно, если бы эти типические приемы «первоначального накопления» руководились властью более современного типа, чем европейский абсолютизм XVI—XVII столетий.

Но «голландская» политика выростала не на пустом месте— Голландия XVII века была, мы помним, «самой образцовой капиталистической страной» той эпохи, эпохи торгового капитализма. Те же следствия заставляют искать тех же причин— и участие русского торгового капитала в завоевании как Кавказа, так и Средней Азии могло быть не замечено только потому, что историю этих завоеваний писали военные люди, слишком уж далекие от всякого исторического материализма. Интересы этого капитала в Закавказьи, в начале XIX века, сознательно и официально ставились на первое место: Александр I в инструкции отправляющемуся на Кавказ Ермолову выразился, что он ставит торговые выгоды выше территориальных приобретений. Войны с Персией привели прежде всего к открытию этой, мало еще доступной тогда для европейцев, страны русским купцам[1]). Предшественник Ермолова, Тормасов, все завоевание Западного Кавказа ставил на почву торговой конкуренции с турками, от которых экономически до тех пор эта часть Кавказа зависела. Правда, попытки русских чиновников непосредственно вести торговлю кончились неудачей, но характерно, что даже военные люди видели настоящую подкладку совершавшихся им завоеваний.

Под знаменем того же торгового капитализма началось и движение русских в Среднюю Азию. В середине XVIII века инструкция так называемой «оренбургской комиссии» на-ряду с защитой границ от набегов со стороны киргизов и действительным, не только номинальным, подчинением последних России, ставила, как одну из целей этой политики, развитие торговых сношений с оседлыми соседями этих киргизов. Военные операции 30-х годов девятнадцатого века были вызваны ближайшим образом заботами об охране торговых караванов. Первая экспедиция вглубь Средней Азии—хивинский поход Перовского в 1839 г.—одним из официально признававшихся мотивов имела «ограждение русских торговых интересов в Центральной Азии», и, сопоставляя с этим мотивом другие—обеспечение спокойствия русских киргизов или освобождение русских пленных, томившихся в хивинской неволе,—слишком нетрудно угадать, что заставило правительство Николая Павловича истратить более полумиллиона рублей в этих, так далеких от центров его внешней политики, местах.

[1]) См. „Дипломатия и войны царской России", стр. 184, 193—194, 380 и сл. „Русская история с древн. времен", т. IV, стр. 30 и сл.

даром и самую экспедицию официально называли не «ва й»,—каковой бы она была, если мотивировать ее от хи бегов и грабежей, а «научной». А когда «научная эксп первый раз кончилась неудачей, «чтобы защитить сво нных против киргизов, в 1845 году Россией было у степи два новых укрепления, Тургай и Иргиз,—говор историков русских походов в Средней Азии,—в коротк эсь развилась оживленная меновая торговля».

Не добравшись до больших, центральных среднеа нков, удовольствовались мелкими, местными. А когда, ч олетия спустя, неудача Перовского была заглажена, йска заняли Ташкент и Самарканд, и торжественным тупили в Хиву, эти победы прежде всего другого стежь двери для русской торговли. После 1873 года о явлена беспошлинной на всем пространстве как Бу ирства, так и Хивинского ханства. Пользуясь там все ми туземцев—по части покупки земли, устройство газинов и т. д.—они были подсудны только русским о бы они ни совершили на территории названных «незав сударств.

Торгово-капиталистический смысл завоеваний как к и Средней Азии, не вызывает никаких сомнений. Как ло с Дальним Востоком?

В начало дальневосточной авантюры, закончившей рофой под Мукденом и Цусимой, стоят два факта: пост ибирской железной дороги и основание рус йского банка. Оба факта тесно связаны с коло ой политикой царской империи, во-первых, и с п овением в Китай русского торгового кап -вторых.

Сооружение сибирской железнодорожной магистрали м итоге сводится к основному стержню русской азиатск ки в течение всего XIX века, за вычетом первых с небольшим перерывом после Крымской войны (1853—18 тержнем этим было русско-английское торгов рничество. Уже Паскевич, торжествуя в 1827 году д Персией, торжествовал, в то же время победу над им торгово-капиталистическим предприятием тогдашне глийской Ост-индской компанией. После занятия пами сал он Николаю, агентам Ост-индской компании ни танется, как сесть на корабли в Бендер-Бушире (на ом заливе) и отправиться к себе домой в Индию. Вся воевания Средней Азии, от похода Перовского до заняти 1884 году, неразрывно переплетена с русско-английск

питом[1]). На другой день после взятия Мерва и столкновения ...ских с афганцами в 1885 г. Россия и Англия были на вер... от войны, и тут обнаружилось, что, в случае, если бы она ...хнула, русские владения на Дальнем Востоке—только что, ...агодаря столкновению с Китаем из-за Кульджи в 1880 г., до...завшие свою реальную ценность для будущих захватов,—ока...лись бы наглухо отрезанными от метрополии: при отсутствии ...елезных дорог в Сибири добраться до них можно было только ...рем, а морем, об этом уже никто не спорил, владела Англия. ...риамурский генерал-губернатор и командующий войсками ир...тского военного округа единодушно требовали рельсовой колеи, ...тя бы от Томска до Забайкалья (до Томска и по Амуру надея...сь еще использовать речной путь). Образованное, вследствие ...их заявлений, Александром III «особое совещание»—из четырех ...нистров, с участием начальника главного штаба—пришло к ...ключению, что «проложение железной дороги через Сибирь, тре...я от казны огромных пожертвований, не обещает в ближайшем ...дущем, при ограниченном торговом движении края, положи...льных выгод и может окупиться лишь со временем. Но нельзя ...признать, что в общегосударственном и в особенности в стра...гическом отношении ускорение наших сообщений с отдален...ым востоком становится с каждым годом все более неотложным. ...этому, не предрешая ныне самого способа постройки, пред...авлялось бы вполне соответствующим безотлагательно присту...ть к изысканиям участков Сибирской дороги, наиболее важ...х в стратегическом отношении... так как без этого наш глав...й порт в Тихом океане явится отрезанным от удобных сообще...й с остальною Сибирью и лишенным всякой базы, и в виду ...еимущественного стратегического значения проектируемых ли...й желательно наиболее деятельное участие военного ведомства, ...лице генерал-губернаторов, в производстве изысканий».

Но раз гроза войны, как-никак, прошла, а денег в казне ...ло мало, тогдашний (1887 г.) министр финансов, Вышнеград...ий, скупился, и дело затягивалось. В 1890 году понадобилось ...овое заявление от приамурского генерал-губернатора о затруд...тельности сообщения с Южно-Уссурийским краем и о невоз...жности обороны его за отдаленностью резервов». На докладе ...нерал-губернатора Александр III написал: «Необходимо при...упить скорее к постройке этой дороги». Под давлением свыше ...шнеградский уже соглашался теперь дать деньги, но все же ...ровил затратить их хотя бы сколько-нибудь коммерчески и на...аивал на постройке железной дороги сначала лишь в более ...еленной Западной Сибири, т.-е. очень далеко от угрожаемых

[1]) См. „Русская история с древнейших времен", т. IV, стр. 240 и сл.

берегов Тихого океана. На сторону военного ведомства
нистерство путей сообщения, для которого железнодоро
тельство, как таковое, представляло больший интер
коммерческая будущность построенных дорог. В ко
решено было начать сибирскую магистраль сразу с обс
при чем закладка дальневосточного конца во Владиво
обставлена особой торжественностью: для этого был
тогдашний (1891 г.) «наследник-цесаревич», будущий I

Так как военное происхождение сибирской дороги
всякого сомнения, то в рескрипте Александра III
очень подчеркивалось «мирное преуспеяние» Сибири
мость «соединить обильные дарами природы сибирск
с сетью внутренних рельсовых сообщений». На самом
должна была служить, прежде всего, для подготовки
ных захватов на Дальнем Востоке (благо Ближний, в
гарии, только что ушел из сферы русского влияния), и
колонизационный вопрос логически стоял вторым
железную дорогу по пустыне было совершенно невоз
нее нужна была населенная зона, и зону эту приходи
вать.

С этого конца политика опять подходила к эк
преемник Вышнеградского, Витте, ставший, быть мо
ником отчасти именно поэтому, сумел подметить свя
не схватил ловкий биржевой делец, управлявший ру
нансами до него. В своей записке 13—26 ноября 1892
писал:

«Принимая протяжение Сибирской железной доро
бинска до Владивтсока круглым числом в 7.100 ве
гая, что эта дорога приблизит к Европейской России
резываемую ею полосу не свыше стоверстного рассто
нии в обе стороны, то и в таком случае, благодар
дороге, в новые условия существования становится ог
ритория в 1.420.000 кв. верст—территория, превосхо
манию и Австро-Венгрию, вместе взятые, с добавлен
дии, Бельгии и Дании. Если сравнить эту территор
нибудь частью Европейской России, то окажется,
пространству превосходит все взятые вместе губерни
ные между Окой, Волгой, Азовским и Черным морями
ской границею, с добавлением Привислинского края,
берний. При том вся эта территория лежит в средни
ческих широтах (преимущественно между 50° и 57° с
по климатическим условиям не слишком резко от
центральных и восточных губерний Европейской Росс
шей своей части представляет данные, вполне благо
щие развитию земледельческих и других промыслов.

В действительности, влияние Сибирской железной дороги, бладаря связи ее со всеми водными сообщениями Сибири, будет спространяться гораздо далее прорезываемой ею полосы, и не длежит сомнению, что дорога даст могущественный толчок экомическому развитию Сибири, всюду оживит и возбудит возжные по местным условиям отрасли производительной деятельсти».

Помимо того журавля в небе, который летал над Владивостом, была синица, которая, можно сказать, сама просилась в руки ского торгового капитала. Эксплоатируемый этим последним естьянин был экономически при последнем издыханин в евройской части «империи»: голод 1891 года был вчерашним днем, гда писал Витте. Самые тугие умы должны были задаться просом: что же делать дальше? Витте и указывал выход.

«Крестьянское малоземелье,—указывалось в записке,—давно е замечаемое во многих губерниях Европейской России, несоенно, должно быть отнесено к отрицательным явлениям русской изни: оно невыгодно для народного хозяйства, потому что в ненвычных условиях существования малоземельный крестьянин ановится экономически слабым, его труд менее производительм; оно невыгодно для государства, потому что экономически абые элементы населения служат скорее в тягость государству, ебуя от него усиленных попечений и не давая взамен ничего;), наконец, не может быть признано и нормальным, в виду ссы пустующих земель, которые остаются мертвым капиталом енно по отсутствию рабочих рук и которые посему очень выдно заселять нуждающимися в земле для приложения к ней его труда». Наиболее целесообразным способом уменьшения поземелья является наделение нуждающихся крестьян казенми землями в Сибири, особенно в западной части ее. «Стремлее малоземельных крестьян к переселению на новые места заяется уже теперь, но носит стихийный характер; если же авительство поставит переселенческое движение в более правльные условия, то можно полагать, что заселение плодородных бирских пустынь пойдет весьма успешно, а с появлением на те достаточного количества рабочей силы плодородные сиские земли приобретут, без сомнения, притягательность и для лее образованных общественных слоев, которые принесут с сон и капитал, и знание, и цивилизующее влияние на окружаюю среду. Таким образом Сибирская железная дорога обеспечит резываемому ею обширному краю одно из главных услой для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынок сбыта и приток рабочей силы, открывая вместе путь государству к разрешению ной из наиболее трудных задач—к прочному устройству эконо-

мического быта малоземельного крестьянского населени них губерний Европейской России».

Итак, дорога создавала, прежде всего, новый ра гово-капиталистической эксплоатации. ненный в своей практике обдирания мужика Европейск ибо здесь мужик был уже ободран до костей,—торговы приобретал теперь нового «клиента» как в сибирск жиле», так и в спешившем ему на подкрепление «новс

Но и этим выгоды Сибирской дороги еще не исче В заключение, Витте счел необходимым «установить опр точку зрения на торговое значение Сибирско ной дороги». В этом отношении дорога должна, с роны, способствовать увеличению вывоза сибирских Европейскую Россию, а с другой—устранить те неудоб рые приходится испытывать при перевозке европейск в Сибирь, а равно благоприятно отразиться на услов вого оборота в пределах этого края. Но торговое значе но ограничивается теми выгодами, которые она може медленно вслед за открытием движения, «вероятные п этого предприятия следует рассматривать шире—в с основным фактором, что Сибирский путь установит н рельсовое сообщение между Европой и Тихим океано образом откроет новые горизонты для торг только русской, но и всемирной». «При этом особенно важно то обстоятельство, что она, участвуя ниях Европы с странами азиатского востока на протяж десяти тысяч верст, может и должна воспользоваться всеми выгодами посредника в торговом обме ведений востока Азии и запада Европы, но крупного производителя и потребителя, ближе всех народам азиатского востока. С постройкою Сибирской дороги не только усилится роль России на мировом ры нее откроются новые обильные источники народного стояния».

Как видим, Витте не уставал рекламировать «сво которой не умел оценить свергнутый им с финансово Вышнеградский (в частных разговорах Витте не скрыв он «сломал шею» Вышнеградскому). Сибирская маги ряду с винной монополией и золотой валютой была трех китов, на которых держалась политика Витте. чески, постройка Сибирской дороги и его министерство с ее началом он стал министром финансов, с ее око перестал им быть. Приведенная мною в таких больш ках записка, помимо своего конкретного содержания, ак иллюстрация подхода к делу одного из самых в

ведомств и одного из самых влиятельных людей эпохи. Железная дорога для Витте была, прежде всего другом, орудием торгового капитала и лишь в последней очереди обещала стать орудием и капитала промышленного. В то же время это было, конечно, и стратегическая дорога. Это все время твердо помнил тот, кто ее закладывал. Для Николая II дорога не имела смысла вне ее конечной военной цели. В конце концов экономика и стратегия воплотились—первая в лице Витте, вторая в лице Николая и окружавшей его безобразовской шайки. И стратегия победила своего собственного министра финансов, чтобы быть затем побежденной на настоящем, военном поле битвы с Японией.

А теперь, словами опять-таки самого Витте, расскажем, зачем был открыт Русско-китайский банк:

«Вскоре после открытия комитета Сибирской железной дороги министр финансов возбудил в комитете вопрос о торговых интересах России на Дальнем Востоке и в особенности о сношениях ее с Китаем. Имея в виду, что Китай и Япония с приближением к их пределам Сибирской железной дороги станут более доступными для сбыта русских продуктов и, в свою очередь, вероятно, примут меры к развитию своего вывоза в Россию, министр финансов полагал уже тогда своевременным всесторонне ознакомиться с условиями нашей торговли на Крайнем Востоке и изучить потребности тамошних рынков. Для достижения этой цели следовало бы, по мысли министра финансов, организовать срочное получение от наших дипломатических представителей и консулов обстоятельных сведений о ходе международного обмена и о развитии промышленности в названных государствах, так как без таких сведений едва ли возможно надеяться на серьезное расширение торговых оборотов наших на Дальнем Востоке.

К доставлению торговых сведений необходимо было бы также привлечь особых правительственных торговых агентов, а также пользоваться услугами проживающих в Китае и Японии русских купцов, успевших по личным наблюдениям основательно ознакомиться с своеобразными условиями местного экономического быта. Для изучения же наших пограничных сношений с соседними странами министр финансов признавал полезным образовать на местах особые комиссии из сведущих лиц, знакомых с этими далекими окраинами...

При производстве торговых сношений России с Китаем издавна ощущалась потребность в таком банке, который облегчал бы взаимные расчеты обеих стран. В китайских портах до того времени оперировали немецкий, французский и несколько англий-

:ких банков, и русские купцы принуждены были постоя
щаться к услугам этих банков, оставляя в их пользу в
чительные суммы. Главною операцией русск
говли в Китае издавна являлось чайное д
Хон-Коу, главном чайном рынке, на долю русских пр
в то время до 46% всего вывоза чая, и в этой отрасли
России всегда занимала первенствующее и вполне сам
ное положение. Между тем платежи за чай русские
должны были производить траттами на Лондон, которы
вались либо в Шанхае, либо в самом Хон-Коу, где
чайного сезона открывались агентства иностранных
Китае, при чем иностранные агентства, ввиду отсутс
куренции, взимали весьма высокие проценты. Размер
производившихся здесь русскими фирмами в течени
сезона, был весьма значителен: например, за сезон 18
следнего отчетного года перед учреждением Русско-К
Банка—из России было переведено в Китай 1.540.000
132.000 руб. серебром в слитках. С учреждением русс
в Китае операция по переводам денег в китайские пун
пенно могла перейти в этот банк.

Кроме того, русский банк в Китае должен был
самые условия чайной торговли; при отсутствии кре
говцы чаем должны были располагать крупным оборот
талом, а потому торговля эта делалась доступною тольк
очень богатым фирмам, тогда как русский банк дал б
ность принять участие в чайной торговле и мелки
открывая им необходимый для этого кредит и, таки
содействовал бы привлечению к оборотам с чаем новы
сил».

Итак, в первую голову банк должен был служить
русской чайной торговли. Огромным недостатком
следней была ее ужасающая пассивность: русски
за чай деньгами, благодаря чему при 6 миллиона
в Китай из России получалось 39 миллионов рублей
Китая в Россию, т.-е. сальдо не в нашу пользу в 33
в 550% всего русского ввоза. Чтобы избежать этого, В
полагал усилить ввоз русских продуктов в Китай. «Вм
банк этот мог бы содействовать ввозу русского кер
китайские рынки, где ему приходится выдерживать ко
с керосином американским. Вообще не могло быть сом
такой банк оказал бы существенное влияние на расши
говых сношений наших тихоокеанских окраин с Китаем
в него наших пищевых продуктов, всегда на
себе здесь хороший сбыт».

Как видим, вывозить предполагалось отнюдь не произведения усской обрабатывающей промышленности, а керосин и пищевые родукты, т.-е. хлеб, мясо, рыбу и т. п. Чтобы банк не уклонялся г своей прямой задачи, служить русской торговле, были приняты специальные меры. «Министерство финансов заботилось лавным образом о том, чтобы деятельность банка в России не влекала его внимания и капиталов от прямого их назначения служить развитию русской торговли на Востоке; поэтому банку вовсе не разрешены были в России операции по выдаче ссуд и открытию кредитов под залог процентных умаг, драгоценных металлов, товаров, коносаментов и т. п.; но, замен того, ввиду непосредственных сношений банка с азиатскими государствами, ему разрешены были некоторые операции, ругим банкам не разрешаемые, как, например, покупка и прожа процентных бумаг, транспортирование товаров (прием товаров в залог с выдачею варрантных свидетельств) и даже окупка и продажа товаров, но при том лишь условии, тобы все эти операции производились исключительно в интересах нашей торговли с Дальним Востоком и имели непосредственное отношение к тем русским фирмам, которые производят обороты свои в пределах азиатских стран. Что же касается действий банка в других европейских странах, то в этом отношении банку предоставлено было совершать все операции, разрешенные местными законами.

Если деятельность Русско-Китайского банка была сравнительно ограничена в пределах европейских стран, то тем шире и свободнее организована она для Востока. Здесь, кроме операций исто банкового характера, банку разрешены были и такие операции, которые можно назвать торговыми, страховыми и комиссионерскими. Банку предоставлено было покупать свой счет или по поручению частных лиц товары, принимать на себя транспортировку товаров (морскую, речную и сухопутную), страховать их от огня и от других несчастных случаев, покупать и продавать за счет третьих лиц движимости, учитывать векселя и выдавать ссуды не только девять месяцев, как это установлено для других банков, но и год, и даже выпускать собственные билеты».

Но, кроме торговца, банку не возбранялось быть и откупщиком. «Наконец, кроме всего этого банку разрешено было, с лью возможного усиления русского экономического влияния, лучение платежей по податям, производство операций, имеющих ношение к местному государственному казначейству, чеканка стной монеты, а также получение концессий на постройку железных дорог и проведение телеграфных линий».

Едва ли можно найти документ, где связь железн
ного строительства именно с торговым ка
выразилась бы более четко. Я должен, таким образом,
высказанное мною однажды (в «Русской истории в са
очерке», ч. III) утверждение, будто Русско-Китайский
главной целью железнодорожное строительство и
цель поставил перед Витте металлургический кри
1890 годов. Устав банка был утвержден 10 декаб
когда никаким кризисом еще и не пахло, и строитель
ных дорог вытекало отнюдь не из потребностей ру
мышленности, а из потребностей русского торгового
как, впрочем, было и в самой России в 1860 годах.

Связь эта сознавалась, нужно сказать, и гораз
Уже в своей записке 1892 г. Витте писал, «что Сибир
ная дорога настолько приближается (в Забайкалье) к
границе, что является возможность, с помощью ветв
ские пределы, завязать непосредственный тор
мен с внутренними весьма населенными
циями Китая. Постройка такой ветви едва ли встре
ные препятствия в ближайшем будущем, а в этом сл
торговые обороты с Китаем стали бы расширяться очен
обеспечивая в то же время увеличение доходности маг
Сибирской линии и усиливая наше значение в меж
торговле с Китаем».

Таким образом, в самом конце XIX века в своей в
литике империя «Романовых» оставалась колониально
наиболее примитивного типа аппаратом торго
талистической эксплоатации мало-культурны
завшихся мало-культурными) стран. Промышленный
во внешней политике, как внутри России, шел по п
вого. Торговому капиталу нужны были железные доро
мышленность их строила, но лишь там и постольку
скольку это нужно было торговому капиталу. При э
действия этого торгового капитала менялись так же
и методы действия русского самодержавия внутри ст
первой заминке или просто при первом удобном случа
операции сменялись лихим ударом кулака: в 1896
свои операции Русско-Китайский банк, а уже в 1900 на
территории оперировали генералы Церпицкий и Ренн
братией. Но цель операций обоих типов была одна
создание новых колоний, новых жертв эксплоатации
торгового капитала.

Читатель видит, как нелепо жаловаться, что у тог
того писателя торговый капитал «заполонил всю русскую

го очень сродни жалобам на то, что у К. Маркса теория прибавочной стоимости «заполонила» всю политическую экономию. Что е делать, если эта теория так много об'ясняет в буржуазной økономике. Что же делать, если только торговым капитализмом ожно об'яснить такой чудовищный факт, как переживание в оссии на заре XX столетия абсолютизма типа XVI — XVII веков. ругого марксистского об'яснения пока не дано, а попытки его дать привели к бессознательному плагиату у Чичерина Соловьева, которые были весьма почтенными людьми, конечно, о только совсем не марксистами...

Вопрос о долговечности самодержавия сводится, таким образом, к вопросу о причинах, обеспечивавших в России долголетие орговo-капиталистической, т.-е. наиболее экстенсивной, орме капиталистической эксплоатации. То-есть, перед нами все от же вопрос о причинах «отсталости» русского народного хозяйства на-ряду с чудовищно-быстрым ростом русской капиталистической промышленности. Картина колонизаторской деятельности Романовых» потому и ценна, что она разрешает эту загадку. И кстенсивность русской капиталистической эксплоатации, и экстенсивность русского крестьянского хозяйства сводятся к дному корню, об'ясняются одним фактом: наличием на востоке огромной площади нетронутой целины, куда мог уйти от тесноты» русский крестьянин, и куда мог пойти следом за ним усский торговый капитал. Сибирская железная дорога за десять ет в пять раз увеличила количество сибирского экспортного леба (с 13 милл. пудов в 1900 г. до 50—70 милл. п. перед ойной 1914 г.)[1]) и пришлось даже принимать меры против затопления» рынка сибирским хлебом путем особых ухищрений железнодорожным тарифом. Вывоз масла с 400 пудов (стоимостью а 6000 рублей) в 1894 г., когда дороги вовсе не было, поднялся до 4,6 миллионов пудов в 1915 г. (стоимостью на 1.000.000 р.). Благодаря сибирскому маслу Россия стала второй в мире страной на международном масляном рынке (первой ыла Дания) — $^{1}/_{5}$ всего потребления масла Англией покрывалась оссией.

[1]) Вывоз хлеба из Сибири развивался таким темпом:

Года.	Милл. пудов.
1905	17
1906	28
1907	41
1908	58

При таких великих и богатых милостях, которое да гое географическое расширение площади русск кого хозяйства, стоило ли хлопотать о его интенсифи развитии у нас капиталистического сельского хозяйс ::инами, искусственным удобрением и проч.? А впере ились новые обширные площади северной Маньчжур ую ген. Куропаткин, поддерживаемый Плеве, расс менно как арену будущей русской колонизации, почем олагалось не пускать туда китайцев.

Диалектика процесса и выразилась в смене разных ового капитализма. Создание новых районов мелкого нского хозяйства для торгово-капиталистической эксп ыло, несомненно, относительно прогрессивным типом ледней: это уже был не простой грабеж. И этой диалек ового капитализма соответствовала диалектика пол бслуживавшего его самодержавия: переселенческая пол а лозунгом бюрократии, грабительская была под пок твом вотчинной верхушки всей системы. Николай азовская шайка тянулись к южной Маньчжурии и Ко ам, относительно густо населенным и богатым, куда нико ыло переселить, но где можно было грабить готовое. Это ечие внутри самодержавия и выразилось в начале 1 образовании рядом двух правительств: «ведомствен Витте, Куропаткиным, Ламздорфом и т. д.,—и «вневедомс о главе с Николаем и Безобразовым. Оба отражали инте ового капитала, но двух его различных фаз.

А ниже этой диалектически построенной верхушки, ю, но давя и на нее, стояли представители промы апитализма—фабриканты, заводчики и «левые земцы», тические помещики. Это была власть завтрашнего днедшая на смену самодержавию, но в 1906 году до олько компромисса с самодержавием, в лице прав Столыпина.

Диалектика всего процесса на-лицо, но она отста иалектики народного хозяйства. В ту минуту, когда— мпериалистской войны—промышленный капитал стал власти, уже существовали все условия для следующ азвития, государственного капитализма. Г осточный пустырь, тяжелым грузом висевший на русск ом хозяйстве, всего тяжелее тянул книзу его поли адстройку. На вопрос о причинах отсталости и приход кде всего, отвечать указанием на наличие колоний и чередь Сибири, но затем и Кавказа и Средней Азии. Цедрин с гениальной меткостью создал «ташкентца», наиболее реакционной формы государственного насилия

годаря историко-географической обстановке «ташкентец» легко одерживал верх над более прогрессивными формами «государственности». И все более отстававшая диалектика верхушечного аппарата все ближе и ближе нагонялась великим и основным диалектическим противоречием: эксплоатирующего верха и эксплоатируемой трудящейся массы. Сравнительно слабая — сравнительно с временами Николая I, например, сопротивляемость верхушки именно и об'ясняется раздиравшими эту верхушку диалектическими противоречиями, которые, чем ближе к нашему времени, тем становились острее. Пока дело не дошло до того, что тяжелый дух вотчинного режима стал невыносим даже для Протопопова [1])...

(Продолжение следует).

---

[1]) Т. Слепков (см. № „Большевика" от 1 июня) продолжает с достойным лучшего применения усердием ломать открытые двери, доказывая: 1) что Ленин был диалектик; 2) что русское государство, как и все вещи на свете, развивалось диалектически. Ни в том, ни в другом ни у одного русского марксиста никогда не было ни малейшего сомнения. Но спор у нас с тов. Слепковым идет совсем не об этом. Спор идет о том, представляло ли русское самодержавие (а не русское государство, т. Слепков: это две вещи разные!) в конце XIX века промышленный капитализм или же нет, а промышленный капитализм в системе, именуемой „русское государство", представлялся не самодержавием, а силами, ему враждебными (напр. в 1910—1914 г. оппозиционными партиями государственной думы, — которая, конечно, была такою же составною частью „русского государства", как и боярская дума XVII в., о которой говорил Ленин). Т.-е. было ли русское самодержавие в конце XIX в. прогрессивным явлением, толкавшим вперед экономическое развитие (о прогрессивной роли промышленного капитализма для той эпохи, опять-таки, ни один марксист не спорит, спорили против этого только народники), или же оно было силой реакционной, это развитие задерживавшей. Думаю, что стоит так поставить этот вопрос, чтобы на него и ответить — и чтобы видеть, в каких безнадежных противоречиях запутываются те, кому приходится об'яснять „особенности исторического развития России" наперекор марксизму.

Ленин и проблема империалі

Б. С. Борилин.

I.

Основной характеристикой империализма у Лени
определение империализма, как «высшей стадии разві
талиэма, переходной—в известном отношении—к соці
Это—«новейший капитализм» и вместе с тем «капитали
щий» [2]). Почему Ленин считает такую характеристику

Главную причину изменений в экономике капита
вращающих его в империализм, Ленин видит в гиган
цессе обобществления производства, происходящем вн
талистического хозяйства и выражающемся в небыв
концентрации производства и монополий. Именно эт
«втаскивает капиталистов, вопреки их воле и сознани
го новый общественный порядок, переходный от п
боды конкуренции к полному обобществлению» [3]).

Взглянем на современный империалистический к
«Это—уже совсем не то, что старая свободная конкур
дробленных и не знающих ничего друг о друге хозяе
дящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентра
до того, что можно произвести приблизительный учет
никам сырых материалов (напр., железорудные земли
стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем м
учет не только производится, но эти источники зах
в одни руки гигантскими монополистическими союза
водится приблизительный учет размеров рынка, котор
между собою, по договорному соглашению, эти союз
лизируются обученные рабочие силы, нанимаются луч
неры; захватываются пути и средства сообщения... П
становится общественным» [4]).

«Когда крупное предприятие становится гигантск
номерно, на основании точного учета массовых дан
низует доставку первоначального сырого материала
$^{2}/_{3}$ или $^{3}/_{4}$ всего необходимого для десятков миллио
ния...; когда из одного центра распоряжаются всеми
последовательной обработки материала вплоть до

---

[1]) Ленин, Проект изменений теоретической, политической
других частей программы,—Собр. соч. т., XIV, ч. I, стр. 120.

[2]) Ленин, Империализм как новейший этап капитализма
т. XIII, стр. 334.

[3]) и [4]) Там же, стр. 253—254.

ного ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей..,—тогда становится очевидным, что перед нами на-лицо обобществление производства.., что частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию...» [1]).

Уже Энгельс говорил, что нельзя употреблять попрежнему выражения «частное производство» и «отсутствие планомерности» в описании современного капитализма. «Если мы,—писал Энгельс,—от акционерных обществ перейдем к трестам, которые господствуют над иными отраслями промышленности, монополизируя их, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности». Эти слова Энгельса относятся к времени первого зарождения монополий. В гораздо большей мере их можно применить к нашей эпохе развитого господства монополистического капитализма. Теперь «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями» [2]). Поэтому Ленин называет империализм монополистическим капитализмом. Ныне уже возможен планомерный учет сырья и производства, распределение рынков. «Капитализм уже дорос до организованного надзора за отдельными предприятиями»,—восклицает Ленин [3]). Капитализм создал формы и способы учета и контроля производства. «Капитализм создал аппараты учета, вроде банков, синдикатов, почты, потребительских обществ, союзов служащих» [4]). Сюда же относятся крупные фабрики, железные дороги, профессиональные союзы.

Эти аппараты общественного учета и контроля, их формы и методы уже внутри капиталистического общества составляют материальную основу будущего социалистического общества. В качестве примера можно привести банки. «Без крупных банков социализм был бы неосуществим. Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеоб'емлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике—это уже девять десятых социалистического аппарата. Это—общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать,—нечто вроде скелета социалистического общества» [5]).

Люди, желающие представить учение Ленина в искаженном свете, всегда изображают дело так, будто, по Ленину, социа-

---

[1]) Там же, стр. 335.
[2]) Там же, стр. 305.
[3]) Там же, стр. 267.
[4]) Ленин, Удержат ли большевики государственную власть,—собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 231.
[5]) Там же, стр. 231.

лизм приходит внезапно, неизвестно откуда, словно
головы Юпитера». Был капитализм, была эксплоата
шла революция, рабочий класс уничтожил до основ
строй, а потом «на голой земле» воздвигнул здание
Само собой разумеется, что это—сплошная клевета. М
предпосылки социализма создаются в процессе развит
стического общества. Пролетариат не изобретает сам е
и способов учета и контроля. Они выработаны са
лизмом. Целый ряд аппаратов пролетарское госуд
готовыми в капиталистическом обществе, отметая л
капиталистически извращает их. Дело пролетариат
ческое развитие тех процессов обобществления, кото
дят в недрах капитализма.

Война в еще более гигантских размерах толк
развитие процесса обобществления. Она заставила
пойти на такие мероприятия, как принудительное
ние промышленности государством, введение всеобщ
повинности, продовольственную монополию, регулиро
цен, тем самым превратив монополистический капит
сударственно-монополистический и вп
близив человечество к социализму»[1]). Ибо что тако
«Меньшевики и эсеры представляют социализм чем
неизвестным, темным будущим. А социализм тепер
нас через все окна современного капитализма, соци
совывается непосредственно практически из каж
меры, составляющей шаг вперед на базе новейш
лизма»[2]). «Государственно-монополистический кап
полнейшая материальная подготовка социализм
дверию его, есть та ступенька исторической лест
которой (ступенькой) и ступенькой, называемой
никаких промежуточных ступеней нет»[3]).

Таким образом перерастание капитализма в им
государственно-монополистический капитализм док
наступление социализма уже экономически ст
избежным. «Никакое восстание не создаст социали
не созрел экономически»[4]). Но экономическая зрел
империализмом. В этом и заключается переходный
смысле—характер империализма. «Производство стан
ственным, но присвоение остается частным»[5]). Раз
водительных сил достигло такой ступени, что и
тесно в рамках старых производственных отношен
лизм делается об'ективно-экономическим кануном с
ской революции.

II.

Если экономическая основа империализма зало
полии, вырастающей из самого процесса производст
вляющей собой неизбежный результат в развитии к

---

[1]) Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороть
т. XIV, ч. 2, стр. 208.

[2]), [3]) и [4]) Там же, стр. 209.

[5]) Ленин, Империализм как новейший этап капитализ
т. XIII, стр. 254.

ключ к теоретическому анализу империализма, данному Лени-
м, находится в его учении о монополии. В системе взглядов
нина по вопросу об империализме учение о монополии—крае-
ольный камень. Наиболее коротким основным определением,
торое он дает империализму, служит «монополистический капи-
лизм». Это определение не содержит полной характеристики
пернализма, но указывает на основную всеопределяю-
ю особенность его.

В понимании капиталистической монополии Ленин отнюдь не
ляется только популяризатором других теорий, как думают
югие и о всем учении Ленина об империализме. Наоборот, лишь
езвычайно глубокое самостоятельное теоретическое понимание
щности капиталистической монополии позволило ему создать
ое учение, которое обладает монолитной цельностью, хорошо
личающей его от многочисленных «ученых» теорий, построен-
х по всем требованиям внешней респектабельности, и которое
ужит чрезвычайно крупным революционным орудием в руках
рющегося пролетариата.

У нас часто знают о том, что, по Ленину, империализм есть
онополистический капитализм, но не знают теоретического пони-
ания монополии, даваемого Лениным и служащего источником
ех остальных теоретических положений об империализме. Ана-
из взглядов Ленина с этой точки зрения приобретает тем боль-
ее значение, что в основу изучения империализма монополия
адется, как основной факт современной экономической действи-
льности, большинством экономистов, в том числе принадлежа-
их к «социалистическим» партиям. Любой из них видит все
льшее поражение хваленого принципа свободной конкуренции и
мену его принципом монополии. Но далеко не всякий дает
ому явлению одинаковое толкование. Между пониманием капи-
листической монополии апологетами капитализма и оппорту-
истами социал-демократии, с одной стороны, и Лениным, с дру-
й, существует глубокое различие, «его же не прейдеши». Несо-
енно, это различие определяет и противоположность выводов
сущности, характере и судьбах империализма.

Не менее важно определение теоретических взглядов Ленина
потому, что процесс развития монополий не только не пре-
ратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще
лее мощный темп. Монополистический характер господства
апитала никогда не был так очевиден, как в настоящее время.
онопольная власть капиталистических союзов распространяется
ерез границы государств и морские океаны. Монопольный обруч
язывает воедино все мировое хозяйство. В гигантском росте
онополий во всем мире кое-кто видит наступление новой благо-
атной эры для капитализма. В монополиях кое-кому маячит свет
рного пришествия социализма. Иллюзии порождаются теорети-
еским непониманием капиталистической монополии.

Для уяснения специфических черт ленинского понимания
апиталистической монополии, весьма целесообразно остановить
редварительно свое внимание на оценке, дававшейся этому явле-
ию экономистами из «социалистического» лагеря. Противополож-
ость взглядов настолько ярка и поучительна, что она как нельзя
учше и рельефнее оттеняет самое ценное, важное в учении
енина.

Приведем несколько примеров.

Вот перед нами Отто Лейхтер (Dr. Otto Leichter), за
:пециально проблемой перехода от капитализма к со
в экономической области. Издание его книги «Хозя
исчисление в социалистическом обществе» (Die Wirts
ung in der sozialistischen Gesellschaft) в известных «Ma
Blätter zur Theorie und Politik des wissenschaftlichen So
выходящих под редакцией Макса Адлера и Рудольф
фердинга в Вене, дает гарантию в том, что автор
находящийся на службе Второго Интернационала. Отт
серьезно и глубоко понимает процесс изменения эконо
роли рынка и конкуренции в монополистическом кап
в отличие от эпохи раннего капитализма. «В раннем ка
значение конкуренции было без сомнения гораздо бол
теперь. Тогда капиталистическое производство со всем
техническими чудесами было еще «новой землей»...
тогда сталкивались и разрешались противоречия вы
грессивной и плохо развитой производственной техни
кая цена, лучшее качество побивали все находящиеся
продукты ремесленного производства... Тогда мы имел
промышленной, в особенности, технической революцией.
еще героическая эпоха. Теперь время промышленных р
прошло... исчезли огромные различия в способе прои
Исчезли также в развитом капитализме и «произво
ные тайны»[1]). Теперь каждый предприни
знает все, что он должен знать о своих ко
гах. Отпадает и следующий момент антагонической ф
куренции. Рабочие переходят из одного предприятия
и приобретают знания о лучших методах производст
своей отрасли... Служащие меняют часто свои места..
заторы фабрик проходят через множество предприятий
няют в них опыт своей организаторской деятельности..
продавец информирован о всех продажных ценах в
тиях своей отрасли... Этому служат и образцовые и
ярмарки и т. д. Нужно прибавить и все то, что мы
производственным контролем рабочих и сл
капиталистическом обществе... и что служит элементом
к социалистическому обществу внутри капитализма.
лельно идет хорошо известно и достаточно исследова
ние отдельных предприятий в картели и тресты.., в
рых антагонистическая форма конкурен
уничтожена»[2])...

В приведенных строках процесс ликвидации старой
стической формы конкуренции внутри капиталистичес
ства, или, как выражается Лейхтер, «дефетишизации

[1]) Ср. Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться
т. XIV, ч. 2, стр. 191, где Ленин пишет: «Если торговая тайна нем
ком товарном хозяйстве, т. е. среди мелких крестьян и ремесленни
производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то в к
талистическом хозяйстве охрана этой тайны есть охрана приві
былей бу<вально горстки людей против всего народа».

[2]) Dr. Otto Leichter, Die Wirtschaftsrechnung in der
Gesellschaft. Marx Studien Blätter zur Theorie und Politik d. wiss
Sozialismus. Herausgegeben von Dr. Max Adler und Dr. Rudolf Hilf
Band, I. H., Wien 1923, S. 34, 35, 36.

хозяйства», изображен так красочно и убедительно, что прибавить остается очень не много. И тем не менее в этой умело набросанной картине «перерождения» клеточек рыночного капиталистического хозяйства заключается большой и опасный дефект. Процесс уничтожения конкуренции и рационализации общественных отношений в капиталистическом хозяйстве развивается далеко не так просто, безболезненно, привлекательно, как по Лейхтеру. В действительности не все идет к лучшему в этом лучшем из миров. К гармоническому организованному хозяйству нас ведет совсем не такая прямая и красивая дорога собственного самоотрицания капиталистической конкуренции. Рост рационалистических элементов в капиталистическом хозяйстве сопровождается ростом экономических противоречий во всей системе. Самое «врастание» и господство монополий есть чрезвычайно болезненный процесс. На-ряду с положительными процессами обобществления и рационализации экономических отношений растут и противоположные, отрицательные процессы, порождаемые анархией, неорганизованностью хозяйства. Все это происходит на общей основе товарного производства и взаимной конкуренции, принимающей все более ожесточенные формы. Вот этой отрицательной стороны процесса развития капиталистических монополий у Лейхтера не найти. В этом порочность всей схемы, весьма привлекательной па внешний вид.

Если учение о капиталистической монополии проходит мимо основных глубоких противоречий в существе и росте монополистических процессов, то оно неизбежно обречено на апологию. Вместо теоретического революционного диагноза получается апологетическая сказка про всеисцеляющие монополии. Такая судьба постигла большинство «социалистических» писаний о монополиях и империализме. Четкая и теоретически ясная линия отделяет от них учение Ленина.

Социал-демократическая теория и политика в вопросах частно-капиталистической и государственно-капиталистической монополии, за время, отделяющее нас от первых учеников Маркса и Энгельса, проделала интереснейший в истории цикл развития приведший к полному отрицанию «ценностей», которым когда-то она же сама поклонялась, и к ныне уже цельному извращению экономической теории империализма на струвистский манер.

Социал-демократия начала с «фронтальной» атаки на капиталистические монополии и «государственно-социалистические» заигрывания правительств (например, Бисмарка в Германии). Не поняв еще сущности развивающихся монополий, но зато видя в капиталистической конкуренции корень основных противоречий капитализма, социал-демократия становится на доктринерскую позицию «отрицания» самих монополий, так же неудачную, как позиция физического «отрицания» машин рабочими в первые годы развития машинной техники.

Эта точка зрения, революционная и доктринерски-ограниченная одновременно, получила свое выражение в следующих словах французского социалиста Жюля Гэда. «В борьбе, которую мы должны вести против существующего общественного строя, конкуренция является нашим могущественным союзником. Она делает необеспеченным существование разнообразней-

ших общественных групп, создает на-ряду с все умень
числом победителей все возрастающую массу побежде
прерывно увеличивает армию недовольства и обесп
победу. Уже потому, что общественные предприятия
вают и даже совсем устраняют плодотворные результ
ренции, рабочая партия должна вести прямую бор
них»[1])...

Отрицательное отношение прежней социал-демокр
нополиям было вполне увязано и с борьбой против
ственного социализма» и иллюзий, вызываемых им. «В
чтобы вооружать то государство, которое, находя
буржуазии, является нашим смертельным врагом,—
его разоружить»,—продолжает Жюль Гэд[2]). «Вся по
позиция нашей партии определяется борьбой (Gegei
сударственным социализмом»,—говорит Вильгельм Л
1892 году на партейтаге германской с.-д. В класси
стящей формулировке выражает Ж. Гэд основное пол
волюционной марксистской партии: «Рабочая партия,
ная часть нашего пролетариата, остается верна па
чала революция, т.-е. политическое и экономичес
жение господства капиталистических классов,—а у
общественные (государственные) предпри
как действительно общественные предприятия возмо
после того, как все классы сливаются в один класс
телей»[3]).

Революционная позиция социал-демократии времен
и Гэда не позволила ей разом дать теоретически и п
правильную оценку развивающегося процесса упразд
бодной конкуренции. Но зато как поразительно прав
конкуренция между капиталистами является крупней
ником пролетариата! Спустя добрых три десятка ле
ждавшихся чудовищным ростом монополий, эта давня
формулировка указывает на самое главное противор
тализма, которое должно его взорвать и ныне. Конеч
питализм падет от двух смертельных ударов: от обост
тренних противоречий, основанных на анархии капи
ского производства, и от возрастающего натиска пр

Как глубоко правдив поныне и другой пароль Гэ
революция, а потом обобществление и развитие к с
Ведь это «не в бровь, а в глаз» нынешним социал-
рассеявшим «иллюзии» времен Гэда и Либкнехта о в
сопротивления монополиям, но зато «ничтоже сумня
шим на путь движения к «государственному социали
этой пристани так спокойно причаливает ладья капи
ской монополии.

Предоставим же слово им самим, разрушителям
противникам «слепо штурмующей храбрости». Уж он
мают» преобразовательную роль монополистических
Над «наивностью» Гэда они посмеются!

---

[1]) Jules Guesde, Services publics et Socialisme, 1883.
сборнику „Monopolfrage und Arbeiterklasse", Berlin 1917, S. 178.

[2]) Там же, стр. 178.

[3]) Там же, стр. 179.

«Жюль Гэд,—пишет Макс Шиппель,—является ревностнейшим панегириком свободной конкуренции, (Lobredner der freien Konkurrenz), лозунга неограниченного капиталистического «laisser faire, laisser passer» во всей области организации производства для промежуточной эпохи вплоть до полного проведения цельного социализма!? Непоколебимый сторонник манчестерства вплоть до социальной катастрофы, а затем одним удивительным могучим прыжком прямо в новый мир социалистической организации производства!? До того времени никаких переходных форм (Uebergangsgebilde) и никаких вмешательств в экономические отношения с целью регулирования!?» [1]).

Таков «смешной» Гэд в изображении Макса Шиппеля. Последний совершенно свободен от подозрений в подобных «иллюзиях». Для него развитие к социализму не «внезапный прыжок» из царства свободной конкуренции в царство хозяйственного плана и социалистической организации. «Не внезапный прыжок, а постепенный процесс преобразования может создать более высокий хозяйственный строй... Дело идет, таким образом, для ближайшего времени не о плоском противопоставлении капитализма и социализма, но исключительно о выборе между переходными и смешанными формами, которые приобретают то привлекательный, то отталкивающий вид вследствие все более сильного влияния капитала или труда» [2]). Не борьба против капиталистических монополий, так как «социализм не заинтересован в раздроблении и анархии производства» [3]), а «подчинение их общественному контролю» [4]),—вот задача, которую ставит социал-демократия.

Понятно, что это принципиально изменяет и ее отношение к государству. Государству предстоит гигантская роль в этом «преобразовании» капиталистических монополий! Теперь прежнему «плоскому» противопоставлению себя государству нет места! Не сломать, а «подчинить» себе государственный аппарат! Впрочем... «после 4 августа 1914 г. об отрицании государства в старом смысле Гэда и Либкнехта,—пишет Вильгельм Янсон,—не может быть и речи... Такое отношение к государству теперь меньше, чем когда бы то ни было, может быть основой практической политики рабочего класса. Нельзя больше «отрицать» то государство, которому многие и многие тысячи из нас отдали лучшие силы (sic!) своей жизни» [5])...

Думается, довольно. Прочесть этот последний, прямо мерзостный, аргумент патриотического социализма—слишком достаточно для того, чтобы узреть путь собственного самоотрицания, пройденный социал-демократией по всем правилам диалектики! Классическая метаморфоза социал-демократии—превращение ее из партии пролетарской революции в партию государственного порядка—эволюция, проделанная социал-демократией на почве... поучительнейших споров «за или против монополии».

---

[1]) Max Schippel, Parteigeschichtliche Rückblck, S. 177. Цитирую по тому же сборнику „Monopolfrage und Arbeiterklasse".
[2]) Там же, стр. 215, 216.
[3]) Wilhelm Jansson, Für oder wider die Monopole S. 226.
[4]) Там же, стр. 227.
[5]) Там же, стр. 237.

Лучшие из социал-демократов не избегли этой уч ский, Кунов, Гильфердинг... Имя Гильфердинга связа из лучших трудов марксистской экономической мысл было давно... Теперь Гильфердинг тоже олицетворяет следнюю новость» социал-демократической литератур просу о монополиях и империализме. Но какую! То не было оппуртунистического в «Финансовом капитале» могло в основном умалить значения этой книги, возве пень, дополнено, развито в систему современным Гиль Скромное «теоретическое» предположение прежнего Ги. о возможности мирового генерального картеля стало д ностью в воззрениях Гильфердинга «послевоенной фор нополии привели Гильфердинга прямехонькым путем низованному (!) капитализму!

Гильфердинг пишет: «Военный и послевоенный пе несли в хозяйстве необычайный рост тенденций к ко капитала. Развитие картелей и трестов приняло ещ гантские размеры. Период свободной конкуренции п концу. Огромные монополии становятся решающими в хозяйственных отношениях. Все теснее становится с ками, «Все это означает переход от капитализма сво куренции к организованному капитализму... Непостоя талистических отношений производства уменьшаетс или, по крайней мере, их отрицательное влияние смягчаются... Безработица становится менее грозной, ствия устраняются посредством страхования» и т. д.

Мудрено ли, что, нарисовав такую сладкую ид цвета организованных элементов хозяйства внутри к Гильфердинг видит единственную миссию пролетар чтобы последний добился еще только «хозяйственной д А тогда... тогда наступит долгожданный социализм сто», «мирно», «прочно» подвозит нас поезд истории к по Гильфердингу! Какой удивительно «милый», это Гильфердинга! Такой «чинный», «естественный», раз на основе «иммапентных» экономических законов!

Шиппели, Янсоны, Куновы, Каутские, Гильферди оны социал-демократических писателей изображают к ческую экономику империализма в виде неуклонно эв рующего в сторону социализма хозяйства. Не обост производство экономических противоречий, а посте копление элементов организованного хозяйства вну лизма—вот тот путь, которым человечество приде общественному строю. Вся серия политических изм тических ревизий марксизма со стороны социал-демо вывается на этом «коренном» положении. От него в Да иначе и быть не может. Здание оппортунистиче сизма» построено со своеобразной цельностью, отдель сти приложены друг к другу. Фундамент этого зд вляет экономическая теория. В ней социал-демокра ведена коренная ревизия революционного учения Ма тализме. Подобно Струве и другим русским «легалы

[1] R. Hilferding, Probleme der Zeit, S. 1, 2, 3.—„Gesel April 1924, Herausgegeben von Dr Hilferding.

стам» 90-х г.г., международная социал-демократия превратилась в апологета капиталистических отношений.

Преодоление оппортунизма требует прежде всего полного разоблачения «подвигов» социал-демократии в области экономической теории.

III.

Большая теоретическая заслуга Ленина состоит в том, что он со свойственной ему ясностью и определенностью обнаружил полный разрыв с марксизмом социал-демократических писателей об империализме. «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма; противоречие между монополией и существующей рядом с ними свободной конкуренции, между гигантскими «операциями» финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке; между картелями и трестами, с одной стороны, и некартеллированной промышленностью—с другой, и т. д.»[1]).

Из приведенного места видно, в чем Ленин усматривал основное противоречие монополистического капитализма. По Ленину, для империализма характерно не господство одних монополий, а борьба, глубокая, жестокая, безысходная борьба между монополиями и существующей рядом с ними конкуренцией, анархией, неорганизованностью. Эта борьба и должна погубить империализм. Именно это затушевывают Каутский и К°. Именно это подчеркивает неустанно Ленин. Нет ничего более ошибочного, как не видеть этого главного отличия учения Ленина об империализме.

«Монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов»[2]).

«Капиталистическая монополия—монополия, выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой»[3]).

«Новый капитализм, пришедший на смену старому, характеризуется чертами чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции и монополии»[4]).

«Соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии и существенно для империализма»[5])...

Можно было бы привести еще огромное количество подобных мест из Ленина. Но и приведенные выше неоспоримо свидетельствуют о том, что теоретический анализ монополистического капитализма, данный Лениным, тем и отличается от всех осталь-

[1]) Ленин, Империализм,—Собр. соч., т. XIII, стр. 328.
[2]) Там же, стр. 305.
[3]) Там же, стр. 314.
[4]) Там же, стр. 2 5.
[5]) Ленин, Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы,—Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 121.

ных, что, по Ленину, империализм есть глубокая, вн безысходная борьба, порождающая неисчислимое количе чих противоречий, между монополией и свободной конк Это—принципиальная граница между воззрениями Лени чих «критиков империализма». Именно под этим углом учении Ленина необычайно ярко освещается вся бешен миримая борьба Ленина против всяческих извращений ского понимания империализма.

Было бы, однако, неверным сказать, что Ленин свою теорию монополий и империализма только в бор циал-демократическим оппортунизмом. Ленин был реш в борьбе со сторонниками теории так называемого «чист риализма». Взгляды наших товарищей, которые делали империализма орудие для оправдания своего отказа от п минимум; которые в наступлении империализма вид казательство того, что ряд проблем рабочего движения питализма свободной конкуренции, как-то: национал блема, вопрос о демократии и т. д.,—сняты самой жизн ю тому, как ряд основных характерных черт старог лизма ушли в прошлое истории, которые превраща об империализме в средство обоснования «ультра-левой ческой и экономической фразы и до, и после революц дили у Ленина категорический отпор.

Ленин в 1916 г., вскоре после написания своей книги об империализме, считает необходимым резко тельно откликнуться на один из подобных «анализов» лизма, сделанный П. Киевским (Ю. Пятаковым), квал его, как «образчик карикатуры на марксизм» [1]). В февра отзываясь об «ультра-левых» ошибках тов. Бухарина, о на его неполно правильном понимании империализ пишет по этому поводу иронически в письме к А. Ко «соблазнах» и «опасностях» для некоторых товарищей, ющих их «спотыкаться каждый раз на этом самом Позже вплоть до VIII с'езда партии, при обсуждении партийной программы, Ленин считал своим долгом, борьбой против «радикального» предложения об упразд граммы-минимум, всегда выступить и против «невер щений об империализме», против «книжного» изложен сового капитализма», против изображений в теории «цельного», «чистого империализма», который «будто б переделал» капитализм и при наличии которого задач ческого преобразования общества пролетариатом пос ции была бы «во сто тысяч раз легче», но который « тельности никогда и нигде не существовал и сущес будет» [3]).

Освещение вопросов теоретической полемики об лизме, имевшей место в рядах нашей партии с «левыми»

---

[1]) Ленин, О карикатуре на марксизм и об «империалистич мизме»,—Собр. соч., т. XIII, стр. 340.

[2]) Ленинский сборник, т. II, стр. 282.

[3]) Доклад Ленина о партийной программе на VIII с'езде РКП, т. XVI, стр. 112, 114, 115.

е время отнюдь не является просто бесполезным воспоминанием рых разногласий. Теоретическая проблема капиталистичеих монополий и империализма теперь сызнова стала во весь ст перед рабочим движением всего мира и требует чрезвычай теоретической ясности. Неверные трактовки, казавшиеся ньше лишь «книжными», «схематичными» и безобидными, в йствительности **теперь** могут породить целый ряд ложных едставлений о самой сущности империализма и линии его разтия. При этом «левые» теоретические уклоны в трактовке импеализма на практике могут, а часто неизбежно должны, сочеться с «правым» непониманием задач и условий политичей борьбы пролетариата.

Центральная ошибка в понимании империализма, в которой енин обвинял «левых», состояла в теоретически неправильном не соответствующем действительности представлении о монопостическом капитализме, как о такой стадии в экономическом звитии, которая будто бы в основном переделывает или почти ределывает отличительную особенность старого капитализма— архия, обмен, товарное хозяйство, кризисы и т. д.—т.-е. все то, о свойственно капитализму, как обществу, основанному на частй собственности и анархии производства.

Самым распространенным в этом отношении ошибочным глядом является представление о так называемых «государвенно-капиталистических трестах», наиболее полно выраженое у тов. Бухарина, но встречающееся и у ряда других авгов[1]). «Капиталистическое народное хозяйство,—пишет т. Бурин,—превратилось **из иррациональной системы в раиональную организацию**, из бессуб'ективного хозяйтва в хозяйствующего суб'екта...»[2]). «Организованно распредеяемый внутри страны продукт» не является уже товаром, и тановится таковым лишь постольку, поскольку его бытие свяано с существованием мирового рынка»[3]). «**Организация производственных отношений финансового капиализма**» приближается к типу «**универсальной госуарственно-капиталистической организации**, с ничтожением товарного рынка, с превращением енег в счетную единицу, с организованным в гоударственном масштабе производством...»[4]).

Подобных же взглядов придерживается и Н. Осинский. Пододи итоги своему анализу государственно-монополистского капитализма, Осинский пишет: «Итог: отмирание капитализма, как **товарного** хозяйства, в котором приспособление производства потреблению создается путем спроса и предложения на рынке конкуренции независимых собственников, а рабочая сила сотавляет товар...»[5]).

Аналогичная «нота» звучит и у Л. Крицмана в его новой книге «Героический период великой русской революции», в ко-

---

1) Ниже приводимые цитаты взяты из книг, не служивших непосредственно редметом полемики с тов. Лениным, так как они были написаны позднее. Но них мы имеем наиболее законченные формулировки взглядов «левых».

2) Н. Бухарин, Экономика переходного периода, 1921, стр. 14.

3) Там же, стр. 15.

4) Там же, стр. 34.

5) Н. Осинский, Строительство социализма, 1918, стр. 13.

торой он считает, что капитализм «эволюционировал» ческого товарного производства» к «планомерному», «н производству» [1]), и что в этой сфере «хозяйственное ство пролетариата выступает не как революция, а должение эволюции, организационной работы щественного строя» [2]).

Вышеуказанным авторам государственно-монопо: капитализм рисуется в виде единого организованн в виде хозяйственной системы, уничтожившей ана водства в пределах государственной территории, в дарственно-капиталистического треста». Внутри этого внутри всякого треста, уже нет конкуренции, товар ства, кризисов, порождаемых внутренними противоре же является ошибочным в подобной картине?

Конечно, не то, что свободная конкуренция имеет к превращению в монополию, что современный кап рактеризуется господством монополистических союзов, видуальных собственников, и что государство прев «служанку» монополистических групп капиталистов. определяется тем, что в жизни рядом с монополиями существовать свободная конкуренция, что монопо: группы продолжают вести, ведут между собой ож борьбу на рынке, что на-ряду с «общностью» интересо стических групп внутри государства, между ними ес: противоречия интересов, и что самое определение «госу капиталистический» трест можно принять только cum Названные авторы «переоценивали» эволюцию кап к упразднению товарного хозяйства и «не дооценива. заложенную в капитализме анархию производства, на частной собственности. Переход от анархического пому производству отнюдь не так прост для строя к ческих собственников. Он не может произойти в рам него. Для этого нужна революция не менее насилт глубокая, нежели экономическая экспроприация экспр

Есть еще один момент, который ставит под сомн «государственно-капиталистического треста». Это—су сельского хозяйства, колоний и доминионов. Современ листическое «народное хозяйство» представляет соб чайно сложный экономический комплекс, особенно оно не может жить ни без «аграрного дополнения» вн полии, ни без доминионов и колоний, входящих тоже частями в «народно-хозяйственный» организм. Именно тельство делает особенно непригодной теорию «госуда питалистического треста». Во взаимоотношениях ме стрией и сельским хозяйством, метрополией и колон чает свое выражение непрекращающаяся борьба моноп бодной конкуренции, империализма и молодого неи капитализма. Эти отношения никак, конечно, нелья под категорию отношений технического разделения т частями одного единого комбинированного треста.

[1]) Л. Крицман, Героический период великой русско стр. 58.

[2]) Там же, стр. 99.

Но теория «государственно-капиталистического треста» оказывается неверной не только потому, что она не видит общей базы капитализма, на которой вырастает «государственно-капиталистический трест», существующий рядом с монополией свободной конкуренции, борьбы между и внутри монополистических союзов на данной государственной территории, наличия отнюдь не монополистически организованной сельско-хозяйственной и колониальной периферии, являющейся постоянной питательной основой для нового капитализма. Ее уязвимость ярко обнаруживается также при попытке применения ее в области теоретического анализа **мировой** хозяйственной системы империализма. Самой актуальной проблемой в кругу вопросов мировой экономики империализма является проблема единого мирового капиталистического треста. Возможен ли таковой? Идем ли мы действительно к «организованному» мировому капитализму под эгидой американского капитала, как проповедуют партии Второго Интернационала? Или красивая теоретическая концепция господ Гильфердингов находится в непримиримом противоречии с фактами неорганизованности, борьбы, конкуренции, на которых основан и которых не в силах уничтожить капитализм?

Вряд ли теория «государственно-капиталистического треста» может служить хорошим орудием для борьбы против подобных иллюзий. Абстрагируясь от основных трудностей развития монопольных процессов внутри народного хозяйства, от сложной экономической действительности анархического капиталистического хозяйства, на основе которой устанавливают свое господство монополистические союзы внутри страны, эта теория расчищает путь для подобного же «теоретизирования» в вопросах создания мирового капиталистического треста. Если бы действительно все мировое хозяйство представляло собой только совокупность связанных мировым рынком нескольких государственно-организованных трестов, то возможность образования мирового треста была бы необычайно велика. Тем более, если вспомнить о наличии «синдикатов государственно-капиталистических трестов (Лига наций и пр.)», в которых «тенденции к организации хозяйства выступают за пределы отдельных государств»[1]). При подобном положении была бы вполне вероятна та перспектива, которую имеет в виду и сам тов. Бухарин. После окончания мировой войны, в случае победы одной коалиции держав над другой, «капиталистический строй имел бы много шансов выпрямиться; «залечив раны», т.-е. возобновив сношенные и разрушенные части постоянного капитала, капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего развития, и притом в высшей, более централизованной форме, чем до сих пор»[2]).

В живой действительности, однако, дело обстоит не так. «Эра соглашения» в мировом капиталистическом хозяйстве встречает на своем пути гораздо больше затруднений. Противоречие и борьба между свободной конкуренцией и монополией внутри «государственно-капиталистических трестов», постоянная диспропорция между индустрией и сельским хозяйством, огромный хозяйственно неорганизованный колониальный мир, входящий в каждый «государственно-капиталистический трест», противоречия и

[1] Н. Бухарин. Экономика переходного периода, стр. 36.

[2]) Там же, стр. 4 .

неравномерности в развитии отдельных предприятий, производства, стран, монопольное давление организован талистов на «диких», монопольная эксплоатация нем продаваемой рабочей силы,—все это вдесятеро труд соглашение и борьбу между государственными едини просах рынков сбыта, сырья, капиталов, рабочей силы.

В лице «государственно-капиталистических трестов» не организованные планомерные хозяйства, в собствен слова, а форму монополистического господства фина талисть .еских групп данного государства на общем рого капитализма и конкуренции. В экономической жиз ных стран самым существенным является переплетен лии и свободной конкуренции, рост монополий и органи на фоне и в противоречии с частной собственностью и производства, победить которые окончательно импер может.

Насколько не соответствуют действительности сх дарственно-капиталистических трестов» показывает, следующее построение тов. Бухарина в его книге «Им и накопление капитала». Возражая Розе Люксембург тает нужным, между прочим, аргументировать вызово тели «государственного капитализма». «Представим лективно-капиталистический строй (госуд капитализм), где капиталистический класс об'единен трест, и где, следовательно, перед нами организова то же время антагонистическое, с точки зрения кл зяйство»[1]). Здесь нет «анархии производства», а о нальный, с точки зрения капитала, план». Никако перепроизводства, несмотря на «недопотребление» м получиться не может... ибо заранее дан как сп роны каждой отрасли производства по от к другой, так и потребительский спрос»[2]).

Конечно, тов. Бухарин абсолютно прав в том, что на недопотребление масс, но при соблюдении соответс ложения и спроса, производства и потребления, кризиса но не будет. Но где в мире существует «государствен лизм», подобный «государственному капитализму тов. Б Какой «государственно-капиталистический строй» сов няет «анархию производства»?[3]). В каком «государствен листическом» обществе заранее дан спрос производс спрос потребительский? Подобного «государственно-ка ческого» строя нигде, ни в одной стране никогда не су Это—вымышленное, несоответствующее «грешной» дейс сти экономическое общество. В подобном экономичес стве, конечно, кризисы были бы невозможны. Но экономическое общество тоже невозможно.

Правда, тов. Бухарин делает раз'яснение для «грам тателя», что такой «государственный капитализм» есть ный, «идеальный» тип общественной структуры, а не эм данное общество»[4]). Но для чего нужен в экономичес

---

[1]) Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр.
[2]) Там же, стр. 84.
[3]) Почему «анархия производства» заключена в кавычки, не
[4]) Там же, стр. 87.

кой «идеальный» тип «организованного, но антагонистического щества»? Какую познавательную ценность он имеет для нас? добная «абстракция» имела бы смысл только в том случае, ли бы она соответствовала основной тенденции в современном капиталистическом обществе. Но этого-то как раз и т. Основной тенденцией капиталистического строя является процесс превращения его из анархического в планомерно ганизованный хозяйственный строй. Этого произойти не может з революции, глубокой, основной, в корне изменяющей основы капиталистической экономики. Основная тенденция капитализма—это все большее обострение экономических противоречий, все более острое столкновение растущих производительных сил с капиталистической анархией производства, все большее несоответствие между вырастающими на почве капиталистической неорганизованности процессами обобществления и этой самой неорганизованностью.

Монополии составляют только наслоение на капиталистической экономике, но существа и тенденции ее они изменить не силах. Извне и изнутри отдельных производств, отраслей, стран монополистические процессы пересекаются в капиталистическом обществе противоположными процессами, характеризующими несоответствия, неорганизованность, конкуренцию капитализма. На мировом рынке борьба этих двух процессов принимает наиболее острые, гигантские, яркие формы. Поэтому неорганизованность мирового хозяйства так очевидна для всякого беспристрастного наблюдателя. Но ошибочно было бы отсюда делать вывод, будто бы внутри государственно-капиталистических хозяйств неорганизованность уже упразднена. Наоборот, мировая анархия капитализма есть не что иное, как сгущенная, концентрированная анархия глубоких основ капиталистических отношений во всех странах.

Вот как Ленин отзывается о теории «чистого империализма»: «Главнейшие и наиболее существенные особенности капитализма, как общественно-экономического строя, *не* изменены в корне империализмом, эпохой финансового капитала. Империализм является продолжением развития капитализма, его высшей стадией»... Империализм не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может» [1]).

«Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,— существеннейшая особенность империализма вообще».

«Теоретически неправильно выкинуть (из партийной программы) анализ обмена, товарного производства, кризисов и т. п. вообще и «заменить» этот анализ анализом империализма, как целого. Ибо такого целого нет. Есть переход от конкуренции

[1]) Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы, —Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 120.

к монополии, и гораздо правильнее будет, поэтому, го нее воспроизведет действительность такая программ оставит общий анализ обмена, товарного производства и пр., добавляя характеристику вырастающих Именно это соединение противоречащих друг другу «не куренции и монополии и существенно для империализ оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую рев

«Чистый империализм, без основной базы капитал когда не существовал, нигде не существует и никогда вать не будет. Это есть неверное обобщение всего того рилось о синдикатах, картелях и трестах, финансов лизме»[2])... «Никогда в мире монополистический капи свободной конкуренции в целом ряде отраслей не су и не будет существовать. Описать такую систему написать систему, оторванную от жизни и неверную.. лизм и финансовый капитал есть надстройка над ста тализмом»[3]).

IV.

Прежде чем перейти к рассмотрению главных выв рые Ленин делает из своего понимания капиталистиче полии, необходимо остановиться еще на одном момен видели, Ленин подчеркивает капиталистически монополии. Монополии, даже в их государственно-ка ческом выражении, не могут упразднить окончатель стной собственности, ни конкурентной борьбы между стами.

На первый взгляд может показаться, что подо зрения мало отличается от воззрений тех экономисто не видят преобразовательно-революционизирующего зн нополий, подготавливающих переход к более высоком стическому общественному строю. «Естественно напр вопрос, к чему «переходит» этот новейший капитали ставить этот вопрос буржуазные ученые боятся»[4]).

Виднейший буржуазный экономист Лифман, сосред свое исключительное внимание на картелях и трестах щийся лучшим буржуазным специалистом по вопроса вого капитализма, действительно и не ставит этого росте монополий он не только не усматривает приз готовления предпосылок для социализма, но, наобор монополию таким же «изначальным» принципом де индивидуального хозяйства, как и конкуренцию. В особо посвященной вопросам теории монополии, он гов куренция и монополия существуют рядом друг с др «Целью каждого отдельного хозяйства, очевидно, яв нопольное положение»... «Но монополия вед

[1]) Там же, стр. 121.

[2]) Ленин, Доклад о партийной программе на VIII с'езде РКП XVI, стр. 112

[3]) Там же, стр 114.

[4]) Ленин, Империализм,—Собр. соч., т XIII, стр. 265

[5]) R. Liefmann, Konkurenz und Monopoltheorie, — «Archi wissenschaft u. Sozialpolitik», 41 Bd., I H.

[6]) Там же, стр 123.

уренции. С другой стороны, конкуренция ведет к монополии» [1]). «Монополия есть высший результат (der Gipfel) конкуренции, а всякая конкуренция в конечном счете есть не что иное, как стремление к монополии» [2]). И наконец: «Монополия не в меньшей мере является организационным принципом обмена, чем конкуренция» [3]).

Монополия и конкуренция, по Лифману, сосуществуют, переходят друг в друга, порождают друг друга. Чем сильнее конкуренция, тем она все более расчищает почву для монополии, и, наоборот, чем интенсивнее монополисты используют свое положение, тем острее становится конкуренция. Монополия и конкуренция прекрасно дополняют друг друга. Сочетание их в хозяйственной действительности—вот экономический идеал, воодушевляющий Лифмана и вытекающий, по его мнению, из основных суждений всякого хозяйствующего суб'екта. Монополия и конкуренция у Лифмана возведены в «ранг» основных принципов не только капиталистического хозяйства, но и всякого экономического строя, ибо обмен—в такой же степени принадлежность человеческого общества, в какой не является принадлежностью так и других животных [4]).

Понятно, что с подобным теоретическим «анализом» существа капиталистической монополии ничего общего не имеет Ленин. Монополистический капитализм, по Ленину, есть высшая историческая фаза в развитии капитализма, от которой дальше нет иного пути, «перехода», как к социализму. Монополии и соответствующие им изменения материально подготовляют социализм. Общество, доросшее до учета, надзора, контроля, до величайшей концентрации при капитализме, тем самым созрело для «введения» социализма. Мы видели, как Ленин считает историческую подготовку социализма растущими процессами обобществления основным экономическим изменением в эпоху империализма. Установление исторического «превращения», происходящего в сфере капиталистической экономики, есть большое отличие марксистского анализа империализма от всякой буржуазно-либеральной à la Liefmann «теоретической» болтовни.

С этой точки зрения представления экономистов о конкуренции и монополии, как о «вечных» принципах в деятельности хозяйствующих суб'ектов, служат лишь доказательством ограниченности буржуазного кругозора, неспособного понять современное хозяйство в его историческом своеобразии. Когда Лифман говорит, что монополия всегда есть конечная цель всякого [illegible] хозяйства, то должно быть совершенно ясным, что [illegible] ким пониманием монополии и историческим понима[illegible] нет ничего сходного. Монополии, как общественное эконо[illegible] отношение - Tauschkonstellation, по выражению Лифмана— есть глубоко историческая категория, характерная для новейшей фазы капитализма, а отнюдь не «извечный» принцип хозяйственного поведения. Смешение одного и другого понимания есть простая игра слов, а не экономический анализ.

---

[1]) Там же, стр. 137.

[2]) и [3]) Там же, стр. 139.

[4]) Как известно, А. Смит считал, что какое-то сверхестественное существо одарило человека способностью к обмену, в противоположность животным.

Исторически формулированное понимание монопол Ленина не только от экономистов типа Лифмана, н плеяды социал-демократических писателей, которые к рического характера капиталистических монополий п мели, и поэтому и исторические черты империализм способны. Что капитализм дорос до монополий, чт есть противоположность конкуренции, что капитал ждается»,—это с удовлетворением включают в свой а тунисты. Но что монополии создают новый этап в питализма, который на новой исторической ступени в более острой форме воспроизводит основные противоре лизма, что империализм в новой монополистическ делает еще более невыносимым существование капи этом они скромно умалчивают, скрывая тем самым преходящий характер империализма.

На основе теоретического понимания историческо питалистической монополии, Ленин построил все уче риализме. Все остальные черты империализма—госпо сового капитала, роль банков, борьба за рынки, экспо раздел мира, паразитизм новейшего капитализма и т. ко базированы у Ленина на понимании монополист рактера империализма, но и легко выводятся из этог Тот, кто понял основное в империализме—господств на общем фоне частной собственности и конкуренци мет и всю систему империализма.

Какие же выводы делает Ленин из своего пони полий?

Центральный вывод состоит в том, что импе только не упраздняет внутренних противоречий вытекающих из частной собственности и анархии но еще более обостряет их. Только апологеты импери развивать мысль, будто господство финансового кап б л я е т противоречия внутри мирового капитализм Ленин не устает в течение империалистической во вать самое элементарное, казалось бы, марксистско что «капитализм есть частная собственность и анарх ства»[2]). Ленин выдвигает его против ренегатов марк риалистических утопистов, упростителей империали стемы и любителей «миролюбивых» лозунгов, вроде ло ненных Штатов Европы.

«Устранение кризисов картелями есть сказка экономистов, оправдывающих капитализм во что бы Напротив, монополия, создающаяся в н е к о т о р ы х о мышленности, усиливает и обостряет хаотичность, в с е м у капиталистическому производству в целом; н в развитии земледелия и промышленности, характе питализма вообще, становится еще больше. Приви положение, в котором оказывается наиболее карт так наз. т я ж е л а я индустрия, особенно уголь и водит в остальных отраслях промышленности «к еще отсутствию планомерности», как признается Ейдельс,

[1]) Л е н и н, Империализм, т. XIII, стр. 310.
[2]) Л е н и н, О лозунге Соединенных Штатов Европы, т. X

из лучших работ об «отношении немецких банков к промышленности» [1]).

«Усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов» [2])..

«Распределение средств производства (в эпоху финансового капитала) совсем не «общее», а частное, т.-е. сообразованное с интересами крупного и в первую голову крупнейшего монополистического капитала, действующего в таких условиях, когда масса населения живет впроголодь, когда все развитие земледелия безнадежно отстает от развития промышленности, а в промышленности «тяжелая индустрия» берет дань со всех остальных ее отраслей» [3]).

«Со стороны торгово-промышленных кругов нередко слышатся жалобы на «терроризм банков»... В сущности это—те же жалобы мелкого капитала на гнет крупного»... Только в разряд «мелких здесь попадают целые синдикаты»! «Старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени развития» [4]).

Как несравненно далеко это глубокое понимание Ленина анархичности капиталистического производства от даже самых революционных писателей об империализме! Характерным для Ленина является, что он еще в 90-х г.г. со всей решительностью и ясностью выставлял анархию капиталистического производства, как неот'емлемое основное качество капитализма, лежащее в основе всех противоречий капитализма. Это об'ясняет поразительную монистическую цельность всех теоретико-экономических взглядов Ленина. В то время, например, как еще «ортодоксальный» Каутский [5]), а позднее Роза Люксембург искусственно выпячивали в теории рынков и кризисов только один момент—противоречие между производством и потреблением, у Ленина этот момент гармонически вплетается в общую систему анархии капиталистического производства [6]). Поэтому Ленин больше всех сумел понять революционный смысл марксова учения о капитализме, а позже с таким искусством применить метод и учение Маркса к теоретическому анализу империализма. Учение Ленина об империализме является действительным продолжением, развитием экономического учения Маркса в эпоху новейшего капитализма.

Ни одно из противоречий капитализма, вытекающих из анархии производства, не исчезает в эпоху империализма. Они еще более обостряются и осложняются новыми противоречиями. Противоречие между организованностью отдельных отраслей производства и неорганизованностью всего производства, между картелированными и некартелированными частями хозяйства, между тяжелой индустрией и легкой, между сельским хозяйством и промышленностью, между производством и потреблением,—все эти

---

[1]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 257.
[2]) Там же, стр. 257.
[3]) Там же, стр. 263.
[4]) Там же, стр. 269.
[5]) См. Каутский, Теории кризисов.
[6]) Очень хорошо это подмечает тов. Бухарин. (Империализм и накопление капитала, стр. 87).

противоречия принимают колоссальные размеры и о империализме.

На противоречиях, основанных на монополис характере империализма, следует особо остановитьс речие между монополией и конкуренцией в системе Л во весь рост. Монополия и конкуренция не мирно со рядышком, а ведут ожесточенную борьбу. Мнение о жительстве» монополии и конкуренции обще всем экономистам. Мы уже приводили выше Лифмана, идиллию гармонического союза монополии и конкурен ствительности сосуществование и поглощение друг д полии и конкуренции создает новые неисчислимые пр Ленин именно глубокое противоречие, заложенное в подчеркивает со всей силой.

«Одним из недостатков марксиста Гильфердинга я что он сделал шаг назад по сравнению с немарксисто Мы говорим о паразитизме, свойственном империал нополия неизбежно порождает стремление к застою и з поскольку устанавливаются, хотя бы временно, моно ны, постольку исчезают до известной степени побудите чины к техническому, а след., и ко всякому другому движению вперед; постольку является, далее, э к о н о возможность искусственно задерживать технический «Тенденция к застою и загниванию, свойственная м действует... в отдельных отраслях промышленности, в странах, а на известные промежутки времени, она бе

Совершенно понятно, почему господство монополи к паразитизму, застою. Это и есть противоречие ме ством монополий и сохранением частной собственнос империализм не в состоянии упразднить. И понятн изложенного, почему «марксисты», подобные Гильфер противоречия монополистического капитализма у смогли. Монополии, упраздняя конкуренцию, вводят но и гладко прямо в организованное общество—так «и х» тезис. Монополии, материально подготовляя со только не упраздняют, но обостряют и дополняют степени противоречия капитализма—таков главный те Ленина.

Понимание паразитического характера монополий но важно, так как оно позволяет легко проникнуть очень многих характернейших особенностей империал ким особенностям, например, принадлежит закономерн щение», происшедшее с конкуренцией, ее формами и Монополии в экономике необходимо считаются с м ческими, насильственными, захватными средствами бо дами конкуренции [2]). «Перед нами уже не конкуренци мелких и крупных, технически отсталых и техничес ных предприятий. Перед нами удушение монополиста не подчиняется ее гнету, ее произволу» [3]). «Отношения и связанного с ним насилия—вот что типично для фазы капитализма», вот что с неизбежностью должно

[1]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 314.
[2]) Там же, стр. 309.
[3]) Там же, стр. 254.

стечь и проистекало из образования всесильных экономических онополий» [1]).

Конкуренция не просто упраздняется [2]). Она упраздняется остается существовать. Но, что важно, преобразуются также здикально самые формы конкуренции. Конкуренция делается асильственной, превращается в борьбу орудиями, далеко не экоомическими и не прогрессивными. Интересно, что об этом измеении формы конкуренции [3]) молчат или чрезвычайно мало гоорят оппортунисты.

Так же точно, как тенденции к техническому застою и измеению форм конкурентной борьбы, из факта господства монополиических союзов вытекает и монопольная эксплоатация монопоистически не организованных частей капиталистического хозяйва. Монополии становятся тем более сильными, чем большее оличество немонополистических областей хозяйства находятся сферо их эксплоатации. Отсюда происходит вся колониальная олитика монополистических союзов, монопольный раздел мечду ними всего мира, ожесточенная борьба за рынки. Империаизм—это монополистическое господство групп капиталистов над громными колониальными и полуколониальными областями. Таова картина империализма, если взять последний в мировом асштабе. Империализм превратился в паразитический гнет гоударств-монополистов над миллионами колониального насеения.

Только Ленину удалось проникнуть в существо империаизма, как мировой системы господства «культурных» госуарств над «некультурными» областями и странами, и тем самым внаружить величайшее внутреннее противоречие, на котором остроен империализм. Случайно ли это? Конечно, нет. Никто, роме Ленина, не понял так глубоко сущность капиталистиеской монополии и поэтому не сумел раскрыть картину чудоищной эксплоатации, гнета, насилия, паразитизма, характерных ля империализма. Никто не сумел с такой определенностью становить, что «капитализм дозрел и перезрел», что он пережил ебя и стал реакционнейшей задержкой человеческого развития..„ то он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, олкающих народы на бойню для решения вопроса о том, германской или англо-французской группе хищников должна достаться мпериалистическая добыча, власть над колониями, финансовые феры влияния» или «мандаты на управление» и т. п.» [4]).

[1]) Там же, стр. 255.

[2]) Именно так «просто» смотрит на процесс развития монополий Leichter. (Die Wirtschaftsrechnung in d. sozialistischen Gesellschaft, Wien 23 г.).

[3]) Тов. Бухарин не совсем правильно об'ясняет в «Экономике переходного риода» перенесение центра тяжести конкурентной борьбы на методы силого давления тем, что борьба в эпоху финансового капитала идет не между нородными предприятиями, а комбинированными трестами, именно между осударственно-капиталистическими комбинированными трестами», где метод шевых цен вообще не применим. Дело в том, что основное значение в ом вопросе, конечно, имеет монополистический характер новейшего питализма. Как совершенно правильно замечает тов. Бухарин в своей последй работе «Империализм и накопление капитала», проблема конкурентной рьбы даже между предприятиями, производящими однородную продукю, «стоит существенно иначе при монополистической форме капитала», чем н капитализме свободной конкуренции. В этом и заключается гвоздь.

[4]) Ленин, Ответ на вопросы американского журналиста, т. XVI, стр. 286.

V.

Какое актуальное значение для борьбы рабочего к
теоретическое учение Ленина, показывает вся сумма
но-политических положений ленинизма, которые на не
Сюда относится, прежде всего, непримиримая бо
защитников «теории сверх'империализма». «Казенному
прелестей «организованного капитализма» [1]), пропове
соглашателей о предстоящем наступлении «фазы п
войн» и «общей эксплоатации мира интернациональн
ным финансовым капиталом» [2]), Ленин противопост
теорию империализма, безжалостно бичующую все п
империализма и обнаруживающую всю теоретическую
скую фальшь идей о «мирном ультраимпериализме»
Теория ультраимпериализма, по мнению Ленина,
решительно и бесповоротно с марксизмом». Ибо как
рить «марксистским» языком о необходимости насту
ного сверх'империализма, когда главным законом
является «неравномерность и скачкообразность в разви
ных отраслей, предприятий, стран» [3]), когда «финан
тал не ослабляет, а усиливает различия в быстроте
ных частей всемирного хозяйства», и когда главным
капитализма в борьбе и в соглашениях есть принци
стников, величины капитала, обще-экономической,
военной мощи [4]).
Пусть капиталисты добьются соглашения раздел
жду собой. Но ведь «делить нельзя иначе, как по с
поведывать «справедливый» раздел на базе капитализм
донизм, тупоумие мещанина, филистера». «А сила
с ходом экономического развития. После 1871 год
усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Фра
ния раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить д
ную силу капиталистического государства, нет и не
иного средства, кроме войны... При капитализме
иные средства, как кризисы в промышленности, в
литике» [5]).
Вот почему Ленин называет мнение о возможнос
жду народами при капитализме «теоретически соверш
ным, а практически софизмом, способом нечестной з
шего оппортунизма» [6]). Конкретно-историческая особен
риализма заключается в том, что он представляет не
одного сверх'империализма, а господство и конку
скольких империализмов [7]). «Поэтому «интер-импер
или «ультра-империалистские» союзы—в какой бы фо
юзы ни заключались, в форме ли одной империалисти
лиции против другой, или в форме всеобщего союза
риалистских держав—являются неизбежно лишь

[1]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 270.
[2]) Там же, стр. 310.
[3]) Там же. стр. 284.
[4]) Там же, стр. 329.
[5]) Ленин, О лозунге Соедин. Штатов Европы, т. XIII, стр
[6]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 294.
[7]) Там же, стр. 308.

ния» между войнами. Мирные союзы подготовляют войну и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»[1]).

Эти слова Ленина и поныне служат лучшей отповедью мечтателям о наступлении эры «организованного» капитализма. Нет иного выхода из мира капитализма в мир сознательно организованного общества, как на пути социалистической революции. Империализм довел противоречия капитализма до высшей и наиболее острой формы, сделав его реакционным и особенно невыносимым его гнет. Не сказку об «организованном» капитализме, а революцию, пролетарскую социалистическую революцию противопоставит империализму пролетариат.

«Чрезвычайно высокая ступень развития мирового капитализма, вообще, и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом, и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов, и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистической войной,—все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской социалистической революции»[2]).

Если ленинская теория считает неизбежным крах капитализма и социалистическую революцию, то, с другой стороны, ей совершенно чужды элементы революционного фатализма. Крах капитализма наступит не в результате пришествия некоего «об'ективного предела», срока, знаменующего абсолютную невозможность дальнейшего развития капитализма. Именно на такую позицию необходимо сбивается учение о накоплении капитала и империализме Розы Люксембург. Причину краха капитализма она видит в исчерпании некапиталистической среды, без которой невозможно, по ее теории, расширенное воспроизводство вообще. Наступление этого момента и есть «об'ективный предел» развития капитализма.

Для учения Ленина подобное механическое предопределение конца капитализма неприемлемо. Капитализм падет от все большего обострения внутренних противоречий, на которых построен капитализм с раннего детства, но которые делаются неизмеримо губительнее в последнюю эпоху капитализма. Монополистический характер новейшего капитализма—вот что доводит эти противоречия до высшей ступени развития. Высший момент напряжения этих противоречий и есть момент краха капитализма и социалистической революции.

Роза Люксембург не видела основной исторической черты империализма—его монополистического характера. Это не позволило ей определить и действительные причины гибели капитализма. Увлеченная «об'ективным пределом» капитализма, вы-

---

[1]) Там же, стр. 329.

[2]) Ленин, Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы, т. XIV, ч. 1, стр. 116.

мышленным ею в основе неверной теории накопл
отвлекла свое внимание от главных исторических пр
империализма. И «чистый» и «смешанный» капитализм
времени воспроизводится с колоссальными трудностям
ками, противоречиями. Этот главный момент Роза у
виду. Отсюда неправильность ее теории империализм
не революционный в действительности смысл ее. За
верно об этом пишет тов. Бухарин: «Тут налицо уд
теоретический парадокс: теория Розы Люксембург, ко
быть ультра-революционной и которая дает действит
колепное, рукою гениального мастера сделанное опи
лониальной эксплоатации,—эта теория по существу
в своем теоретическом ядре, смазывает и затуп
и капиталистическую действительность»[1]). Наоборот,
нина, далекое от «фаталистического» предсказания ги
тализма от «третьих лиц», подчеркивающее, как мы
«империализм есть умирающий капитализм, но не уме
далекое от всякого упростительства в вопросах капи
ского краха,—с величайшей силой, в ослепительно я
на основании теоретического анализа, обнажае
глубокие и острые противоречия империализма.

По этой же причине различна и практическая р
Ленина и Розы в вопросах политики и стратегии рабоч
Наиболее выпукло это проявляется в крестьянской и н
колониальной проблемах.

Неотвратимым выводом из учения Ленина об им
является идея рабоче-крестьянского блока и союза п
революции с колониальными восстаниями. Именно г
щий монополистический характер империалистической
ции делает крестьянскую и колониальную проблемы
«жизни и смерти» для империализма и для пролетариат
ной заслугой Ленина является то, что он выдвинул
че-крестьянского блока еще в первой русской рево
долго до империалистической войны, послужившей мо
высших обострений противоречий империализма, как
вейшего капитализма. Но непростительной ошибкой б
этому рассматривать крестьянский вопрос в системе
вне связи с учением об империализме. В учении об им
как и в империалистической действительности, идея
стьянского блока получает свое окончательное подтв
историческое оправдание. Из мысли о случайном,
благоприятном сочетании революции пролетариата
ской войны, о котором говорил еще Маркс, она п
в острейшую жизненную проблему пролетарской рево
разрешения которой невозможна победа последней.

Логически закономерно непонимание крестьянско
сторонниками Розы Люксембург и теории «чистого имп
И те и другие проходят мимо отношения монополии
конкуренции, как основного общественно-экономическ
ния эпохи империализма, не замечая вместе с тем гл
тиворечия империализма—между монополией и конкур
жду монополистически организованной и неорганиз

[1]) Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала, ст

стями мирового капиталистического хозяйства. А здесь как раз и лежит корень крестьянской и колониальной проблем.

То же самое нужно сказать и о национальной проблеме. Ленин поставил национальный вопрос так широко и глубоко, как не осмеливался до него сделать ни один социалист. Это случилось потому, что эпоха империализма выдвинула вопрос о национальном угнетении, порабощении, эксплоатации в таком виде, в каком он не стоял никогда в истории. Империализм—это господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств над миллионами колониальных рабов. Удивительно ли, что Ленин лучше всех понял всемирно-историческое значение этого вопроса?

Важно отметить, что такой подход к национальному и крестьянско-колониальному вопросам дал возможность Ленину познать мировую пролетарскую революцию в конкретно-историческом своеобразии ее условий. Этого никому не удавалось сделать. Между тем, Ленина «принято» упрекать в «беззаботности» в отношении учета об'ективных условий пролетарской революции. Нет ничего более неправильного, чем такой упрек. Пусть вдумаются все «умники» из Второго Интернационала в нижеследующие слова Ленина, доказывающие его блестящее понимание реальных условий мировой революции.

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и ц е л ы й р я д демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений, в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях. Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и об'ективная действительность показывает нам, на ряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций, очень слабо и совсем неразвитых экономически. П. Киевский абсолютно не продумал о б ' е к т и в н ы х условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран» [1])...

Вопрос об экономической и политической зрелости отдельных стран к социалистической революции, вопреки «обычному» мнению, нашел у Ленина наиболее вдумчивую трактовку, так как ему удалось проникнуть в необычайную сложность экономических и национальных отношений в эпоху империализма. Разговоры про диктаторство в Коминтерне московских «уравнителей» больше всего распространены среди наших врагов. А в действительности, вот как Ленин говорил о движении отдельных стран к социализму:

«Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в э т о м отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» [2]). И далее: «Мы не знаем

[1]) Л е н и н, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», т. XIII, стр. 370.

[2]) Там же, стр. 379.

е можем знать, какому числу угнетенных наций понадоб
сти свою лепту в разнообразие форм демократии и
ехода к социализму»[1]).

И вопрос о разнообразии национальных форм перех
иализму и вопрос о разнообразии форм экономического
ьства после революции в любой из стран получает, (
ния ленинского учения, наиболее ясное и правильн
іение. На этой стороне значения учения Ленина об и
ме до сих пор останавливали меньше всего внимания.
ительности же это учение дает в руки руководящую ні
эта на сложнейшие проблемы экономического строит
летариата.

Теперь, после нескольких лет революции для нас все
так же точно, как было бы теоретически и практичес
: красить однообразной краской будущее социалисти
олюции в разных странах, не менее убого представля
яйственное строительство пролетариата после революциі
страно в виде немедленного создания одной единст
ообразной хозяйственной формы, одного единственного
іского общественного предприятия»[2]). Дело оказывае
до сложнее. Пролетариат вынужден, на-ряду с развиті
іализированного общественного хозяйства, допустить
эвание разнообразных несоциалистических форм хозяй
еходный период. Такой ответ, проверенный опытом
олюции, целиком базируется на учении Ленина об и
ме. Не «цельный», «чистый» империализм, «насквозь»
тический, «насквозь» уничтоживший свободную конку
поднесен пролетариату историей накануне социалист
олюции. «Чистого» империализма никогда не было и не
периализм есть сочетание монополии и конкуренции
ых и отсталых форм хозяйства, финансового капитал
рого «неорганизованного» капитализма. Империализм—э
ность разнородных экономич ких частей. Поэтому раз
и сложность хозяйственных элементов накануне п
й революции является исторически данным фактом.
периалистическая действительность, которая может бь
ятна[3]), но с которой ничего не поделаешь.

«Из этой разнокалиберности, из этого построения из
ериала, как это ни неприятно, мы не выскочим в
ого периода». А «когда выскочим... тогда уже будем
иалистическом обществе»[4]). «Для реорганизации всег
і реорганизации большинства стран потребуется много
. А это значит, что в тот переходный период, который
киваем, мы из этой мозаичной действительности не вы
г составленную из разнородных частей действите
росить нельзя»[5])...

Наконец, учение Ленина об империализме дает возм
тавить и разрешить еще одну существеннейшую акт

[1]) Там же, стр. 380.
[2]) Так думает, например, W. Greiling. Marxismus und Sozial
rie, S. 99, Berlin 1923
[3]) Ленин, Доклад о партийной программе на VIII с'езде РКП,
. 115.
[4]) Там же, стр. 113.
[5]) Там же, стр. 115.

литическую проблему пролетарской революции, проблему изолированной победы социалистической революции в одной стране. Интересно, что наиболее умные и проницательные буржуазные экономисты и политики отмечают чрезвычайную важность этой проблемы. Например, Людвиг Мизес пишет по этому поводу: «Еще либералы не обращали достаточного внимания на огромное препятствие (в политической борьбе)—национальную проблему. Социалисты же совершенно не видели, что это препятствие бесконечно больше для социалистического общества» [1]). «Более поздние марксисты, правда, признали, что нужно считаться также и с той возможностью, что по крайней мере некоторое время будут существовать рядом друг с другом независимые социалистические общества (Отто Бауэр). Но если мы признаем это, тогда надо идти дальше и иметь в виду также тот случай, когда одно или несколько социалистических обществ может существовать рядом с хозяйственным миром, в основном построенном на капиталистической основе» [2]).

Ленин имел перед глазами перспективу изолированной пролетарской революции еще во время империалистической войны. Анализ империализма, основанного на крупнейших несоответствиях, приводил Ленина к мысли о возможности именно такой победы революции. Ведь различны не только формы перехода к социализму, но различен и темп развития революции в разных странах. Иначе и не может быть в мире капиталистической анархии.

В 1915 году Ленин поистине пророчески намечал такой путь развития пролетарской революции: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» [3]).

Какой исторической правдой оказались эти слова Ленина! Чем шире разворачивается борьба пролетариата за социализм, тем становится все более ясным, что окончательная победа социализма может быть только результатом длительного цикла побед, поражений, войн пролетарских государств, в борьбе с капитализмом «привлекающих к себе и поднимающих восстание угнетенных классов других стран».

VI.

Учение Ленина об империализме может рассматриваться с трех основных точек зрения.

Прежде всего оно нуждается в изучении под теоретико-экономическим углом зрения. Сугубо важное значение теперь при-

[1]) Ludwig Mises, Die Gemeinwirtschaft, Jena 1922, S. 213.
[2]) Там же, стр. 212.
[3]) Ленин, О лозунге Соединенных Штатов Европы,—т. XIII, стр. 133.

обретает точное определение главных контуров те взглядов Ленина. Капитализм, получивший тяжело годы империалистической войны, еще жив, и, несмот сальнейшие затруднения, бешено сопротивляется тариата. Судорожно стараются капиталисты стабилиз номические и политические отношения. Удастся ли и пойдет дальше развитие капитализма?

Ответов на эти вопросы можно искать только на ретико-экономического изучения развивающихся Слишком очевидна крупнейшая роль, принадлежа отношении ленинскому учению об империализме. Ни чае не допустимо беззаботное отношение к теоретическ покойного учителя. Ни в коей мере нельзя допускат синтезирования, разводнения ленинского учения с ч ретическими элементами[1]).

Для этого, само собой разумеется, нужно тщате зом проработать, освоить, систематизировать все в мысли, работы Ленина по вопросу об империализ хорошо помнить, что экономическая теория империа в основе системы ленинизма.

Второй и наиболее часто встречающейся точкой рассмотрении ленинского учения являются анализ ционно-практического значения. Эта сторона освещ пор наиболее полно. Необходимо только всегда св часть учения с теоретико-экономическими воззрени В настоящей статье мы старались доказать, что толь тельное теоретическое понимание существа монопо капитализма позволило Ленину сделать революцион ские выводы, которые характеризуют прикладную ную часть ленинизма. Более того, такое понимание лило эти выводы.

Наконец, третья точка зрения, которая освеща ценную сторону в учении Ленина—это оценка его ния определения путей экономического строительс риата после революции... Еще у Маркса можно ус ную внутреннюю связь между его учением о капитал экономическими мероприятиями, которые он предла гой день после революции. Достаточно для этого систему мер экономического характера, предлагаемы нистическом Манифесте»[2]). Но эпоха, в которую уже поставила вопрос о «перерастании» капитализма как основную практическую проблему современнос учение Ленина об империализме дает неизмеримо бо

[1]) Образцом чудеснейшего «синтеза» взглядов Ленина и Р является книжка Пилецкого «Две теории империализма». Насколь этой книги теоретические взгляды Ленина, показывает то, что относит к второстепенным признакам империализма.

[2]) Совершенно правильно говорит W. Greiling (Marxismus rusgstheorie, 1923) на стр. 24: «Из мероприятий, предложенных нистического Манифеста, и из отношения Маркса к Парижской спорно вытекает, что полную централизацию средств производс проводит только сам пролетариат после революции». Но из что Greiling неправ, когда приписывает Марксу представление о ственном исполинском общественном предприятии» для первой нистического строительства.

я решения задачи экономической революции пролетариата. В нимании Ленина монополистического капитализма так, как он ь, со всей сложностью и разнородностью его составных экономических элементов с его чудовищными противоречиями, несоответствиями, несоразмерностями в развитии отдельных его частей,—в потенции заложено разрешение целого ряда основных вопросов экономической революции пролетариата. Учение о государственно-монополистическом капитализме—необходимая предпосылка для понимания экономического строя при диктатуре пролетариата.

Эта сторона учения Ленина вводит нас в область проблем экономики переходного периода, имеющих для нас исключительно научный и практический интерес.

Реформизм и колониальная пол

М. Рубинштейн.

I.

Одним из важнейших социальных корней реф рабочем движении основных капиталистических стран очередь Англии, является подкуп рабочей верхушки в за счет части колониальной сверх-прибыли. Как из раз на эту сторону обращали внимание еще Маркс писавшие, что «нет возможности сдвинуть с места ре зирование английского пролетариата, пока Англия своей индустриальной монополии» [1]).

Для нашего периода особенное внимание обрап проблему Ленин, в предисловии к немецкому и фр изданию своей книги об империализме давший необыч и концентрированное изложение самой сути вопроса:

«Капитализм выделил теперь горстку (менее од доли населения земли, при самом «щедром» и преу расчете менее одной пятой) особенно богатых и могу государств, которые грабят простой «стрижкой куп мир. Вывоз капитала дает доход 8–10 миллиардо в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной Теперь, конечно, много больше.

Понятно, что из такой гигантской сверх-при она получается сверх той прибыли, которую капитал мают из рабочих «своей» страны) можно подкупа вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. купают капиталисты «передовых» стран—подкупают ты собов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых

Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей тии», вполне мещанских по образу жизни, по размер ков, по всему своему миросозерцанию, есть глав II Интернационала, а в наши дни главная социа военная) опора буржуазии. Ибо это—настоящи буржуазии в рабочем движении, рабочие приказ капиталистов (labour leutenants of the capitalist class), проводники реформизма и шовинизма. В гражданской в тариата с буржуазией они неизбежно становятся в пем

---

[1]) Кроме переписки Маркса и Энгельса, этот вопрос затр в III томе „Капитала", при разборе явлений, противодействующ нормы прибыли к понижению (глава «Внешняя торговля») и Эн вестном предисловии ко 2 изданию «Положения рабочего класса

на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против коммунаров. Не поняв экономических корней этого явления, не оценив его политического и общественного значения, нельзя сделать ни шага в области решения практических задач коммунистического движения и грядущей социальной революции [1]).

В области колониального вопроса с особенной яркостью проявлялась сделка рабочей аристократии и бюрократии с империалистской буржуазией, представлявшей известные выгоды небольшой части рабочего класса за счет полнейшего предательства интересов всей остальной его массы.

Мы не можем здесь останавливаться на различной и значительно менявшейся на протяжении истории роли колоний для основных капиталистических стран. Они были, поочередно или одновременно, об'ектами непосредственного разграбления, источником дешевого сырья, рынком для товаров метрополии и поставщиками дешевой рабочей силы. Наконец, в послевоенный период все бо́льшую, во многих случаях решающую, роль начинает играть экспорт капитала в колонии.

Совершенно несомненно, что тесно спаянные с государственным аппаратом капиталистические группы, имеющие в колониях фабричные предприятия, плантации, железные дороги и т. п. за счет получаемых там огромных прибылей и ничем не ограничиваемой эксплоатации, наконец, в общегосударственном масштабе за счет выкачиваемых из колоний налогов и прямого их ограбления, могли несколько уменьшать давление на верхушку рабочего класса в метрополии, связывая ее этим с империалистской колониальной политикой.

Кроме того, для Англии, Голландии, отчасти Франции и Бельгии, колонии долгое время давали приют некоторой части избыточной рабочей силы. Пока индустриализация колоний была еще на самых первых стадиях своего развития и даже искусственно тормозилась капиталом метрополий, верхний и средний командный состав молодой колониальной промышленности (а также армии, полиции, административного аппарата и т. п.) состоял исключительно из белых. В Англии набирались из рабочей среды мастера, надсмотрщики, квалифицированные рабочие для Индии, Южной Африки и других, разбросанных по всей земле, великобританских колоний. Им обещали значительные оклады, на государственной службе пенсии, возможность полного господства над подчиненными им туземцами, добавочной эксплоатации их в свою пользу. И, действительно, где-нибудь на плантациях в колониальной глуши белые надсмотрщики являются как бы феодальными господами над трудом и жизнью туземцев. Кроме того, колонии, расположенные вне непосредственно тропического пояса, долгое время давали возможность поглощать часть избыточного состава европейского пролетариата в качестве сельско-хозяйственных колонистов. Таким путем во многих странах Европы, в особенности же в Англии, капиталисты имели возможность долгое время отвлекать в эту сторону внимание рабочих, в первую очередь наиболее активной и предприимчивой молодежи. Им твердили на каждом шагу: забудьте о классовой борьбе, посещайте вечерние технические курсы, экономьте, копите деньги на проезд—и для вас

[1]) Ленин, т. XVII, стр. 248.

в колониях будут неограниченные возможности. И хот тельности колониальная «карьера» удавалась очен (общее число белых рабочих в Британской Индии н 100—150 тысяч), хотя и эти возможности сокращаюс годом, они несомненно оказывали значительное псих воздействие на известные слои рабочего класса Евро

Гораздо более широкие слои английских рабочи нуты в орбиту колониальной политики вследствие развитие промышленности, работающей на колониал Экспорт из Англии в колонии составлял до войны око ее экспорта. Целые отрасли промышленности работа образом, на колониальные рынки и угроза быстро безработицы связывала квалифицированных рабочих лей, а косвенно и весь рабочий класс, с колониально буржуазии. И если для Франции, Бельгии, Герма экспорт в колонии был как абсолютно, так и относит жен, рабочая аристократия связывала все же с разв ниальных приобретений надежды на промышленны метрополии и, следовательно, возможность урвать какие крохи и для себя.

II.

Эта заинтересованность рабочей аристократии в ных приобретениях буржуазии и вызвала соответству тику II Интернационала. Уже международный конгре дамо в 1904 г. принял по докладу комиссии об Индии ную резолюцию, в которой «конгресс признает пра цивилизованных стран обосновываться в странах, нас рых находится на низших стадиях развития». Характ страцией отношения II Интернационала к колониям жить борьба по колониальному вопросу на междунар листическом конгрессе в Штуттгарте (в 1907 г.), люция, принятая большинством колониальной коми налась фразой: «Конгресс устанавливает, что польза димость колоний в общем, в особенности же для рабо значительно преувеличивается. Конгресс, однако, н принципиально и навсегда всякую колониальную пол рая при социалистическом (!) режиме может действ лизаторски» [1]).

Докладчик комиссии, пресловутый Ван-Коль, вс конгрессе, как о давно прошедших временах, период верили в теорию катастроф», и раз'яснял, что коло димы, так как иначе нельзя противодействовать пе Европы и нечего делать с растущим европейским про Ему на подмогу выступил Бернштейн (во время ан войны горячо защищавший английских джингоистов) ной программой «позитивной социалистической колони литики». Те же басни рассказывал Давид и, хотя пе предложения колониальной комиссии был отклонен 1 против 108, социал-империалистское меньшинство в ской политике социалистических партий одержало н победу еще задолго до войны. Характерно, что в это м

[1]) Jnt. Sozial. Kongress, Stuttgart, Verlag «Vorvarts», Berlin 1

в на штутгартском конгрессе входили делегации основных стран, владеющих колониями (Германия, Бельгия, Голландия, большинство английской и французской делегации). Против предложения комиссии были мелкие страны (кроме Америки и России), не имеющие колоний. Даже Бебель держался в вопросе о колониях весьма двусмысленно, поддерживая цивилизаторскую колониальную политику, «которая может быть культурным делом». Как известно, соц.-дем. фракция рейхстага в 1904 г. воздержалась при голосовании кредитов на войну с гереро, отказалась от выступлений при решении германского правительства принять участие в подавлении китайских «беспорядков» и всячески тормозила выступление масс во время инцидента в Марокко в 1911 г. Партейтаги германской соц.-демократии неизменно принимали по вопросу о колониальной политике двусмысленные оппортунистические резолюции, сводившиеся к поддержке лозунга Бебеля «равноправие всех государств в колониях», игравшего на руку, относительно обделенной колониями, германской буржуазии. Внесенное на один из партейтагов предложение создать при партии колониальную комиссию встретило по протоколу лишь «смех» делегатов [1]). Отдельные более откровенные ревизионисты шли в этом вопросе гораздо дальше, открыто выступая за захват вооруженной рукой «справедливой доли в колониях».

Мы не останавливаемся подробнее на отношении к колониальному вопросу германской с.-демократии, так как при всем его принципиальном интересе оно потеряло в настоящее время практическое значение, вследствие потери Германией всех ее колоний. Надо лишь отметить, что поднятая за последние месяцы германской буржуазией колониальная шумиха (организация специальных «колониальных недель», выставок, с'ездов, агитация и обращение к Лиге Наций с просьбой о возвращении Германии колоний, как «подобает всем цивилизованным народам»), не встречает со стороны с.-д. никакого отпора; отдельные видные с.-д. проявляют к этой кампании совершенно явное сочувствие. Гораздо важнее для нас в этом отношении колониальная политика английского рабочего движения.

III.

Как мы уже упоминали, влияние колониальной политики на рабочие массы сильнее всего в Англии. Размеры Великобританской колониальной империи, роль колоний в экспорте и импорте метрополии и др. делают вполне понятным тот факт, что как английское профдвижение, так и образовавшаяся в 1900 г. рабочая партия всецело плыли по фарватеру британского империализма. Их политика в вопросах колоний в лучшем случае ничем не отличалась от политики либералов.

Эта политика не изменилась и после войны. Опять-таки, в лучшем случае, она сводилась к воспитанию в массах английских рабочих того отсутствия интереса к положению колониальных рабочих, той пассивности по отношению к империалистской политике Англии, которую с таким трудом приходится теперь преодолевать даже в своих рядах революционному меньшинству

[1]) Noske, Kolonialpolitik der Socialdèmokratie, Berlin 1914.

английского пролетариата и которая фактически иг
буржуазии.

Но на верхах английского тред-юнионизма и раб
это содействие колониальной политике буржуазии
раздо более активным. С чрезвычайной яркостью э
во время 9-месячного «опыта» рабочего правительс
отдельных отраслях внутренней политики рабочее п
делало хотя бы жалкие, крохоборческие попытки м
нистративных реформ, то в области колониальной п
всецело продолжало «славные» традиции своих предш
Об этом, еще в самом начале деятельности правител
нальда, было совершенно откровенно заявлено «раб
стром колоний, виднейшим профсоюзным вождем и ге
пятницы—Томасом. В своей речи на банкете в ч
Уэльского он изрек:

«За последние 5 дней наша страна пережила
бескровной революции. Крупные перемены произо
ких потрясений и беспорядков. Британский финанс
говый мир продолжает работать дальше, как будт
произошло. Меньше всего перемена правительств
принца Уэльского и его славного отца, потому что
что патриотизм и любовь к Британской
служение и долг перед государством не являются дел
целей определенного класса или определенного во
это говорит о том, что эта старая страна и эта ста
будут существовать дальше. Мой предшественник на
водителя колониями, герцог Девонширский, без ко
дал мне все свои обязанности и весь свой опыт,
то, что нас разделяют политические и социальны
Я надеюсь, что в будущие годы наследники ныне
тельства смогут о нем сказать, что мы ничего н
такого, что ослабило бы Британскую имп
рой мы все так гордимся. Я принял порученную м
с гордостью, потому что я вспоминаю те дни, когда я
ним уличным мальчиком, и с благодарностью по
конституции, делающей возможным, чтобы вчераш
щик машин ныне стал министром. Такая широта
должна быть защищена, и империя, имеющая такую
должна быть сохранена».

Совершенно аналогичные по содержанию заявл
кратно делались и главой рабочего правительства, М

Практическая колониальная политика Англии в
вполне соответствовала этим заявлениям. Рабочее п
боролось с индийским национальным и рабочим дв
же, как и его предшественники, неоднократно по
показывая на деле, что британские власти в Индии
оставшиеся неизменными) встретят полную поддерж
влении революционных выступлений. В Месопота
ские аэропланы продолжали бомбардировку «бунту
вень. Макдональд категорически отказался вывести
войска из Египта и Судана, не желая итти в воп
петской автономии ни на шаг дальше, чем консерва
ралы. В его инструкциях верховному комиссару Ег
ватиеному лорду Алленби, социал-империалистская п

чего правительства выступает с особенным цинизмом. Аппарат лониального управления остался в целом совершенно нетронутым, всосав лишь (и всецело переварив) несколько видных профессионалистов, вроде известного О-Грэди, назначенного губернатором Тасмании.

Колониальная политика рабочего правительства была одной из позорнейших страниц его бесславной деятельности. Но она лишь отражала как империалистические предрассудки широких рабочих масс Англии, так и непосредственную заинтересованность их верхушки в колониальной эксплоатации.

Однако экономические взаимоотношения Англии с ее колониями в результате войны и послевоенного развития значительно изменились. Быстрый рост промышленности почти во всех колониях, все большая их экономическая самостоятельность и вытекающие из нее стремления к политической независимости постепенно расшатывают гордое здание Британской империи.

Вследствие этого британский капитал все в меньшей степени может системой мелких уступок удовлетворять экономические требования хотя бы верхушки английских рабочих и тем смягчать в метрополии классовые конфликты и противоречия.

Что еще важнее, Англия все более перестает быть центральной промышленной мастерской гигантской сырьевой и аграрной империи.

Для метрополии этот неумолимо развивающийся процесс предвещает дальнейшее сокращение промышленности, затруднения быта, усиление безработицы.

Английская буржуазия частично компенсирует эти процессы путем усиления экспорта капитала в колонии, обеспечивающего ей другим путем сохранение прежних прибылей. Общая сумма английских капиталов, вложенных за границей, оценивается в настоящее время в 3 миллиарда фунтов, а официальная оценка прибылей, полученных таким путем английскими капиталистами составляла за 1924 г. 220 миллионов фунтов [1]). Эта сумма вместе с доходами от других форм так наз. «невидимого экспорта» покрывала пассивность торгового баланса. Эта сумма годовой сверхприбыли одной лишь Англии почти равна, приведенной выше из книги Ленина, цифре довоенных доходов от вывоза капитала всех империалистических государств. Значительную часть этих доходов от экспорта капитала дают Англии ее колонии.

Так, по данным индийского буржуазного экономиста Нараяна [2]), английские капиталы, помещенные в Индии до 1910 г. включительно, составляли 365 миллионов фунтов стерлингов. Для настоящего времени эту цифру надо увеличить во много раз. На это указывают хотя бы данные об акционерных обществах, зарегистрированных вне Индии, но работающих в пределах Британской Индии. Подавляющее большинство этих обществ были английскими. В 1911 г. капитал этих акц. обществ составлял 72 миллиона фунтов, в 1920—1921 г.г. уже 495 миллионов фунтов. Экспорт капитала из Англии в Индию после войны дает огромный скачок вверх. Сумма ежегодного вывоза капитала в Индию еще в 1919 г. составлявшая лишь $1\frac{1}{2}$ миллиона фунтов, в

[1]) «Times trade supplement», 2 мая 1925 г.

[2]) Бридж Нараян, Народное хозяйство Индии, «Моск. Раб.», 1925.

)23 году составляла уже 25 миллионов, а в 1922—
иллионов. Все более усиливающаяся за последние год
энция с туземным индийским капиталом и особенно
моженной покровительственной политики Индии еще б
івают экспорт в Индию английского капитала (вместо
постройку им в Индии фабрик для удержания местног

Для рабочего класса Англии этот выход не сули
рошего. Следовать в колонии вслед за капиталом ан
бочий не может, так как его встретит там ожесточен
ренция туземной рабочей силы, также начавшей
статочно широкую квалифицированную верхушку. Ан
играция в колонии сокращается с каждым годом, и
воры английской буржуазии о ее усилении, вплоть
озных планов «эвакуации» в колонии $1^1/_2$ миллиона
ах, являются лишь блеффом.

Все это делает психологически понятным тот факт,
шка английской рабочей аристократии в известном от
ановится более империалистической, чем буржуазия, и
едательские лакеи спешат превзойти господ в пре
мперии и настойчивости попыток к ее консолидации.

Правда, не следует, как теперь это часто делаетс
енивать темп экономического распада Британской импе
ий британский лев таит еще в своих когтях больш
нглийская буржуазия делает судорожные усилия, чтоб
ать и предотвратить распад империи.

Эти усилия, хотя бы они в конечном счете и оказа
дежной попыткой задержать колесо истории,—на более
е длительный период, могут все же оказаться хотя бы
пешными. Достаточно отметить, помимо лихорадочной
дипломатической деятельности британских агентов на
Дальнем Востоке, хотя бы грандиозную работу, фа
нглийского нефтяного треста Шелла по спайке английск
и путем дополнения ее рассеянных по всем морски
еленной угольных станций нефтяными. Как мы уже
ли, во всей этой лихорадочной работе английского
зма он находит себе вернейшего помощника в рефор
бочем движении.

В частности, надо отметить новые колониальные
лдуина, стремящегося связать Британскую империю с
ми путем особых торговых соглашений, на деле ра
х системе имперских пошлин (Imperial preferance),
же консервативное правительство, провалившееся на
23 г., не решается еще выставить открыто. План Б
еет в виду создание имперского экономического комит
ющего в метрополии пищевыми продуктами домин
ет сокращения иностранного импорта. Делая домин
стные экономические уступки, Болдуин стремится вза
чить возможность стратегической консолидации импер

Не входя здесь в подробное обсуждение этого пл
ализ его внутренних противоречий, нам важно лишь о
о все эти проекты, несомненно являющиеся одной из
х надежд британского империализма, встретили живей
ржку английского рабочего движения. Независимая
ртия, вожди рабочей партии, включая ее левое крыло,

Геральд» и др. дружно расхваливают план Болдуина, об'являя его «социалистическим мероприятием».

Этот последний штрих политической программы английского рабочего движения является лишь последовательным выводом его систематических стремлений связать рабочих Англии с их эксплоататорами против колониальных рабочих и к соответствующей поддержке всех мероприятий концентрированного финансового капитала и его приказчика—буржуазного государства.

Чрезвычайно характерной иллюстрацией отношения английских профсоюзов (и, несомненно, большинства организованных рабочих) к колониальному вопросу является дискуссия об «условиях труда на Дальнем Востоке» на Гулльском конгрессе тред-юнионов в 1924 г. [1]). Отчет Генерального Совета конгрессу повествует о любопытной сцене происшедшего еще в апреле 1924 г. приема министром торговли Сиднеем Веббом специальной делегации Генерального Совета во главе с Перселлем, пред'явившей требование о снятии с британских судов западнее Суэцкого канала всех азиатских моряков. Для того, чтобы при этом не проскочили китайцы, указывающие на то, что они родились в Гонконге и являются британскими подданными, представитель союза моряков и кочегаров заявил, что их надо подвергать такому экзамену в английском языке, «которого не выдержит ни один китаец, если он не кончил Кэмбриджа или Оксфорда». Такому же карантину должны подвергаться арабы, которые «еще опаснее для британских моряков». Достопочтенный Сидней Вебб, вынужденный лавировать между интересами судовладельцев, предпочитающих дешевый цветной труд, и групповыми интересами белых моряков, отделался от делегации ничего не говорящими фразами.

На Гулльском конгрессе вопрос был поднят снова и, наряду со слащавыми речами об «ужасных» условиях труда на Востоке и призывами к Альберу Тома из Международного Бюро Труда «изучить» этот вопрос, раздавались откровенно шовинистические заявления о необходимости искоренения цветной опасности, в частности из «моральных» соображений о многочисленных маленьких метисах, бегающих теперь по английским портовым городам.

В результате, Гулльский конгресс, в области международного профдвижения несомненно бывший значительным шагом вперед, по колониальному вопросу принял единогласно с особо подчеркнутым единодушием реакционнейшую резолюцию, гласящую:

«Настоящий конгресс протестует против продолжающегося использования трудом китайцев и другой дешевой рабочей силой из Азии на английских пароходах и предлагает Генеральному Совету конгресса обратиться к правительству с тем, чтобы оно внесло законопроект, запрещающий наем этих рабочих на британских судах, плавающих к западу от Суэцкого канала. С'езд также требует, чтобы правительство в то же время приняло меры к репатриации безработных азиатов, находящихся в различных портах нашей страны»...

---

[1]) Report of the 56 annual congress of trade-unions in Hull.

Мы так подробно остановились на этом, на п
молком, вопросе, так как он является характерны
не только настроений верхушки английских рабо
шению к своим колониальным собратьям, но и вза
между белыми и цветными рабочими там, где и
работать бок-о-бок. На последнем вопросе мы още
в дальнейшем, при описании основ реформизма в
ниях.

Но прежде необходимо отметить роль белых рабо
ских доминьонах, где, за исключением Южной Афри
вляют большинство пролетариата. Доминьоны, осо
шиеся экономически во время войны, постепенно с
более самостоятельными государствами, во многих
соперничая со своей метрополией. Но в то же вр
в целом, они все еще служат как бы промежуточн
аппарата британского империализма, его лишь начи
ствовать за свой страх и риск помощниками. Мы в
военный период развитие самостоятельного или
тельного империализма доминьонов, проявившегос
методах хозяйничанья австралийского правительст
Гвинее, Южно-Африканского—в переданных ей Вер
ром бывших германских колониях Юго-Западной
Африки. Империалисты доминьонов стремятся пр
европейских учителей, вводя в своих новых владе
рабские формы труда.

И в этой своей колониальной политике молодо
доминьонов встречает еще более активную подде
организаций, чем великобританский империализм в
например, кампания, поднятая местной буржуази
Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и д
за введение защитных пошлин, находит широкую п
ганизованных рабочих. Основной лозунг рабочих
доминьонов — «защита от иностранного труда». П
к европейскому труду рабочие союзы домин
ются добиться этой цели, отгородившись защитным
от европейских товаров; по отношению к дешевому
цев—путем ограничений эмиграции. Состоявшийс
году всеавстралийский рабочий конгресс единодуш
за повышение пошлин. В 1925 г. рабочая пресса А
няла широкую кампанию протеста против переда
ством в Англию сооружения «австралийских» брон
зывая выгоды постройки их «у себя».

Словом, повсюду в доминьонах мы видим, про
еще более явных формах, чем в Европе, соглаше
белых рабочих со «своей» буржуазией во славу успех
ного капитализма. Наиболее ярким проявлением
ний являются пресловутые рабочие правительства
Новой Зеландии или нынешнее коалиционное
Южной Африки, где 2 рабочих министра стремят
корды социал-империалистского лакейства.

IV.

В значительной степени сходным с Англией,
степенно меньших размерах, было влияние колониаль

в рабочее движение Голландии. Эта старая колониальная страна когда-то господствовала на Индийском океане и владела значительной частью нынешних английских владений. Ее колониальная империя значительно сократилась, но все же обладание богатейшими островами Индонезии с площадью в 730.000 англ. миль и населением в 50 миллионов, т. е. в 7 раз большим метрополии, является еще до сих пор неиссякаемым источником сверхприбыли. Еще 100 (!) лет тому назад прибыль, принесенная Нидерландам Ост-Индской компанией, владевшей Индонезией, оценивалась в голландском парламенте в 2 миллиарда гульденов, не считая «незаконных» поборов чиновников и т. п. Сумма по тому времени грандиозная. В 1884 г. пресловутый «долг чести» Фан-ден-Берха исчислялся в 1½ миллиарда гульденов [1]). В настоящее время одни лишь банки дают многие сотни миллионов ежегодно. Плантации, транспортные предприятия и др. дают неизменно 40—50% годовой прибыли. Общая сумма иностранного капитала, вложенного в Индонезии, составляет около пяти миллиардов гульденов, а ежегодная сверхприбыль не меньше 300—400 миллионов. Правда, эксплоатация в Индонезии ведется теперь в международном масштабе и голландскому капиталу приходится делиться с английским и американским, но все же голландский капитал составляет 70% всех капиталов, вложенных в предприятия Индонезии; кроме того на его долю остается не мало хотя бы посреднических доходов косвенно связывающих и вызывающих буржуазии рабочее движение метрополии. Это сыграло немаловажную роль в устойчивости голландского реформизма, по значении в международном рабочем движении, в частности превращении этого относительно провинциального уголка Европы в центр Амстердамского Профсоюзного Интернационала. Немудрено, что голландские с.-д. во главе с . рульстрой и реформистское профдвижение являются горячими защитниками колониальной политики, разумеется, прикрашивая ее «цивилизаторской» оболочкой.

Место не позволяет нам останавливаться на отношении реформистского рабочего движения к колониальной политике других европейских государств—Франции, Бельгии, Италии и др. При всем различии экономической и военно-стратегической роли колоний для буржуазии соответствующих стран, политика реформистов в колониальном вопросе более или менее аналогичны вышеприведенным примерам. Надо подчеркнуть лишь отношение бельгийской соц.-демократии к вопросу о Конго, как ярко отразившееся в гнуснейшей книге [2]) б. министра труда Вотерса о его поездке в «нашу» колонию, «облагодетельствованную бельгийской цивилизацией».

V.

В еще более отчетливых и откровенных формах, чем в Европе, «рабочий империализм» и соучастие верхушки рабочего класса в колониальной политике буржуазии проявляется в Соединенных Штатах Америки.

[1]) Тан Малакка, Индонезия. Госиздат, 1925.
[2]) J. Wauters, Le Kongo au Travail, Bruxelles 1924.

После всего изложенного нами раньше о характе
ских рабочих организаций, в особенности профсоюзо
удивительно.

Соединенные Штаты сравнительно поздно вступ
колониальных завоеваний. За короткий срок в не
лет они прибрали к своим рукам все, что было во
не находилось еще в руках других крупных имп
ских хищников. В их руки перешли Куба, Филипп
Порто-Рико. В результате войны и послевоенного
Соединенных Штатов вся Центральная Америка ст
ской колонией американского капитала. Его щупальц
охватывают Южную Америку и протягиваются на Дал
вовлекая его в орбиту своей колониальной полити

Вся эта экспансия от начала до ее современных ф
активнейшей поддержке Американской Федерации Т
время благословившей испанскую войну и ее завое
ром представителей АФТ, об'езжающих теперь сред
ские вотчины, местные губернаторы, «президенты» и
встречают с царскими почестями, пушечными салю

За услуги, оказываемые капиталу в проведении
листических задач, организованная верхушка рабоч
ных Штатов получила вознаграждение в виде сог.
тельства на ограничение иммиграции.

Правда, эта подачка значительно ослабляется
иммиграции дешевого цветного труда косвенными пу
селения негров в северные промышленные штаты
лозунг «защиты от иностранного труда» продолжа
ненных Штатах играть не малую роль в создании
рабочего империализма. Метод, при помощи которо
ская профбюрократия содействует империалистичес
капитала, помимо широчайшей агитации внутри ст
таньи рабочих масс и особенно молодежи в духе «ам
законодательного давления, требования постройки ко
судов, всеобщей воинской повинности и т. п., сост
ствии на рабочее движение стран, где американс
начинает орудовать. АФТ систематически стремится
рабочее движение развратить, подкупить, распылить
рестроить по образцу своих собственных организац
головой выдать врагу—капиталу Соединенных Шта
стематического проведения этой работы должна бы
с такой помпой созданная Гомперсом Панамериканск
Труда. Созданная в конце 1918 года и об'единяющая
бочих организаций стран, всецело зависящих от кап
ненных Штатов, она помещается в здании АФТ, ру
аппаратом и всеми средствами проводит ее колониз
литику.

Правда, как об'единение действительно рабочих
Панамериканская Федерация является в значител
комедией. На свои конгрессы она набирает большей
ставных делегатов из чиновников американских ко

---

¹) «Под Знаменем Марксизма» № 3—Социальные основ
«Красный Интернационал Профсоюзов»—№ 2—3—Тенденции
профдвижения.

шительно никого не представляющих. Протоколы конгрессов, как и финансовые отчеты правления не опубликовываются,--повидимому, и не ведутся,—благо, американский дядюшка готов оплатить все расходы.

Единственные организации, действительно входящие в Панамериканскую Федерацию, помимо АФТ,—это Федерация Труда Мексики и союзы Сан-Доминго и Порто-Рико. Но это ничуть не мешает проведению при ее помощи американской империалистической политики, особенно в наиболее зависимой от капитала Соединенных Штатов Центральной Америке. В Южной Америке Панамериканская Федерация лишь начинает свою «работу», встречая, особенно в Аргентине, ожесточенное сопротивление. Для того, чтобы лучше подойти к рабочим организациям латинской Америки, гомперсовская идеология подкрашивается «для экспорта» отдельными революционными фразами, несколько приспособляющими ее к туманным революционным тенденциям южно-американского синдикализма. Но, несмотря на эту защитную окраску, характер Панамериканской Федерации все же достаточно откровенно выпирает наружу. Поэтому ознакомиться с ее «идеологией» и формами услуг, оказываемых ею американскому капиталу, лучше всего, приведя несколько цитат из первоисточников—статей и заявлений основателей и вдохновителей Панамериканской Федерации. Вот, например, выдержки из передовицы Гомперса под характерным заглавием «Стремление служить» [1]) (американскому капиталу? *М. Р.*): «Создание Панамериканской Федерации Труда со стороны Американской Федерации Труда дало последней возможность внести свою значительную лепту в дело американского благосостояния и прогресса. Панамериканская Федерация Труда является единственной из всех существующих международных организаций рабочих, не связанной политической философией революционного характера и не враждебной правительствам тех стран, профсоюзы которых входят в нее. Это—единственная чисто экономическая международная организация рабочих, и она поэтому имеет наиболее крепкий и существенный фундамент из всех международных организаций.

«Наиболее замечательным и исторически важным является содействие, оказанное Панамериканской Федерацией Труда установлению демократического и конституционного правительства в мексиканской республике за последние 4 месяца. Это вполне соответствовало желаниям и целям Мексиканской Федерации Труда, мексиканской секции Панамериканской Федерации. В течение всего восстания, руководимого Адольфом дела-Хуэрта, Мексиканская Федерация Труда находилась в постоянной связи и переписке с Панамериканской Федерацией Труда и проводила общую политику...

«Панамериканская Федерация Труда первая потребовала от американского правительства воспрещения вывоза оружия мексиканским повстанцам, при чем это требование было скоро проведено в жизнь. В то же время Американская Федерация Труда откомандировала специальных организаторов для того, чтобы следить за границей и морскими портами в попытке предотвратить контрабандный вывоз оружия.

---

[1]) American Federationist, 1924, июнь.

«Панамериканская Федерация Труда является резу
оявленного Американской Федерацией Труда в течение
т интереса к благополучию рабочих всех американски
ик и необходимости создания общей опоры для всех на
іх профсоюзных движений для того, чтобы они могли
ть совместно по вопросам, задевающим их общие и
о есть конкретное выражение политики Американско
ции Труда в связи с международными отношениями
канском континенте.

«Хотя главным интересом и целью Панамериканской
и Труда является защита и укрепление прав и интере
х панамериканских стран, она также принимает вполн
ий интерес во всем том, что задевает благосостояние ра
родов западного полушария, и в поддержке доброс
ношений между этими народами и их правительства

«Одним из наиболее важных достижений Панамери
едерации Труда является устранение, в значительно
ществовавших в течение многих лет недоразумений
единенными Штатами и большинством латинско-амер
еспублик.

«Панамериканская Федерация Труда яв
мым мощным средством для реабилитации
енных Штатов, ее национальных идеалов
дений в умах латинско-американского
я западного полушария. Простой и достаточно
й этого является то, что в своих отношениях с раз
ериканскими республиками она ничего не добивается
берет, а рассматривает их всех единственно с целью
лезной».

Еще откровеннее выбалтывает смысл существования
иканской Федерации один из агентов Гомперса в Л
мерике, Иглезиас, —руководитель союзов Порто-Рико

«Деятельность Панамериканской Федерации Труда,
оснований направленная к установлению близких от
большего доверия и сочувствия среди народов латин
иканских республик и Соединенных Штатов, произв
упном масштабе и польза ее неоценима. Правительств
нных Штатов до сих пор не считалось с тем, каким
удием создания доброжелательности и искренней д
величения популярности Соединенных Штатов в качес
обной нации, является участие Американской Ф
уда в работе Панамериканской Федерации. Никакая д
низация не имеет той возможности завоевать доверие и
ших южных соседей, как Американская Федерация Т
средстве Панамериканской Федерации Труда. Недово
доверие к Соединенным Штатам, культивируемые сред
о-американских народов теми американцами, единствен
ресом которых является погоня за долларом, в силь
ни смягчаются влиянием, выступлениями и решения
ериканской Федерации Труда и искренним обменом м
печатлений со стороны представителей рабочих делега
тивших за последние несколько лет некоторые из ст

[1]) American Federationist, 1924, ноябрь.

иской Америки, наиболее важной из которых была делэгация мериканской Федерации Труда, посетившая Мексику в 1918 г. огда Мексика была полна германской пропагандой). Трое члев тогдашней делегации, назначенной президентом Гомперсом, ашли мексиканскую атмосферу насыщенной предрассудками, созанными пропагандистами, враждебно настроенным по отношено к Америке. Однако, после того, как они открыто об'явили целях своего приезда, им удалось завоевать сочувствие и довере мексиканских рабочих к великому недовольству всех тех, о делал все возможное, чтобы препятствовать работе делегации.

«Когда станет возможным послать делегацию Американской едерации Труда во все страны западного полушария в тех же елях, которые преследовались президентом Гомперсом при посылке рабочих миссий в Мексику и Центральную Америку, нады этих стран получат возможность полностью оценить работу анамериканской Федерации Труда и ее задачи в странах западного полушария и в результате популярность и престиж едниенных Штатов в качестве страны, любящей справедливость, будет укреплена среди этих латинско-американских народов».

Это откровенное лакейство тем более характерно, что амеканский хозяин третирует своих агентов, совершенно не стесняясь, и в каждой мелочи предает элементарнейшие интересы земных рабочих Центральной Америки. Вот, например, заявление Гомперса об «условиях жизни и работы в зоне Панамского канала» [1]), куда он ездил по поручению Портландского с'езда ФТ вследствие волнений, вызванных резким ухудшением условий труда по правительственному приказу 1922 г.:

«Зона Панамского канала, представляя собою коммерческий пункт, является в то же время военной зоной, в такой же мере, как и любая крепость или военный пункт какой-либо другой асти Соединенных Штатов, и мы считаем сомнительным, следует и нанимать на работу в наших аванпостах на Тихом Океане юдей, не являющихся американскими гражданами. Возможно, то при найме иностранного «дешевого труда» можно кое-что экономить, но мы вынуждены заключить, что это является скряжничеством наихудшего типа. Это может оказаться более дорогим, чем можно себе представить или вообразить. Зона Панамского канала не является простым делом прибыли; она представляет собою великого защитника американских прав, интересов, благоденствия и безопасности. Из того, что мы видим здесь, становится совершенно ясно, что с военной точки зрения канал почти совершенен. Но мы не можем побороть то чувство, что з изменений некоторых условий остается большая слабость, могущая стать опасностью изнутри».

Из всех этих цитат становится совершенно ясной роль Панамериканской Федерации Труда, прокладывающей и облегчающей американскому империализму дорогу на юг, разведывающей там почву, всеми мерами пытающейся оказать давление на массы земных рабочих, заставить их беспрекословно подчиняться политике американских банкиров.

---

[1]) American Federationist, 1924, III.

С'езд Эль Пазо был предсмертной «лебединой»
перса. На нем получила свое окончательное заверше
тая «доктрина Монроэ Труда», означающая, что А
роться всеми мерами против попыток эксплоатаци
тинской Америки кем-либо другим, кроме своих «р
канских капиталистов.

После смерти Гомперса продолжение его дела
ные руки.

Кроме Иглезиаса, физиономия которого ясна и
денной цитаты, преемником Гомперса в Панамерик
рации стал Матвей Волл, которому принадлежит
оценка с'езда в Эль-Пазо: «Важнейшей особенностью
Пазо была тесная кооперация рабочего движения
Штатов, Мексики и Канады. За этим должны после
связи трех правительств и народов. Без сомнения
«доктрину Монроэ Труда». Под ней я понимаю со
тиводействие попыткам иностранного капитала или
труда найти опору в концессиях, собственности н
ских принципах и стремлениях Америки».

Опираясь на сильный аппарат АФТ и, что
на мощную поддержку американской буржуазии,
ская Федерация несомненно будет продолжать сво
прежнему пути.

Выдачу мексиканского рабочего движения амер
цессионерам она уже провела с несомненным усп
сопротивление коммунистов.

Профдвижение Канады давно уже является
частью так называемых интернациональных союзов
Штатов, ничем не отличаясь от них по характеру, ра
и подкупности. Это крайне облегчает американск
проникновение его в Канаду, развивающееся после
дым годом.

Недаром представитель интернациональной а
шинистов проводит на канадских государственных
рогах пресловутый план Балтимора—Огайо.

В еще более широком масштабе рабочий импе
сказывается в ее содействии проведению плана Дауэ
днозной попытке американского капитала обеспечи
ние Соединенных Штатов в колонизации Германи
почти всей Европы. Не говоря уже о полнейшей и б
поддержке плана Дауэса, пропаганде за него и т
проделывает и II и Амстердамский Интернациона
чала хитроумный шахматный ход для воздействи
ское рабочее движение.

Европейские реформисты и сами в восторге о
ского плана агента Моргана. Он для них—последн
последняя надежда на стабилизацию европейского
при помощи животворящего «солнца доллара». Но
рабочие империалисты, следуя директивам своих
ются еще более подтолкнуть усердие и рвение ев
формистов. Отсюда на все том же с'езде в Эль-П
Гомперса с представителем АДГБ Грассманом, толк
АФТ с Амстердамом, надежды правого крыла А
финансовые субсидии АФТ, могущей на эти цели

Моргана и К° неограниченные средства. В заботах о прибылях своих хозяев, американская рабочая аристократия перестает сознавать, что, переборщив в этом вопросе, она подрезывает свою же социальную основу, содействуя экспорту финансового капитала Америки в европейские предприятия и, таким образом, косвенной конкуренции дешевого европейского труда.

Она разделяет в этом отношении столь частую и по сути неизбежную социальную слепоту буржуазии. К тому же верхушка рабочей аристократии, определяющая тактику ее организаций, как мы видели, настолько срослась персонально с капиталистической олигархией, что надеется на долю участия в непосредственных прибылях от экспорта капиталов.

VI.

Еще с большой ясностью сказывается подкуп верхушки рабочего класса колониальной прибылью непосредственно в самих колониях, где капитал использовывает белое рабочее население в качестве своего жандарма, верного погоняла цветных рабов.

Яркие иллюстрации этого положения мы можем найти в любой колонии, от глухих уголков Центральной Африки до быстро, с чисто американским темпом, развивающихся по пути индустриализма областей Южной Африки, Индии, Голландской Индии, Китая и др.

Проследим взаимоотношения белых и цветных рабочих более подробно хотя бы на примере Южной Африки. По переписи 1921 г. [1]), в ней имелось 1.561.982 белого населения и 5.148.948 туземцев. В промышленности и горнозаводском деле общее число белых рабочих составляет 36%, цветных—64%, при чем лишь в нескольких высококвалифицированных производствах (типографии) число цветных туземцев меньше 50%, а в обработке сырых материалов они составляют 91%. Среди с.-х. пролетариата туземцы составляют, понятно, подавляющее большинство (358.973 туземцев и 54.621 белых).

Несмотря на быстрый рост категории так наз. «белых бедняков» (poor whites), приток обнищавшего и сознательно разоряемого капиталом черного земледельческого населения несравненно выше. За последние годы «белые бедняки», большею частью разорившиеся голландские фермеры, принуждены браться за любые работы, оплачиваемые немногим выше туземцев. Но, в общем, большинство белых рабочих, главным образом, англичане, работают еще в качестве надсмотрщиков, мастеров и квалифицированных рабочих, занимая привилегированные должности, доступ к которым они самым тщательным образом охраняют от неквалифицированной массы цветных.

Разница в зарплате белых и цветных рабочих огромна. В 1920 г. 39.813 белых рабочих было выплачено более $14\frac{1}{2}$ миллионов фунтов стерлингов, а 281.078 туземных и цветных рабочих лишь 8.292.620 фунтов. В среднем зарплата туземцев в 5 раз меньше оплаты белого рабочего, но во многих важнейших отраслях производства (золотые и алмазные россыпи) белый полу-

[1]) Цифровые материалы взяты из Statesmen Yearbook, South African Yearbook и докладов южно-африканской компартии...

г в 10 раз выше черного, кое-где даже в 15 раз. В к
льных копях зарплата белых по данным 1920 г. колеб
до 30 шиллингов в день, а зарплата цветных—от 4
ллингов в месяц. Дешевизна труда цветных рабоч
живается рядом хитроумных правительственных мероп
числа которых надо отметить насильственную пролета
ледельческих племен путем сокращения их земельног
омные денежные налоги, в некоторых районах законы о
ельном труде (не менее 3 месяцев в году за пределами
онец, сложные правила о паспортах для туземцев (Ра
водящие к тому, что черный должен под угрозой
ламаться на любую предложенную ему работу на любь
х. Все эти правительственные мероприятия, продикт
централизованным капиталом во главе с об'единением
одских предпринимателей, встречают живейшую по
ого рабочего населения, в особенности рабочей партии
зов. Последние стремятся лишь дополнить их создан
. цветных барьеров, устанавливающих определенное со
цветного и белого труда в основных производствах и
енных профессиях. Эти цветные барьеры уже не соот
и целям крупного капитала. Они были прорваны в
ви восстания на Ранде 1922 г., вызванного треб
дпринимателей уничтожить цветные барьеры и заполн
уквалифицированных профессий цветными.

«Дворцовая революция» в Южной Африке—переход
тского большинства в руки коалиционного правите
стием рабочей партии—вызвала новое усиление тенд
еплению цветных барьеров и изоляции квалифицирс
ого пролетариата, зубами держащегося за свои при
ведущего откровенную политику рабского труда». Это
тся более легким, чем совместные с цветными органи
ьба. Новые законы в этом направлении, вошедшие
925 г. и делающие невозможным доступ туземцев на р
ной промышленности, были одной из причин недавн
ния негритянских племен.

Довольно сильные союзы белых рабочих, в первую
з горняков, тщательно изолируются от туземцев,
ая их в свою среду и усиленно культивируя расовь
судки. Предприниматели чрезвычайно умело разжиг
совую» вражду, используя туземцев на роли шт
ов при забастовках белых и при помощи белых рабочих
туплепия туземцев.

О социал-империалистических выступлениях рабочей
профсоюзов Южной Америки мы уже упоминали выш

Во всей этой картине мы видим в необычайно ярких
ных формах по существу те же взаимоотношения ква
анной рабочей аристократии и остальной массы проле
орые мы уже разбирали на примере ряда стран Е
ерики. Расовые различия, затемняя картину в сознани
рабочих масс, по существу не меняют ее социаль
жания.

Почти аналогичное положение мы находим и в Бр
дии, где немногочисленный белый пролетариат (окол
фабриках и 80.000 на ж. д.), вывезенный из Англ

это время почти монополизировал места мастеров, надсмотрщиков и квалифицированные работы, особенно на жел. дорогах. Как пишет тов. Рой, «эти рабочие показали себя достойными членами класса эксплоататоров; оседая в Индии, они растворялись в среде колониальных повелителей. Английская рабочая аристократия непосредственно помогала капиталу эксплоатировать громадную массу туземных неквалифицированных рабочих, получавших жалкие гроши, за счет которых платились первым высокие ставки и награды» [1]). Немудрено, что эти белые рабочие и их организации были опорой самого беспросветного реформизма, важнейшим оплотом английского владычества. Правда, за последнее время индусы начинают вытеснять белых из ряда квалифицированных профессий. В особенности быстро идет вытеснение англичан туземной интеллигенцией во всех областях интеллектуального труда. За последнее время замещается индийцами даже высший административный персонал на предприятиях. Но это лишь еще крепче бросает белых рабочих на защиту английского империализма, создавая в то же время в индусской интеллигенции и служащих основную опору реформистского крыла национального движения.

То же мы видим и в Голландской Индии, где союзы белых рабочих и служащих, в особенности ж.-д. чиновников, насчитывающие около 60.000 членов, систематически играют роль штрейкбрехеров и вернейших помощников голландского владычества.

Отдельные примеры, по существу, таких же взаимоотношений мы найдем во всех уголках земли вплоть до каждой колониальной плантации, где белый надсмотрщик составляет важнейшее орудие империализма.

Фактически тот же самый характер носят взаимоотношения белого и черного труда в Соединенных Штатах. Вообще, как мы уже видели, борьба с дешевым цветным и иммигрантским трудом является одним из основных символов веры рабочей аристократии, сплачивающим ее вокруг реформизма теснее и прочнее всяких теорий. В несомненно широком масштабе эта борьба захватывает и бросает под руководство реформистских вождей и гораздо более значительные массы белых неквалифицированных рабочих, находящихся часто не в лучшем положении, чем цветные рабы, но легко поддающихся на удочку классовой розни.

VII.

В заключение мы должны остановиться на вопросе, имеются ли известные социальные основы для возникновения реформизма среди туземного пролетариата колоний. Может ли из его среды развиться аналогичная европейская рабочая аристократия, подводящая более или менее широкую социальную базу под владычество в колониях европейского капитала или растущее влияние туземной крупной буржуазии? Этот вопрос имеет огромное значение для всего будущего мирового революционного рабочего движения, для темпа развертывания тех гигантских решающих классовых битв, в период которых вступило человечество после мировой войны.

---

[1]) Рой, Новая Индия, Гиз, 1923.

При отвлеченной постановке вопроса известная соц
а для развития туземной рабочей аристократии и, след
реформистского рабочего движения в колониях нес
кет создаться.

Современная промышленность переносится в колонии
ейших формах, воспринимая как бы в готовом вид
достижения техники и экономики и, таким образом,
ескакивая через ряд этапов, пройденных Европой
ивая их ускоренным темпом.

Мощный размах этого развития, быстрота индустриа
дают относительно значительную потребность и в квали
ных рабочих, все в больших размерах покрываему
дние годы из рядов туземного пролетариата. Эти рабочи
менее резко выделенные из своей прежней среды
новящиеся как бы посредниками капитала по экспл
их собратьев, выделяемые хотя бы показным налет
ской «цивилизации» (языка, грамоты, одежды и т. п
нь благоприятную почву для передачи влияния бу
широкие массы трудящихся. Точно так же, как пром
ть и технику, страны молодого капиталистического
принимают в относительно готовом виде и формы орга
ющихся классов, их методы борьбы и идеологии.
о, как растет и становится хотя бы потенциально
летариат колоний, нет поэтому недостатка в попытк
зии подкупить и развратить верхушку туземных
меняя «последнее слово техники» этого развращения
ской и американской практики. Разделение заработной
ользование церкви, школы, прессы, разжигание на
противоречий—все пускается в ход. За самые по
ы мы видим также все более настойчивые попытки
го и американского реформизма найти себе в колони
ую-нибудь опору. Амстердамский Интернационал, анг
очая партия, французские социалисты и реформистск
ерация Труда, прежде игнорировавшие самое сущест
ониального пролетариата, за последнее время начин
ленно интересоваться и искать путей к связи с «благо
ми» элементами в колониях.

Известные зародыши реформизма в колониях (помимо
шихся выше организаций белых рабочих) несомненно
еперь.

Явно реформистскую окраску носят, например, так
мые всеиндийские конгрессы профсоюзов», созданные п
своего британского прототипа и всецело находящие
националистов самого умеренного толка.

Их идеология прекрасно отражается в заявлении п
я II конгресса (в 1921 г.) Баптиста, сказавшего, что
еская позиция конгресса должна быть очищена от к
ивидуализма и большевизма и следовать по золотой
фабианизма». А этот II конгресс, происходивший в у
оне Джари, был относительно самым «революционным»
шие конгрессы всецело идут по пути умереннейшего
ма, идеалом которого является Женевское Бюро Тру
рено, что председателем Исполнительного Комитета,
о последним конгрессом в феврале 1925 г., является

[illegible] либеральный миссионер Эндрьюс, известный своей филантро[illegible]ческой деятельностью среди туземных рабочих. Практика все[illegible]дийских конгрессов соответствует их идеологии, проявляясь [illegible] торможении и срыве стихийных стачек доведенных до отчая[illegible] рабочих, напр., текстильщиков Бомбейского округа в на[illegible]ле 1925 г. Все это делается, разумеется, «в интересах нацио[illegible]льной промышленности».

В том же духе идет в настоящее время усиленная подготов[illegible] к образованию рабочей партии Индии, при чем ее инициаторы [illegible] специально созванной конференции «рабочих лидеров» зара[illegible]ее предупреждают от каких бы то ни было разговоров об ин[illegible]рнационализме, коммунизме и т. п. «Нашей основой должен [illegible]ть национализм, без которого социализм не может прогресси[illegible]вать. Мы должны остерегаться подчеркивания рабочей точки [illegible]рения, так как это содействовало бы иностранному капиталу» [1]).

Еще более ярким примером реформизма в рабочем движении [illegible]олоний являются, напр., профсоюзы Филиппин, всецело стоя[illegible]щие под влиянием Гомперсовской идеологии и прекрасно вос[illegible]ринявшие его методы. Такого же сорта отдельные (еврейские) [illegible]рофсоюзы Палестины, примкнувшие недавно к Амстердамскому [illegible]нтернационалу и ведущие резко шовинистическую политику по [illegible]ношению к массе неквалифицированных арабских рабочих.

Но, несмотря на наличие в колониях отдельных зародышей [illegible]еформизма, в общем и целом, ряд обстоятельств делают невероят[illegible]ной возможность создания в колониях сколько-нибудь широкого [illegible]ительного реформистского движения туземного пролетариата.

Развитие современного капитализма в колониях в его новей[illegible]их формах соединяется там с напоминающим период первона[illegible]льного накопления в Европе стремлением поднять норму эксплo[illegible]атации до крайних пределов, задержать, так явно сказывающую[illegible]ся в Европе, тенденцию нормы прибыли к понижению и для [illegible]того сохранить чисто крепостнические рабские формы труда. [illegible]ак совершенно правильно отмечает т. Бухарин, основная при[illegible]ина погони мирового капитала за колониями—не абстрактная [illegible]роблема «реализации» Розы Люксембург, а разница в оплате [illegible]руда, стремление выжать максимум прибавочной стоимости из [illegible]дешевых рабочих рук [2]).

Таким образом для подавляющей массы колониальных рабо[illegible]их перспективы выделения сколько-нибудь широкой аристокра[illegible]ии, подкупаемой крохами сверхприбыли и служащей оплотом [illegible]капиталистического порядка, очень мало вероятны.

Все это, на фоне пошатнувшегося капиталистического равно[illegible]весия в мировом масштабе, не оставляет времени для пролета[illegible]риата колониальных и полуколониальных стран пережить свою [illegible]эпоху реформизма. Кроме того, и революционная идеология пе[illegible]реносится в колонии в относительно готовом виде, сразу нахо[illegible]дя в них многомиллионную опору в лице масс пролетариата [illegible] нищего крестьянства, для которых нет исхода в сотрудничество

1) Labour Gazette Bombay. 1925, март.

2) Империализм и накопление капитала, Госиздат, 1925. См. также М. Рубинштейн, Современный капитализм и организация труда, глава V: Эксплоатация труда в колониях.

с капиталом, которых капитализм не в состоянии
крохами колониальной сверхприбыли.

Мы видим таким образом, как неумолимый пр
мического развития колоний создает в Европе глуб
реформизма (особенно английского), выбивая из не
основных социальных опор. Бросая небольшую ве
бочей аристократии в об'ятия еще более махрового
откровенного социал-империализма, этот процесс в
постепенно освобождает от влияния реформизма значи
сы шедших за ним рабочих.

В то же время в самих колониях капиталистич
тие создает массы молодого, органически революц
летариата, связанные с сотнями миллионов придавле
риализмом и поэтому также об'ективно революцион
янства.

Таким путем колониальная политика, бывшая од
нейших орудий обогащения и процветания европей
тализма и соответственно этому питательной средой
рабочей аристократии, становится в наше время ахил
той мирового капитала.

———

(Десятилетию со дня смерти Сен-Симона 15 мая 1825 г. — 15 мая 1925 г.).

Ранний пророк „организованного" капитализма [1]).

И. Фендель.

I.

Habeant sua fata libelli. Имеют свою судьбу книги, имеют
воо судьбу и мыслители, и идеологические системы. Но трудно
айти мыслителя, жизненная и историческая судьба которого
ыла бы столь капризна, подвергнулась бы столь разнообраз-
ой оценке со стороны критиков и поклонников, как судьба
Сен-Симона и его идеологической системы.

Перевоплощенный Сократ, посланник божий в своих соб-
твенных глазах, полусумасшедший разорившийся аристократ для
диих, величайший гений для других; энциклопедическая го-
рва, с одной стороны, и фантаст, излагающий видения своего
реда, хотя бы и полного гениальных намеков — с другой; до не-
давнего времени безусловный, неоспоримый член триумвирата ве-
иких социалистов-утопистов, а в последнее время то тревейший
еалист с социалистическими тонами, то оригинальный автор
ригинальной философии истории — не утопист и не социалист;
о сплошное отрицание — не утопист, не социалист, не ориги-
альный мыслитель, не оригинальный философ истории — и, на-
онец, своеобразный идеолог крупной индустрии в пореволюцион-
ой Франции, Сен-Симон стал, в конце концов, некоей, уже
елое столетие творимой, легендой [2]).

Необходимо отметить, что научное расшифрование этой ле-
енды стало возможным лишь сравнительно недавно — после боль-
ой предварительной кропотливой библиографической и исто-
ической работы, направленной к определению того, что именно
з огромной хаотической груды сен-симонистской литературы при-
адлежит собственно Сен-Симону и что является оригинальным
ворчеством его учеников, которые в порыве религиозно-мисти-
еского энтузиазма ревнителей новой школы-церкви свои соб-
твенные построения отнесли целиком на счет основателя школы.

1) Статья представляет часть работы о Сен-Симоне, находящейся в пе-
ти.

2) В настоящее время — после работ Мукле, Экштейна, Кунова, а в наши
и Волгина — реальное лицо полулегендарного французского мыслителя вырисо-
вается с полной ясностью. Это лицо не социалиста, а раннего пророка „ор-
низованного" капитализма.

Общеизвестна крайне интересная, полная глубочай
живаний и потрясений, жизнь Сен-Симона.

Отпрыск стариннейшей аристократической семьи
ведшей свой род от Карла Великого, молодой граф А
Симон, в юности ученик Д'Аламбера, пилигрим к I
нимает участие в американской борьбе за освобожден
грандиозными проектами (предвосхищая в конце XV
Панамского канала), мечтает о создании великог
труда.

Бурно приветствует он вначале Великую Револю
рив его, как феодала, она отталкивает его своими
и в то же время обогащает его, развязав силы буржу
рядка, методами буржуазного накопления (спекуляция
ными имуществами).

Следует период щедрого меценатства, блестящей
эпикурейской жизни в кругу избранного общества нау
стических, политических светил Франции; период
энциклопедических знаний, как средства для осуществ
бой миссии»—создания монистической позитивной сис

К 1805 г. наступает крах, Сен-Симон разорен, и до
дней жизни он вынужден бороться с нищетой, порой
отчаяния (в 1823 г. он покушается на самоубийство

Но в эти именно тяжелые годы он создает все, что
бессмертным в истории социальной мысли.

В яркой индивидуальности Сен-Симона нашла
богатый отзвук эпоха революционная по преимущес
политической и промышленной революции во Франции,
современному капитализму.

Сознательная жизнь Сен-Симона охватывает собо
нейший период новейшей истории Франции (и всей
обще), всю эпоху Великой французской революции, к
империи и реставрации.

Эпоха Сен-Симона, по существу говоря, может бы
ризована в целом, как эпоха бурного «становления»
Гегелевским термином) буржуазно-капиталистического
Франции. Муки родов капиталистического порядка
их сократить и смягчить—вот что составляет содер
эпохи. Основной конфликт ее—конфликт между раст
жуазными производственными отношениями и подде
остатки феодальных отношений политической над
осложняется внутренними конфликтами «третьего
грозит призраком выступления на арену истории че
словия. Отсюда общий тон эпохи—неразрешенность и
задачи и идеологическая сумятица.

По существу говоря, политическая задача рево
буржуазии (мы имеем в виду, главным образом, про
буржуазию, которой принадлежало ближайшее будущ
закона естественного развития капиталистического общ
как будто разрешена конституцией 1791 г.—в пол
ствии с интересами этого класса. Но это разрешени
только номинальным, ибо для фактического закре
ституции в борьбе с общеевропейской коалицией
порядка необходимо было радикальное решение кр
вопроса, неизбежной оказалась диктатура низших кл

...ция была вынуждена (такова диалектика истории) тво... дело капиталистического класса антикапиталистическими ...дами, вызывая, с одной стороны, иллюзию социального ра... в пределах товарного общества, а с другой (вне прямой ...), увеличивая кадры капиталистов, так сказать, военного ...хождения с хищнической идеологией периода первоначаль... накопления. Победоносное завершение революционных войн, ...це концов, удаляет якобинского мавра, сделавшего свое дело, ...ращает власть буржуазии, но с тем, чтобы армия, при по... которой буржуазии удалось покончить с красным при...ком, создала, в свою очередь, для охраны нового буржуазного ...рядка особую форму диктатуры—централизованную военно-бю...ратическую монархию Наполеона.

Под благодатной сенью внутреннего гражданского правопо...дка и блестящих успехов Наполеоновского оружия растет и ...пнет французская промышленность, вместе с ней и промыш...ная буржуазия, но одновременно растет и крепнет, вырастая ... покровительством того же победоносного оружия, новая ...ть, не только одаренная титулами, которые революция как ...до похоронила навеки, но, что существеннее, деньгами и ...омными земельными владениями.

Так случилось то, что буржуазия в процессе борьбы с фео...льной собственностью, столкнувшись с угрозой собственности ...ржуазной, своими же собственными руками создала военную ...архию, начавшую реставрировать феодальную собственность. ...дались таким образом элементы того ублюдочного буржуазно...одального строя, каким явился строй Франции периода реста...ации. Возвращение Бурбонов, подарок полуфеодальной еще ...опы растущей буржуазной Франции, не могло свести Фран...ю с рельс капиталистического развития; основные социаль...е завоевания революции, заложившие основы капиталистиче...ого строя, не могли быть аннулированы, политика реставра...онного правительства в общем и целом должна была следовать ... пути насущнейших интересов основных групп буржуазии—...имущественно денежной и крупнейших магнатов производства ...ля и железа. Но масса крупной и средней промышленной ...ржуазии была вне «легальной страны», интересы вернувшейся ...одальной эмиграции вкупе с новой знатью преимущественно ...ределяли собою внутреннюю и внешнюю политику правитель...а. Любопытно то обстоятельство, что юная еще на француз...й почве идея парламентаризма уже переживает серь...ный кризис. В роли защитников парламентаризма оказываются ...ьтра-роялистские политические представители феодальных эле...нтов французского общества (Шатобриан), а в роли защит...ков королевской власти выступают либералы, представители ...ржуазии (Бенжамен Констан создал даже особую теорию «ней...литета» королевской власти, которой, согласно этой теории, ...едоставляется много серьезных прерогатив).

Несоответствие между политической слабостью промышлен...й буржуазии и ее удельным весом в экономике страны ощу...ется тем острее, что этот удельный вес именно в эпоху реста...ции, вопреки ее феодальной политической надстройке, растет ...ень значительно и заметно.

Все исследователи экономической истории Франци риода [1]) единогласно констатируют рост французской ленности и значительное повышение уровня ее те: базиса.

Расцвет промышленности в Наполеоновскую эпоху чительной степени эфемерным, искусственным, он пит ными победами, и поражения свели его на-нет. Откры: в 1814—1815 г.г. довершило печальную картину, вызва ную конкуренцию, главным образом, английскую, с к нически слабая французская промышленность, почти шая еще из стадии мануфактуры и домашне-капитал системы, не могла бороться. Усиленная протекционі литика могла лишь смягчить кризис, но действитель был лишь в переходе на высшую техническую базу. цифр, приводимых Левассером, характеризует этот : вольно ярко. Потребление каменного угля в 1812 г. 900.000, в 1820 г.—2.300.000 тонн. В 1819 г. во Франц уже 350 доменных печей и 498 плавильных заводов ствои в 14.500 тонн чугуна и 64.000 тонн железа. машины в прядильном, ткацком деле, книгопечатан производствах.

Правительство реставрации, вопреки ее ублюдочн теру, вынуждено в силу неизбежной логики само вести в основном экономическую политику, нужную но буржуазия не чувствует в этом правительстве ор классового господства. Миллиард франков вознаграж грантам вызывает глубочайшее возмущение,—не рац естественнее было бы соответствующее «поощрение» і ному классу? Законопроект о печати непосредствен вает интересы типографской промышленности—полит номикой сталкивалась тут непосредственно. Вопрос о : в соответствие политики и экономики висел, таким воздухе. Опыт французской революции учил том делается. Но тот же опыт учил и другому—как опасн дух революции. Либералы времен реставрации, либера: логи-историки оправдывали революцию 1789 г. Тьер Гизо, гордятся деяниями своих революционных отцо их устами осуждает феодальный класс, считая его : люции живым мертвецом.

Революционные действия в борьбе с феодализмо ются с чрезвычайным усердием, но от самого действ вает тяжелое воспоминание о «санкюлоте». А этот в эпоху реставрации начинает превращаться в проле летариат начинает именно в это время складыватьс: класс. Рост промышленности вызывает его к жизни, пр вляя всем другим классам, как особый класс со св ми интересами.

На заре своей жизни в капиталистическом общес нужден особенно тяжко ощущать свое специфическое в этом обществе. Безработица, низкая заработная пл

---

[1]) Более подробную характеристику эпохи Реставрации с социально-экономических отношений и положения рабочего к Петрова: „Французский рабочий класс в эпоху Реставрации" тута красной профессуры, т. 1). Цитирую в дальнейшем Лева в этой статье. *И. Ф.*

..., правовые ограничения—все соединяется для того, чтобы усугубить жалкую участь пролетария, живущего изо дня в день продажей своей рабочей силы. Безработица усиливается ...нием машин. Полицейские донесения констатируют, что ... трудолюбивый класс стал праздным не по своей вине, ибо ... хочет работать».

Вообще говоря, положение рабочего класса в эпоху реставра... ухудшалось вследствие того, что только путем переложения ...держек технического переворота на рабочий класс, путем низ... заработной платы, усиленной эксплоатации и пр. полагалось ...лю капиталистическому прогрессу Франции. Все попытки ра... ...их организоваться в целях взаимопомощи подавлялись самым ...ным образом. Правительство реставрации в этом отношении ...ло вполне на почве буржуазного «правопорядка»: закон Ле... ...шелье 1791 г., уголовный кодекс Наполеона, рабочие книжки ... т. п. скорпионы, уготовленные революционной французской ...жуазией пролетариату, правительством реставрации блюдутся ...ательно.

Что касается настроения рабочих масс в изучаемый пе...од, то Олар характеризует его как состояние крайней апатии. ...лицейские донесения, сообщая о бедственном положении рабо..., отмечают полнейшее их спокойствие.

Вот несколько таких донесений: «Рабочий класс бедствует ...ому, что ему не хватает работы, но притязания ему чужды, ...овые химеры революции далеки от него» (13 декабря 1816 г.). ...тот настолько многочисленный класс, где все еще можно встре...ть следы революционного опьянения, продолжает давать при... ...р полного подчинения, от которого революция было его отуча...ла, но деспотизм вновь вернул на пользу отеческой монар...» (12 января 1817 г.). «Народ более не революционен, он боится ...довать крамольным подстрекательствам. Ему ничего не нужно, ...оме хлеба и работы» (10 октября 1817 г.). «Народ научился чув...овать страх, и на набережных теперь можно найти больше ...итической сдержанности, чем в салонах» (9 мая 1819 г.). ...отя рабочие вообще сильно страдают от застоя в торговле и ...оизводствах, они спокойны и не высказывают ни недовольства, ... дурных намерений» (7 марта 1820 г.).

Все же следует отметить частичные выступления против ма...н—в 1814, 1817—1819 г.г. отдельные стачки, всегда, ко...чно, быстро подавляемые.

Требования рабочих часто весьма реакционного характера, ...но-корпоративного: удаление женщин с работы, увольнение ...огородних, установление твердых цен на пучки шелка, надзор ... производством в деревне и пр.

Не удивительно, что, при таком общем «благонравном» по...дении народных масс, у наиболее решительных и энергичных ...едставителей промышленной буржуазии является мысль о по...тическом руководстве этими массами, об использовании их в ...итической борьбе. Бутенко в ст. «Перелом в истории реста...ции Бурбонов» («Анналы» № 3) отмечает следующие любопыт...е факты.

В 1825 г. в ряде местностей Франции стали в большом коли...стве возникать среди рабочих общества взаимопомощи при со...йствии местных либеральных фабрикантов.

На семейное торжество, устроенное братьями Ка
Огюстеном Перье по поводу женитьбы Ремюза на до
тена—торжество, обратившееся в либеральную демон
были приглашены рабочие корпорации Гренобля, при че
нании праздника Казимир Перье роздал каждой корп
100 франков. Владельцы типографий поощряют манифе
бочих в связи с законопроектом о печати.

Таким образом, ко времени окончательного сфор
ен-симоновской идеи промышленного строя,—а они, к
ложились в эпоху реставрации,—классовые отношени
ковы, что при политически совершенно индифферентном
тве, всецело ушедшем в дело использования завоеван
ции, французский город, в особенности Париж, являет
борьбы широких кругов средней и крупной промыш
части финансовой буржуазии с живыми остатками ф
строя, завладевшими правительственным аппаратом;
питается, главным образом, неуверенностью буржуази
сти ее завоеваний при дальнейшем политическом пре
феодалов. В этой борьбе часть буржуазии, наиболее ре
пытается опереться на рабочий класс, подверженный
ствиям первых шагов капиталистического строя, но по
совершенно апатичный, распыленный и неорганизова

Чрезвычайно богатая сдвигами социально-политич
рактера эпоха Сен-Симона богата и сдвигами идеол
порядка. XVIII век был веком радикального рац
Идеологи революционной буржуазии сумели применить
детерминизма и материализма лишь в пределах индив
психологии—это нужно было для сокрушения теологич
тыни старого порядка—но они не сумели сделать
этого принципа в отношении к общественному челове
интересах буржуазии было сделать индивида творческ
стью, преобразующей среду по индивидуальным рацио
ским критериям истины, права, справедливости. Та же
в учении Кондорсе выдвинула идею безграничного пр

Революция, зашедшая дальше устремлений буржу
нившись феодальной реакцией, вызвала переоценку

Буржуазный индивид с'еживается под холодным
ровой революционной действительности; за его спиной,
но ощутимо для него, выступают какие-то, не от него
силы. Индивидуалистический детерминизм XVIII век
мается с общественным детерминизмом, историзмом и
эпохи реакции. Бональд учит, что общество есть ос
ство, организм, имеющий свои цели; люди лишь о
осуществления этой цели, следовательно, не общество
века, а человек для общества. Ту же мысль развив
Местр: общество, его форма и судьба не зависят от че
воли. По де-Местру, люди вообще—абстракция, «нет
свете». «Я видел французов, итальянцев, русских—чт
человека, то я об'являю, что никогда в жизни его не

Человек может модифицировать все лежащ
ре его активности, но создать он ничего не может
ческом, ни в моральном мире. Он может посадить, с
дерево, но не создать дерево. Он не может создать даже
ции. Конституция—это совокупность органических ус

...димых для жизни народа, и поэтому не есть вещь, которая может быть произведена по воле и по принуждению, как камин или машина или предмет меблировки. Конституция—естествен... вещь [1]).

В области экономической мысли неоспоримым авторитетом является Сэй, вульгарный буржуазный экономист, умеренный ...тересец, из блага промышленников «логически» выводящий ...го всего общества.

Но что особенно характерно для Франции эпохи Сен-Симона—это пышный расцвет наук, математики, астрономии, физики и химии, физиологии и пр. Особенно это относится к ...иоду собственно революции. Созданный Конвентом «Институт», ...ствовавший заменить старые академии, ставил себе задачи ...вершенствовать науки и искусства путем непрерывных изыска..., опубликовывать открытия, сноситься с отечественными и ...странными учеными обществами, а также руководить науч... и литературными работами, направленными к общей пользе ...славе республики». Вокруг этого Института сосредоточилась ...стящая плеяда ученых астрономии и математики: Лаплас, ...анд, Лагранж и Монж, химик Бертолле, Ламарк, Кювье, зоолог ...ент-Илер, и т. д., и т. п. Астрономия, математика, физика, хи..., физиология в этот период делают грандиозные завоевания. ...воевания теории быстро делаются достоянием практики. Разум ...ловеческий, казалось, достигает высших пределов, безгранич... прогресс наук открывает блестящие перспективы челове...ству.

II.

Таковы основные социально-экономические черты и обществен...е настроение эпохи, в которой развивалась социальная мысль ...н-Симона.

Вершины своей высшей зрелости и законченности эта мысль ...стигла в построении так наз. «промышленной системы» и тесно ...язанного с нею «нового христианства». Решительный шаг к ...ончанию своего идеологического здания Сен-Симон делает по ...ществу лишь в 1817—18 гг. в «Письмах к Американцу».

Годы 1814, 1815 и 1816—переломные в ходе развития сен...моновской философско-исторической и социально-политической ...нцепции. Они знаменуют собою переход от первого периода ...звития учения Сен-Симона—периода подготовительного, по...ков позитивной системы социальных наук и социального по...дка (1802—1814)—ко второму, когда эта система обретена, на...нец, как «промышленная»; обоснованию ее, уяснению и про...ганде посвящено последнее десятилетие жизни Сен-Симона.

Каковы же итоги работ мысли Сен-Симона за первый период? ...чем подошел он к построению своей системы? В рамках данной ...тьи можно отметить лишь самое общее.

Резче и ярче, но все еще не достаточно энергично, выдвига...тся интересы торгово-промышленного класса, заявляющего при...зания на поощрение и уважение со стороны правительства и ...ределенно недовольного привилегиями дворянства. Старое ту...анное («Письмо жен. обитателя»). Деление на собственников

[1]) Flint, Historical Philosophy in France, p. 371.

несобственников сменяется более четким делением на
иков—торговцев, промышленников, купцов, собственни
ян с привилегиями; не владельческие классы. Таки
омент противоставления собственников несобственник
ает место постановке вопроса о противоречиях внут
ласса собственников.

Идея всеобщего европейского мира, координации
росвещенных народов Европы для выполнения кул
кой миссии по всему земному шару—в целях всеобщ
разрешения внутренней социальной проблемы—доля
ой связующей общей идеей религиозного характера,
ото невозможно крепкая, прочная социальная организа
ой рай, намеченный еще в «Письмах жен. обит.», здесь
ак золотой век впереди в результате активной раб
рогрессивных элементов общества.

Сен-Симон все быстрее и смелее спускается с заобла
от, на которых он не переставал чувствовать земли, к
эмле, которую он не перестает поднимать до своих ум
ых высот.

Годы 1814—1815 переломные в ходе развития Сен-Си
илософско-исторической и социально-политической к
этого пункта он все решительнее и последовательнее
созданию «промышленной системы»—увенчанию свое
ического здания. Поэтому представляется целесообраз
одвести некоторые итоги первому периоду развития
овского учения.

Идейные интересы Сен-Симона всегда были, по
вязаны с живыми интересами «человеческого рода».
юношеских планах грандиозных предприятий, но
оисках единой философской системы он раньше всего
сего имел в виду, если отбросить в сторону его суб'
одчас маниакального свойства, переживания, главны
лаго «человечества». Необычайные успехи и завоева
еческого разума, с одной стороны, и острейший социал
ический кризис, с другой, толкают его мысль в сторон
ыходов из кризиса путем дальнейших побед человече
ума. Эти победы несомненны в области наук о природе
ый метод, метод опыта, наблюдений обусловил эти побе
одимо этот метод приложить к «науке о человеке». Но
е о человеке индивидууме—об'екте физиологии,—дел
бщественном человеке, целых общественных организм
ических нациях, государствах. Эти именно организм
олеют, страдают, потрясаются в корчах революционных
ризис этот длителен; утихла революционная буря, но
вропейское еще не вошло обратно в пазы, из которь
начала революции. Войны, продолжение революции, е
ают мир. Всеобщее недовольство царит повсюду. Рево
азала своего последнего слова. Внизу общественной
громная масса «несобственников», потерпевшая пораже
х «химерах о равенстве», загадочно молчит.

Для Сен-Симона источники этого незавершенного
сны с самого начала. Это—прежде всего кризис созн
овечество в своем умственном развитии дошло до стад
лементы позитивной системы знания вообще и знания

шим человеке в частности на-лицо. Но из них надо создать не: постигнуть) эту систему, и в этом задача дня, и в этом ыход из кризиса, ибо самый процесс постижения и оформлетой системы неизбежно влечет за собою соответствующий ссс социальной реорганизации. Таким образом идеологичекризис есть причина социально-политического; разрешение го влечет за собой разрешение другого.

Несомненный материалист в вопросах естествознания, Сэнм выступает как несомненный же идеалист в понимании рического процесса и его движущих сил. История движется ием идей, развитием религиозных (научных; в известном ме Сен-Симон их отождествляет) систем, но каждая из этих м составляет неизбежное звено в общей цепи развития чеческой мысли—фетишизм неизбежно развивается в метафикие системы, а эти последние—в позитивные. Сен-Симон—нник идеи прогресса Кондорсэ. Но он головой выше его в ии оценивать явления исторически. Он не осуждает явлений шого (религия, средние века) с точки зрения тех успехов, рых человеческий разум достиг сегодня. Он умеет понимать явления в их исторической связи и детерминированности. Исторический детерминизм Сен-Симона, даже идеалистичел, дал ему возможность в дальнейших анализах исторического цесса сделать серьезные шаги по пути приближения к матеистическому пониманию истории. Значительно меньше ясы в социальных взглядах Сен-Симона. Он видит борьбу сов и в прошлом и в настоящем, но, во-первых, это у него—водное от различия в уровне просвещения, во-вторых, сама сификация классов чересчур еще смутна и упрощена: собники и несобственники—вот основное деление. К концу перпериода, однако, в «Письме к доктору Бугону» и «Реорганизи европ. оощества» Сен-Симон детализирует понятие собников, выделяя в них группу привилегированных бездельов и рантье, которым он противопоставляет торгово-промышное сословие, как более полезное и нуждающееся в подке правительства.

Это противоречие к концу рассматриваемого периода отводит адний план противоречие между собственниками и несобниками, резко отмеченное еще в «Письмах женевского обиля» (1802).

Эпоха реставрации с ее основным конфликтом между проенной буржуазией и возродившимися остатками старого пой, на фоне промышленной революции, окончательно поверт внимание Сен-Симона от вопросов чисто идеологического ика к вопросам социально-экономическим, политическим и ическим. И историческое и социальное учение Сен-Симона, щаясь новым эмпирическим материалом, вырастает малоалу в более или менее цельную, ясно выраженную систему.

«Письма к американцу» помещены в сборнике, носящем харное название и не менее характерный эпиграф: «Индустрия политические, моральные и философские исследования в ресах всех людей, занятых полезными и независимыми рам». Эпиграф: «Все при помощи индустрии, все для нее». Американская революция, американский строй служат Сенону отправной точкой зрения для построения первых основ й промышленной системы.

Моя цель, говорит Сен-Симон, изучать движен
ского разума, чтобы вслед затем работать над усов
нием цивилизаций. Изучение причин и судеб франц
люции, опыт американской революции и америка
ведут к открытию основного принципа политики,
тельной науки, способствующей усовершенствовани
ции.

В самом деле, события в Америке в конце XV
направлены к установлению наиболее прекрасного
социального порядка, когда-либо существовавшего.
ная прелесть этого порядка? Это, прежде всего,—наи
и устойчивая индивидуальная свобода. Ч
свобода? Свобода «для людей», занятых в промыш
ключается в отсутствии того, что стесняет производ
шает наслаждаться произведенным. Общество же е
ность и союз людей, занятых полезными работами

Единственная форма подчинения, приемлемая дл
телей—это подчинение закону собственного интере
в обществе с развитым разделением труда выражае
свободного обмена. Американский строй с его абс
гиозной терпимостью, полным отсутствием каких бы
следов феодализма, привилегированных слоев, мир
ственно-промышленным направлением политики, обп
тическим духом нации есть та благодатная почва,
выросло «прекраснейшее из растений»—промышл
бода. Ей соответствует рост национального благ
улучшение положения всех членов нового обществ
селение, просвещение и богатство.

В этом же направлении, собственно говоря, иде
французского общества. Задачей революции было о
уничтожение феодально-теологических учреждений,
тей к строю, наиболее благоприятствующему пром
она и «казалась сначала чисто промышленной», по
ряла этот характер, и столько благородных усилий,
жны были создать свободу, создали лишь тирани
и военный деспотизм (стр. 181).

Это случилось потому, что промышленники с с
революции не сами взялись за дело защиты свои
а поручили это адвокатам, «которых идеи и абс
влекали больше, чем действительность и факты».
отсутствии у французского народа каких-либо трад
ной политической борьбы, свободных учреждений,
ном» университетском воспитании, появление химе
орий уравнения («пусть исчезнут вдруг границы
будет больше собственности; каждый захочет владет
Сен-Симона это—вреднейшая утопия, нарушающая
здорового социального порядка («целью страсти к ра
разрушение социальной организации») (стр. 193).

В итоге адвокатского правления у власти ока
жественная толпа «людей последнего класса», охвач
стью к равенству», появились буйство, кризис и пр.

[1]) Цитируем по двум русским изданиям сочинений Сен-Си
цией Святловского и Волгина, соответственно отмечая *С.* и *В.*

...образом, оказалась незаконченной, феодально-геологиче... учреждения ещё не совсем разрушены. Получился ублюдоч... порядок, когда старые принципы не в состоянии уже бо... служить связью общества, а новые не могут развернуться ... наличии «ржавчины чуждых элементов». Органическая связь ... общества ясна—это промышленная идея (только ... нужно искать нашего спасения и окончания революций).

Этот новый промышленный строй есть строй, наиболее благо... приятствующий промышленности, под каковой следует по... нимать совокупность всех видов полезных работ—теоретических ... практических, умственных и физических. Политическая эконо... мия—отныне единственное основание политики, вернее, она бу... дет включать в себя всю политику, как науку положительную. ... «наука о человеке» и, следовательно, наука об обществен... ной политике обрели единый научный принцип—примат произ... водственных интересов.

«Существует известный род интересов, сознаваемый всеми ... людьми, интересов, направленных на поддержание жизни и бла... гополучия» (стр. 204). Производство полезных вещей — един... ственная разумная и положительная цель, которую могут ста... вить себе политические общества (стр. 203), принцип ува... жения производства и производителей бесконеч... но более плодотворен, чем принцип уважения соб... ственности собственников (стр. 204).

Найден, таким образом, верный критерий при оценке всех ... учреждений, общ. явлений и пр. Политика становится положи... тельной наукой, ставящей себе целью установление порядка ве... щей, «наиболее благоприятного для всех видов производства», ... для промышленности в широком смысле этого слова. Общество— ... производственный союз. Воры, паразиты и бездельники, потреб... ляющие, ничего не делая, по мере прогресса цивилизации должны ... исчезнуть.

Что представляет собою развивающийся строй, наиболее ... благоприятствующий промышленности?

Этот строй есть правление, где «политическая власть имеет ... силу и деятельность лишь в направлении, необходимом для ... устранения всего того, что мешает полезным работам, правле... ние, где все подчинено тому, чтобы рабочие, соединение ... которых составляет истинное общество, могли ... непосредственно с полной свободой обмениваться ... между собою продуктами их различных работ, ... такое, наконец, правление, где общество, которое лишь одно ... знает, что ему приличествует, чего оно хочет и что оно предпо... читает, было бы так же единственным судьей достоинства и по... лезности работ и вследствие этого, чтобы производитель лишь ... от потребителя ожидал оплаты своего труда, вознаграждения ... за свою услугу, какова бы она ни была. Мы хотим лишь облег... чить естественный ход вещей. Мы хотим, чтобы люди отныне ... делали сознательно, непосредственными усилиями и более пло... дотворным образом то, что до сих пор делали они, так сказать, ... без своего ведома. Медленно, нерешительно и не плодотворно ... (стр. 194).

Правительство, по существу говоря, думает Сен-Симон,—до... рогое зло, но необходимое, ибо опыт показал (особенно опыт

французской революции), что есть зло еще более
беспорядки, отсюда—предпочтение меньшего зла
ства, которое, однако, должно стать возможно более
возможно менее назойливым, опекающим и пр. Борь
ников, производителей с собственниками на правах
вот в чем Сен-Симон видит основную злобу дня, с
ляется его мысль.

В знаменитой «Притче» (параболе то же) (1819 г
ное общество подвергается жесточайшей критике, к
перевернутое вверх ногами (le monde renversé),—общ
тором непроизводительные классы, паразиты, госпо
теми, которые, собственно говоря, и составляют подл
ство.

Линия разреза идет по участию в производстве
ных и духовных благ. Все участники производства (
ученые, артисты и ремесленники—artisans) [1]) суть «е
люди», работа которых действительно полезна общес
непроизводительный С.-Симон помещает все придворн
высшее чиновничество, помещиков, рантье,—словом,
на правах рождения основывал свое богатство и сс
а не на личных заслугах перед обществом. В «Пр
ярко изображается перевернутый мир, где воры,
безнравственные, неспособные, ленивые люди госпо
цветом нации, работниками наук, искусств и ремесла
говоря, трутень господствует над трудолюбивыми п
Вопрос о судьбах промышленного класса во Фр
отношении к живым остаткам старого порядка Сен-С
вится в «Притче» ребром, и весьма заостренно—наст
что убийство герцога Беррийского в 1820 г. (имя
пается С.-Симоном в «Притче» в число тех, от пот
Франция не потеряла бы ничего, если не считать ог
рого сердца французов) вызвало арест Сен-Симона,
ного соучастника убийства.

Он был оправдан и не без оснований, ибо Сен-С
противник всякого насильственного образа действи
идеи, пропаганда, идейно-моральное воздействие—в
тические средства.

Одновременно с критикой «ублюдочного» социал-по
порядка Франции, борьбой с остатками феодального
Симон продолжает углублять свою идею «промышлен
не забывая при этом о проблемах тактического поря
зации общественного мнения и общественных сил.

Промышленный строй есть строй, наиболее бл
нятию общества, как такового, т.-е. как совокупно
работников, стремящихся к возможно лучшему и п
влетворению своих материальных и духовных потреб
стие общества определяется степенью этого удовле
эта степень, в свою очередь, определяется совокупн
рованным воздействием наук, искусств и ремесл н
природу. Таким образом выясняется и задача обще

[1]) Под последними, по раз'яснению автора, следует разу
простых рабочих, но вообще всех занимающихся материальным
земледельцев, фабрикантов, коммерсантов и всех служащих и
торых они нанимают (стр. 171).

...ации и самое ее устройство. Задача—наилучшим образом ...бинировать воздействие наук, искусств и ремесл на природу. Не трудно представить себе, говорит Сен-Симон, какой ...ительной степени процветания могло бы достичь общество при такового рода устройстве (В. 8)[1]). Ведь люди до сих пор ...тратили массу энергии в борьбе меньшинства и большинства и, кроме того, оказывали на природу индивидуальное обособленное воздействие.

Даже при таких неблагоприятных условиях человечество сумело достигнуть довольно высокой степени благосостояния. Что же будет, если люди перестанут господствовать друг над другом и об'единенными коллективными усилиями (людей и целых народов) будут воздействовать на природу?

«Воздействие человека на человека всегда само по себе вредно для человечества вследствие вызываемой им двойной траты сил; оно полезно постольку, поскольку оно является побочным и поскольку приводит к усилению его воздействия на природу» (197).

При таком порядке вещей, при таком направлении общественной организации разрешится постепенно и вопрос о правительстве.

Теперь, когда формула «труд на счастие общества» расшифрована, раскрыта в том смысле, что «общество стремится к процветанию посредством наук, искусств и ремесл», общество управляется уже не людьми, а научными принципами, в которых нет произвола, которые нужно постигнуть и затем им следовать. Те, которые выполняют общественные функции, таким образом, ограничены законами необходимости; их «управляющая власть», их власть повелевающая, ничтожна. Правители в этом случае, очевидно, наиболее способные, ибо вопросы управления, это—вопросы научного порядка, требующие определенных знаний и квалификации.

При существующей политической системе наилучшее, это—невмешательство правительства в вопросы общественного благосостояния. Его задача поддерживать порядок. При новой системе, где основное стремление есть стремление к общественному процветанию, функции поддержания порядка будут иметь подчиненное значение и будут все уменьшаться по мере увеличения общественного благосостояния. «Только тогда бывает нужен большой правительственный аппарат для поддержания порядка, когда политическая система не стремится определенно к общественному процветанию, потому что в этом случае на народную массу неизбежно приходится смотреть, как на врага существующего порядка. Когда же ясно для всех повышается благосостояние, массы населения представляют тогда пассивную силу, которой почти одной достаточно для обуздания противообщественного меньшинства». (В. 12).

Правительственная (повелевающая) система постепенно будет отмирать, останется лишь система административная (управляющая).

Так Сен-Симон, наметив концепцию промышленного строя еще в «Письмах американца», в «Теории общественного устрой-

[1]) «Теория общественного устройства» (1819 г.).

ства» выясняет основной принцип этого строя со сто|
щественного содержания и регулятивного механизм:

Новая система, имеющая определенную цель—
общественного благосостояния через комбинировани
наук, искусств и ремесл—имеет все преимущества,
показать ее реальность в перспективе (
Сен-Симон берет на себя задачу установить, что с
ственно должна осуществиться в жизни в настоящее і
самого хода событий и в силу законов развития ч
ума».

Научная политика основывается н
ванных рядах исторических фактов, для
стоящего различия в нем элементов старого и элем
дящего будущего нужно внимательное изучение пр
жен исторический обзор достаточно широкого масшт
мон обещает сделать «замечательные обобщения»[1]) в
зора эпохи от средних веков до наших дней. Ср
как исходный пункт, берутся в силу того сообр
в эту именно эпоху начинают формироваться соврем
ства.

В чем сущность средневекового общественного по
ская власть, а вместе с ней и собственность, как дв
и недвижимая, находится в руках военного сослові
ство—монопольный руководитель духовной жизни (
ной науки еще нет). Промышленники—вначале ра
сословия. Этот общественный строй находился в пол
гласии «с состоянием цивилизации того времени».
главным занятием населения, а промышленность на
в младенческом состоянии. Отсюда главенствующа
ного сословия. Единственно сравнительно просвещ
вие—духовенство—естественно стало главенствующ
ной жизни.

Этот строй, однако, с течением времени стал п
двумя (подчеркнуто мною. *И. Ф.*) нарастающими
витием промышленного класса и положительной на
витие шло уже в недрах феодального общества.

Промышленный класс даже в рабском состояни
путем упорного труда, терпения, бережливости и
ности накапливает известное состояние; военное сосл
своих собственных интересов—наилучшего использов
тов промышленного труда, освобождает личность п
ков. «Освобождение общин открыло широчайший пу
тия промышленности, которая делает все большие
успехи. Расширяется круг потребностей, промышл
теют, а дворяне разоряются, передавая им мало-по-м
часть своей собственности. С ростом промышленност
чение войны, как занятия, падает роль и значение
словия—дворянства (мало того, с изобретением по
дело становится в полную зависимость от промышл
ролевская власть в своей борьбе с феодалами опира
мышленный класс, и таким образом и хозяйственное
ское значение промышленного класса непрерывно р

[1]) И делает это обобщение в «Промышленной системе» (

...ального. Параллельно этому процессу перемещения собственности и нарастания силы промышленного класса идет другой процесс—в духовной области. Здесь идет развитие опытных наук, ...енных в Европу арабами; духовенство отстает от этого научного движения, которое перешло в руки нового класса людей—ученых. И здесь происходит то же, что и в светской области. Ученые увеличивают свой авторитет, особенно в просвещенных классах, которые не довольствуются уже средневековой богословской ...щей; духовенство, власть и влияние которого основывалось на превосходстве просвещения, утеряв это превосходство, теряет и власть и влияние.

Краткое резюме исторического обзора по Сен-Симону таково: «Как светская, так и духовная власть перешла в другие руки. Действительная светская власть сосредоточена в настоящее время в руках промышленников, духовная же в руках ученых; эти два класса являются притом единственными, которые оказывают ...льное и постоянное влияние на общественное мнение и поведение народа» (*B*. 27).

Вот это то изменение в соотношении сил в светской и духовной областях, изменение в самом **основании** общества и было ...ной причиной французской революции. Происхождение ее следует приурочить к моменту раскрепощения общин и развития опытных наук. Задачей французской революции было по существу заменить старый политический строй новым, соответствующим новому состоянию общества и новому социальному строю. Это должны были сделать новые классы—промышленники и ученые. Революция в общем не закончена. Современный кризис—кризис перехода. Старая система рушилась, новая еще не сформировалась. Надо немедленно же энергично приняться за организацию новой системы, ибо современное положение европейского и, в частности, французского общества чудовищно.

Кто и как должен взяться за дело организации новой системы?

Здесь С.-Симон считает нужным выдвинуть момент эмоциональный в своей тактической пропагандистской програме.

Борьба за новую систему должна стать великим идейным, моральным и эмоциональным движением.

«Идеи и чувства неизбежно связаны друг с другом и соответствуют друг другу. Всякое великое движение в области идей вызывает подобное же движение в области чувства. С этой точки зрения любовь к человечеству является подобием и необходимой ...щей философии. Чтобы вызвать великое философское движение, имеющее своей целью перемену общих идей, необходимо, чтобы все люди способные к благородным и возвышенным чувствам, развили широкую филантропическую деятельность» (B. 21—22).

Итак, филантропы—друзья человечества, «люди, одаренные благородными чувствами», без различий их социального положения и возраста, все войдут в великое движение. Основной принцип этого движения—по существу тот же, который положен в основу христианской религии,—«все люди должны видеть друг в друге братьев, должны любить и помогать друг другу», иначе говоря, все народы и все люди должны содействовать общему благосо-

стоянию человеческого рода». Новое христианское дв
4-й период в истории эволюции христианской основ
«Христианство теперь вступает в 4-й период—пе
зации новой духовной и светской власти. Духовная
состоять из членов академии наук и др. достойны
лиц, они займутся общественным воспитанием и о
обучением. Основа воспитания—евангелическая мор
ближнему. Она расширяется в сторону сообщения по
знаний, в зависимости от того времени, какое смогу
в школах дети разных имущественных кла
черкнуто мной. *В*. 44).

Управление светскими делами будет передано «
телям мирных работ». Эта «администрация»
любивой и дешевой, так как сами управляющие б
лично заинтересованы.

Таким образом, нет сомнения, что при содействи
зей человечества» (в данном случае прямых аген
политическая власть перейдет в руки тех, кто уже
поряжается почти всей совокупностью общественны
повседневном труде направляет физические сил
кто творит его денежные ценности, наконец, тех, кто
умножает его умственную мощь (*В*. 45).

Какими средствами будут пользоваться друзья
в деле преобразования общества? Единственное сред
ведь устная и письменная. Этой пропагандой должн
чена королевская власть—исконная союзница пр
класса в борьбе с феодалами.

Энтузиазм—величайший порыв, необходимый в
жении к новому строю. Нужны не благоразумные
люди, годные лишь для мелких реформ, нужны лю
вленные страстью, как первые христиане.

В поисках энтузиастов Сен-Симон готов допуст
нию даже представителей крайних партий—якобинц
партистов, если они добровольно откажутся от с

«Апостол Павел начал с того, что был одним и
врагов христианства».

Можно констатировать, что в целом практически
ный идеал Сен-Симона—промышленная система—ра
общественный союз, в целях достижения наиболь
состояния под руководством ученых и руководи
ного труда, под которыми следует понимать не все
фабрикантов, банкиров, купцов—«капитанов промы
торговли». Уничтожение классов, повидимому, не пре
судя по тому, что существует различное образова
разных имущественных классов.

Верный своей положительной оценке организац
христианства в средние века и религиозных систем
(как идейно-чувственных систем), он свою практи
грамму переводит на язык христианской морали, ст
ствующую историческую схему (без этого Сен-Сим
не может) развития христианства, как положител
ственно-организационного явления, и все движени
шленную систему и самую систему вводит в рамки не

...ства 4-го периода, представители которого—надклассовые ...ртийные «друзья человечества».

Во 2 части «Du Système Industriel» (Oeuvres, XXII, p. 185 etc.) ...Симон высказывает несколько мыслей, проливающих свет на ...ое содержание вкладывает он в термин «ассоциация», часто употребляемый, дававший повод к определенным заключе...м по вопросу о «социализме» Сен-Симона.

Уяснение этого необходимо для понимания сущности сен-си...ского «промышленного строя».

«Всякая ассоциация (подчеркнуто мной. *И. Ф.*) людей, ...щая определенный характер, от самой простой до самой слож..., необходимо является военной или промышленной, ибо не ...ет быть настоящей ассоциации без общей цели деятельности, ...ствуют же только две цели деятельности, возможные как ...коллектива людей, так и для индивидуума, а именно: за...вание (la conquête) или труд (le travail).

Всякая нация, не организованная определенно для одной ...другой из этих целей, не образует настоящей политической ...циации, она является лишь аггрегатом индивидуумов, имею...ублюдочный характер («caractère batârd»).

С этой точки зрения современный строй (строй эпохи реста...ции) является для Сен-Симона ублюдочным, ибо конститу... его не военная и не индустриальная, именно потому, что ...ет быть одновременно и той и другой, не есть настоящая ...ституция.

«Разум указывает и факты подтверждают, что военная кон...туция—конституция первого этапа цивилизации. Она необ...димо соответствует состоянию незнания законов природы, из ...вытекал недостаток средств воздействия на природу в це... модификации его на пользу человеку. Но по мере того ...эти законы открываются, и воздействие на природу увеличи...ся, общество идет мало-по-малу из мрака военной конституции ...ройства), которая постепенно модифицируется к промышлен...у устройству—настоящему конечному назначению цивилизо...го рода человеческого» (ibidem, p. 186).

Таким образом термин «ассоциация» Сен-Симоном уясняется ...сь как синоним общества, социального коллектива, вся орга...ация которого обусловлена единой определенной целью. По...льку современная ему Франция (и др. страны в той или дру... мере) в своей организации смешивает в себе две различные, ...тивоположные по смыслу и содержанию цели—военную и про...шленную, постольку она еще не есть «ассоциация». «Промыш...ный строй» Сен-Симона, т.-е. общество, организованное на ...нципе производства прежде всего и раньше всего, организо...ное таким образом, чтобы этот принцип получил наилучшее ...жение и осуществление (для этого необходима соответствую... координация деятельности разных классов общества),—это ...сть строй промышленной ассоциации.

Таково одно понимание Сен-Симоном термина «ассоциация».

На тех же цитированных страницах «Du Système Industriel» встречаем новое употребление того же термина, давшее Мукле ...вание явственно услышать у Сен-Симона (socialistische Klän... социалистические тона.

Момент, когда промышленное устройство (con: strielle) зрело, может быть определен о известной · следующим двум основным признакам:

1) В подавляющем большинстве наций индивиду (engagés) в более или менее многочисленные промыш циации и связаны между собою—промышленными от по два, по три и т. д., что делает возможным образ общей системы, направляя ее к великой общей п цели, для достижения которой они сами (многочис циации. *И. Ф.*) между собой координируются соотв соотносительным функциям.

2) Наблюдение над законами природы в полнох Когда общество достигло такого пункта и оно нациями чисто военными, оно приближается к пр устройству (р. 185—186).

Что касается Франции, то эти признаки зрело мышленного устройства уже на-лицо.

Сен-Симон это утверждает: «...со времени общин и введения арабами в Европу наук, основанн дении, Франция делает непрерывные и все возрас вперед к промышленной системе, в то время как во в той же мере дезорганизуется. Наконец, Франция время (aujourd'hui) достигла пункта, когда она дол промышленное устройство, ибо выше названные у с л о в и я в н а с т о я щ е е в р е м я ц е л и к о м в (подчеркнуто мной. *И. Ф.*).

Конкретно: 1) из 30 миллионов французов 29½ промышленники, образующие между собой различны достаточно обширные и достаточно комбинированны гом; 2) изучение природы идет активно во всех обла номии, физике, химии и физиологии; 3) наций, Францию, не все еще в достаточной степени имею великих условия, тем не менее все уже очевидно той же тенденцией, они в том же периоде их (186—187).

Несомненно, что «промышленные ассоциации» Сен-Симону Франции (по двое, по трое и т. д.), пред ему элементами «общей системы, направленной к е нельзя понимать, как социалистические ассоциации, было.

Сен-симоновские «ассоциации» в данном случае чем иным, как теми формами хозяйственных об'ед выми характеризуется всякое более или менее разв общество—мелкие («по двое, по трое»), средние и стерские мануфактуры, фабрики и т. п. (так назы ное сотрудничество» товарного общества).

Устранение всего, что мешает свободной про деятельности этих «ассоциаций» (прежде всего ос лизма), координация деятельности этих многочис. циаций, соотносительно их функциям под компетент ством «сведущих лиц»—вот как, повидимому, рису мону строй «промышленной ассоциации».

«L'organisateur» дает еще одно весьма сущес для уяснения этого термина.

...В военном обществе народ—подданный; в промышленном он ...ретарем» (sociétaire), но в товариществе (coopération), в кото... все участники привносят способности и вклады (mise), па... настоящая ассоциация (подчеркнуто мной. *И. Ф.*), ... в ней нет другого неравенства, кроме неравенства способностей ... вкладов, каковые оба необходимы, т. е. неизбежны, и желать ...ранения которых было бы смешно и гибельно. Каждый получ... ...т ту меру значения и выгоды (bénéfices), которая соответствует ... способности и его вкладу [1]).

...Эпштейн в своей статье: «Der alte und der neue Saint-Simon» [2]) ...ворит по этому поводу (стр. 432): «Ясно, что это состояние, ...торое должна осуществить индустриальная система, есть не что ...ое, как капитализм в манчестерском его понимании». Это утвер...ждение, по меньшей мере, легкомысленное. Ибо манчестерство ...ставляет себе экономический строй «спонтанейным» (Шарль ...ид), при котором благосостояние общества является производ...ным от благосостояния отдельных индивидуумов, в свободной ...гре экономических сил на рынке достигающих этого благо...состояния.

У Сен-Симона, однако, постановка вопроса совершенно иная: ...и него благосостояние индивидуумов есть «производное от ...ательно координированной производственной деятельности обще...ства в целом. Другой вопрос, как по Сен-Симону эта координа...ция происходит; мы увидим в дальнейшем, что это—не социали...стическая координация, но сделать из Сен-Симона манчестерца ...нет никакого резона.

Действительно, если отбросить те моменты сен-симоновского ...учения, в которых определенно и ясно указывается на необходи...мость некоего планомерного, целевого руководства производством, ...могло бы показаться весьма соблазнительным представить сен-...симоновскую социальную концепцию доведенной до логического ...предела манчестерской теорией, в которой «спонтанейность» товар...ного общества подчинена такой закономерности, которая самое ...стихийность этого общества превращает, в конце концов, в некую ...ую гармонию—стройнейшую координацию совершенно сво...бодных и независимых экономических сил (есть основание думать, ...что не Сен-Симон, а Прудон проделал такого рода умственную ...эквилибристику, но это между прочим).

В учении Сен-Симона уже на-лицо достаточно элементов со...знательного руководства производством данного общества сведу...щими лицами. В связи с вопросом о так наз. «манчестерстве» ...Сен-Симона, нелишним будет привести его критику либеральной ...теории общества («Промышлен. система»).

Эта теория основным принципом общества считает свободу. ...Но это, говорит Сен-Симон, «пустая метафизическая идея». В ...ней нет конкретного содержания. Она не цель, а следствие осуще...ствления другой, более содержательной цели—всяческого разви...тия материальных и духовных богатств общества. В человече...ском общежитии свобода может состоять лишь «в возможно широ...ком и беспрепятственном развитии материальных и духовных ...способностей, полезных ассоциации» (*В.* 19).

---

[1]) Oeuvres, XX, 151.
[2]) Grünbergs Archiv, 2 Jahrgang.

«С прогрессом цивилизации,—отмечает Сен-Симон,—
зделение труда во всех областях человеческой деяте
іеньшается, значит, индивидуальная зависимость друг о
увеличивается связь каждого с массой. Так как хорош
низированная система требует тесной связи частей и зави
от целого, то принцип индивидуальной свободы, стес
йствие массы на личность, не может быть положен в
вой политич. системы, задачи которой—комбинировать
вие всех производительных сил общества на природу
эти рассуждения Сен-Симона можно счесть манчесте
сен-симоновское «координирование» и «комбинирован
йствие» не есть и социализм.

На вопрос, как достичь физического бл
учия, которое дает новая система, Сен-Симо
едвусмысленный ответ: «Необходимо поо
эзможно больше земледельческую, пром
ую и коммерческую деятельность, необход
ровительствовать им. Надо вдохновлять п
ой частных выгод всякие предприятия по у
тву каналов, дорог и мостов, как и работы
ению, распашке и орошению. Не надо приди
барышам, которые получаются от трудов,
ящих пол зу государству, следует не см
ступать эти барыши целиком частным
редпринимающим эти работы» (*В.* 56) [1].

Таким образом здесь уясняется, что
ивное и комбинированное воздействие
оду (см. «Теория общественных устройс
юдь не исключает самого широкого частно
ринимательского «грюндерства», оно даже
ляется большими барышами, которых «не с
мущаться». Это дает весьма интересный о
понимании сен-симоновского обществ
деала.

Последние работы Сен-Симона «Катехизис промышл
1823—24 г.), «Рассуждения литературные, политическ
офские и промышленные» (1825 г.) и «Новое хрис
1825 г.) с разных сторон уточняют идею «Промышле
темы» и «Нового христианства», развитую, как мы уже
олее или менее ясной форме в «Промышл. системе» (1

Характерным и новым для последних работ Сен-С
очки зрения уяснения сущности сен-симоновского про
івляется выдвижение на первый план, на-ряду с пробле
іения «ублюдочного» порядка, проблемы «многочислен
іейшего класса».

«Промышленный класс», в который Сен-Симон зачи
Катехизис») земледельцев, фабрикантов и купцов (при
фабрикантами разумеются и предприниматели и рабоч
диный класс трудящихся, производителей в противопо
сем паразитарным элементам общества—классу «oisif»,
ому еще в знаменитой «Притче».

---

[1]) «О старой и новой политической системе» (1822 г.).

Партия промышленного класса, партия индустриалистов, ...чает в себя и рабочих. Но рабочий класс уже особая про...ма.

Сен-Симон в начале своей публицистической деятельности ...но оттенял класс несобственников, опасный и волнующийся, ...тивопоставляя ему всех собственников («Письма женевского ...тателя»). Позже, в период первоначальной разработки своей ...мышленной системы («Письма к американцу», «Птитча» и ...), Сен-Симон переносит все внимание на борьбу между произ...дительными и паразитарными слоями общества; несобствен...ки, как труженики, оказываются союзниками собственников-...изводителей в борьбе с собственниками-паразитами. Еще в ...сьма американцу» Сен-Симон, стремясь завербовать в группу ...бодомыслящих» собственников, напуганных призраком нового ...бинского восстания, успокаивает их, указывая, что эти опасе...я неосновательны, ибо «пролетарии разоружены» (стр. 147). ...олетарии» еще не составляют для него специальной тактиче...й проблемы.

В «Катехизисе» это—уже проблема и весьма серьезная. «Про...шленная система», т.-е. господство промышленного класса (точ...», «наиболее способных предпринимателей») над всеми осталь...ми элементами общества, является к 1823—24 г. для Сен-Си...а фактом в том смысле, что все уже созрело для этой си...мы; промышленному классу не хватает лишь четкой «идеоло...» и соответствующей организованности.

Новый исторический анализ возвышения промышленного ...сса (анализ, показывающий большое продвижение к материа...стическому пониманию истории, но не достижение его) дает ...вернейшее доказательство неизбежности близкой победы про...шленного класса.

Партия индустриалистов, в которую все сторонники промы...шленного строя организуются, победит. Но одним из условий ...й победы является единение внутри промышленного класса, ...три партии этого класса.

Об'единение предпринимателей и рабочих—вот что суще...венно необходимо. Каков характер этого об'единения?

«Лица, стоящие во главе промышленных предприятий, суть ...родные покровители рабочего класса; покуда фабриканты бу...т об'единяться отдельно от рабочих, покуда они не будут гово...ть о политике языком, понятным последним, мнение этого ...ль многочисленного, но и весьма невежественного еще класса, ...будучи направляемо своими естественными вождями, останется ...постоянной опасности подпасть под влияние интриганов, кото...е пожелают вызвать революцию, даже захватить власть» ...340).

«Если рабочие разрушают мастерские в Англии, то это потому, ...» фабриканты для их успокоения прибегают к помощи воору...женной силы и недостаточно заботятся о том, чтобы обуздать ...насильственные страсти путем раз'яснения им их истинных ...тересов; именно потому, что фабриканты оставляют их в не...ведении относительно их политических и частных интересов, ра...дикалы могут вовлечь их в бунт, стоивший им столько жизней ...Манчестере» (ibidem).

Во Франции, думает Сен-Симон, соглашение с рабо
изойдет скорее, чем в Англии, где рабочих подчиняют
жду тем как это можно было бы достигнуть «позит
ралью», т.-е. заботой предпринимателей о благосостоя
общества, в том числе и «многочисленного невеж
класса».

Правильно понятые интересы «способнейших» совпа
не с интересами всего общества. Руководство обществом
быть поручено им.

«Забота об интересах всего общества, как в мате
так и в моральной области, должна быть вверена лі
собным принести наиболее общую и положительну
(В. 114).

Эти «способнейшие руководители» общества—наибо
ные, удачливые предприниматели, деловые люди.

«Конституция» промышленного строя составлена т
решающее влияние принадлежало не «писакам и фр
деловым людям, «использовывающих консультации п
ученых».

Сен-Симоновский промышленный строй—строй
иерархический. В 1825 году, последний год жизни,
«Об общественной организации» (В. 154) Сен-Симон гов
щество часто сравнивают с пирамидой. Мы допускаем,
должен быть размещен в виде «пирамиды».

Пирамида, рекомендуемая Сен-Симоном, отличается
пирамиды тем, что в ней нет позолоченных слоев, ран
ших наверху,—слоев паразитарных («придворная знат
новая, богатые тунеядцы и все правители, начиная
министра до последнего канцеляриста-служащего»). Э
ченные слои (из простого гипса) выбрасываются, наверх
«великолепный алмаз, венчающий пирамиду (королевск
а снизу вверх идут по своей ценности: рабочие, зан
ручным трудом—основание пирамиды; руководители
альных работ, ученые, совершенствующие процессы пр
и расширяющие его область, и люди искусства, накла
печать хорошего вкуса на все продукты производства
слои, воздвигнутые на рабочем основании.

Сен-Симон настроен в общем и целом весьма
чески, касаясь вопроса о перспективах промышленного

«Рассуждения» (1824 г.)—яркая картина ультра-опт
ской теории прогресса. Характерен самый эпиграф к
лотой век, который слепое предание относит до сих по
лому, находится впереди нас» (В. 131).

Сен-Симон твердо верит, что его «промышленная
руководимая способнейшими организаторами-предприн
сумеет соответствующей координацией и комбинацией
ственных сил обеспечить и «моральное и физическое
чие» всего общества.

Лишь одно обстоятельство тревожит его: поведе
тариев. Но оно целиком, по его мнению, зависит от
меньшинства, от первых слоев общественной пирамид

Нужно принимать меры к тому, чтобы сами пролет
заинтересованы в общественном спокойствии. Для это
прежде всего, «отнести к важнейшим государственным

затраты, которые необходимы для доставления работы всем ...ным людям в целях обеспечения их физического существо... (В. 160). Кроме того, надо обеспечить пролетариям по...чение позитивных знаний и разумных развлечений.

Тогда общество получит организацию, «вполне удовлетворяю...ю здравомыслящих людей всех общественных классов» (В. ...0). Наступит полнейшее спокойствие, не придется больше ...иться мятежа, не надо будет больших армий. Прекратятся войны, ибо незачем будет нападать на «тридцать миллионов ...естливых людей».

Таким образом в 1825 году, почти после четверть-векового ...рабатывания вопроса о преобразовании европейского общества ... целях выхода из кризиса, Сен-Симон приходит к созданию ...ссового общества, из состава которого из'яты непроизводитель...е классы (в эпоху Сен-Симона, главным образом, классы «фео...льно-теологические»). Руководящая роль в этом обществе при...длежит средним слоям (в новой системе—верхним)—промыш...нникам и ученым, которые на основе богатств, создаваемых ...д их просвещенным руководством пролетариями, в своих же ...ственных интересах, управляют общественной пирамидой та...м образом, чтобы общее благосостояние всех слоев, в том числе ...снования пирамиды, росло и развивалось и тем обеспечило ...рамиду от таких суровых неприятностей, как, например, Фран...цузская революция.

«Новое христианство», предсмертная проповедь пророка про...мышленного строя, представляет собою попытку внесением мо...мента религиозного экстаза увлечь имущие классы на путь ре...форм в пользу многочисленного и беднейшего класса населения.

Для Сен-Симона религия—ценнейшая общественно-связую...щая сила, соединение идеи и чувства. В «Промышленной ...системе» Сен-Симон определенно выдвигает новое христиан...ство, христианство четвертого периода, как некую наполненную ...позитивным научным содержанием религию, под сенью которой ...вые христиане, «друзья человечества», организуют промышлен...ную систему, а основной принцип христианской морали о любви ...друг к другу комментируется модернизированно как принцип под'...ема благосостояния всего общества.

В «Новом христианстве» Сен-Симон оттеняет момент помощи ...беднейшему классу, как основную задачу дня. Идеал нормальной ...общественной пирамиды» для него вполне ясен. Неизбежность ...близость осуществления этого идеала, подготовленные всем ...предшествующим ходом исторического развития, тоже не подле...жат сомнению. Но новое общество Сен-Симона классовое, он иначе ...не мыслит его, и это же классовое общество должно быть ...общеобществом, т.-е. производственным союзом для ор...ганизованной комбинации сил на борьбу с природой в целях ...достижения всеобщего физического и морального благополучия.

И личный опыт (несомненная холодность «руководителей про...мышленности» к выполнению моральных обязанностей по отно...шению к «многочисленному и беднейшему классу населения»—...н-Симон испытал это на себе, когда перестал в связи с его ...моралнзированием» получать субсидии на издание «L'industrie»), ...нарастающие факты бедствий рабочего класса (в 1825 г. чув...ствовалось приближение серьезного экономического кризиса)—

зе это заставляет Сен-Симона, отодвинув на задний п
эдные задачи промышленного «класса» в его борьбе с
ой реакцией, обратить все внимание на взаимоотношен
ɔдящей и руководимой групп, «единого» промышленн
ı». И если в предшествующих работах Сен-Симон
ациональные доказательства необходимости
ролетариях, то в «Новом христианстве» Сен-Симон бьет
взывает уже не только к разуму жаждущего и ищущег
твия промышленника, но и к его добрым христианским
Сен-Симон выступает в роли апостола истинного хрис
а знамени которого братская любовь людей друг к др
ает первое место.

С точки зрения реального осуществления этого лоз
уществующие религии, по мнению Сен-Симона, ерети
тступают от этого лозунга.

Только «Новое христианство», опирающееся на нове
тижения положительных наук, имея во главе способн
эликим делам людей, сумеет разрешить величайшую
ия—улучшение положения бедных.

В «священном союзе», на который еще в «Пром. сист
Симон возлагает надежды по устроению нового общес
имон разочаровался. Государи—не христиане, а прееı
аря; власть кесаря не может быть основой обществен
изации; власть Священного Союза не есть христианска
се ее деяния не в пользу, а во вред бедным.

«Государи, станьте добрыми христианами, прислуш
ласу бога, говорящему вам моими устами. Об'единенны
ристианства, сумейте выполнить все обязанности, кот
олагает на власть имущих. Помните, что оно пред
м употребить все силы на то, чтобы возможно быстре
ить социальное счастие бедняка» (В. 211).

Сен-Симон считает первым долгом озаботиться о то
новое учение не толкнуло бедный класс к актам наси
ив богатых и правительств» (В. 206).

С другой стороны, богатые и сильные должны по
новое учение совершенно не идет в разрез с их собс
нтересами, ибо улучшить моральное и физическое
ание бедного класса явно невозможно другими средства
эх, которые приводят к увеличению наслаждений
ласса» (В. 206), что их интересы по существу совпада
эресами народных масс, что они принадлежат к клас
иков, являясь в то же время его естественными
В. 206).

Принятие «нового христианства», т.-е. принятие з
олитики улучшения положения беднейшего класса, ес
цеству принятие промышленной системы Сен-Симона,
н думает открыть путь к широчайшему развитию п
ельных сил общества. «Новое христианство», это—та
ышленная система», углубляющая вопрос об участи
ундамента живой общественной пирамиды.

Никаких изменений в самое построение пирамиды
ится. Дело идет лишь о том, чтобы «лучшие» слои, опи
а фундамент, в своих же интересах не забывали о
часть их и всей пирамиды зависит все же от прочнос

...тавка основы здания (многочисленного, беднейшего и невеже...нного класса).

Круг идей Сен-Симона завершен. В предсмертных словах ...им ученикам он подтверждает это: «Плод созрел, вы его со...те... Мой последний труд, «Новое христианство», не будет ...ят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, по...у что католицизм одряхлел. Это—ошибка: религия не может ...езнуть из мира, она только... преображается... Вся моя жизнь ...дится к одной мысли: сделать возможным всем людям свобод...шее развитие их способностей..., через 48 часов после нашей ...рой публикации [1]), партия рабочих образуется... будущее при...лежит нам».

15 мая 1825 г. вдохновленного пророка новой религии «Про...шленного общества» не стало.

III.

Обращаясь к суммарной и подытоживающей характеристике ...симоновской «Промышленной системы» (наилучшего, по его ...нию, устройства) (социально-политическому идеалу Сен-Си...на), мы не можем не усмотреть в ней в об'ективном смыс... чего-либо иного, кроме идеализированного (урегулированного) ...питалистического общества. Радикально очистившись от остат...в феодализма, французское общество полностью развивает свои ...изводительные силы на основе использования всех достижений ...временной науки и техники под руководством и при руководя...м содействии частной и общественной инициативы просвещен...х промышленников. Таким образом решается, между прочим, проблема многочисленнейшего и беднейшего класса, благосо...яние которого есть производное от общего развития произво...тельных сил (проблема эта сделалась центральной для Сен...она лишь в последние годы жизни).

«Промышленный строй» Сен-Симона представляет собою иде...ное капиталистическое общество, в котором классовые проти...речия доведены, по мысли идеологов этого общества, до ми...мума путем филантропической христианской патриархальной ...ки «капитанов промышленности» над подчиненными им ра...никами «ручного труда»—опеки, обеспечивающей последним ...прерывный труд, материальный достаток и разумные развле...ия—залог спокойствия, прочности и незыблемости обществен...о порядка. Политическая форма этого общества есть комби...ция правительственно-полицейской системы, выполняющей ...кции ночного сторожа капиталистического общества (все осла...ющей по мере упрочения общественного порядка) и научно...ического административного порядка—непосредственного пра...ния крупнейших капиталистов при посредстве технической ...теллигенции высшей квалификации.

В хозяйственном отношении это, по мысли Сен-Симона,—...щество «организованного» типа, но не в смысле общественной ...ганизации производства и общественного присвоения: в нем ...раняются и частное производство и частное присвоение. «Орга...зованность» сен-симоновского промышленного общества сво...

---

[1]) Об издании «Producteur».

дится к управляющей (экономической и политической
водящей группы организаторов производства, что до
печить растущую роль комбинированных предприяти
мерно использующих технические достижения с
науки. Об'ективно это—гениально предвосхищенная
ванность» капиталистического общества монополистич
дии, эпохи империализма и государственного капитал

Идеологической скрепой этого общества являетс
зированное христианство, обеспечивающее высшим к
щества научное мировоззрение—основу госпо
низшим—веру в божественное происхождение суще
строя, скорпионы которого должны смягчаться хрис
добродетелями «руководителей мирных работ».

Таков, несомненно, об'ективный смысл социально-по
концепции Сен-Симона, в переводе ее на язык поте
воплощения в реальной действительности.

Для нас совершенно ясны социально-исторические
ния в той его части, которая выдвигает и решает
«промышленной системы» в ее резком противопоставлен
там старого порядка. Анализ эпохи Сен-Симона да
вполне определенный ответ. Совершенно не случайн
держка, которую Сен-Симон получал от группы видны
ленников и банкиров в тот период, когда основным м
литературных выступлений был лозунг «все для инду
через нее», когда он ярко и энергично обличал па
(«теологически-феодальные») элементы общества. Се
этот период был вполне «созвучен» французской либера
жуазии эпохи реставрации. Но совершенно не случае
тот поворот покровительствовавшей Сен-Симону групп
зии, который последовал, когда Сен-Симон перестал
ваться гимнами «индустриализму» и начал «морал
напоминать (впрочем, весьма робко и лойяльно) о
«моральных обязанностях» по отношению к «многочисл
и беднейшему классу населения». Отказ в субсидии,
отречение от Сен-Симона (письмо к обер-полицмейст
ответом на «завиральные идеи» Сен-Симона. Об'ектив
Сен-Симоновского учения, в развитом его виде, по
предвосхищал некоторые черты капитализма не на
на последней ступени его развития, современной скоре
Сен-Симону,—попытки «организовать» и урегулироват
капиталистического способа производства.

Необходимо выяснить, какая же общественная гру
ции эпохи реставрации, т.-е. Франции периода начала
капиталистического развития, могла выдвинуть учени
ром имелись бы идеи следующего порядка: обществ
вляется, как закономерно исторически развивающийся
интересы которого превалируют над частными интерес
видуумов, при чем лишь частные интересы «способне
впадают с интересами целого; научная религия, нау
тическая схема общественной организации; право на
пролетариев, выдвигание на первый план интересов пр
(сравнительно даже с интересами собственности), ком
ного воздействия на природу. Такой общественной гру
высококвалифицированная техническая и организаторс

...щия; именно из этой среды выходят ученики Сен-Симона, ...о здесь он находит чуткую и внимательную аудиторию. ...еры, банкиры—вот кто прислушивался к Сен-Симону, вот ...в свою очередь, направляя мысль Сен-Симона в определен... направлении.

...Это—не простые товаропроизводители, в бешеной рыночной ...е ощущающие свою индивидуальность, как носители исклю...льных суверенных прав; это—организаторы хозяйства; они ...ю чувствуют закономерность общественного процесса, они ...организуют отдельные моменты этого процесса, исходя из ...ва целого; они живо ощущают органическую связь раз...ых слоев общественной пирамиды, сознавая себя, соответ...но своему производственному значению, ценнейшим из этих .... Интересы производства доминируют над вопросами соб...ности при всем пиетете к последней.

В этой именно группе легко могут родиться иллюзии воз...ости разрешения проблемы «четвертого сословия» путем ин...много развития производительных сил, при сохранении ка...истического порядка.

Если вставить эту общественную группу в рамки сен-симо...кой эпохи, эпохи после Великой Революции, обнаружившей ...ю преходящий характер политической и других надстроек, ...кившей анатомию «гражданского общества»; если принять ...имание величайшую потребность, особенно сильную у «мы...их реалистов» этого времени, в организационной и идеоло...ской скрепе вышедшего из пазов общества,—станет понятным ...схождение материалистических моментов исторической кон...и Сен-Симона, с одной стороны, его научная религия—с ...ой.

Сен-Симон—отпрыск Карла Великого, социальная жертва ...уазной революции, мыслитель-интеллигент par excellence, ...явший новый мир в его прогрессивных перспективах,—в ...иной группе и ее настроениях мог найти основные элементы ...о мировоззрения.

Только отсюда шел для него свет, ибо только здесь он ...айти источники своего положительного социального по...ния на дымящихся развалинах революции.

IV.

Вышеприведенный анализ социальных взглядов Сен-Симона ...таточной ясностью, надо полагать, отвечает на вопрос о «со...изме» Сен-Симона.

Действительно, надо давать уже чересчур расширительное ...вание понятию «социализм», чтобы Сен-Симоновское учение ...ь социалистическим.

Между тем, в «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Эн... говорят «о собственно-коммунистической и социалистиче... системе Сен-Симона, Фурье и Оуэна», при чем всех они ...дят под рубрику «критически»-утопического социализма и ...унизма. Таким образом Сен-Симон попадает в великую со...истически-коммунистическую троицу и в анналы истории ...лизма неизменно входит.

По части коммунизма Сен-Симон стоит вне всяки
ний—достаточно вспомнить его отвращение к «химере
и пр.

В этом отношении он—антипод Оуэну, но он не
и критиком капиталистического общества (в чем, межд
особенная сила и значение Фурье), он—беспощадны
лишь феодального общества, стоящего на пути «пром
системе» (т.-е. идеализированному и урегулированном
листическому строю).

У Сен-Симона нет ни «фантастического описания
общества, ни серьезных критических элементов, затр
все основания существующего общества», что должно
ственно по «Комм. Ман.» системам, числящимся под
критическо-утопического социализма и коммунизма». М
гельс в «Комм. Манифесте» в оценке Сен-Симона н
воздействия традиции, через Лоренца Штейна отрази
Симона в памяти нескольких поколений, как социалиста
Впоследствии Маркс и Энгельс сопроводили эту оцен
ными оговорками. «Не следует вообще забывать, что л
следней работе «Новое христианство» Сен-Симона пр
пил от лица рабочего класса и об'явил его эмансипаци
целью своих стремлений. Все его более ранние произве
тически представляют лишь прославление современног
ного общества в противоположность феодальному и
вление промышленников и банкиров в противополож
шалам и юристам, фабриковавшим законы в напо
эпоху. Какая разница по сравнению с одновременны
ниями Оуэна!» (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, Госизд
145—146).

По поводу этой оценки Энгельс говорит: (ibidem
«При переработке рукописи Маркс несомненно сильн
бы это место. Оно навеяно ролью ex-сен-симонисто
2-й империи, где как раз в то время, когда Маркс
строки, долженствующие спасти мир кредитные фанта
реализовались по исторической иронии в виде спек
слыханного дотоле размаха. Впоследствии Маркс гов
с удивлением о гении и энциклопедической голове С
Если последний в своих ранних произведениях игнор
тивоположность между буржуазией и пролетариатом, е
давшимся тогда во Франции, если он причислял час
зии, занятой производством, к travailleurs, то это со
также воззрению Фурье, стремившегося примирить
труд, и об'ясняется экономическим и политическим
тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте видел
лишь потому, что он жил в другой обстановке, сред
ленной революции и уже сильно обострившихся клас
тиворечий». Энгельс, пытаясь смягчить оценку Сен-С
ланную Марксом, об'ясняет «слабости» Сен-Симона,
циалиста, он его не спасает.

Если уже пожелать спасти социалистическую че
мона, то классификация социалистических систем, дав
мунистическим Манифестом», предоставляет эту возм
с большими потерями для этой чести. Это будет конс
или «буржуазный социализм», точнее—«менее система

практическая форма этого социализма», которая «старается тить рабочих от всякого революционного движения, утвер; что не те или другие политические изменения, а лишь разование материальных условий жизни, экономических отний может принести пользу рабочему классу. Но под преобанием материальных условий жизни этот социализм пони вовсе не уничтожение буржуазных условий производства, жное только путем революции, а административные улучя, совершающиеся на почве этой же самой организации зводства, следовательно, ничего не изменяющие в отноше капитала к наемному труду и в лучшем случае только ьшающие для буржуазии издержки ее господства и упрощие государственное хозяйство» (см. «Комм. Маниф.», 3-е изд., Рязанова, стр. 97).

Но причисление и по этому «социалистическому» разряду жно с очень большой натяжкой, ибо ведь по существу вной мотив социального учения Сен-Симона состоит не ько в устранении социальных бедствий, вызываемых капитическим строем, сколько в упрочении этого строя, устра и всего того, что мешает его развитию. Социальные бедя, по Сен-Симону,—скорее продукт недоразвития капиталического общества, и он зовет «на выучку к капитализму», своим стриализмом об'ективно воспевая гимн развивающемуся капизму Франции.

Подведение в «Комм. Ман.» под рубрику социализма обычбуржуазно-реформаторских учений имеет свое историческое чение. Его дает Энгельс в предисловии 1890 г. к «Комм. .»; об'ясняя, почему манифест получил название коммуниеского, а не социалистического, он говорит:

«Во время его появления, мы не могли его назвать социалистим манифестом.

«В 1848 г. социалистами назывались два разряда людей: с й стороны, приверженцы различных утопических систем и, енно, оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции, при и то и другие выродились тогда в простые, постепенно вывшие секты.

«С другой стороны, к социалистам принадлежали тогда всякие альные прожектеры, которые различными панацеями и всеожными заплатами стремились устранить общественные бедя, не причиняя ни малейшего неудобства ни капиталу, ни были. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего жения и искавшие поддержки скорее у «образованных клас-

«Напротив, та часть рабочего класса, которая, убедившись едостаточности простых политических переворотов, требовала енного переустройства общества, называла себя тогда коммуистической.

«Это был еще мало обработанный, лишь инстинктивный, под грубоватый коммунизм; но он был достаточно силен для того, бы породить две системы утопического коммунизма: во Франи «икарийский» коммунизм Кабэ, в Германии коммунизм Вейтга. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммизм—движение рабочих. Для социализма, по крайней мере,

на континенте были отперты двери салонов, перед і они были крепко заперты» (К. М., 3-е изд., ред. Ряз.,

Ясно, что при таком понимании «социализма» Сен бенно Сен-Симон периода «Нового христианства», им вания быть отнесенным к социалистам. Великий же ческий триумвират он вошел не столько по свои сколько по заслугам Базара и Анфантена (в особе вого), скромно стушевавшимся за величественной «э ческой головой» учителя—учителя, которого они ц пророка новой религии.

Но так же ясно, что, при том понимании социали мы имеем установившимся в наше время, социалы Сен-Симона не удовлетворяет минимальному требован стической системы: в ней нет, прежде всего, общес ственности на орудия и средства производства.

При сохранении же частной собственности на ору ства производства всякие другие «социалистические cialistische Klänge), несомненно имеющиеся на-лицо у намеки на плановое общественное производство, всеоб вая повинность, единая общественная цель в виде комбинированное воздействие на природу не только ются социалистическими, но могут прекрасно ужив питалистическим обществом,—и, что любопытнее во на высшей ступени его развития.

Социальные настроения и чаяния высококвалифи технической организаторской интеллигенции на зар стического развития Франции об'ективно прекрасней зом выразили потребности будущего капиталистическо монополистического периода. Государственно-капита тресты, концерны империалистической эпохи, факти водящая власть «капитанов промышленности», во в во имя «общего блага» вводящая всеобщую трудовую разве это не есть осуществление сен-симоновской «пр системы»? Несомненно да, в ее хозяйственно-админи стороне. Правда, на этой же ступени развития мо здает новый класс «oisif», паразитарный класс рантье

Но здесь мы наблюдаем соответственно и инте цесс возрождения сен-симоновских идей—не только ложительной, но и в части отрицательной—резкой б разитарными элементами современного общества; пар даже с точки зрения слоев, близко стоящих к госп классам опять-таки высококвалифицированной технич низаторской интеллигенции. Эта общественная груп двигает, конечно, в модернизированном виде, основны Симона о способах сцепления воедино общества, вы своих пазов.

Современный военный и послевоенный хозяйств альный и идеологический кризис рождает аналогичн ния и потребности. «Многочисленный беднейший кл Сен-Симона стал величайшим, могущественным класс ного общества—пролетариатом, уже организовавшим подствующий класс на территории, равной $^1/_6$ ча шара, и недвусмысленно стремящимся сделать это всего земного шара.

На этой раскаленной почве все обостряющейся классовой борь... на фоне перманентного кризиса капиталистического обще... наиболее здоровые и дальновидные элементы капиталисти... ого руководящего круга—а они имеются главным образом в ...ней организаторской верхушке—ищут выхода, спасения то... ...ного капиталистического корабля и... находят его в ряде ..., в существенном повторяющих основные мысли Сен-Симона, ...й об «организованном» капитализме.

Мы имеем яркие иллюстрации в подтверждение факта воз...ждения основной социальной концепции Сен-Симона.

Перед нами небольшая книжка Вальтера Ратенау «Новое ...йство». «Новое хозяйство» Ратенау появилось в последний ... войны; в своих построениях он исходит еще из предположе..., что война кончится вничью, он не предвидит катастрофы ...мании, но ясно сознает одно: «сгорает старый хозяйственный ..., и близится время, когда загорится также старый фунда...т общественного порядка» (77). Это не значит, что Ратенау ...ал неизбежность социализма. Его новый общественный строй, ... сейчас увидим, есть реформированный и «организованный» ...ременный капитализм. Основной мотив Ратенау: интересы хо...ства—производство выше всего; «хозяйство ныне не является ...е частным делом, но общественным».

«Социальным последствием войны будет постепенный пере... через новый хозяйственный строй к новой форме социального ...сложения общества» (8).

Война нанесла огромные удары хозяйству; в частности во ...мя войны произошло перераспределение имущества за счет ...днего сословия. Появились «нувориши», беспринципные хищ...еские элементы,—они процветают; зато в упадке среднее со...вие, которое очень ценно, ибо оно «является источником зна...тельной части нашей научной, технической, публицистической ...итературной интеллигенции, среднего государственного и част...о чиновничества; его пролетаризация была бы для нас свя...а с духовным обнищанием до того времени, покамест не уда...ь бы развязать интеллектуальные силы пролетариата» (12).

Итак, мы видим у Ратенау, как и у Сен-Симона, констати...ание кризиса, искание выхода в под'еме, прежде и пуще ...го, хозяйства, высокую оценку трудовой интеллигенции па...аллельно с резкой критикой паразитарных элементов общества ...Сен-Симона эти последние поставлялись остатками феодаль...о общества, у Ратенау—махровой почвой военного времени).

Беспредельной экономической свободе, думает Ратенау, бу... положен конец—и в этом, по его мнению, положительная ...она неминуемой ожесточенной классовой войны.

Мы помним, что и Сен-Симон, начавший свой «индустриаль... период гимном прекрасному растению—промышленной сво...е, под конец, когда внутренние противоречия внутри про...шленного класса стали его тревожить все сильней и силь..., в свою «промышленную систему» стал все больше и чаще ...ить элементы общественного интереса, комбинации экономи...ких сил, некоей плановости производства. Манчестерцем, сто...ником беспредельной экономической свободы Сен-Симон не ...

На точку зрения необходимости ограничить эту
скую свободу становится и Ратенау.

Во избежание острейших социальных конфликтов
нять заработную плату и повысить жизненные услови
Симон в его «Письмах женевского обитателя» и поз
А это возможно лишь одним путем: надо увеличит
ство, повысить производительность труда. Ни суп
строй (т.-е., повидимому, капиталистическое обществ
низованное». *И. Ф.*), ни коммунистический этой зад
решают (27).

Каков же строй, к которому общество идет?

Ответ Ратенау гласит: он будет, как и ныне,
частном хозяйстве, но ограничен в своей свободе. Он
проникнут общественной волей, как проникнуто ею
лективное человеческое творчество, исключая до наст
мени только хозяйственное. Его будет проникать мора
ственность.

«Народное хозяйство может также вестись план
основе научной организации, под влиянием регулир
и принципов оно в состоянии произвести во много
того, что ныне дает хаотическая борьба всех проти
дучи освобождено от трений и острых конфликтов,
ляции на низменные инстинкты и без вознагражден
чество, оно сможет сосредоточиться на наиболее ва
обходимом, оно сможет доставить низшим слоям на
вековой вражды свободное сотрудничество» (27—28).

Итак, бургфриден на основе увеличения производ
труда, роста общественного богатства, как следствия
ной организации народного хозяйства (при сохранени
хозяйства)—рецепт Ратенау вполне сходен с сен-симов
достаточное развитие капитализма не дало еще Сен-
териала для более точной конкретизации своей «про
системы». Он дает лишь намеки. У Ратенау, «капита
ленности» эпохи высшего развития капитализма, ко
материал для более конкретной картины будущего
он проектирует Федерацию Синдикатов, управляющ
такте с государством. «Новое хозяйство» будет об'еди
щественной волей частным хозяйством, которое, для
ского об'единения его частей, для преодоления внут
ний и для увеличения своей производительности и
нуждаться в содействии государства (69).

Но это будет не кастовое, а народное государств

Как же Ратенау понимает это «народное госуд

Свои мысли о судьбах государства Ратенау ярк
в другой своей брошюре «Der Neue Staat» (Berlin 1
дарство должно со скорбным удивлением (mit ärgerlic
понять, что его повелевающее действие, внешняя по
больше и больше и, наконец, всецело становится слу
тической функции, хозяйства (12, 13); «после войн
тическая политика (politische Politik) даст еще не
атральные представления, затем отступит, а на ее м
международная хозяйственная и социальная полити

«Современное государство уже больше не являе
государством. Из волевой общности (Willensgemeinsch

политической, военной, религиозной и правовой общности, оно переразвилось (überentwickelt) в культурную, образовательную, военную и в хозяйственную общность (Wirtschaftsgemeinschaft).

Вспомним, что и Сен-Симон выдвигал ценную мысль об отмирании правительства, как исключительно повелевающего органа, растворяя его в экономике, что и он требовал полноправия пролетариев, примиряясь с неизбежным злом парламентаризма, презирая его болтовню.

Как же обстоит дело с социальной справедливостью в новом обществе? Сен-Симон призывал к этой справедливости, не совсем бессознательно усугубляя с этой целью религиозный момент. Он верил в возможность ее при сохранении частной собственности, господства промышленников (руководителей), сохранения экономического неравенства.

Ратенау по этому вопросу говорит: «Общественное хозяйство само по себе не устранит социальной несправедливости, но оно приспособится ко всякому будущему социальному строительству и смягчит некоторые существующие ныне жестокости. Оно будет препятствовать чрезмерному росту отдельных состояний, успех спекулянтов и паразитов, произволу частных монополий, длящейся всю жизнь и переходящей по наследству праздности, вредной для общества страсти к наживе, опасности уничтожения среднего сословия, невыносимому напряжению классовой борьбы, оно будет способствовать проникновению промышленности моральными началами. Все же оно ни в чем не будет похоже на государственное принудительное учреждение или на коммунистическую казарму, ибо оно сохранит полностью индивидуальное мышление и индивидуальную ответственность» (74).

Ратенау переложил на отчетливый язык XX века более или менее смутные чаяния Сен-Симона в начале XIX в. Интеллигенты-организаторы хозяйства, идеологи организат. интеллигенции в период острого общественного кризиса, один на заре капитализма, другой на закате его, перекликаются так, что при всем различии эпох созвучно получается разительное.

Ратенау ни слова не говорит о Сен-Симоне. Нельзя, следовательно, утверждать, что он читал его. Но тем разительнее сходство их социальной концепции, вытекающее: 1) из сходства тех общественных групп, идеологию которых отражает тот и другой, 2) из сходства (mutatis mutandis) основных проблем, поставленных перманентным социально-политическим и экономическим кризисом переходного периода.

Но на родине Сен-Симона, во Франции, мы встречаемся в настоящее время с целым течением, уже открыто считающим себя сен-симонистским.

Любопытные данные по этому поводу сообщает нам книга: «Le Neo-Saint-Simonisme et la vie sociale d'aujourd'hui. Par Marc Bourbonnais». Paris 1923.

В 1920 г. Габриэль Дарко издает журнал «Producteur» (так назывался первый периодический сен-симонистский орган (1825—26 г.)...

В № 1 редактор говорит о «grand trouble» современной эпохи. Эпохи появления первого «Producteur» (1825—26 г.) и второго (1920 г.) аналогичны. Война 1918 года, как и война 1815 года,

оставили очаги без хозяев и земли без жатвы, «соци устойчивость, движение масс, вообще недовольство».

Новый «Producteur», по мысли редакции, должен наилучшим образом «беспокойство тех, кто состав общества и в особенности техников» (l'inquiétude de constituent l'élite et plus particuliarement de téchnicie

Техника и интеллект (La Technique et L'Intelligenc ны каким-то болезненным чувством, аналогично тому и у первых сен-симонистов.

Усилия «Producteur» привели к отысканию лекарст всеобщей болезни, характерной для избранных (élite), ства нашего времени.

«Народ жаждет устойчивости (stabilité), улучшени ration). Что сейчас нужнее всего? Инициатива, дух и чивости. Гигантский катаклизм 1914—1918 г.г.—основа монизма. Основной бог современности—бог производст Production); он замещает собою божество распределени nité de repartition). Бурбонне характеризует некотор дителей нео-сен-симонистского движения.

«Габриэль Дарне»—один из лучших умов сов Квалифицированный ум и крупный предпринимат créateur d'affaires), как и его друг, Фердинанд следний представляет собою настоящий тип произво (producteur). Его активность распространяется в общ граммах на все области производства: взрывчатых вещ ции, удобрении, азота, электричества, рудодобываний, ской и др. индустрии.

Основная задача «Producteur»—литературное выра номической науки, которая позволит установить фа ственного недомогания и их причин, а это приведет цель нео-сен-симонистов—к излечению болезни.

Вокруг «Producteur» могут сгруппироваться лучш

И средство лечения уже не будет исходить от уч поведывающего «pro domo», не от деловых людей d'affaires), опирающихся на солидную компетенцию. ство будет одновременно результат эмпиризма и логики ности же результатом наблюдения.

«Так как все сводится к производству (п мною. *И. Ф.*), то важно использовать все творческие ставить их работать во-всю, вскрывая при этом ан и ошибки, препятствующие их свободному проявлени

Для нео-сен-симонистов кажется одинаково хим невозможной диктатура какой-либо из двух ныне сил: как диктатура пролетариата, так и диктатура «

Руководителем должен явиться производственни тип патроната и шефа предприятия). Почему же и Потому, что он находится в наилучших условиях д ния взаимоотношений людей в их насущнейших ну охватывает все дело производства, видит функциониру колеса. Он должен уметь сберегать, а чтобы получат щается к банкирам; он должен обращаться к науке, принять дело; для реализации его—к техникам и раб сбыта—к торговле.

Производственнику всѐ ясно во всех областях производства. Не того, он видит перед собой все великие реальности, он своим взором проникает и в политическую и в социальную область, он видит ежедневно, чем и как обусловливается экономическая и социальная политика, но он вне партий и идеологий. Наиболее удобная точка зрения для изучения действительности, —точка зрения производственника (именно такую принимает доктрина нео-сен-симонистов), «это была, между прочим, и точка зрения первой школы сен-симонистов».

Нео-сен-симонисты говорят: пусть не спрашивают нашего мнения по вопросам внутренней или внешней политики, мы можем ответить пока на это лишь словами: уголь, азот, удобрение, белый уголь, кредит, организационное бюро, техническая культура, общая культура... это политика не в современном смысле слова, а политика производственника.

Производство и еще раз производство—такова мысль Сен-Симона.

Этот нео-сен-симонистский гимн производству и производственнику живо напоминает нам сен-симонистский гимн индустриализму и индустриалам.

Не только послевоенный кризис во Франции создал почву для возрождения идей Сен-Симона. Аналогия заходит еще дальше. Эпоха Сен-Симона была для Франции эпохой промышленной революции. Вот основа его индустриализма. Основа для возрождения сен-симоновского индустриализма в наше время во Франции несомненно опять-таки та промышленная революция, которую вторично переживает Франция. По существу, ведь именно после войны 1914—1918 г.г., получив эльзас-лотарингскую железную руду и Саарский угольный бассейн, с великими надеждами на использование рурского угля, Франция из страны по преимуществу сельско-хозяйственной, страны с отсталой сравнительно промышленностью, становится на путь мощного индустриального развития.

Французская технически-организаторская интеллигенция высококвалифицированного типа и откликается на этот факт возрождением сен-симонизма; идеология Сен-Симона приходится с соответствующими изменениями вполне по плечу и по духу этой общественной группе современной Франции. Об'ективный смысл этих взглядов—опять-таки интересы капитализма, переходящего на высшую ступень развития, к стадии «монополистического капитализма», в глазах его идеологов «организованного капитализма».

Учение Сен-Симона как нельзя лучше подходит для этого периода капитализма, когда он пытается отдалить свою гибель попыткой «организоваться», путем этой организации создав базу для урегулирования обостряющихся социальных конфликтов.

В современном сен-симонизме, отражающем суб'ективные настроения производственной интеллигенции высшего ранга, нет и грана социализма, как не было социализма и у Сен-Симона.

Но ведь ученики Сен-Симона создали несомненно социалистическую систему, правда, построенную не демократически, а иерархически, но систему все же социалистическую, ибо орудия и средства производства являются в ней общественной собственностью?

Как необходимо строго отличить Сен-Симона
так необходимо отличать соответственно и их вли
дующую социальную мысль. В нео-сен-симонизм
ченном, нашел свой отклик Сен-Симон. Он вполн
группе производственной интеллигенции, которая
образом переплетена с высшей группой капиталис
ном[1] смысле. Ратенау—яркий образ такого тесног
капиталиста и высококвалифицированного интелли
тора производства. Социализм сен-симонистской ш
Тут следует отметить интересную мысль, выска
ным, по поводу социальной базы сен-симонистской
вербовала своих адептов, главным образом, в н
демократической технической интеллигенции, вход
в республиканские общества. Этот средний и ни
нической интеллигенции и был социальной базо
ской школы. Именно этот слой, более близко ст
летариату, и мог легче уловить, оттенить против
сен-симонистского «промышленного класса», развит
сов и, с другой стороны, легче притти к постро
стической системы.

Эта несомненно правильная оценка социально
монистской школы дает нам ключ к пониманию
в социалистическом движении новейшего времен
Интернационала и наших дней.

Внимательный анализ оппортунистических т
менного социализма (это стоило бы специального
несомненно показал бы нам рост влияния на соц
мысль средних и низших слоев интеллигенции,
к пролетарскому движению. Эта группа, которо
верти XIX в. вполне соответствовал социализм се
школы, нашла к концу XIX в. свое прибежище по
тунистических фракциях социалистических парти

Духовное родство каутскианских и гиль
«ультраимпериализма» и «социализации», чрезвыча
тельности по отношению к капитализму, крайней
жек революции», при полной вере в организато
ности современных капиталистических шефов и
даже необходимость стабилизации капитализма,
в пацифистскую миссию «Лиги Наций»—духовное
симонистским социализмом несомненно. Вырожде
мократии в глашатаев социального мира, по-про
непосредственных слуг капиталистического обществ
логично вырождению сен-симонистской школы. В э
рии «долженствующие спасти мир» кредитные фа
реализировались, по исторической иронии, в вид
неслыханных дотоле размеров» («Капитал», т. I,
прим. Энгельса).

Сен-симонисты, отбросив увлечения молодост
красными дельцами—финансистами, банкирами,
ками (Анфантен, Перейры с их «Credit mobilier» и

Разложение социал-демократии дало нам плод
нее—вроде «барматовщины» в Германии.

Внимательный анализ «Всеобщей организаци
(Тектологии) Богданова и его «социализма» вскры

... базой богдановщины является технически-организатор... интеллигенция, та база, которая выдвинула сен-симонист... социализм; что в «богдановщине» мы имеем дело с возро... элементов сен-симонистского социализма (учение об ор... саторах).

После всего вышесказанного ответ на вопрос о месте Сен-... в истории социализма не представляет затруднений. Сен-... не социалист, но в его учении есть ряд моментов, ко-... будучи развиты его школой, главным образом Базаром ... ом, и поставлены в плоскость классовой борьбы в ка-... ическом обществе, из которого феодальные остатки уже ... или менее удалены, составили элементы социалистической ... Поскольку история социализма не может пройти мимо ... нистской школы, постольку она не может пройти и мимо ... связанного с этой школой Сен-Симона. Это не подлежит ..., но так же верно и то, что на-ряду с Фурье и Оуэном ... бы поставить не Сен-Симона, а Базара. Но Сен-Симон ... в историю социализма и другим, более важным путем. ... плодотворил рядом блестящих идей так называемую «фило-... истории», подготовив почву для стержня современного ... социализма—материалистического понимания истории, ... улированного Марксом и Энгельсом.

Энгельс отмечает в «Анти-Дюринге» (изд. 1918 г., стр. 280), ... рассматривать французскую революцию, как классовую борь-... между буржуазией, дворянством и неимущими, было в 1802 г. ... гениальным открытием. В 1816 г. он (Сен-Симон) об'яв-... политику наукой о производстве и предсказывает полное ... ение политики в экономии. Если тут только в зародыше ... ружается понимание того, что экономическое положение ... базис политических учреждений, то все-таки уже ясно вы-... идея о превращении политического правления над ... ми в управление вещами и в руководство процессом произ-... ства... Мы находим у Сен-Симона гениальную широту взгляда, ... одаря которой у него в зародыше содержатся почти все, ... не строго экономические идеи позднейших социалистов».

Как не может пройти мимо Сен-Симона история социализма, ... не может обойти его и историк социальной мысли вообще. ... Симон богатыми пригоршнями разбрасывал глубочайшие ..., касающиеся человеческого общества и его истории. Если ... идеи уже непосредственно не могут питать пролетариата, ... щего на марксистской точке зрения, то изучение их полезно ... бходимо и для понимания марксизма, требующего понимания ... истории, полезно и необходимо также для понимания мно-... идеологических процессов, протекающих в других классах ... ства, что для революционного пролетариата и потребностей ... борьбы совсем не безразлично.

Пролетариат не может не отметить столетия со дня смерти ... Симона, последней предсмертной мыслью которого была мысль ... дьбах рабочего класса.

„Неосенсимонизм“ и реформ синдикализм.

Г. Зайдель.

I.

В истории человечества едва ли найдется и добно Сен-Симону возбуждало бы столько противо ний и споров. К столетию со дня смерти этого, по «гения и энциклопедический головы» мы не име ксистской литературе прочно установившегося и мнения о наследии Сен-Симона. А между тем, и несомненно оригинальнейшему мыслителю Фран не ослабевает, но по мере отдаления от эпохи, Сен-Симон, все возрастает. В лагере марксисто последнее время солидное исследование Фридрих ресные изыскания Экштейна и Кунова, небольш полную новых плодотворных мыслей работу Волг в журналах. Мы не можем здесь заниматься раз работ [1]), так как это отвлекло бы нас слишком посредственной нашей задачи. Отметим только, чт дительной нам кажется точка зрения В. Волгин вающего Сен-Симона, как мыслителя, в учении к с апологией индустриализму есть зародыши идей ских. Эта **диалектическая** характеристика мона кажется нам наиболее приемлемой, кстати, в щей на первый взгляд противоречивые суждения Симоне, рассматривавшего последнего то как утоп то как певца и пророка капиталистического общ зрения, выставленной и обоснованной т. Волгин нятно также и то обстоятельство, что школа сен- работавшая довольно стройную социалистическую т шая гораздо дальше своего учителя, черпала св залось бы, глубоко отличные от взглядов Сен-Си него и упорно приписывала своему учителю соб

Как известно, сен-симонисты выродились впо кеев и слуг капиталистического строя, и фина

---

[1]) См. ст. **Фридлянда**, Анри де-Сен-Симон—идеол («Под Знаменем Марксизма», 1923 г., № 10), где излагаются авторов, а также мнения Маркса, Энгельса, Плеханова. См. зию на работу В. **Волгина** в «Под Знам. Марксизма», 1 дается изложение точки зрения последнего автора.

[2]) В. **Волгин**, Сен-Симон и сен-симонизм,—есть два и «Комм. Академии».

ость братьев Перейра знаменует собою кульминационную точку той эволюции, которую совершила эта некогда социалистическая школа. И тем не менее было бы неверно совершенно отрицать влияние сен-симонистов на рабочее движение. Обыкновенно ссылаются на неуспех мастерских, которые сен-симонисты устраивали в 30-е годы, на ярко оппортунистическо-католическую проповедь Бюше, благотворительно-буржуазный характер его производительных товариществ и идеологию его детища, журнала «L'Atelier», давшего впоследствии пышные ростки в лице рабочего Корбона и других «зубатовского» типа «рабочих» лидеров. Это все верно, но, во-первых, отнюдь не свидетельствует об отсутствии влияния сен-симонистов на рабочих, по крайней мере на некоторые ремесленные круги французского пролетариата, а, во-вторых, исследователи обыкновенно проходили мимо других явлений в среде рабочего класса, несомненно связанных с идеологией сен-симонизма. В частности, небезынтересно будет здесь привести небольшое, но очень яркое место из находившегося во власти сен-симоновской идеологии рабочего журнала «La Ruche Populaire», начавшего выходить в 1839 году. Вот, что говорится в одной из статей этого журнала: «Около ста рабочих, признавая, что сейчас не существует ни одного журнала, где освещались бы хорошо их нужды, а, кроме того, почти все современные журналы имеют целью больше спекулировать существующими мнениями, чем освещать их своим читателям,—образовали что-то вроде Конгресса, чтобы сознательно разобрать все социальные теории, созданные до нынешнего дня, и сделать попытку подойти к образованию системы, способной реально улучшить условия рабочего класса, чтобы покончить со старой и неопределенной политикой и окончательно конструировать социалистическую партию Трудящихся» (le parti socialiste des Travailleurs)[1].

Такое категорическое заявление в рабочем журнале, находящемся под несомненным влиянием сен-симонистских идей, свидетельствует по крайней мере о том, что исследователями недооценено влияние школы сен-симонистов на некоторые круги рабочих во Франции в эпоху 30—40-х г.г. Сен-симонизм рядом положений своей теории упирается в пролетариат, по крайней мере в определенные слои пролетариата, близкие к ремесленным[2]), но своим учением об иерархии, религиозными фантазиями и выступлениями против коммунизма давал обоснование идеологии технической интеллигенции, которая (интеллигенция), перерождаясь по мере укрепления капитализма, входила в поры капиталистического общества в качестве необходимой организаторской силы и превращалась в апологетов и слуг капитализма.

Из двойственности учения Сен-Симона вытекает и двойственность идеологии сен-симонизма, хотя ученики в своих построениях пошли значительно дальше своего учителя. Эта двойственность сен-симоновского учения создает возможность интерпретировать его по разному. Вот почему буржуазная мысль, зашедшая в тупик перед лицом неразрешимых противоречий эпохи конца

---

[1]) «La Ruche Populaire»—journal des ouvriers rédigé et publié par eux—même. Sous la direction de Vincard, 2-e Numero, 1' Janvier 1840.

[2]) В журнале «La Ruche Populaire», напр., принимали участие и предприниматели—ремесленники, но больше там сотрудников-рабочих: типографов, сапожников, портных и пр., т.-е. ремесленники и ремесленный пролетариат.

апитализма, стремится «возрождением» и «обновлением
онизма подвести базу под свою реакционную идеологи
указии подает руку реформистский синдикализм, о с
оны «интерпретирующий» Сен-Симона по своему обра
обию. Противоречия в учении Сен-Симона служат н
тому новому альянсу между буржуазией и реформистам
дача будет состоять в том, чтобы показать, как на
азываемого «неосенсимонизма» происходит этот указан
ительный буржуазно-реформистский альянс.

II.

Один из виднейших теоретиков реформистского синд
аксим Леруа, выпустил книгу, посвященную Сен-Сим
азванием «Le socialisme des Producteurs, Henri de Saint-S
о существу это не столько исследование об учении Сен
снованное на изучении каких-либо новых или малоя
сточников, сколько попытка подогнать систему Се
од теорию и идеологию реформистского крыла фран
абочего движения.

«Сен-Симон,—пишет Леруа,—открывает все дорог
IX, а затем и нашего века. Без него нельзя себе
ничего. Позитивизм идет от него через его ученика Кон
ен-Симона, который много занимался физиологией, ве
Клоду Бернару; марксистский социализм идет от нег
ак и от Рикардо,—не потому ли Энгельс отдавал дан
ия его «гениальной прозорливости», что воспользовался
Сен-Симон) предвидел современный банковский режим,
ндустриализм. А это слово, которое заставляет дрожат
бщественный порядок: «производитель»—оно сорвалос
ера, всецело уже охваченного революционным гневом
околения»[2]).

Во всем этом отрывке центр тяжести лежит не
оловине, где указывается (с явным преувеличением по
ию к Марксу) влияние Сен-Симона на последующих мы
олько в одиозном слове «производитель», которое Макс
клоняет на все лады на протяжении своей работы о
оне. «Социализм производителей», эта гибкая
онадобилась Леруа для того, чтобы скрыть за ней св
ый реформизм, свою отнюдь не революционную концеп
стинно-соглашательское бессилие.

«Сен-Симон—непосредственный философ политическ
ии,—пишет далее Леруа.—Его мысль совершенно не
еская (курсив наш. *Г. З.*); поэтому он не оставил п
школы исследователей (?!), как, напр., Монтескье—
ую школу, или Руссо—школу монтаньяров. Его занимал
роизводство и в этом его оригинальность»[3]). Это подче
еполитичности системы Сен-Симона—второй изл
рием Леруа, который продолжает на словах твердит
индикалистские зады, отнюдь, однако, не отказываяс

[1]) Maxime Leroy, Le socialisme des producteurs Henri de S
aris 1924.
[2]) Ibid., стр. 3.
[3]) M. Leroy, op. cit, стр. 5.

...мости от политики в духе и стиле французских конгре-
...

Совершенно ясно, почему далее наш новый адепт Сен-Симона ...вольствием развивает давно уже ставшую реакционной, но ...ную известное прогрессивное значение в 20-е г.г. XIX сто... двухклассовую систему (феодалы и промышленники) ...-Симона. «Сен-Симон,—подчеркивает Леруа,—изобрел (курс. ...Леруа. *Г. З.*) новые социальные функции, новое экономиче... ...равновесие. До него в обществе видели только собственни... ...или подданных; уважали только прибыль и власть; думали ...о поддержке авторитета правительственного центра над ...ицами. После его изобретения стали требовать от каждого ...отчета о выполненном, стали отделять бездельников ...трудящихся» [1]). Справедливо превознося знаменитую «Пара-...лу», он пишет: «Эти триста строчек представляют собою все, ...есть наиболее совершенного в иронии Стендаля, в знании ...са, во вдохновении Фурье или Прудона, в резкости бабу-...ства»... Но это восхваление мешает Леруа критически отне-...сь к теории классов Сен-Симона.

«Сен-Симон освободил труд от его проклятия, сделав его ...ственным; он общественен, так как является обязанностью, ...пространяющейся на всех; самым фактом потребления чело-...к поставлен в необходимость трудиться полезно на благо ...щего прогресса. Он обесчестил праздность»... И в припадке ...торга перед «Параболой» Леруа всецело принимает деление ...-Симона на праздных и трудящихся... «Праздные—это священ-...к, военный, неэксплоатирующий собственник, рантье. Трудя-...ся—это индустриалы, негоцианты, ремесленники, землеробы, ...пы, ученые, артисты»...—повторяет вслед за Сен-Симоном ...уа, прибавляя, как бы мимоходом: «список, который должен ...ть изменен со временем с «прогрессом просвещения» [2]).

Этот список, несмотря на огромный к первой четверти XX ...а «прогресс просвещения», мало изменяется под любвеобиль-...ым пером Леруа. Он вынужден прибавить к этому списку рабо-...й класс, который, как известно, не выделялся в определенную ...уппу Сен-Симоном,—нельзя же теперь без рабочих: в эпоху ...ктатуры пролетариата мудрено их забыть—но оставляет и отно-...т к «трудящимся» весь букет господствующих групп и груп-...пок, сливая всех в «производителей». Немало страниц посвя-...ет Леруа доказательству правильности и необходимости та-...го именно деления. В главе, называющейся «Профессиональное ...ительство», Леруа пишет: «Он (Сен-Симон)—первый теоре-...к профессионального государства, и, без сомнения, он также ...рый приравнял нацию к обществу производителей, а гражда-...на—к участнику в промышленности. В государстве он видел ...стерскую»—сравнение, принятое Прудоном, у которого это за-...ствовала Всеобщая Конфедерация Труда под пером генераль-...го секретаря Жуо через 50 лет, не зная имени его изобрета-...ля... Он рассматривал государство, как дело, поэтому он го-...рил не «правительство», а «администрация» [3]).

---

1) Ibid., стр. 56.
2) Ibid., стр. 56—59.
3) Ibid., стр. 69.

апитализма, стремится «возрождением» и «обновлением» сен-сионизма подвести базу под свою реакционную идеологию. Буржуазии подает руку реформистский синдикализм, с своей стороны «интерпретирующий» Сен-Симона по своему образу и подобию. Противоречия в учении Сен-Симона служат на пользу тому новому альянсу между буржуазией и реформистами. Наша задача будет состоять в том, чтобы показать, как на базе так называемого «неосенсимонизма» происходит этот указанный тро-тельный буржуазно-реформистский альянс.

II.

Один из виднейших теоретиков реформистского синдикализма аксим Леруа, выпустил книгу, посвященную Сен-Симону, под званием «Le socialisme des Producteurs, Henri de Saint-Simon»[1]). о существу это не столько исследование об учении Сен-Симона, снованное на изучении каких-либо новых или малоизвестных сточников, сколько попытка подогнать систему Сен-Симона од теорию и идеологию реформистского крыла французского абочего движения.

«Сен-Симон,—пишет Леруа,—открывает все дороги мысли IX, а затем и нашего века. Без него нельзя себе мыслить ичего. Позитивизм идет от него через его ученика Конта; через ен-Симона, который много занимался физиологией, ведет путь Клоду Бернару; марксистский социализм идет от него так же, ак и от Рикардо,—не потому ли Энгельс отдавал дань уважения его «гениальной прозорливости», что воспользовался ею? Он Сен-Симон) предвидел современный банковский режим, а также ндустриализм. А это слово, которое заставляет дрожать старый бщественный порядок: «производитель»—оно сорвалось с его ера, всецело уже охваченного революционным гневом будущего околения»[2]).

Во всем этом отрывке центр тяжести лежит не в первой оловине, где указывается (с явным преувеличением по отношению к Марксу) влияние Сен-Симона на последующих мыслителей, колько в одиозном слове «производитель», которое Максим Леруа клоняет на все лады на протяжении своей работы о Сен-Симоне. «Социализм производителей», эта гибкая формула, онадобилась Леруа для того, чтобы скрыть за ней свой беззубый реформизм, свою отнюдь не революционную концепцию, свое стинно-соглашательское бессилие.

«Сен-Симон—непосредственный философ политической экономии,—пишет далее Леруа.—Его мысль совершенно не политическая (курсив наш. *Г. З.*); поэтому он не оставил после себя школы исследователей (?!), как, напр., Монтескье—либеральную школу, или Руссо—школу монтаньяров. Его занимало только роизводство и в этом его оригинальность»[3]). Это подчеркивание неполитичности системы Сен-Симона—второй излюбленный прием Леруа, который продолжает на словах твердить анархо-синдикалистские зады, отнюдь, однако, не отказываясь в дей-

---

1) Maxime Leroy, Le socialisme des producteurs Henri de Saint-Simon. aris 1924.

2) Ibid., стр. 3.

3) M. Leroy, op. cit, стр. 5.

…мости от политики в духе и стиле французских догматиков.

Совершенно ясно, почему далее наш новый адепт Сен-Симона с удовольствием развивает давно уже ставшую реакционной, но имевшую известное прогрессивное значение в 20-е г.г. XIX столетия двухклассовую систему (феодалы и промышленники) Сен-Симона. «Сен-Симон,—подчеркивает Леруа,—изобрел (курсив Леруа. *Г. З.*) новые социальные функции, новое экономическое равновесие. До него в обществе видели только собственников или подданных; уважали только прибыль и власть; думали только о поддержке авторитета правительственного центра над гражданами. После его изобретения стали требовать от каждого члена отчета о выполненном, стали отделять бездельников от трудящихся» [1]). Справедливо превознося знаменитую «Параболу», он пишет: «Эти триста строчек представляют собою все, что есть наиболее совершенного в иронии Стендаля, в знании ..., во вдохновении Фурье или Прудона, в реальности Бабувизма»... Но это восхваление мешает Леруа критически отнестись к теории классов Сен-Симона.

«Сен-Симон освободил труд от его проклятия, сделав его общественным; он общественен, так как является обязанностью, распространяющеюся на всех; самым фактом потребления человек поставлен в необходимость трудиться полезно на благо ... прогресса. Он обесчестил праздность»... И в приладке ... перед «Параболой» Леруа всецело принимает деление Сен-Симона на праздных и трудящихся... «Праздные—это священник, военный, неэксплоатирующий собственник, рантье. Трудящиеся—это индустриалы, негоцианты, ремесленники, земледельцы, ..., ученые, артисты»...—повторяет вслед за Сен-Симоном Леруа, прибавляя, как бы мимоходом: «список, который должен быть изменен со временем с «прогрессом просвещения» [2]).

Этот список, несмотря на огромный к первой четверти XX века «прогресс просвещения», мало изменяется под любвеобильным пером Леруа. Он вынужден прибавить к этому списку рабочий класс, который, как известно, не выделялся в определенную группу Сен-Симоном,—нельзя же теперь без рабочих: в эпоху диктатуры пролетариата мудрено их забыть—но оставляет в отношении к «трудящимся» весь букет господствующих групп и группировок, сливая всех в «производителей». Немало страниц посвящает Леруа доказательству правильности и необходимости такого именно деления. В главе, называющейся «Профессиональное правительство», Леруа пишет: «Он (Сен-Симон)—первый теоретик профессионального государства, и, без сомнения, он также первый приравнял нацию к обществу производителей, а гражданина—к участнику в промышленности. В государстве он видел «мастерскую»—сравнение, принятое Прудоном, у которого это заимствовала Всеобщая Конфедерация Труда под пером генерального секретаря Жуо через 50 лет, не зная имени его изобретателя... Он рассматривал государство, как дело, поэтому он говорил не «правительство», а «администрация» [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 58.
[2]) Ibid., стр. 56—59.
[3]) Ibid., стр. 69.

Оправдывая Сен-Симона за то, что он отдавал исполнительную власть банкирам, Леруа заявляет: «Сен-Симон высказывается за банкиров; но он отдает высшую власть в иерархии практикам наиболее высокой интеллектуальной дисциплины». «Заметьте,— цитирует Леруа, наш автор Сен-Симона, с явным сочувствием,— что банкир—только рука; мозг—у индустриалов и артистов; они—творцы». Мы дальше увидим, что это последнее изречение Сен-Симона является гвоздем всей философии «неосенсимонизма» и реформистского синдикализма: именно, высококвалифицированная, техническая интеллигенция, по существу, составляет один из главных устоев социальной базы реформистского синдикализма. Конечно, Леруа не может же просто отождествить свою философию с теорией Сен-Симона, для вида он вносит в нее и некоторые поправки, но эти поправки очень мало изменяют в теории учителя. «Само собой очевидно,—спешит заявить Леруа,—он (Сен-Симон) мыслил правительство производителей не в нашей современной синдикалистской форме, но в форме достаточно близкой к нашей, чтобы заслужить название пред-синдикалистского (pré-syndicaliste)[1]). При чем Сен-Симон выразил эту мысль достаточно ясно и точно. Он думал передать власть индустриалам путем организации парламента не похожего на наш политический парламент. Он предсказал «профессиональную цивилизацию, профессиональную администрацию»,—это предсказание осуществляется в наше время. «Точно так же, как феодальная армия конструировала гражданского главу по своему образу, современный завод создал своего администратора в пылающем огне тяжелой индустрии; Ратенау, Стиннес, Форд, Лушер продолжают сен-симонистскую мечту до дверей самых непосредственных и живущих реальностей Комитета Тяжелой Промышленности (Comité des Forges)»[2]).

Эта фраза замечательна: она свидетельствует о том, до чего дошли реформистские вожди, славословящие героев Рура и инфляции, палачей рабочего класса, как новый тип «не праздного» индустриала, долженствующего осуществить власть в «профессиональном государстве».

III.

Конечно, нашему трубадуру «профессиональной цивилизации» необходимо одобрить свою стряпню сладеньким блюдом из... религии. Не религии в старом смысле этого слова с богом, обрядами, попами и молитвой, а новым религиозным идеализмом в стиле и духе «Нового христианства» Сен-Симона. Отмечая, что последний именно в «Новом христианстве» больше всего говорил о всеобщем братстве, об интересах «бедного класса», Леруа заключает: «Сен-Симон предвидел, что индустриальное человечество нуждается в идеализме, чтобы осуществить это братство, и что оно создает согласие с системой знаний и промышленности в религиозном идеализме, который, однако, не будет подражать старым формам: без бога, попов и культа. Идеализм, который останется наукой, новой наукой (курсив Леруа. *Г. З.*), идеа-

[1]) M. Leroy, op. cit., стр. 73.
[2]) Ibid., стр. 87.

..., который привяжет человека к земле так же крепко, как ... вера его привязывала к небу» [1]).

Этот стопроцентный идеализм, носителем которого об'являет ... Леруа, нужен массам потому, что «современный человек ...дается в вере». Если марксизм, напр., как писал Антонио ...иола, «это—**научное** (курсив Леруа. *Г. З.*) и отраженное ...ение пути, который проходит наше гражданское общество», ... он (марксизм) перестает быть наукой по мере того, как он ... своим об'яснениям форму эмоциональной веры», по мере того, ... «эти об'яснения становятся символами в народной душе», ...вятся «бесспорной истиной, спасительными словами, боже...ными словами»... Только наблюдая действительность, мог ...но установить законы прибавочной стоимости, концентрации ...ной собственности, кризисов. Но эти законы, которые он ...юдал как ученый, Маркс формулировал в виде **симво...в веры** (en croyances, en symboles); **и они были восприняты рабочим классом именно в этой символиче...ской форме...**» [1]) (курсив наш. *Г. З.*).

Итак, некоторая часть человечества, люди науки, господа ...—они воспринимают действительность вслед за Марксом, ... нуждаясь ни в каких богах, ни в каких религиях, без вся... ... дозы «религиозного идеализма»; для масс же, для черни ..., необходима религия: «современный человек нуждается в ...», рабочему нужен этот наркоз. Одним словом, религиозное ...ется и доныне «важнейшим стимулом общественного дви...ния». Религия нынешняя отличается от католической только ..., что «католик сперва верит, а потом наблюдает; марксист ...чала наблюдает, а потом верит»... «Благодаря социализму, в ...тности марксизму, наука и промышленность сделались эле...ментами религии» [3]). Это разделение человечества на «благород...ных» и «чернь», это противопоставление научного мышления ари...стократов духа и религиозного восприятия трудящихся масс ...ычайно характерно для реформистского социализма и синди...кализма, смотрящего сверху вниз на рабочий класс, опекаю...щего его, думающего за него, боящегося его самостоятельности, ...орческой мысли, его независимых действий.

Возрождая «новое христианство» Сен-Симона, наш строитель ...вой реформистской иерархии, конечно, отвергает всякую обряд...ность и культ. Искусство должно заменить внешнюю сторону ...рой религии, художник—вот новый священник этого «нового ...стианства». «Сен-Симон считал, что художник, тоже **произ...водитель** (курсив Леруа. *Г. З.*), в таком же роде, как про...мышленник и ученый, должен, как и они, быть управляющим, ...министратором общественных дел... В наше время сверх про...изводительности (de productionisme outrancière), перед лицом со...циализма-коммунизма, почти исключительно занятого материаль...ным улучшением,—сен-симоновская мысль получила свое истин...ное значение в цивилизации: затерянные посреди жестоко инду...стриализированного послевоенного мира, художники почувствова...ли с особой остротой свою силу, свой инстинкт соправителей,

---

[1]) M. Leroy, op. cit., стр. 45.
[2]) Ibid., стр. [illegible]
[3]) [illegible], стр. [illegible], 101.

который им предрекал Сен-Симон в начале XIX века. И они об'единились с другими интеллектуалами в Конфедерацию Интеллектуальных Работников,—знак солидарности и средство освобождения, в ячейку близкого управления профессиональными способностями, возвещенное уже учителем Огюста Конта» [1]).

Мы увидим ниже, что представляет собой Конфедерация Интеллектуальных Работников, о которой с таким восторгом пишет Леруа. Это—организация, ничего общего с пролетариатом не имеющая, чисто буржуазного, мы бы сказали, аристократического типа. Леруа ухватывается за нее, чтобы тем сильнее подчеркнуть свой ныне реакционный идеал, который он позаимствовал у Сен-Симона. Ибо, если в начале XIX века мысль Сен-Симона о главенстве художников и ученых имела некоторое прогрессивное значение в противопоставлении феодализму, если союз между наукой и пролетариатом, провозглашенный еще Лассалем, сохраняет свое огромное значение и сейчас,—то идеал, выставляемый Леруа, идеал верховенства идеологов, полное забвение интересов пролетариата, является реакционным в подлинном смысле этого слова. Можно только посмеяться над восторженными дифирамбами Леруа: «При помощи художников и ученых будет сохранена старинная красота, бескорыстный культ истины в то время, как будет укрепляться новое индустриальное мироощущение, которое Сен-Симон завещал изобрести и заставить полюбить» [2])... «Индустриальное мироощущение» Лушеров и Стиннесов, их «бескорыстный культ истины», который будут сохранять художники и ученые, организованные Леруа,—какая умилительная картина для всех ренегатов пролетариата, возглавляемых международным реформизмом!

Для завершения картины Леруа интерпретирует мысль Сен-Симона о всеевропейском конгрессе. Теперь мы говорим—заявляет Леруа—Лига Наций, сверхгосударство. Сен-Симон мечтал о «профессиональном обществе наций», он исключал из этого парламента «бездельников и болтунов: он думал о профессиональной палате, потому что составлял ее только из негоциантов, ученых, магистратов и администраторов, избранных их корпорациями» [3]). Аббат Сен-Пьер тоже предлагал такое общество наций, но мыслил его в виде парламентарного дипломатического конгресса. Нынешняя Лига Наций похожа больше на сен-пьеровскую, но все же она есть при всем своем несовершенстве первый шаг наций по пути к осуществлению мысли Сен-Симона и ныне дело идет «только о ее усовершенствовании» (курсив наш. *Г. З.*). Так, в лоне «усовершенствованной» Лиги Наций, в которой заседают Стинессы, Лушеры, Форды, художники и ученые, находят господа Леруа осуществление своих идеалов. Этот «неосенсимонизм», действительно, ничем не отличается от идеалов самых заправских империалистов, творцов Версальского мира.

IV.

В своей книге о Сен-Симоне Максим Леруа только подвел итог ревизии синдикализма, который до войны при всех своих

---

[1]) M. Leroy, op. cit., стр. 122.
[2]) Ibid., стр. 122.
[3]) Ibid., стр. 129.

...остатках, обладал и рядом достоинств: его непримиримое на...роение по отношению к буржуазии, его боевой антимилитаризм, его проповедь всеобщей стачки, даже его антипарламентаризм—все это не мало привлекало известную часть рабочего класса, стихийно сопротивлявшегося парламентскому кретинизму ...иалистических партий, особенно во Франции.

Максим Леруа вместе с Жуо и Мергеймами во время, а в ...собенности после войны постарались вытравить из синдикализма все эти привлекательные черты. Модный ныне лозунг конструктивного социализма, апологетом которого являлся ...акдональд, а за ним совсем уже недавно Чернов [1]) (наши отечественные «конструктивисты» всегда опаздывают), еще в 1919 г. ...ыл провозглашен секретарем Всеобщей Конфедерации Труда ...ранции, Жуо. «Совершить революцию—это значит предпринять ...ширную конструктивную работу,—заявил он на заседании конфедерального национального комитета 21 июля 1919 г.—Наше ...ровоззрение не может ограничиться выжидательно-катастрофической гипотезой, которая предоставляет самой катастрофе определяющую роль по отношению к новому порядку и социальному ...авновесию... Всеобщая Конфедерация Труда озабочена тем, чтобы ...ступить не только с критикой, но еще—и более всего—с конструктивной теорией.., имеющей в виду не только национальный, ...о и общечеловеческий интерес»... Прежний лозунг «разрушать, ...тобы свободнее создавать», должен быть заменен новым лозунгом: «организовать, чтобы иметь возможность лучше разрушать» ...rganiser pour mieux pouvoir dertuire»)... [2]).

В качестве нового конструктивного плана Жуо была выдвинута идея создания «Экономического Совета Труда», состоящего ...з представителей кооперативов, профессиональных союзов, техников промышленности, торговли и земледелия и национальной ...едерации чиновников. С этим проектом Жуо обратился к Клемансо, который, однако, отверг его предложение. С приходом ...власти Эррио последний пошел навстречу этому проекту, имеющему целью новое одурачивание рабочих масс. Таким образом ...арое отрицание синдикализмом сотрудничества с государством, ...рицание политики вообще, было отвергнуто реформистским ...ндикализмом. Практические планы Жуо нашли свое теоретическое выражение в работах Максима Леруа.

Мы видели, как он восхваляет неполитичность Сен-Симона, как он толкует его идею государства «производителей». ...о не мешает ему, однако, подводить теоретическую базу под ...удший вид политики—соглашение с капиталистическим государством. В своей книге «Les techniques nouvelles du syndicalisme», вышедшей еще в 1921 году, Леруа проводит параллель ...жду синдикализмом 1900 и 1920 годов. Он пишет: «В 1900 году ...д всей деятельностью рабочих господствует одна великая идея: ...сеобщей стачки. В 1920 г.—проект индустрализованной национализации отраслей общественной безопасности. В 1900 г.—деструктивная идея; в 1920 г.—идея конструктивная» [3]). Несмотря ...а кажущуюся противоположность, между этими двумя идеями,

---

[1]) См. мою статью «Конструктивное убожество» в «Воинств. мат.», № 3.
[2]) См. Discours prononcé au Comité confédéral national (21 juillet 1919).
[3]) M. Leroy, Les techniques nouvelles du syndicalisme, Paris 1921, стр. 4

по мнению Леруа, существует внутреннее единство и связь: «это более антитеза формулы, чем идея. Двум этим датам соответствует наличность двух способов проявлений одной и той ж мысли, в основе своей постоянно остающейся революционной конструктивной» [1]).

Провозгласив единство двух доктрин, прямо противоположны друг другу, Леруа продолжает: «Борьба между умеренными экстремистами скрывает от нас это реальное единство. Временам рабочий класс кажется более революционным; в другие моменты более реформистским. Под реформизмом нужно рассмотреть скры тый революционаризм, а под резкими порывами экстремистов на ходить устойчивые элементы постоянного реформизма» [2]). Что реформизма, представителями которого являются Леруа и Жу не имеется и тени революционаризма,—видно из дальнейших рассуждений нашего «неосенсимониста».

Будучи учеником известного французского правоведа Дюги Леруа посвящает много места изменению юридической природ современного общества, взаимоотношений между государством обществом. «Произошла,—говорит он,—действительная деконцентрация (déconcentration) профессиональная и гражданская в на ших частных и публичных институтах. Государство не обладае больше всей властью; не вся свобода принадлежит гражд нину» [3]). Не изолированный гражданин является носителем св боды, а группа. Теперь уже власть перешла также и «к профе сиональным группам, которые не довольствуются только защито интересов заработной платы и рабочего времени», а «имеют см лость направлять духовные и материальные интересы, корпор тивную и гражданскую дисциплину, коллективные права прои водства (metier), которые они представляют, устанавливать с вместно свое место в обществе—сверх индивидуальных интер сов их членов. Группа является судьей, администратором, закон дателем» [4])...

Эта теория «деконцентрации», выдвинутая Леруа, нужна ем для того, чтобы обосновать свой отказ от революционных де ствий. «Эти группы,—пишет он далее,—федерации или конфед рации, поднимают свой голос по мере того, как их мощь увелич вается; и они претендуют на осуществление части власти в пр вительстве под видом советов часто повелительных, иногда в форме подлинного административного и законодательного с трудничества. Мы присутствуем,—торжествует Леруа,—тепе при образовании новой революционной (?! *Г. З.*) техники» [5]).

Раз власть государственная «деконцентрируется», раз «гру пы» отвоевывают у государства шаг за шагом влияние на общественных дел, то отсюда ясно, что можно и должно терп ливо ждать, пока вся власть перейдет окончательно в руки эт «групп»,—не надо никаких насильственных действий, никаких р волюций. Поэтому Леруа приветствует, конечно, мысль Жуо создании «Экономического Совета», как он выражается, «по се симоновскому образцу, при участии всех интеллектуальных

[1]) Ibid, стр. 5.
[2]) Ibid, стр. 5.
[3]) Ibid, стр. 12.
[4]) Ibid, стр. 13.
[5]) Ibid, стр. 13.

...ил нации» [1]). Он и не скрывает, что под властью ... надо понимать все «живые силы» нации, что синдика... должен наполнить новым содержанием формулу: «le syndica... suffit à tout»; она выражала раньше только «честолюбие ... категории производителей, она стремится сейчас охватить ... мысли и действия всех производителей». Синдика... должен теперь изменить свою программу действий: раньше ... организовывал только одну группу труда... Теперь ... открывает широко двери техникам и либеральным профес..., а также творцам звуков и форм, социологам и экономистам... ... расширяется до того, чтобы совпасть (coincider) со ... истинно живыми и творческими шагами технического про... и научным и художественным знанием» [2]). От прежней ... революционного синдикализма, таким образом, не остается ..., совершенно стираются последние пролетарские черты ... учения—торжествует старая формула Сен-Симона, фор... в наше время имеющая только реакционный, контр-рево... характер и смысл.

V.

Ревизия синдикализма, произведенная Леруа и его едино...никами из реформистской Конфедерации Труда, харак...ется еще одной чрезвычайно показательной чертой: новым ...нием «идеи труда».

«После 1884 года,—пишет Леруа,—обозначение профессио...ного интереса стало употребляться в духовном смысле (s'est ...alisée); идея труда перестала пониматься узко, как про...мускульное усилие (курсив наш. *Г. З.*); она возвыси... вплоть до технической интеллигентности, вплоть до вооб... художника и изобретателя». Этим определением Леруа ... подчеркивает, кого он считает пролетарием: речь идет ... просто о рабочем, а рабочем, поднявшемся выше мускуль...го труда, т. е. о р а б о ч е й а р и с т о к р а т и и. «Никогда народ,—...ляет Леруа,—не ограничивает своего мировоззрения одни... материальными интересами... Конфедерированный рабочий ...ится связать свою частную задачу с работой всей своей ...порации, всех корпораций вообще, со всей нацией» [3])...

Забвение классовых интересов пролетариата—характернейшая ...та современного реформизма. Это забвение одевается в раз...е пышные формулы, вплоть до интересов международных, ...рических, вечных, всего человечества в целом и пр., и пр. ...ея дело только с рабочей аристократией, защищая, по суще..., интересы этой небольшой группы в среде рабочего класса, ...пы, тесно связанной с интересами капиталистического строя ...ем, реформизм в формуле Сен-Симона о роли «интеллектуаль...го труда» находит оправдание своим идеям. Сочувственно ци...руется Жуо, который на Орлеанской конференции в 1920 году ...зал: «Чего мы хотим? Мы хотим, чтобы антагонизм, поста...вший друг против друга работников мысли и мускульных

---

[1] M. Leroy, Les techn. nouv., стр. 8.
[2] Ibid, стр. 18, 19.
[3] Ibid, стр. 169, 170.

работников, исчез; мы хотим об'единить мозговое и физич
устремление духом общего интереса». К этому заявлению
Леруа прибавляет, что Всеобщая Конфедерация Труда од
большое усилие, «чтобы сделать интеллигенцию частью
тельства; можно предвидеть, что эта часть будет все б
возрастать по мере того, как В. К. Т. в целом станет все
конструктивной» [1]).

Одним словом, авансы в сторону «интеллектуалов» со ст
реформистов достаточно заманчивы—реформисты как бы го
«интеллектуалам»: вступите в союз с рабочей аристократ
мы сумеем побороть при поддержке остальных «корпора
стране—т.-е. буржуазии—гидру революции, призрак дикт
пролетариата, которую, кстати, Леруа называет идеей «прош
а не будущего», похожей на «многоголовый бонапартизм

Надо констатировать, что реформисты сделали довольн
шительные успехи в деле привлечения на свою сторону «и
лектуалов». Выше мы указывали на надежды, которые
связывает с фактом образования так наз. Конфедерации И
лектуального Труда (Confédération de Travailleurs Intellectuel
кращенно С. Т. I., отсюда название «сетеисты»). Эта Конф
ция организовалась 21 марта 1920 года и об'единяет писа
инженеров, артистов, художников и пр. По словам Сажер
насчитывает около 150.000 человек. Непосредственной целы
теисты» ставят себе улучшение своего материального полож
установление минимума заработной платы, типовых дого
разбор конфликтов между издателями, напр., и писателями
Им удалось даже сорганизовать группу защитников «сетеис
парламенте, в которую входили на-ряду с Эррио депута
группы «Action Française». Вот как описывает Жюль С
причины образования этой Конфедерации. По мнению этого а
книжки «Le syndicalisme intellectuel», интеллектуалы обра
современном обществе особый класс. Этот класс родствен
чим, так как и интеллектуал и рабочий произошли от рем
ника. «Теоретически,—пишет Сажере,—есть много точек с
косновения между артистом, как, напр., художник или ск
тор, и ремесленником. Оба должны прежде всего развить
руки». Скульптор должен упражняться в тяжелой работ
должен знать, как обращаться со своим резцом, как натач
его, лепить глину и пр. [2]).

Разница между художником и ремесленником заключа
том, что художник дает концепцию (conception), а выполни
является ремесленник или рабочий. «Когда предпринимаю
изводство во многих экземплярах вещей, фабрикация ко
также была почти монополией ремесленников,—мебель, г
и пр.,—необходимо прежде всего установить модель, ко
потом дублируют, если только не выбрали модель из уже
ствующих: вот это установление модели и есть дело ар
интеллектуального работника. Принцип разделения труда
таким образом, следующий: человек устанавливает план
ведения, не участвуя даже в его выполнении, выполнител

---

[1]) Ibid, стр. 124.
[2]) Jules Sageret, Le syndicalisme intellectuel, son rôle politique
Paris 1922, 5-e edit., p. 9.

...дия, не участвуя нисколько в придумывании (conception) этого ...а. Создавать, изобретать—вот современная экономика, вот ...ктер интеллектуального труда в противоположность физи... ...кому труду, который только повторяет чужую модель» [1]).

Вспомним, как Леруа славословит не просто мускуль... ...й труд, а труд, «поднявшийся вплоть до художника и изо... ...ателя», и нам станет ясно, что мы имеем дело у «сетеистов» ...й же социальной категорией, что и у реформистских синди... ...стов. Сажере относит характер изобретательности также и ...юдям, занимающим посты управляющих или высших функ... ...неров. Таковы инженеры, главные сотрудники в торговле ...и банках, бюрократы министерств—«одним словом, люди, при... ...мающие участие в публичном или частном управлении». И ...«важнейшую фракцию» интеллектуальных работников,—жа... ...тся Сажере,—конфедерация труда не принимает в члены. ...ду тем, она является главнейшим из элементов в обществе, ...рый «нельзя заменить механическим изобретением, так как ...«творческого духа», присущего интеллектуалам, общество не ...ет существовать» [2]).

Эта масса интеллектуалов имеет свои экономические инте... ...ы, а между тем, после войны они оказались в весьма пла... ...вом положении. «Как докладывал Вендель в 1920 г. во Фран... ...типограф получал больше, чем романист, ротативист больше, ...журналист, землекоп больше чем инженер, конторский маль... ...больше заведующего конторой». А главное, «эти люди были ...нейшими создателями победы. Во время войны они были ...костной системой армии». Они строили окопы, планировали ...сражения, доставляли снаряжение и продовольствие. От них ...ел дух и самочувствие армии [3]).

Кончилась война, и о них позабыли. Между тем как про... ...риат своими стачками заставил повысить заработную плату ...чим, заработки интеллектуалов были обесценены». «О работ... ...х мысли просто забыли». Вот тогда-то,—замечает Сажере,— ...дилось среди интеллектуалов—«классовое» сознание. Была ...дена Конфедерация Интеллектуального Труда. Таковы при... ...ы появления на свет этой новой «классовой» организации, ...о об'единения из высших спецов французского капитализма, ...рую приветствует от всей души Леруа. По уставу Конфедера... ...Труда эти лица не могут быть приняты в члены синдика... ...—но этот устав писался до войны, когда «идея труда пони... ...сь узко», ныне, когда новоявленный «неосенсимонистский» ...й вождей реформистского синдикализма окончательно выбра... ...ет классовое содержание из профессионального движения, ...дение «сетеистов»—организации спецовской аристократии— ...возглашается, как новый шаг по пути победы «конструктив... ...» идеи.

VI.

Пропагандой «неосенсимонизма» в собственном смысле этого ...а занимается, кроме реформистских синдикалистов и «сетеи...», группа лиц, возобновивших в 1920 г. «Producteur». «Между

[1]) Jules Sageret, op. cit., стр. 11.
[2]) Ibid., стр. 12, 19.
[3]) Ibid., стр. 21.

обоими «Producteurs»,—пишет Марк Бурбонне,—между об доктринами существует тесная связь, почти единство. В Ев в 1920 г., также как и в Европе 1820 г., развалины были, безграничны... Война окровавила поля в 1915 г., как и в 18 Мрачный и печальный мир, полный разочарований, оставил о без хозяев, а землю—без жатвы. Здоровое процветание ст было разрушено, промышленность обезглавлена, торговля (новилась. Не хватало рабочих рук, также и орудий прои ства, разрушенных в 1920 г., как и в 1820 г.»[1]).

В то же самое время «великая смута» охватила страну: жение масс, охваченных разочарованием, угрожало спокойс капиталистической Франции. Вот в это-то время и родился « ducteur», поставивший себе целью, как выражается Бурбо «предпринимать, чтобы вдунуть жизнь в обескровле тело нации... Как и в 1820 г., в 1920 г. необходим был инициативы, дух предприимчивости»[2]). Как же мыслят себе датели «Producteur'a» осуществить этот «дух предприимчивос

Использованием индивидуальных и коллективных сил, вильным их определением и расстановкой, установлением т дела, требующего выполнения во всей его сложности... А з облегчение этого использования и новое строительство пос ством улучшения общественных орудий производства (l'outi sociale), понимая под этими орудиями производства, кроме о ных, учреждения, энергию, знание, страхование, кредит и п

Задача почтенная, охватывающая совокупность всех (слей общественной жизни. На кого же думают опереться в с реформаторской деятельности «неосенсимонисты»? Да все на же «производителя», который уже знаком нам по Сен мону и склонялся на все лады Леруа. Так как и диктатура хо и диктатура пролетариата—«обе одинаково химеричны, од ково невозможны», необходимо стать на другую точку зрения. изводитель является типом более высоким, чем хозяин или п приниматель, он «наилучше всех расположен в мире, чтобы нять отношение людей в их глубокой и живой необходимос Он господствует над всей областью производства, он наблю функционирование всего его механизма. Он нуждается в с жениях и для получения их обращается к банкирам; он дол обратиться с призывом к людям науки (à l'intelligence) для становки дела. Для его реализации он принужден обрати к техникам, к ручному труду; для обращения—к торговле. В честве потребителя, одновременно сберегателя (épargnant), он мыкает круг экономики. Одним словом, положение «произв теля» дает ему, по мнению «неосенсимонистов» из «Producteu наиболее удобную возможность «изучать реальность», и ст его «вне партий и идеологий». Вот почему его называют ин реакционером, а в других случаях—революционером; нако такой была точка зрения первой школы сен-симонистов»[4]).

После этого вступления группа издателей «Producteur'a» являет, что она рассматривает всякое промышленное дело «б ше, как коллективное, чем индивидуальное». С точки зр

[1]) Marc Bourbonnais, Le néo-sain-simonisme et la vie s d'aujourd'hui, Paris 1925, стр. 5—6.

[2]) Ibid., стр. 7.

[3]) Ibid, стр. 10.

[4]) Ibid., стр. 11.

...их «коллективистов» надо различать два момента во всяком ...нии промышленного предприятия. Во-первых, момент пла...вания, изобретательности (celle de la conception), «всецело инди...дуальный и оригинальный»... во-вторых, момент «функциони...вания» предприятия; и в этом случае «управляющая мысль, ...на предприятия является еще элементом индивидуальным», ...этим не убавляется ни работа инженеров, ни труд рабочего, ...рые каждый в своей сфере тоже действуют индивидуально, ...над ними господствует чья-то мысль, ими управляет чья-то ...» [1]). Таким образом, следуя сен-симонистской идее,—заяв...т Бурбоннэ,—дело «производителя» является синтезом между ...ной интеллектуальностью и полезной техникой».

От «коллективизма» «неосенсимонистов», таким образом, ни...го не остается: вся роль отводится интеллектуалу, «душе пред...риятия», при чем не технической интеллигенции, вообще, но ...шей технической интеллигенции,—управляющему ...приятием, истинному и настоящему «производителю». Как ...видим, мысли «неосенсимонистов» из «Producteur'a» сродни ...логии Леруа, особенно «сетеистов», с той только разницей, ...«Producteur» более четко и определенно указывает на соци...ную верхушку капиталистического строя, как базу «неосен...монизма».

«Из каких категорий,—спрашивает далее Бурбоннэ,—форми...тся новый человек? Из рабочей, интеллигентской, хозяйской. ...те и другие могут быть среди новых людей. Новый человек ...ет одно имя: «производитель». На обычном языке производи...лем является всякий, кто творит. Но неосенсимонистская кон...ция отдает предпочтение промышленному производи...лю (курсив наш. *Г. З.*), так как он господствует в совре...ную эпоху, которая становится все более и более экономиче...й, так как его действия являются двигателем деятельности ...х других людей» [2]).

Этого «промышленного производителя» Бурбоннэ прямо на...вает «избранным» (élite). «В современном мире, столь причуд...вом и сложном,—прибавляет наш автор,—только широко охва...тывающий взор избранника может обнять всю общественную со...купность». Этот «избранный», этот современный «производи...ль» может обеспечить свое будущее и достичь поставленных ...целей только в том случае, если он «реорганизует кредит, ...даст систему интегрального страхования, увеличит знания и, ...конец, последует примеру, который ему показывает современ...й мир: сорганизуется сам [3]). Посмотрим теперь, как мысля...е конкретно проведение этих универсальных реформ «неосен...монисты» из «Producteur'a».

VII.

«Неосенсимонисты» из «Producteur'a» изобрели новый вид син...кализма, который они называют «синдикализмом сберегателей» ...dicalisme des épargnants). В чем смысл этого нового «син...кализма»? Для того, чтобы понять этот смысл, надо ознако...ться с «политической экономией» «неосенсимонистов», наро...то придуманной их лидерами: Даркэ, Гро, Бурбоннэ и дру...ми.

[1]) Ibid., стр. 19.
[2]) Ibid., стр. 26.
[3]) Ibid., стр. 26.

Под термином «блага»,—пишет Бурбоннэ,—обыкновенно понимают два различных понятия: богатство (richesse) и благосостояние (fortune). Нынешняя, наличная стоимость какого-либо предприятия образует богатство, тогда как, напротив, его благосостояние зависит от изменений, которые могут произойти и в будущем... Предприятие может давать убыток, и может преуспевать. Этим двум понятиям, богатство и благосостояние, соответствуют два вида сбережения. Один вид сбережения—положительный, который служит для образования кредита и как бы предназначен для превращения богатства в благосостояние, а другой—отрицательный: накопление, которое превращает благосостояние в богатство [1].

Имея в виду это положительное сбережение, которое он называет «творческим сбережением» или сбережением-благосостоянием, Гро выдвигает новую форму **овладения кредитом**, которым ныне распоряжаются банкиры и плутократия. Против этой плутократии мы находим у Бурбоннэ достаточно резких слов: он называет их спекулянтами, людьми, думающими лишь о личной выгоде, держащими вследствие своей экономической мощи все общественное мнение, прессу, всю интеллигенцию, весь цвет нации в своих руках. Все прежние лекарства против бесчестной плутократии ни к чему не приводили до сих пор и ни к чему не приведут. Единственная возможность вырвать экономическую власть из их рук—это создать «синдикализм сберегателей».

Сберегателями могут быть и на самом деле являются все граждане. Правда, рабочий может сберегать только «на черный день», на случай болезни, смерти, при помощи страхования или накопления. Это как будто и не «творческое сбережение», но надо принять во внимание, что рабочий на эти сбережения воспитывает будущих работников, которые, участвуя в производстве, станут сами как бы «сбережением-благосостоянием». Что касается либеральных профессий, то у них есть «творческое сбережение» в виде «изобретательности» и «инициативы» [2]).

Посредством какого процесса,—спрашивает Бурбоннэ,—переходят деньги сберегателей в руки финансиста? При помощи механизма вкладов. Ни один сберегатель обыкновенно не знает, что делается с его деньгами. Ими распоряжается плутократия. Сберегатели, об'единившись в синдикат, будут чрезвычайно многочисленными, сумеют взять в свои руки управление финансами, распределение их по своему желанию, сведя на-нет, таким образом, банкиров. Ведь, «каждый потребитель есть сберегатель. Каждый человек, который, получая деньги, сохраняет часть, производит сбережение... Кроме того, с той точки зрения, что всякий гражданин, всякий потребитель является сберегателем, стирается грань «между хозяином, техником, чиновником, коммерсантом» [3]).

При помощи этой наивной махинации, «неосенсимонисты» из «Producteur'a» думают разделаться с плутократией и превратить финансистов в «наемного слугу» «синдикализированного сберегателя». Жалкие «ученики» Сен-Симона! Как велик был учитель по сравнению с этими эпигонами: придавая огромное зна-

---

[1]) M. **Bourbonnais**, op. cit., стр. 55—56.
[2]) Ibid., стр. 58.
[3]) Ibid., стр. 66.

...ние банкам, которые держат в своих руках главные нити экономической жизни, Сен-Симон исходил из гениального предвидения будущей роли банков в развитии промышленности. Последователи Сен-Симона преувеличили и довели до абсурда мысль своего учителя, но даже братья Перейра—истинные великаны по сравнению с нынешними «неосенсимонистами», мечтающими при помощи своих жалких «синдикатов сберегателей» изменить систему кредита в капиталистическом строе.

Характерно, что наши «неосенсимонисты» очень много говорят об «Интеллектуальном Кредите», который должен возглавляться соответствующими представителями из Конфедерации Интеллектуального Труда («сетеистов») и служить для поддержки будущих «промышленных производителей», для выращивания в особых условиях «изобретательских» талантов, которые помогут современности выйти на широкую дорогу подлинного социального строительства. Ибо, раз плутократия отойдет на задний план, система кредита будет находиться в руках самих потребителей-граждан, вести управление этим кредитом и всем «благосостоянием» страны будут «интеллектуалы» — «мозг нации», которые вместе с тем представляют собою и главных управителей предприятий, дающих им «концепцию», «инициативу», «творческие ...»,—то собственно вопросы строительства и обеспечения благ всех общественных групп будут осуществлены полностью.

Кстати, несколько слов об одном важном «политико-экономическом» открытии, которым «неосенсимонисты» собираются удивить мир. Оказывается, что ни один из прежних экономистов не мог дать правильного об'яснения термину капитал. «Капитал отличается от богатства... которое есть не что иное, как реальная стоимость в данный момент, при чем не принято в расчет будущее... Идея капитала вызывает идею предприятия; она заключает в себе понятие времени, богатства, «в могуществе», т.-е. благосостояния»... Капитал, таким образом,—не что иное, как богатство в действии (richesse effective) [1]). А так как пустить в действие какое-либо предприятие может только интеллектуал или глава предприятия, то отсюда ясно, какие выводы можно сделать из нового определения капитала. «Адам Смит, Прудон и Маркс не признавали ценности труда главы предприятия, организатора производства» (курсив мой. *Г. З.*). Хозяин предприятия—такая же, если не более важная, часть всей совокупности общественного строя, как и рабочие, инженеры и проч. Все они—«производители», «сберегатели», и в этой точке зрения интересы у них общие.

Поэтому неудивительно, что «неосенсимонисты» отрицают классовую борьбу и считают, что можно обойтись без всяких столкновений между предпринимателями и рабочими. А так как выше всего на свете они ставят интересы промышленности, производства вообще, то мы находим у них восхваления штрейкбрехерских, фашистских организаций, созданных после войны во всех странах буржуазией (так называемая «техническая помощь») «Нужно отметить,—пишут они,—могучее движение, явившееся следствием революционной угрозы всеобщей стачкой: основание Гражданских Союзов для охраны общественных служб. Почему

[1]) M. Bourbonnais, op. cit., стр. 19.

критической работы, данной марксистами по части отдельных философов и добавить разбор и критику тех систем, о которых у нас меньше говорилось. Поэтому я и называю свою работу «смелой попыткой, так сказать, завершить предшествующую критическую работу». Вполне сознаюсь, что подобного рода попытка не может быть делом одного человека. Для такого рода работы нужна коллективная деятельность целого поколения. «Мы далеки от того,—говорю я в докладе,—что в этом первом опыте... мы сможем выполнить всю программу до конца. Мы сможем сосредоточить свои силы только на основных пунктах» [1]).

Такова моя нескромность.

Но перейдем к существу дела.

Отношение теории к методу.

Первый пункт расхождения между мной и т. Каревым касается проблемы теории и метода.

Расхождение в самом деле есть. «Что такое по Энгельсу философия диалектического материализма?—спрашивает т. Карев.—Это—«логика и диалектика, т.-е. методология знания».— «Что такое исторический материализм?—Это применение диалектического материализма к изучению общества, т.-е. методология общественных наук» [2]).

Как я уже писал в своем ответе т. Милонову, я считаю это определение не полным. Я считаю, что мы не просто применяем диалектический материализм к природе и обществу, а абстрагируем его путем индукции из процессов природы и общества. Когда мы уже абстрагировали диалектические законы реальных отношений, то мы применяем эти законы к новым процессам и находим их в новых реальных процессах, но на этот раз уже видоизмененными в зависимости от своеобразия новых явлений. Тов. Карев обособляет законы процессов в качестве метода от самих процессов. Тов. Карев не различает исследования процессов, идущего индуктивно и абстрагирующего от способа изложения; последнее идет, по большей части, дедуктивно и получается вид, как будто мы только применяем наш метод к миру. На самом же деле мы делаем это лишь после того, как реальные, закономерные отношения нами уже найдены, т.-е.—дедукция допустима в систематическом изложении. Хотя, конечно, исследование и изложение не оторваны друг от друга в процессе работы, тем не менее нужно диалектически различать эти два этапа, чтобы затем снимать их противоположность в полной системе, т.-е. в их синтезе.

Я не хочу впадать в повторения. Все это я подробно об'яснил в ответе т. Милонову и показал там, что Маркс, Энгельс и Ленин понимают отношение метода и теории так же, как я («Под Знам. Марксизма», № 12, стр. 283—291).

Я спрашиваю каждого непредубежденного марксиста, где есть в моем понимании исторического материализма «застывшая

[1]) История философии, доклад Варьяша в «Вестнике Комакадемии», № 9 1924 г., стр 262—263. В дальнейшем мы будем его цитировать так: Доклад.

[2]) Статья тов. Карева, стр. 56.

сма»? (ст. Карева, стр. 57). Наоборот, лишь тот, кто обособ-
метод от реальных отношений, кто лишь «применяет», а не
рагирует его из отношений мира, грешит этим.

Как я полагаю, марксистская методология утверждает, что
ный процесс проходит три этапа:

1. Исследование—абстрагирование реальных закономерных
шений природы и общества путем индукции.

2. Изложение этих закономерных связей, т.-е. причинных
симостей. Реальные законы высказывают эту причинную зави-
сть. Второй этап идет, по преимуществу, дедуктивно. Само
разумеется, что первые два момента не оторваны друг от
га.

3. Синтез этих двух моментов в системе, как идеальном выра-
ии в нашей голове совокупного материального процесса.

Обособление метода от реальных законов ведет к идеализму,
к марксизму. Процессы мира разыгрываются вне нас, неза-
мо от нас. Улавливание их законов может итти лишь путем
ракции, индукции. Дедукция же является не спо-
ом исследования, а способом изложения.

Основная фальшь в понимании тов. Карева заключается в его
листическом взгляде на взаимоотношение между много-
бразием явлений и их единством (см. статья
І. Аксельрод: «Теория стоимости и диал. мат.» в книге: «Маркс
философ», стр. 50—55). Он полагает, что изыскание этого
ства идет путем дедукции, прискания. «Диалектика не отде-
множества от единства», говорит т. Аксельрод в своей
тье». И это вовсе не есть «логизм современной буржуазной
софии», как спешит характеризовать такую мысль т. Ка-
Это было бы логизмом лишь в случае, если бы я оторвал
ку от действительности, как нечто самостоятельное. В своем
аде я неоднократно подчеркиваю, что диалектические логи-
ие законы являются законами мира, а вовсе не законами
то правильного мышления.

В дальнейшем разборе взглядов т. Карева мы покажем, что
ризация суб'ективного момента толкает его к гегельянскому
зму.

Тов. Карев не принимает, повидимому, и того вывода, что
мы обладаем законами известных процессов (не добытыми
м «изложения предмета» [1]), а его исследования; изложение
полагает знание законов), то из этих законов мы делаем
не законное заключение о дальнейшем ходе подчиненных
законам событий.

Я указываю на то, что Маркс, Энгельс и т. Ленин из зако-
развития экономических отношений делали выводы об их
нейшем ходе и, опираясь на это, предсказывали переход
талистического способа производства к социалистическому.
ны по существу остаются в силе, но при измененных обсто-
ьствах их влияние видоизменяется, ибо законы перекрещи-
ся, что осложняет результат. Это и значит, что новые исто-
ские условия ограничивают и видоизменяют определение за-
в общественного развития. Действие законов постоянно пере-
ивается с действием других законов, что и вызывает иной

[1]) Статья тов. Карева, стр. 56.

результат, чем был бы тот, который возник бы, если бы этого перекрещивания, в силу новых условий, не было.

Словом, неверно утверждение т. Карева, что «теория есть рефлексия метода, система метода» (там же, стр. 58). Наоборот, метод есть его способ познания мира, и если мы не высасываем из пальца, то он может быть лишь рефлексией того, что мы делали, когда исследовали об'ект, чтобы сознательно или более сознательно поступать в дальнейшем исследовании. Правда, мы часто поступаем диалектически стихийно, ибо не только природа, но и наш разум, будучи частью природы, действует диалектически.

Тов. Карев утверждает, что я неправильно формулировал закон изменения производительных сил. «Развитие производительных сил вовсе не относится к развитию остальных проявлений общественной жизни подобно тому, как в математике относится независимая переменная к ее функции. Здесь не функциональная, а причинная зависимость» (ст. т. Карева, стр. 58). Из этого следует, что «у т. Варьяша в этом пункте формально-логическая метафизика» (там же).

Это, конечно, было бы, действительно, формализмом. Но тов. Карев немножко «видоизменяет» мой текст. Я пишу следующее: «Если мы выйдем из области математики... тогда на место математической функциональной зависимости вступает причинная зависимость» (Доклад, стр. 284), — так основательно критикует т. Карев.

Тов. Карев вообще не понял, чего я добивался. Я утверждаю, что отделение метода от теории не есть диалектика. Я дал пример того, что из такого отделения получается дуализм в об'яснении. Возьмем простой пример. Динамика выводит формулу $\frac{m}{2}v^2$ из закона Галилея.

$$v = gt,\ s = \frac{gt^2}{2},\ t = \frac{v}{g},\ s = \frac{g}{2}\cdot\frac{v^2}{g^2} = \frac{v^2}{2g}$$

умножив обе стороны уравнения на mg (сила), получим $mgs =$

$$= \frac{m}{2}v^2 = vs.$$

Я спрашиваю, как соединять этот способ исследования с тем, что мы имеем в области истории. Конечно, если кто-нибудь стоит на точке зрения, что математически-диалектический способ познания сам по себе, и исторический тоже сам по себе, то тут нет никакой проблемы. Но я стою на точке зрения Маркса, что «мы знаем одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны» (Маркс и Энгельс о Фейербахе,—Архив Маркса и Энгельса, I книга, стр. 214).

Я предлагал решение этой задачи. Но до понимания этого решения т. Карев не дошел. Он даже не замечает его, хотя в этом суть всей проблемы отношения теории и метода. И я должен подчеркнуть, что я писал мой доклад до издания цитированной работы Маркса и Энгельса. Об этом решении (которое является для меня наиболее важным из всего круга проблем), я не могу тут говорить, я написал его в своем докладе. Но

...правление решения я могу наметить. Решение диалекти...
...ого противоречия между математически-динамическим («рац...
...алистическим» сказал бы т. Карев) и историческим способ...
...ъяснения я нахожу в том историческом факте, что метод исс...
...вания приспособляется к вновь открытым явлениям и что д...
...остроения выведения изменяется логический м...
...од как исследования, так и изложения, что лог...
...еские приемы зависят от исторических услови...
...ь открыт до сих пор неизвестный реальный закон, доказате...
...во которого не получается по старому пути, т.-е. не получает...
...помощью старой логики, то ищут новый подходящий при...
...висимость идет, стало быть, обратно тому, что можно было...
...умать по изложению. При этом старый метод в большинст...
...лучаев оказывается частным случаем нового метода (т.-е. все...
...равильным, в ограниченной области).

Этот взгляд, который понимает логику как историческое яв...
...е, т. Карев называет «quasi-марксистским пан-математизмо...
...т. т. Карева, стр. 59). Тов. Карев просто не понял того, ч...
...ложено в моем докладе. Я, конечно, не виноват, если т. Ка...
...е удостоил его своим вниманием. Однако другие, более опытн...
...авторитетные марксисты, чем он, приняли мое решение.

Но мы увидим, что недоразумение т. Карева вовсе не случа...
...о. Его «взгляды» на математику чрезвычайно любопытны. ...
...азывает их диалектическими. Да, это диалектика, но диалекти...
...ротагора, а не Энгельса, с которым т. Карев хочет солидари...
...оваться.

Тов. Карев, ссылаясь на Гегеля, утверждает (на стр. 61), ч...
...атематическое познание не улавливает кач...
...твенного многообразия действительности, окраш...
...я ее в сплошной серый цвет». Но на следующей страни...
...же сам утверждает, что «оно (математическое познание) со...
...ествует действительности лишь поскольку оно обнаружив...
...ою ценность в опыте, как момент качественно-колич...
...твенного развития, как момент меры» (курсив отча...
...ш. *В.*). «Этот качественный момент приходит к ней (мате...
...ке. *В.*) в области анализа бесконечно малых, где появляе...
...нятие отношения» (там же, стр. 62).

Значит, по Гегелю и т. Кареву математика: 1) не улавл...
...ает качественного многообразия действител...
...ости. 2) В анализе бесконечно-малых (он не е...
...сть математики?) она улавливает момент качестве...
...о-количественного развития. Из этого «следует», ч...
...ождественность в одном случае воззрений Энгельса и Геге...
...) нуждается в доказательствах» (там же).

Очевидно, т. Карев считает, что чем больше противореч...
...данном случае вопиющих), тем лучше диалектика.

Фактически утверждения Карева, что Гегель отрицал с...
...бность математики улавливать качественное многообразие д...
...вительности, относится лишь к математике постоянных велич...
...то не вполне), являющейся ничтожной частичкой математик...
...зачем заниматься таким пустяком т. Кареву? Это, видите ли,...
...дантство. Зато можно сказать, что взгляд Энгельса на ма...
...тику тождествен с взглядом Гегеля. Это не является п...
...личением! Не важно, что Энгельс был диалектическим ма...

риалистом, а Гегель диалектическим идеалистом, это не сущ ственная разница. Так думает т. Карев. Он принял идеалисти ское понимание математики от Гегеля и притом плохо понял ei

Он, между прочим, утверждает, что «к высшей математи оказываются неприменимыми законы форм логики и вотупа в силу законы диалектики» (там же, стр. 62).

Нет, т. Карев, дело не так просто. Законы формальной лог ки фигурируют и в высшей математике. Разве законы переи щения, соединения, разделения не употребляются в анализе бе конечно-малых? Употребляются, хотя они формальные законы. I для высшей математики имеет значение, главным образом, пон тие предела (не отношения, как думается т. Кареву; отношен есть общее и основное понятие всей математики), понятие ди лектическое, благодаря которому «все доказательства высшей м тематики, начиная с дифференциального исчисления, с точки зр ния элементарной математики, строго говоря ошибочны» (Анг Дюринг, стр. 121. Госуд. изд. 1923 г.).

Эклектика! — восклицает т. Карев. Нет! диалектика! - утверждаю я. Тов. Карев думает: или—или. Раз высшая матем тика является диалектической наукой, то формальных законов та нечего искать. В этом и заключается априорная мет физика, которая не желает рассматривать того, что есть, хочет предписать то, что она считает правильным. На с мом деле в высшей математике нет ни одного, хот сколько-нибудь важного доказательства, где з коны арифметики не играли бы роли. Диалектичнос этих доказательств заключается в том, что кроме арифм тических принципов имеется понятие предела и име но благодаря этому последнему обстоятельству из элеме тарной математики возникает высшая. Когда понятие п дела присоединяется к формальным законам, в математи получается переворот. Это эклектизм, синкретизм,—возмущает «неэклектический» диалектик т. Карев. Но если бы т. Карев пр думал бы хоть одно доказательство исчисления бесконечно-м лых, он не возмущался бы. Математику нужно знать и толь после этого говорить о ней, иначе получится болтовня. Из п нятия предела можно абстрагировать и понятие перемещения, соединения, и распределения; это доказывается в математике пр менением формальных законов к иррациональным числам. Так образом формальные законы являются частными случаями п дела. Если бы т. Карев когда-либо попытался понять метод вв дения в математику иррациональных чисел, то он не утвержд бы, что в высшей математике законы форм логики не применим Взгляд т. Карева на математику предшествов изучению им математики. А ведь и математика тоже априорная наука! Я думаю, что с этим согласится и т. Каре

О всех случаях ребяческого непонимания и неориентирова ности т. Карева я не могу говорить, так как это потребовало слишком много места, да и было бы слишком скучно. Тов. Кар говорит о том, что «там, где господствуют столь близкие сер цу т. Варьяша дедукция и выведение,—там место формальн логике» (ст. Карева, стр. 63). Тов. Карев, очевидно, думае что высшая математика обходится без доказ тельств и выведения. Разве он не видел еще учебника

...шей математике? «Все доказательства высшей матема...ки,—говорит Энгельс,—с точки зрения элементарной матема...ки, строго говоря, ошибочны». Значит, доказательства в выс...й математике все же существуют, но они только не подчиня...ся одним формальным законам. Тов. Карев смешивает де...укцию с силлогизмом. Силлогизмы действительно не игра... роли в высшей математике. И Гегель подчеркивает, к большому ...удовольствию т. Карева, что «входящие в математику поло...жения должны быть строго доказаны». Однако т. Кареву даже Гегель—Гекуба, если он осмеливается быть другого убежде...я, чем т. Карев.

Что же касается отношения диалектики и математики, то ...никогда не утверждал, что «диалектика покрывается матема...кой» (там же). Я утверждал лишь то, что элементарные диа...ктические отношения (принципы или аксиомы) легче найти ...математике, так как математика, являясь наиболее абстрактной ...простой из наук, пользуется, естественно, наименьшими и наи...ростейшими из диалектических истин.

Не менее забавно и «понимание» т. Каревым Кантора. Он ...кусственно хочет установить расхождение между взглядами ...нтора и Гегеля на различие двух видов бесконечного. Правда, ...нтору не нравится, что «у Гегеля все темно, туманно и про...воречиво». Но, несмотря на это, Кантор признает, что ...азличение Гегелем ложного бесконечного от дей...ствительного бесконечного правильно, хотя и заим...ствовано от Спинозы. «То правильное, что Гегель сказал о рас...сматриваемом здесь различии, заимствовано... у Спинозы (Новые ...деи, № 6, Кантор, стр. 112)[1]).

Прямо чудовищно, что т. Карев говорит о бесконечном Кан...ра, о бесконечном, «расположенном в некоторой, вполне опреде...нной точке» (там же, стр. 65). Что это за цитата? Тов. Карев ... умеет даже цитировать. В тексте Кантора есть совершенно ...ругое: Кантор говорит о том, что, вопреки несобственно-беско...нечному, «собственно-бесконечному числу присущ тот же характер ...ределенности, какой мы встречаем в случае бесконечно удален...й точки в теории аналитических функций» (Нов. идеи № 6, стр. ...). Это—подлинная цитата. Тов. Карев приписывает Кантору ..., чего он не говорил. Тов. Карев не понимает в чем дело. Он ...спевает на разные лады, что «собственно-бесконечное Кантора ...едставляет собою вполне застывшую величину» (ст. Карева, ...р. 65). Он, кажется, не знает, что у Кантора собственно ...есконечное не одна величина, а бесконечная со...вокупность отличающихся друг от друга величин, что Кантор установил три принципа, как поро...ждать эти величины друг из друга. Значит, речь ...дет о процессе в области бесконечного.

---

[1]) Я не утверждаю, что взгляд Кантора на математику согласуется с ...видом Гегеля. Но различение двух видов бесконечного действительно пред...ставляет собой стержень учения Гегеля о математике. Эта часть учения Гегеля ...а принята Кантором, и он правильно сделал, принимая ее. Между прочим ...олжен подчеркнуть, что я не понимаю, зачем тов. Карев говорит о Канторе ...вязи с моим докладом. Я совершенно не говорил о Канторе и вообще не ...нимаю его теории, кроме отдельных теорем по счетным множествам, но не ...нимаю его теории континуума.

Но, независимо от всего этого, я спрашиваю, при чем тут
ни разу не ссылаюсь на Кантора и не пользуюсь
зультатами как раз потому, что в этих результат
ного сомнительного. Не все математики приняли его т
ию или приняли не всю теорию. Большинство математиков п
имает лишь его учение о счетных множествах. Другие при
ают и его учение о континууме. О третьем числовом клас
нения очень расходятся. Брауер, которого я упомянул в свя
математическими работами Маркса, как идущего по аналоги
ному пути, принимает лишь теорию счетных множеств, но и т
не удовлетворяется выводами Кантора, и идет глубже.

Тов. Карев говорит так, будто он мог бы доказать, что я пр
нял теорию Кантора. На самом же деле, он цитирует лишь Ка
тора (в протяжении многих страниц), но не дает ни одн
цитаты из моего доклада; да он и не может этого сделать, пото
что я не цитировал Кантора нигде, так как в мою задачу не вх
дило заниматься идеями Кантора.

Но тогда спрашивается, почему т. Карев притащил несча
ного Кантора за волосы к моему докладу? Да очень прос
Кантор был богоискателем; он искал всеединую субстанцию
нашел ее не то в субстанции Спинозы, не то в боге церк
Тов. Кареву нужно было так усердно заниматься им, чтобы до
зать, что теория Кантора ведет к богу. А так как я, по е
постулату, пользуюсь канторовским учением (где?—он забыл у
зать), то я тоже богоискатель и т. д. Помимо этого Кантор о
рался на «чешского попа» Больцано. На Больцано опирался Г
серль и, таким образом, опираясь на Гуссерля (он опять забыв
указать, где я опираюсь на Гуссерля,—ведь я критикую Г
серля в своем докладе), я—канторианец.

Видите, как может заключать т. Карев по формальной ло
ке! Беда только в том, что его предпосылки ложны.

Тов. Карев пишет о Больцано и обнаруживает, что кр
приведенных им цитат он ничего не читал из его Wissenschaf
lehre. Так, например, он констатирует, что Больцано был поп
думает, что этим уже охарактеризовал его. Между тем Больца
(монах), профессор университета в Праге, был лишен кафед
и права богослужения Францем I, императором Австрии, всл
ствие его «ереси». Но даже, если бы он был и верующий
его автобиографии это не явствует), разве это препятствова
бы ему быть великим математиком? Тов. Кареву, кажется,
известно, что Больцано—один из основоположников теории фу
ции. Если бы мы бросили всех великих математиков, веровавши
бога, то надо было бы отказаться от идей великого Ньютона,
лера, Коши, Гаусса и еще целого ряда из них. Математика сов
шенно опустошилась бы.

Еще характернее для легкомыслия т. Карева его утверж
ние, что точка зрения Больцано на принцип причинности «впол
совпадает с общей конструкцией т. Варьяша» (ст. т. Карева, с
71, замечание 3). Посмотрим, что говорит Больцано и что утв
ждаю я. Больцано, в своем Wissenschaftslehre, II, стр. 350[1]), го

[1]) Тов. Карев цитирует одно место из Больцано на стр. 349 и не зам
места, процитированного мною на стр 350! Не заметил тов. Карев моего о
деления связи причинности и основания, в то время как из сопоставл
моего определения с определением Больцано сразу видна их противоположн

следующее: «Мы должны будем отступать от мысли вывести ошение следствия (основы и следствия. *В.*) из отношения чинности, и, наоборот, вывести понятие причины и действия понятий основы и следствия». А у меня? У меня—обратно, гда события *а* и *в* находятся в причинной связи, то предлоие об *а* и *в* представляют собою связь по достаточному основа» (доклад Варьяша, стр. 339).

Вот как совестливый критик, т. Карев.

Но это не является единственной «неточностью» изложения Карева. Он слишком много рассчитывает на то, что никто будет проверять того, что он утверждает. Так, например, он верждает, что «Лейбниц и Кантор—были близки друг к дру. «Вспомним отношение Г. Кантора к Лейбницу,—как известно, лизких симпатии сходятся» (см. Карева, стр. 67). Возьмем тора. В той же книге, которую цитирует т. Карев, мы найдем, Кантор думает о Лейбнице. «Я среди прочих авторов лонил и авторитет Лейбница, оказавшегося в ом вопросе удивительно непоследовательным» рсив наш. *В.*). (Новые идеи № 6, стр. 80). В каком же воосе? В вопросе о собственно-бесконечном, т.-е. самом важном просе для Кантора.

Но т. Карев проявляет еще более удивительную неориентироность. Он смело утверждает, что «исчисление бесконечно-малых раз тот отдел, к которому пренебрежительно относится «соменная математическая школа Г. Кантора» (ст. Карева, стр. 68).

Тов. Карев! Зачем писать о вещах, в которых вы чего не знаете? Если вы дочитали бы до конца ту жку Кантора, которую вы цитируете, то вы на последней стра\е нашли бы перечень некоторых работ Кантора, среди коих рвая имеет заглавие: «Iatz über trigonometrische Reihen». Эта менитая работа Кантора содержит доказательство того, что дую вещественную функцию, выраженную путем тригономеческого ряда, можно представлять единственным образом, т.-е. ько единственный тригонометрический ряд может представлят ную функцию.

Или т. Карев не знает, что теория тригонометрических ря представляет собою существенно важную часть анализа бесечно-малых? Если это так (ибо я не могу предположить, он не читал даже той книжки, всего в 184 стр., которую цитирует), то каждый человек, всерьез понимающий обязанти критика, будет спрашивать его: почему вы пишете о та вещах, в которых вы не знаете даже азов? Тов. Карев негот на то, что я считаю такой подход невежественным. Он же пет: т. Варьяш «превозглашает остальных марксистов невеми по части идеализма» (ст. т. Карева, стр. 69). Этого я ни не говорил, потому что это неверно, потому что это чепуха и ому что я не так самоуверен, как т. Карев. Но я думаю, что ажнения, вроде статьи т. Карева, действительно не могут вызать хорошего впечатления по части осведомленности и знания автора.

В короткой статье совершенно невозможно зафиксировать все ибки, все легкомыслие и ничем не обоснованную самоуверенть т. Карева. Я собрал на 35 страницах его статьи 38 гру ошибок.

В заключение я должен обратить внимание т. Карева на то, что он смешивает понятие абсолютного с понятием абсолютно-верного. Он упрекает меня в том, что я называю калькулятивную логику абсолютной логикой. Так ее называю по примеру абсолютной геометрии. Абсолютной называют ту геометрию, которая независима от одного или нескольких принципов Евклидовой геометрии. По аналогии с этим и абсолютной называют ту логику, которая независима от одного или нескольких принципов аристотелевской логики. Геометрия Лобачевского-Бойяй не пользуется, например, т. н. V постулатом Евклида. Логика может не принимать, например, принципа противоречия или исключенного третьего. И геометрия Лобачевского и калькулятивная логика абсолютны; но следует ли из этого, что они абсолютно верны? Конечно, не следует. Почему я принял это название, почему я не употребляю марксистских терминов? Потому, что Маркс не создал новой терминологии в этой области. Маркс в своих математических сочинениях пользуется теми же терминами, что и другие математики.

Если т. Кареву удастся создать новую, лучшую терминологию—марксистскую,—я буду очень рад.

Я не буду говорить о той нелепости, что т. Карев на стр. 69 своей статьи обвиняет меня в том, что я выдвигаю понятие абсолютной истины, а на стр. 71—что я выдвигаю «чистейший идеалистический релятивизм» и упрекает меня в файгингерианстве. Гораздо вернее и проще предположить здесь (хотя это и мало лестно для т. Карева), что мой критик просто-на-просто находится в недоразумении. Разбор двух других возражений относительно диалектики в природе и относительно логики отношений ввиду важности этих вопросов дадим в конце нашей статьи.

В своем страстном желании раскритиковать меня т. Карев идет так далеко, что пользуется каким-то докладом начала 1918 г., сделанным одним венгерским писателем, в прениях по которому выступил и я. В конце доклада приведено мое выступление, написанное одним студентом (доклад был прочитан в кружке Галилея, преследовавшемся венгерской полицией. Этот кружок не мог нанимать стенографа. Как я помню, доклад был прочтен в присутствии полицейского офицера). В этой записи есть ряд глупых вещей. Тов. Карев, страстно желая разбить меня в пух и прах и совершенно уничтожить мою репутацию, цитирует различные места этого доклада, обнаруживающие кантианский подход (он выражен весьма глупо-неуклюже). Относительно этих цитат я должен заметить следующее: докладчик выдвинул, как он думал, кантовские взгляды на этику. Желая показать, что Кант иначе понимает этику, я попытался изложить точку зрения Канта. Тов. Карев поставил эти цитаты в такое освещение, будто я излагаю не Канта, а свои взгляды. Это и служит ему доказательством существования у меня идеалистических, идеологических «остатков».

Однако никто не поверит, что имеющиеся у меня, по мнению т. Карева, канторовские и больцановские и прочие идеи имеют своим источником Канта (кроме тех, которые смешивают Кантора с Кантом по созвучию).

Тов. Карев старается использовать цитаты из написанной мною статей под каким угодно предлогом. Он хочет показать

что пользуется этими цитатами отнюдь не для дискредитир
вания меня, а просто для решения исторического вопроса. отку
мои остатки—пережитки. Но это шито белыми нитками. Тов. К
рев даже не думает о том, насколько этот подход допустим
философском споре между коммунистами. Между тем пользовани
этими цитатами равно тому, если бы т. Карев хотел убеди
читателей, что его «истолкование» моего взгляда на теорию мн
жеств и, как мы увидим, на психологию вполне аутентично
что вместо моего доклада надо читать его статью. Этот студен
записавши мое выступление, понял столько из моего выступл
ния, приблизительно, сколько т. Карев из моего доклада!

Помимо этого, как понравилось бы т. Кареву, если бы
цитировал те его статьи, которые он писал до 1918 г.?

Верно, в 1915 г. я написал брошюру «Военные страсти», г
только вторая часть занимается выяснением причин войны
марксистской точки зрения, а первая часть содержит мало кас
ющиеся дела психологические размышления. Но эта брошю
была,—как мне известно,—первая, которая была писана проти
войны у нас. И я был принужден так писать, иначе цензу
не пропустила бы ее. Я рассчитывал на то, что цензор не доч
тает ее до конца. Так и было. Она вышла и оказала кое-как
влияние на умы. И хотя эта брошюра не писалась в духе фил
софского ленинизма (мы и заглавия книги: «Материализм и эмп
риокритицизм»—в то время не слыхали), все же она резко крит
ковала буржуазный пацифизм (Normann Angell) и старалась да
марксистскую оценку войне. Теперь и я мог бы написать
гораздо лучше. Но я спрашиваю: где работы т. Карев
против войны и почему он старается дискредитировать мен
Зная об этой брошюре только по отзыву одного венгерского жу
налиста-фрейдиста и никогда не читав самой брошюры, т. К
рев ничуть не колеблется ссылаться на нее. Я протестую прот
такого рода «критики». Я считаю ее не следствием искренне
желания поддерживать чистоту марксистской мысли, а следстви
чего-то другого, во всяком случае мало имеющего отношение
марксизму.

Идеализм и материализм.

Я хочу ответить на возражения т. Карева возможно короч
Поэтому я останавливаюсь только на главном. Тов. Карев упр
кает меня в том, что я отрываю психологические функции от с
держания психики, потому что я считаю, что эти функции
определенную фазу истории не изменились, между тем ка
содержание изменилось. Вместо длинного об'яснения я процит
рую только пару слов из моего доклада. «Существуют толь
единичные представления, но не самостоятельная фун
ция «представлять»... Отдельные содержания сознания дают п
вод для образования... психологических совокупностей». (Докла
В., стр. 282). Эти совокупности я и называю психической фун
цией. Я спрашиваю, где проявляется у меня оторванность фун
ции от содержания? Лишь в голосе т. Карева. Однако к этом
пункту мы еще вернемся в связи с обсуждением вопроса о бе
сознательном.

Тов. Карев упрекает меня в том, что я много занимаю
Лейбницем и Гуссерлом и не цитирую Гегеля, а только говор

о его взглядах без цитировок. Верно! Причина: потому, что я *критикую* Лейбница и Гуссерля, а для этого нужны цитаты. Гегеля же я привожу для подтверждения моих взглядов. Центр же тяжести моего доклада лежит не на Гегеле, а на Марксе, Энгельсе и т. Ленине.

Не последнее место занимает в инвентаре мудрых суждений т. Карева и то, что он говорит по поводу Лейбница и Кеплера. (Между прочим о Кеплере, как и о Канторе, нет ни слова в моем докладе. Но т. Кареву это не важно. Он все равно может «рассуждать» о них—ни к селу, ни к городу). «Лейбниц был,—говорит т. Карев,—гениальным человеком, но он мертв для нашего времени, как мертв и другой исполин мысли, так импонировавший Марксу—Кеплер» (ст. т. Карева, стр. 78). Спрашивается, почему мертв Кеплер или Лейбниц? Разве три закона Кеплера уже не имеют значения? Я, по крайней мере, не слыхал о том, чтобы кто-нибудь опроверг их (если этого не сделал сам т. Карев и не сохранил пока это гениальное открытие в тайне). Или дифференциальное и интегральное исчисление Лейбница мертво? Но я думаю, что т. Карев не мог бы ехать даже на трамвае, если бы он был прав! Тов. Карев слишком широко размахнулся. Или он хочет сказать, что Кеплер верил в астрологию, и поэтому он мертв для него? Но и Ньютон, «другой исполин мысли», тоже верил в Апокалипсис и 40 лет своей жизни посвятил его изучению. А физике и математике он посвятил лишь 30 лет. Он тоже мертв для т. Карева? Маркс тоже получает от т. Карева «заслуженный выговор». Ведь, ему импонировал этот жалкий астролог, Кеплер. Мало того, известно, что Марксу импонировал и Лейбниц; импонировал он и Плеханову, который использовал учение Лейбница о прерывности и непрерывности для материалистической диалектики (см. «Господин П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития»). Как я сказал, т. Карев очень широко размахнулся. У него не хватает исторического чутья. Если бы он жил в XVI в., то весьма возможно, что, как просвещенный человек, он не верил бы в такую науку, как астрология. Но пока он не нашел лучших законов планетных движений, чем Кеплер, я все же предпочту Кеплера т. Кареву.

Тов. Карев дальше ругает меня за то, что я отвожу слишком долгую жизнь идеализму. Я полагаю, что он еще продержится долго, хотя бы в области этики. Он потеряет свою репутацию постепенно, по мере того, как будут расти наши знания в области положительных наук, результаты которых несовместимы с идеализмом. Тов. Карев, наверное, слыхал уже о так называемом «этическом идеализме». Этот этический идеализм будет жить довольно долго, по крайней мере до тех пор, пока не исчезнет буржуазный класс, а вместе с ним и живая память классового общества. Но это не значит, что жизнь идеализма как системы будет длиться столетия. Я указывал на то, что способствует живучести идеализма, и указывал, что пока все положительные науки не сольются в одну науку, кое-какое убежище для идеализма останется, конечно, не как для науки, а как для идеологии тех, которые не могут примириться с коммунизмом. Я полагал, что такие люди будут еще в течение столетий. Если я ошибаюсь, тем лучше.

Чтобы лучше подкрепить свое обвинение, что я отвожу слиш ком долгую жизнь идеализму, т. Карев цитирует мое изложе ние одного фрейдиста Ференци (я прямо говорю, что это ег взгляд). Так называемая функция introjectio Ференци есть ме ханизм образования идеалистического мировоззрения, функция же проекции—механизма образования материалистического взгляда. Дело в том, что я посвящаю главу (стр. 289—300) фрейдистским воззрениям, чтобы после того посвятить главу их критике. Тов. Карев делает вид, будто бы эта теория была моя, чтобы затем с торжеством заявить, что это взято от Ференци (о чем я сам говорю на стр. 291, нигде не утверждая, что это и моя точка зрения, что подсовывает мне т. Карев). Это делается для того, чтобы доказать, что будто бы я утверждаю, что идеализм оста ется во веки (раз он коренится в нашем психическом меха низме). Беда только в том, что это—мнение Ференци, а не мое. Было бы странно, если бы кто-нибудь, излагая теорию других людей, тем самым становился бы их сторонником. Тов. Карев, ко нечно, знает всю нелепость этого. Но когда речь идет о моем «опро вержении», то он не боится даже такого «метода» «критики». Ведь он сделал еще больше, он раскритиковал меня за то, что я будто бы «говорил» в 1918 г. и сделал меня ответственным, почему я не протестовал против «дикого сопоставления Ленина и... Фрид риха Адлера» одним докладчиком на философском диспуте [1]. Да, я действительно не дал отпора этому докладчику из-за двух причин: 1) Мне помнится, что он этого не говорил в докладе, а кажется, только в изданной брошюре «дополнил» свой доклад этой мудростью; я не мог протестовать против этого дополнения, по тому, что сидел в это время в тюрьме и туда не пропускали ни брошюр, ни других сочинений, в которых бы фигурировало слово «прогресс» (В заглавии этого доклада фигурирует это слово). 2) Я должен признаться, что если бы даже я и слыхал такого рода оценку, я не мог бы исправить ее, так как в начале 1918 г. я не знал ни о том, что т. Ленин писал о махизме вообще, ни о том, что он писал против него. Я сам лично, хотя у нас в то время махизм совсем не был осужден марксистами, и никто не считал его несовместимым с марксизмом (наш марксизм не был таким цельным и непримиримым учением, каков был у т. Ленина, Пле ханова и др. русских марксистов),—никогда не принимал ни махизма, ни учения Авенариуса. Даже т. Карев не обвиняет меня в этом грехе, что ввиду его страстного желания отыскать во мне всякого рода эклектизм—значит что-нибудь.

Забавно торжество т. Карева по поводу того, что в «моем выступлении в 1918 г. Фейербах называется метафизиком. «Валь пургиева ночь на вершинах философии»,—негодует т. Карев. Тов. Карев хочет быть бо́льшим марксистом, чем сам Маркс. Я не помню, говорил ли я действительно, что Фейербах—метафизик или не говорил, но Маркс сказал это 73 года тому назад. В 1918 г., правда, я этого не знал, но может быть утверждал то же самое (повторяю, запись студента весьма сомнительна).

«Поскольку Фейербах является материалистом,—пишут Маркс и Энгельс,—он не имеет дела с историей, поскольку же он за

[1] Речь идет о том, что докладчик сказал, что Фр. Адлер и... Ленин — махисты.

нимается историей, он вовсе не материалист» (О Фейербахе,—Архив Маркса и Энгельса, стр. 219). Значит, в этой области он был идеалистом. Поднимается только вопрос—существует ли такой вид идеализма, который не есть метафизика? Кажется, т. Карев и в этом пункте расходится не только со мной, но и с Марксом. Не похоже ли это на «вальпургиеву ночь на вершинах»... самоуверенности со стороны т. Карева, стопроцентного, неустрашимого, ортодоксального марксиста!

Фрейдизм.

Перейдем к последнему возражению т. Карева. Он об'являет беспощадную борьбу против фрейдизма. «Мир фрейдовского бессознательного на самом деле вовсе не представляет собой чего бы то ни было, хотя и в отдаленной степени приближающегося к материализму, а полную ему противоположность... Оно находится вне времени и пространства» (ст. Карева, стр. 77—78). Но тремя страницами дальше он пишет, очевидно, забывая, что он уже окончательно отверг фрейдизм, как идеализм, «к которому не применимы категории, представляющие собой отражения структуры реального мира», следующее: «И уже, если искать в чем-либо положительное у Фрейда, то его можно найти единственно только в том, что в анализе неврозов он обратил больше внимания, чем делалось это до него, на их сексуальную сторону, чем и вызвал против себя всеобщее гонение со стороны, как известно, чрезвычайно щепетильной буржуазной науки. И именно эта и только эта сторона фрейдизма совпадает с современными выводами физиологии...»[1]) (курсив наш. *В*.). Фрейдизм, стало быть, в глазах т. Карева, с одной стороны: идеализм (в части учения о бессознательном), а с другой стороны: материализм (в части сексуальной стороны психоневроза).

Кто прочел хотя бы одну книгу Фрейда о теории сексуальности и болезнях, происходящих на сексуальной почве, тот знает, что теория сексуальности Фрейда стоит и падает вместе с его теорией бессознательного. Неэклектический т. Карев этого не знает. Он отбрасывает теорию бессознательного, как идеалистическую, и принимает теорию сексуальности, как материалистическую. Я не принимаю ни ту, ни другую. Из этого следует, что я—эклектик, и что т. Карев—монист, материалист и марксист. Но этому, кроме самого т. Карева, никто не поверит. Разбирающиеся в научных вопросах люди, вопреки «защите» т. Каревым сексуальной теории Фрейда (защите, по поводу которой врачи будут хохотать), будут полагать, как и до этой защиты, что или надо принимать и то и другое, или не принимать ничего. Отпавшие от Фрейда ученики (напр., адлеровская школа) бросила сексуальную теорию, но бросили и теорию бессознательного вытесне-

---

[1]) Статья тов. Карева, стр. 81. Я должен заметить, что другие, более опытные ортодоксальные марксисты, чем тов. Карев, не приняли сексуальной теории Фрейда. Я считаю, что тов. Карев, позволяя себе крупное отклонение от мысли других марксистов (более авторитетных, чем тов. Карев и признанных и тов. Каревым) насчет правильности и материалистичности сексуальной теории Фрейда, должен был бы это немножко мотивировать, а не только декретировать.

ия. По Фрейду, болезни возникают из-за незнания раздражающих организм сексуальных мотивов, и напрасно принимать сексуальную этиологию (учение о причинах болезни) или отбрасываешь вытеснение и бессознательное. Это вытеснение в бессознательное и есть по Фрейду причина болезни. Неизвестные человеку сексуальные влечения, вытесненные в бессознательное так, что в них не остается в сознании ничего кроме символов (Deckvorstellungen), будучи неудовлетворенными, являются причинами болезни.

Это азбучная истина для фрейдистов, и нет ни одного из отвергающих теорию Фрейда, который признал бы теорию сексуальности и отверг бы теорию бессознательного. Это логическое чудо мог создать лишь т. Карев, который, кажется, обладает какой-то новой диалектической логикой, которую он еще не сообщил любопытному миру.

Тов. Карев радикальный человек. Мы указали уже, что он хочет быть большим марксистом, чем сам Маркс. Сейчас мы должны констатировать, что он бóльший фрейдист, чем сам Фрейд (и все это из-за коренного непонимания того, о чем он пишет). При об'яснении различных видов душевных болезней Фрейд не стоит всюду на точке зрения сексуальной этиологии; последняя играет роль лишь в об'яснении истерии и фобии. Параноя (отчасти) и шизофрения являются для него заболеваниями совсем другого типа. Такой взгляд создался у него благодаря неудачам лечения последних видов болезней с помощью метода высвобождения вытесненных в бессознательное комплексов. Это пока догадка; сами фрейдисты не согласны в этих темных вопросах. Некоторые из них полагают, например, что в параное играет роль и гомосексуальное влечение. Тов. Кареву такие пустяковые оттенки не важны. Он констатирует, что сексуальная теория в анализе неврозов (а не нервозов, как пишет т. Карев) знаменует положительное в фрейдизме, в то время как сам Фрейд стоит на точке зрения, что он имеет силу лишь для маленькой части душевных болезней и не охватывает как раз самых тяжелых форм последних. Если тов. Карев занимался бы фрейдизмом не по популярным книжкам, если он усвоил бы себе тот громадный экспериментальный материал, изложенный в дюжине томов «Jahrbuch für Psychoanalyse», то он не стал бы излагать так скоропалительно свою «точку зрения» насчет фрейдизма. Читатель может быть подумает, что нельзя требовать от марксиста, чтобы он изучил все буржуазные теории. Это верно. Но марксист, желающий критиковать любую теорию с точки зрения марксизма, должен основательно познакомиться с этой теорией, иначе получится кавалерийский наскок, кончающийся неизбежно конфузом, как я уже раз писал по поводу другого критика.

Критика т. Карева «опирается» на незнание критикуемого. Такую критику могут позволять себе буржуазные журналисты, но не марксист. Марксистская критика—это весьма ответственная задача, так как марксист знает, что теория переходит в практику. Поэтому критика должна быть основательной и должна обнаруживать полное знакомство с данным вопросом. Иначе результат

которого мы добиваемся, т.-е. опровержение того, что невер
поэтому противоречит марксистской диалектике, вызовет
ко хохот в лагере противников. Наши противники были бы
если бы каждый марксист выглядел так, как критик Фр
отвергающий теорию бессознательного и принимающий секс
ную этиологию неврозов (и притом универсилизирующий
следнюю).

О попытке т. Карева оградить Марксово «подсознател
(которое он все же называет и бессознательным) от Фрейдов
сознательного я не намерен много говорить. Он утверждае
Фрейдово бессознательно-индивидуальное понятие, а Маркс
социальное. Это верно. Но зачем он учит этому меня? В то
докладе я обстоятельно говорю об этом, и т. Кареву не в
поучать меня этому; он утверждает то же самое, что и я
же самых выражениях.

Тов. Карев постоянно козыряет «моим утверждением»
нет принципиального различия между концепциями бессозн
ного Маркса и Фрейда. Однако этого я не утверждал. Я
ждал лишь то, что фрейдисты, может быть, не зная о
заимствовании, выдвигают некоторые принципы душевной
том бессознательной жизни, которые гораздо раньше были в
нуты Марксом и Энгельсом. Так, напр., явление овеществ
под названием вторичной обработки, сдвиг и сгущение. Э
нятия встречаются у Энгельса в разных письмах под общ
званием перевернутого отражения действительности (пр
истолковывается, как следствие, или одно из следствий, в ка
причины). Читатель может убедиться в этом из моих цитат н
289—302, 316—318, 340.

Тов. Карев слишком «сокращенно» передает мои мыс
его передаче они получают обратный смысл. Я писал: «Я д
что эта индивидуалистическая психиатрическая школа в
двигает принципиально новых взглядов на бессознательн
сравнении с тем, что было уже выдвинуто Марксом и Энге
Я даже могу сказать... что дело обстоит обратно,
фрейдисты сузили понятие бессознательного
клад Варьяша, стр. 316). Значит, у фрейдистов получает
верный взгляд на бессознательное. Они сузили это поняти
как 1) «бессознательное в индивидуалистиче
(Фрейдовом) смысле предполагает бессознательное в общ
ном (Марксовом) смысле» (доклад Варьяша, стр. 317—то
мое подчеркнуто на стр. 291, 292); 2) и ограничили ег
«понятие бессознательного в индивидуалистическом смысл
дится к «вытеснению», между тем, как марксово бессознат
не сводится к нему». Идеологии возникают на бессознате
пути,—не только вследствие «несовершенства познавате
средств,—как пишет т. Карев,—общественных классов, н
шенств, целиком определяемых общественным бытием этих
сов» (ст. т. Карева, стр. 80), но, что важнее, это то, что
ние своего угнетенного положения, никогда вполне не отс
вавшее (в том или ином размере) у эксплоатируемых, еще
статочно для правильного знания того, какими средствам
виться от эксплоатации. История полна восстаниями эксп
руемых и угнетенных.

Пролетариат является первым классом, который в состоя
избавить от эксплоатации и самого себя и вообще всех угне
ных трудящихся:

1) в силу своего решающего положения в производстве;

2) в силу того, что он не только производит средства су
ствования, но производит их коллективно, путем массовой ко
рации в фабриках и живет концентрированно в больших город

3) в силу того, что он в состоянии приобрести нужную
освобождения организованность и культуру;

4) в силу того, что он является продуктом и живым прот
речием капиталистического производства;

5) в силу того, что капитализм содержит в себе гигант
антагонизмы, которые могут быть разрешены лишь посредст
согласования коллективного производства и соответствующего
способа распределения, при чем основа этого возможного со
сования гарантирована современной техникой (важнейшие из э
противоречий: анархия в производстве, конкуренция, кризи
борьба за рынки, милитаризм, империализм и т. д.). В си
всего этого пролетариат не только в состоянии осознать с
угнетенное положение и восстать против него (все это было и
него), но и победить и создать бесклассовое, коммунистичес
общество.

Средневековые крестьяне очень хорошо сознавали свое у
тенное положение, и в их восстаниях не было недостатка;
для освобождения не хватало других условий.

Как понимать в связи со всем сказанным бессознатель
в Марксовом смысле? Лишь так, что люди могут осозна
только то, что они действительно делают, что с ни
действительно происходит, хотя и помимо их с
нания и воли. Средневековые крестьяне были угнетены,
были недовольны, они возмущались, они восставали, но не мо
осознать значение организации, классового сожительства, к
лективного труда, массового коллективного производства и т
и поэтому победить. Они не могли этого именно потому, что в
этих условий (1—5) не было и не могло быть, в то время, как
это является условием действительного освобождения (не тол
юридического, но и экономического). Бессознательное тут з
чит: они не могли знать всего этого—потому, что всех э
условий (1—5) не существовало. Организация (стихийн
предшествует осознанию значения организаци
Даже когда уже об'ективные условия произв
ства (антагонизмы классов) делают организацию возможн
существование противоречий внутри данной системы пред
ствует их осознанию. Словом: «действие предшествует сознан
(доклад Варьяша, стр. 286—288).

Следует из этого, что некоторые идеи о механизме эт
сложного процесса не могли бы быть заимствованы фрейдиста
из марксизма, даже если они никогда не слыхали о нем. Не с
дует! Правильно различать этот механизм от лежащего в
идеологического содержания, не отрывать, а различать, по т
Кареву неправильно. Он упрямо называет мое различение «отры
нием психических функций от содержания психики» (ст. Каре
стр. 72). Но это—две различные вещи. Я цитировал в своем
кладе проблемы идеологий. «Здесь—утверждает т. Карев,—п

сследователя лежит не через изучение роли психического аппарата, а через изучение... посредствующей роли в сложном механизме передачи от базиса к высшим идеологическим надстройкам» т. Карева, стр. 84).

Значит, с одной стороны, не нужно исследовать роли психического аппарата, а, с другой стороны, нужно изучать сложный механизм классовой психологии посредствующей передачи от базиса и т. д. Каков этот механизм? Это не психический аппарат человека, так как такая возможность исключается т. Каревым. Остается другая возможность и т. Карев утверждает, будто и Энгельс настаивает на этой другой возможности. Действительно ли это так? Энгельс поднимает в названном письме вопрос, «каким образом эти (идеологические. *В.*) представления возникают. Они возникают, конечно, в обществе и именно из экономических основных фактов» (Энгельс). Так понимает дело и т. Карев. Но Энгельс говорит в этом письме и о чем-то другом. «Я должен указать только, что не хватает одного пункта (в статье Меринга об историческом материализме, в книге: «Легенда о Лессинге». *В.*), на котором ни Маркс, ни я в своих вещах не останавливались достаточно подробно». И после этого идет речь о том, что он и Маркс перенесли центр тяжести на то, чтобы выводить политические, правовые и прочие идеологические представления и действия, на которые эти представления влияли, из экономических основных фактов. Тов. Карев допускает тут лишь такое толкование: «Путь исследователя лежит через изучение классовой психологии, вытекающей из определенных классовых интересов» (ст. Карева, стр. 84). Тут т. Карев утверждает лишь то же самое, что и Энгельс в начале письма, только с той разницей, что формулировка Энгельса точнее и конкретнее: вытекающей из основных экономических фактов. Выполнением этой задачи дело для т. Карева кончено. А для Энгельса? Не кончено. Он упрекает Меринга, что тот удовольствовался этим анализом, и подчеркивает важность «обращения внимания на формальную сторону: каким образом эти представления и т. д. возникают». Энгельс дает и ответ и притом чрезвычайно глубокий, который, по моему мнению, должен служить путеводителем для марксистов, изучающих возникновение идеологий. Неверно,—говорит Энгельс, что «всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления (курсив наш. *В.*). Энгельс здесь различает основание действия на мышлении от совершения его посредством мышления. Первую возможность отбрасывает, как идеалистическую, как ложную, но принимает второй пункт. Я цитирую и неутомимо подчеркиваю эту разницу в своем докладе (стр. 291—292),—к сожалению, как читатель видит, совершенно напрасно для т. Карева.

Прав ли т. Карев против Энгельса? Не прав! Он упрощает задачу именно в том пункте, в котором Энгельс видел недостаток анализа Меринга. Если вопрос: как возникают идеологические представления как мышление—есть формальная сторона проблемы возникновения идеологий, то выведение идеологий из экономических, основных фактов—есть материальная сторона проблемы. Энгельс считает оба вопроса важными, но только последняя про-

на допускается т. Каревым. Поэтому я считаю, что т. Карев)екается от Энгельса.

Дальше. Возьмем Маркса!

В работе, которую писали Маркс и Энгельс вместе (о Фейер-е) мы читаем: «Мораль, религия, метафизика и прочие виды еологий и соответствующие им формы сознания ачивают видимость самостоятельности» (Архив Маркса и Эн-ьса, кн. 1, стр. 216). «Люди изменяют в своей деятельности же свое мышление и продукты своего мышления» (же, курсив наш. *В.*). Это место вполне согласуется с цити-анным письмом к Мерингу. Там и тут строгое различение раздробление) мышления и продуктов мышления—идеоло-. Они утрачивают свою видимость самостоятельности в связи юномическими основными фактами. Значит, Энгельс был прав, личая основанность действия на мышлении (неправильный, алистический взгляд) от совершения его посредством мышле-((правильный, материалистический и диалектический взгляд).

Идеологии, с одной, и соответствующие им формы сознания, . мышление, с другой стороны, оба утрачивают свою види-ть самостоятельности. Действие не основывается на них, а на номических основных фактах. Но совершается оно посредством шления (подробный анализ этой чрезвычайно важной прин-шальной формулировки Энгельса я напишу в другой раз).

Может быть, т. Кареву останется еще одна возможность выка-аться из затруднений. Может быть, существует в этой области -то третье, кроме мышления и его продуктов—идеологий. Что ое «сложный механизм передачи» т. Карева? Является ли он мой мышления, или он уже идеология, или это что-нибудь звестное до сих пор?

Может быть, т. Карев, стараясь выкарабкаться из затруд-ия, скажет, что это и форма мышления и идеология. Но да как будет с психическим аппаратом? Путь ведь, по т. Ка-у, не лежит через него.

«Тов. Варьяш,—пишет т. Карев,—блуждает в роли некоего иданова осла». Тов. Карев, как видно, за словом в карман полезет. Но мне кажется, что, будучи об'ективным, необхо-ю признать, что эта оценка годится для болтовни о ненуж-ти «изучения психического аппарата» и о нужности «изуче- сложного механизма передачи от базиса к высшим идеологи-ким надстройкам».

Утверждение т. Карева, будто у меня «отрываются психиче-е функции от содержания психики»—явное искажение. Я лаюсь на свой доклад, стр. 282 (три раза на одной странице) тр. 284. Об этом же я говорю и в связи с критерием актики, по поводу которого т. Карев утверждает, что им еня даже не пахнет (ст. Карева, стр. 71).

Для моего дискредитирования и в этой последней главе Карев тоже прибегнул к хорошему, приличному приему: он ирует отзыв одного венгерского журналиста, работавшего и час работающего в крупной буржуазной газете, о нескольких х работах, писанных в промежуток 1909—1914 г.г. Что этот рналист понял меня так, как и т. Карев, это несомненно. упрекает меня в адлеризме, и т. Карев поспешно соглашается им: «Тов. Варьяш признал принцип Адлера «воля власти»

и «колеблется между Фрейдом и Адлером в качестве некоего (
данова осла» [1]).

Я не знаю, как выглядели бы с точки зрения марксист
выдержанности цитаты из работ т. Карева, писанные не 1(
лет, а всего 5 лет тому назад. Но и его скромное желание
облачить» меня по старым работам, если нельзя по теперег
не сможет быть удовлетворено. В упомянутой работе я отзы
об Адлере вот как: «Учение (Адлера) односторонне, не облад
способностью об'яснять что-нибудь. Принцип жел
власти полезен для практической ориентировки (речь иде
отдельных людях), но не годен для теоретического понима
так как тут он сам нуждается в об'яснении»). Вот какой адлер

Правда, я выдвинул в качестве формального механизма
мянутую т. Каревым функцию: фрустрацию. Мне пока не уда
разработать вопроса так ясно, чтобы я мог утверждать, имее
она значение или нет. Но все-таки я мог бы цитировать из Ма
аналогичную идею. Не будучи уверен в правильности этой м
я не считаю необходимым поддерживать ее 15 лет спустя,
я ее высказал. Может быть, что рефлексология когда-нибудь
решит этот вопрос, т. е. разрешит, имеет ли эта функция ско
нибудь заслуживающую внимания роль или нет.

Еще два слова о моем отношении к фрейдизму. Я рассм
ваю фрейдизм с двух точек зрения: 1) как медицинскую тео
2) как социальное мировоззрение. Относительно последнего я
зал, как мне кажется, в своем докладе, что фрейдизм, дл
яснения социальных явлений, для понимания возникновения
логий, ничего не дал. Для правильного подхода к этим в
сам не хватает у фрейдистов самого важного: серьезного усв
марксизма в целом. Поэтому их, относящиеся сюда, поп
являются дилетантскими упражнениями, что отчасти при
и сам Фрейд (Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, 1

О фрейдизме, как медицинской теории, я писал в свое
кладе следующее. «Если он (фрейдизм, как метод лечения) о
дается в практике, мы примем его так же, как принимаем х
или биологию, значит, как положительную науку» (д
Варьяша, стр. 340). Но я знаю и то, что фрейдизм (как
лечения) является лишь маленькой частью общей теории д
ных болезней. В этой области пока еще почти все лишь в
дыше. Поэтому и я сказал там же: «Однако надо подчерк
что, если он оправдается, его законы будут относиться к диал
ческому материализму, как, напр., закон Ома к дифференц
ным уравнениям Максвелла». И даже эта аналогия—лишь
логия, так как диалектический материализм, как всеобщая т
и метод для всех наук, живет и в законе Ома и уравне
Масквелла.

Перейдем к резюме.

1. Тов. Карев не понял и не старался понять меня. О
рался лишь опровергнуть меня.

---

[1]) Я все же думаю, вопреки уничтожающему мнению тов. Карев
большим правом было бы характеризовать это блуждание в сексуальной
Фрейда без понятия бессознательного поведением упомянутого друга Бу
Читатель из цитированной моей оценки Адлера может видеть, каким
адлеристом в 1915 году.

2. Он легкомысленно подошел к глубоким вопросам ма матики, логики и психологии, не зная и теории множеств, все-таки решил, что учение Кантора неверно потому, что Кант верил в бога. Если бы это было так, то и Ньютон должен бы сдан в архив. Кроме того, т. Карев не имел никакого основан говорить на мой счет о Канторе, так как я не приним теорию Кантора и пытаюсь уже в течение 15 л создать принцип другой теории. Тов. Карев без в кого основания хочет подсунуть читателю, что я канториан

3. Он противопоставляет себя Марксу и Энгельсу не толь в отношении исторической оценки великих, хотя идеалистическ мыслителей (Лейбниц, Кеплер).

4. Но, что серьезнее, он противопоставляет се Марксу и Энгельсу в вопросе о различении идео гий и форм мышления. По т. Кареву психического ап рата нам не нужно исследовать. Если бы он был последовател (он меня упрекает в эклектизме), то он должен был бы отрица и то, что бытие определяет сознание, ибо сознание без «психи ского аппарата» [1]) немыслимо.

5. Он не различает диалектичности процессов природы (дельные диалектические изменения) от диалектичнос изменения законов природы и упрекает меня в том, я отрицаю диалектику в природе. На самом же деле я утв ждаю, что не только природные явления проис дят диалектично, но что и законы природы ви изменяются (доклад Варьяша, стр. 269). Только т. Ка знает, где тут отрицание диалектики в природе, да и то ли потому, что он не понял того, что я написал. Неразличен этих двух случаев изменения ведет к упрощен марксизма и противоречит не только духу, но буквам Маркса (см. Предисловие к 2-му изданию « питала»).

6. Тов. Карев стоит на точке зрения Гегеля,— он его «понимает»,—противоречащей Марксу, утв ждая, что теория есть рефлексия метода. На сам же деле метод—это наше отношение к исслед мому предмету, обуславливаемое об'ективными законом ностями предметов, а теория (если она правильна) есть об' тивное отражение действительных отношений мира, отно ний, которые существуют вместе с материей и в материи. закономерные диалектические отношения неотрываемы от ма рии, они существуют вне нас и независимо от нас. Между т как метод не существует без нас и метод может бы правилен лишь в том случае, если ведет нас к п вильной теории, каковую же не следует смешивать с от женными правильной теорией реальными отношениями. Толь эти отношения независимы от нас, но не наш мет их изучения.

Реальные отношения реального общества отразились в го ве Маркса правильно. Это мы знаем на практике. Учение Мар

---

[1]) Я говорю всегда о психофизическом механизме. Тов. Карев, неизвес почему, дает ему наименование: психический аппарат. Может быть, чтобы черкнуть его «идеалистический» характер». Я указываю на свой доклад, 323—324, где я характеризую этот материальный аппарат.

оправдалось и оправдается в действительном развитии общества организации пролетариата. Только благодаря этому мы знае что и его метод был правилен, но знаем это не априори, а посре ством оправдавшегося на практике теоретического предвидени Логический порядок идет обратно тому, как думал Гегель и то Карев. Не так: метод, теория, реальный мир, а та 1) существует независимо от нас мир, т.-е. происходящие в пр странстве и времени процессы (развитие, материи); 2) эти пр цессы материи отражаются в головах людей (если последние у существуют, так как они совершались и до происхождения ч ловека). Эти отражения называются теориями о мире.

Тов. Карев, может быть, возразит по этому поводу, что н только метод зависит от нас, но и теория тоже. Значит, опят метод первенствует («Теория—рефлексия метода», ст. Карев стр. 58). Но здесь дело обстоит так. Исторический стихийны способ изучения природы без рефлексии этого способа предш ствовал сознательному ведению исследования. Правда, метод м жет быть и бессознательным. Тут взаимодействие между теорией методом. Но каждое взаимодействие обуславливается причинн стью. Теория есть приблизительно точное (зависимое от историч ских условий) отражение, она направляется на мир, на предмет В то же самое время, т.-е. всегда одновременно с отражение происходит и приспособление исследователя к предметам. Сам простое, примитивное отражение уже содержит в себе стихийн ряд способов приспособления, т.-е. метод. Но это не значит, ч теория не предшествует методу и что дело обстоит как раз н оборот. Условия и следствия существуют одновременно; между н ми нет пустого времени, когда ничего не случается. Но хотя усл вие существует одновременно со следствием, оно все же остает условием, т.-е. без него нет следствия. Мы стихийно употребляе диалектический метод потому, что так протекают и наши—отр жающие внешние об'екты и их действия—акты. Они суть час действительности. Поэтому отражение мира будет неизбеж диалектично, и мы говорим, что это отражение (диалектическ правильно, ибо оно отражает диалектичность мира. Не бу сознания, закономерность мира останется, но будет только наше знания о ней и, следовательно, метода. Словом, и теория и мет не существуют без нашего сознания, но предметы теории сущ ствуют и без сознания, а предметы метода не существу без него. Предмет теории остается, предмет же метода не остает без сознания людей. Раз есть хотя бы примитивная теория, она существует вместе с методом и метод служит для уточнен теории. «Метод, в широком смысле этого слова, заключает в се общую философскую предпосылку, которой пользуется исслед ватель»,—говорит Аксельрод («Против идеализма», стр. 189). Э предпосылка: сам мир и его законы—с одной, и сознание—с др гой стороны. Но законы мира остались бы и были бы диалектич и тогда, если не было бы знания о них. Только наш подход действительности зависит от структуры сознания, но не ее сущ ствование.

Если теория правильна, то мы считаем и путь, ведущий ней, правильным. Без метода (хотя и не осознанного) нель изучать мир. Это значит, что метод суб'ективно предшествует те рии, но об'ективно он все же следует за ней.

Люди живут в обществе; они постоянно переходят от пра тики к теории и от теории к практике, вследствие чего в действ тельной жизни теория и метод не отрываемы друг от друга—мет переходит в теорию и теория в метод. Но об'ективно отражен процессов мира предшествует методу, так как отражение мира теория отражает мир, а метод отражает наш поступок, наш по ход к нему. Поэтому об'ективный порядок таков: 1. мир; 2. те рия его; 3. метод, как наш подход к миру. При этом теория метод существуют вместе и развитие одного обуславливается ра витием другой, что возможно лишь в обществе.

7. Тов. Карев признает сексуальную теорию Фрейда, но н признает его учения о бессознательном. Это очень оригинальнь подход. Такого еще не было. Наверное, он вытекает из его «ди лектики».

8. Он отбрасывает тот взгляд, что логика понимает свойст одной вещи, как отношение многих вещей. Он возвращается Лейбницу, который, как известно, тоже отбросил эту точку зрени Что предикативная логика (т.-е. формальная логика) не дает во можности перехода от одной вещи к другой и поэтому с само начала исключает диалектическое понимание мира, т. Кареву п нять не дано.

9. Он «не отождествляет логику» (которая, по его мнению, «отр жает законы самого мира») и «законы мира» (ст. Карева, стр. 67

Если под законами логики понимать ошибочно то, что пон мает под этим т. Карев, т.-е. наши представления, наши метод логические приемы, то это верно. Но т. Карев смешивает закон логики, которые так же об'ективны, как и другие законы (после ние являются специализациями об'ективных законов мира), с н шими представлениями об этих законах. Он понимает под логикс методы правильного мышления и исследования точно так же, ка смотрят на них идеалисты. Логические законы так же отличают от наших представлений о них, как закон Ньютона (о которс мы знаем, что имел силу уже и до наших представлений) понятия об этом законе (если бы даже это понятие было и абсолю но точным!). Но, конечно, при таком взгляде логические закон не могут быть «нашими представлениями» (ведь они вообще н представление, а реальные отношения предметов мира!), не мог быть «нашим методом». Эти законы суть наиболее общие диале тические законы мира, самого мира, в том числе и наше сознания, нашей методологии. Наше сознание со всеми методам и даже всеобщей методологией есть диалектический частичнь процесс в совокупном диалектическом движении.

Отрицание же тождества диалектически-логических отнош ний и законов мира (ст. Карева, стр. 67) ведет т. Карева об ективно (не по его желанию) к идеализму, и именно к ка тианству.

Вот главные пробелы в знании т. Карева, касающиеся нау вообще и его уклонов от марксизма в сторону эклектическо идеализма в частности.

Хождение по мукам философской критики [1]).

Ник. Карев.

Без Гегеля, конечно, обойтись невозмож (при изучении марксизма) и притом нужно вре чтобы его переварить.

Ф. Энгельс.

Однако, истинность этой честности в т что она совсем не так честна, как кажется.

Г. В. Гегель.

Обычно полагают, что критики—самый благоденствующий в род. В то время как «настоящие» исследователи принуждены т желой лопатой поднимать архивную целину, либо во всеоружи счетов и ножниц подводить итог накопленному богатству,— это время на долю критиков выпадает благая роль: ловить тр женика науки на случайно сделанной им ошибке, выискива уклоны от ортодоксии там, где прокладываются новые пути ч ловеческому знанию, беспредметными рассуждениями заменя анализ трудного предмета. Обывательская мудрость выражает э в весьма несложной формуле: «Нет ничего легче, как критик вать». Но так же, как всякое настоящее научное исследован соединено с критикой существующего, так и всякая подлинн критика соединена с исследованием. Одно невозможно без др гого, одно—переходит в другое. Но если «исследователь» св боден в выборе и об'екта и тона своей критики, то для «критик ex officio и об'ект и тон его исследования навязываются в изве ной степени извне. И так как цветы, порождаемые капиталист ческой землей, далеко не всегда подобны розам,—то и пу критика скорее напоминает хождение по мукам, нежели пу по райским садам, и орудием его чаще является топор, ч садовые ножницы. В этом смысле, вопреки доле истины, закл ченной в излюбленной поговорке здравого смысла, «нет ниче труднее, как критиковать».

И хотя т. Варьяш в своем ответе нам уже не собирает более «завершать» марксизм (как в докладе в Ком. Академии) а лишь более скромно хочет продолжать «сосредоточивать св силы»—все же наш спор с ним может быть прекрасной илл страцией к сказанному.

Но прежде, чем предлагать оценить картину, следует показа ее. Поэтому разберем сначала по существу цепь рассужден т. Варьяша—на чем и как он теперь «сосредоточивает свои с лы»? Начнем в старом порядке с проблемы теории и метод

[1]) *Примечание редакции.* Статьей т. Карева редакция считает полем в данной плоскости законченной.

[2]) Вестник Ком. Академии, № 9, стр., 261.

I. Проблема метода.

Что писал в Ком. Академии тов. Варьяш? Что мы тогда критиковали у него?

Тов. Варьяш писал, что «раз теория дана, то она по своему …треннему свойству (что такое внутреннее свойство»?) уже …деляет и метод, но нельзя сказать, чтобы то же са… было и обратно. Если я употребляю определен… метод, то из него еще не вытекает определен… теория» (Курсив везде наш. *Н. К.*)[1]). При этом т. …ьяшу теория (он брал пример теории историч. материализма) …валась в качестве некоего «общего закона», в отношении …торому «частные законы суть частные случаи одного общего …на и… могут быть выводимы из него, если даны соот…твующие, ограничивающие исторические условия»[2]).

Это построение т. Варьяша мы критиковали с точки зрения …ксизма. Если употребление определенного метода не приво… необходимо к определенной теории, к определенному миро…рению, но связывается с ним,—то это и есть шаг в сторону …ортунистических теоретиков II Интернационала, для кото… …ист. материализм есть метод изучения истории, независи…й от общего материалистического марксистского ми…воззрения. Отличие т. Варьяша в этом вопросе от Бернштейна и …тского то, что, кроме этой ошибки, он впадает еще и в дру…, представляя неверно самый путь историко-материалисти…ского изучения истории. И тут никакие ссылки на «Маркса, …ельса и т. Ленина»[3]) не помогут.

Речь шла не о перекрещивании законов, а об одном общем …оне, из которого т. Варьяш собирался выводить частные …оны при соответствующих, только ограничивающих выведе… исторических условиях. В этом — логизм части современ… буржуазной философии, которым страдает и т. Варьяш, как …зывали мы в нашей статье[4]). В антикритике тов. Варьяш …инает с того, что обходит все кардинальнейшие вопросы прош…о спора, словно их и не существовало. Впрочем, мы еще не… увидим, как тов. Варьяш «сосредоточивает свои силы» на …мене одной проблемы, в которой он чувствует себя ущемлен…,—другой.

В этом, писали мы, у т. Варьяша—застывшая система и здесь ссылка на «непредубежденного марксиста» ничем не помо… . Исторический материализм не система, точно также как …стория, из которой он выведен и к которой он применяется, …есть реализация какой-либо вечной идеи, а беспрерывный …цесс смены различных общественно-экономических формаций. … прочитать об этом у Ленина, мы указывали прошлый раз.

---

[1]) Там же (Вестник), стр. 310.

[2]) Там же, стр. 272.

[3]) Что значит, между прочим, это выделение «т. Ленина» от Маркса и …льса? К чему оно?

[4]) См. мою статью «Под Знаменем Марксизма» за 1924 г., № 12, стр. 57.

Однако тов. Варьяш не только не взял обратно положения, которые мы критиковали и в защиту которых он не сумел привести ни одного аргумента, но и наговорил по тому же поводу кучу новых несуразностей.

Как ни тоскливо, но придется заняться распутыванием и этого клубка.

Прежде всего, просто—как бы сказать—неловки многочисленные попытки т. Варьяша представить дело так, что у нас методы логики играют роль чисто-суб'ективного порядка, доставляют только «методы правильного мышления и исследования». Мы уже видели, что как раз на наше возражение именно такого порядка против т. Варьяша, он ничего не сумел ответить. Теперь мы видим, что он ответил, но в свойственном только ему стиле, по принципу—кричать «держи вора» по адресу того, кто тебя же уличает в воровстве. С этим принципом, составляющим глубочайшее и самое плоское основание всей стратегии т. Варьяша, мы еще не раз встретимся впоследствии и там его по заслугам оценим. Сейчас, чтобы ясно было читателю, как защищается тов. Варьяш, приведем лишь одну цитату из нашей статьи: что такое метод с точки зрения диалектического материализма? Диалектический материализм никогда не рассматривал метод, как нечто суб'ективное, как принцип упорядочения явлений. Это—махистское понимание метода. Именно потому мы можем посредством нашего метода верно истолковывать и группировать явления, что он выражает формы движения самой действительности, отражает ее закономерность». Одно из двух. Либо, растерявшись и растеряв свои точки зрения, тов. Варьяш, ослеп, читая эти строки в нашей статье, и вследствие этого приписал нам прямо противоположное тому, что мы писали, либо он сделал это с вполне сознательным намерением. Квалифицировать это последнее мы предоставляем самим читателям.

Все это тем более шито белыми нитками, что либо запутавшись сам, либо запутывая других, т. Варьяш вновь в антикритике, несколькими строками выше столь грациозного обвинения по нашему адресу, сам повторяет то же понимание метода, которое мы уже критиковали в его докладе. Он характеризует метод только как «наш подход к миру», в чем, очевидно, не отражается ни на каплю об'ективная значимость метода. Стоит с этим сравнить лишь следующее замечание Ленина: «об'ективизм: категории мышления (которыми оперируют логика, методология) не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека» [1]). Но разве «эрудиция» заключается в том, чтобы изучать Ленина?

Все несчастия тов. Варьяша в проблеме теории и метода происходят от того, что он вообще не ясно представляет себе,—что такое метод.

Процесс познания, с его точки зрения, проходит три этапа: 1) абстрагирование законов природы и общества путем индук-

---

[1]) Н. Ленин. Конспект «Науки Логики» Гегеля,—«Под Знаменем Марксизма» за 1925 г., № 1—2, стр. 10. Дальнейшие ссылки: Ленин, Конспект.

ı, 2) изложение их дедуктивным путем, 3) синтез того
ругого в системе. Синтез не Гегелевский и не Марксовский,
сто-механический, так как индукция и дедукция просто сме-
от друг друга.

Все это построение ничего общего не имеет с диалекти-
кой точки зрения на познание. Не боясь казаться пара-
альным, мы можем сказать, что для т. Варьяша, несмотря
то, что он направо и налево клянется диалектикой, вообще
существует ни диалектической логики, ни диалектического
ода. Ему только кажется, что он ими оперирует. На деле он
понимает самой возможности их существова-
л. Мы боимся, что в данном случае избыток эрудиции в обла-
метафизики приводит т. Варьяша к невежеству в области
лектики.

В самом деле, что такое с точки зрения т. Варьяша метод?
уже видели, что это «наш поступок (!?), наш подход к миру».
какой подход?

В одном месте он говорит о «математическо-диалекти-
ском» способе познания. Известно, что математика наука
дуктивная. В другом месте он, возражая нам насчет зна-
ия метода, говорит, что дедукция является не способом
ледования, а способом изложения. Наконец он пишет: «Тов. Ка-
не различает исследования процессов, идущего индуктивно
бстрагирующего, от способа изложения; последнее идет, по
ьшей части, дедуктивно и получается вид, как будто мы
ько применяем наш метод к миру». Т.-е. применение ме-
а, по т. Варьяшу «нашего подхода к миру», сводится к де-
тивному изложению индуктивно найденных законов мира.
дметы теории для него существуют без нашего сознания, а
едметы метода не существуют без него». Т.-е. предмет
ода лишь наше знание о мире. Мы видели, насколько
согласуется с Лениным и как добросовестно поступил
Варьяш, приписав несколькими строками ниже нам то, что он
ным по белому только что написал сам. Таким образом, беспре-
но путаясь сам и запутывая других, в конечном счете т. Варь-
метод отождествляет с дедуктивным изложением предмета. С
м вполне согласуется его представление об историческом мате-
лизме, как об одном общем законе, из которого выводятся
тные законы, с этим согласуется и его отождествление математи-
еского и диалектического познания. Но, повторяем, все это
его общего не имеет ни с марксизмом, ни с диалектикой.
юда же у него метод не принимает никакого участия в иссле-
ании самой природы, отыскании ее законов, и отсюда же по-
яется нелепейшая схема: мир—теория—метод, где метод ото-
н от мира, к изучению которого он должен применяться, и
дует за теорией, законы которой должны открываться при
помощи. Опять чисто-механическая схема, в которой нет
грана живого, диалектического движения предмета. На самом
е, всякому желающему хотя бы немного познакомиться с
ксизмом, а не то что писать о нем, достаточно было бы
мательно следить хотя бы за текущей марксистской литера-
й, чтобы в статье т. А. Деборина «Маркс и Гегель» (в «Под
менем марксизма», за 1924 г., № 3, стр. 9) прочитать, что
абстрактно-дедуктивный» (математический),

ии индуктивный метод не следует отождествлят методом диалектическим».

Верно, вопреки Гегелю, что источником всякого нашего з ния является чувственный опыт. Но «наука имеет дело с по: тиями» и «без мышления нет науки», без мышления, оперирующ понятиями, имеющими своим источником опыт. Поэтому стоим не на эмпирической, и не на рационалистической т как зрения, между которыми беспомощно мечется метафизи ская философия, а на диалектической точке зрения, точке зрения рационального эмпиризма. Однако на ные понятия—не пустые абстракции, не просто тени дейст тельности. И здесь тов. Варьяш дает недостаточное определен не понимает диалектической постановки вопроса. Научное по тие это—конкретное понятие, которое «вбирает в себя все бог ство и всю полноту действительности» (Деборин, там же). Огр ная заслуга тов. Деборина в том, что он вполне предвосхитил отношение к гегелевскому понятию, которое мы теперь тол видим у Ленина: «Прекрасная формула: «Не только абстра ное всеобщее, но и всеобщее такое, которое воплощает в себе гатство особенного, индивидуального, отдельного». Très bien»

Тов. Варьяшу, презрительно относящемуся к Гегелю и геге янству, очевидно, и не снилась самая возможность такой постан ки проблемы. За то ведь у него необ'ятная эрудиция, непоср ственно граничащая с... незнанием. Крайности, как известно, сходятся.

Из всего изложенного следует, что тов. Варьяш соверше не понимает значения и места диалектического метода. Диал тический метод не представляет собою попеременного механи ского применения индукции и дедукции. То, что он извлек из опыта, есть конкретное понятие, конкретное всеє щее. Система таких понятий, отражающая движение конкрэт действительности, есть наука, научная теория. Категории, к рыми оперирует диалектический метод, не только пособия челове а и выражения об'ективной закономерности и природы и челове Поэтому в исследовании только применяя диалектический мет хотя бы и стихийно (у естествоиспытателей), мы можем созд систему понятий, научную теорию, верно отражающую дейст тельность. Такие положения, как единство противоположносте их переход одной в другую, всеобщая взаимозависимость явле и т. д. служат и отражением самой действительности, и, в си этого, указаниями на то, как следует изучать развивающи предмет, как верно составить себе понятие о законах его развит И при всем этом т. Варьяш будет продолжать нам тверд свою мертвую схему: мир—теория—метод, где метод оторван жизни и превращен в служанку знания вместо того, чтобы б его орудием, его сердцем [2]).

---

[1]) Ленин, Конспект, стр. 16.

[2]) Совершенно очевидно вместе с тем, что все то, что т. Варьяш г о суб'ективном предшествовании метода теории и об'ективном следов есть пустая схоластика. Все эти выкрутасы лишь отражают путаницу г лове тов. Варьяша, и суб'ективно и об'ективно предшествующую его р ждениям о предмете.

Диалектический метод не есть механическое единство дедук-
[и] индукции, а нечто совсем другое — единство аналитиче-
го и синтетического метода. Что это значит, мы рекомендуем
Варьяшу узнать из «Науки Логики» внушающего ему такое
ращение, но к сожалению для него, столь близкого «Марксу,
ельсу и тов. Ленину» — старика Гегеля.

Нам, может быть, однако, возразят, что пусть у т. Варьяша
ствительно есть некоторая путаница во всех этих вопросах,
ть бесспорно доказано, что у него есть элементы махистского,
'ективистского понимания метода, как принципа упорядочения
онов и теорий — в. системы[1]), пусть все это будет, — но все
у него есть временами и проблески верного понимания дела,
бенно того, что логика — не только наука о наших законах
шления, но и об об'ективных законах мира. Он ведь критикует
ке нас за то, что мы отрицаем «тождество диалектически-логи-
ких отношений и законов мира», что по его мнению ведет нас
идеализму, и именно к кантианству. Здорово, не правда ли?
[ ] упрекаем т. Варьяша в идеализме и находим у него эле-
ты кантианства — нате же, вот вы — идеалисты, вы — кантианцы!
печательный метод! Главное — не требует никаких умственных
илий. В чем обвиняет тебя критик — вали на него обратно — и
ль ты паче снега убелишься! Жаль лишь, что иногда критики
шут ответы и на месте ловят с поличным злоумышленника.

Верно, что мы на стр. 67 своей статьи критиковали точку зре-
я т. Варьяша на отождествление логики и законов мира. Во
бежание недоразумений мы приведем здесь цитату из того,
) писали там: «И с нашей точки зрения логика отражает
оны самого мира, не есть только плоский прием нашего разума.
рно отражая законы развития и действительности, диалектиче-
ая логика служит надежным орудием их изучения. Но мы не
ждествляем логику и законы мира. Они отождествлены лишь
идеалистической логике Гегеля. Логическое развитие
ятия не тождественно с развитием действительного мира, вто-
: не выводимо из первого. Мы не выводим законы развития
ра из нашей логики, а познаем их при помощи нашей логики,
енно потому об'ективно познаем, что сама диалектическая
гика является отражением законов развития реального мира».
в. Варьяш не согласен с этим и настаивает на тождестве того

---

1) Ср. упорное применение т. Варьяшем к природе термина «упорядоченное»
ие (ср. полемику т. Варьяша с т. Милоновым в «Воинств. Материалисте»,
, стр. 304—305). При эрудиции т. Варьяша нетрудно было бы заметить в нем
истский душок. «Упорядочение» в русском языке предполагает упорядочи-
щее вмешательство кого-либо, бога или человека, как верно отмечает
Милонов. Природа — не «упорядоченное», а закономерное бы-
е даже для идеалистов типа Гегеля. Наоборот, основным грехом людей
а Богданова, всюду видящих «упорядочивающий», «упорядоченный», «орга-
ационный» процесс, является то, что всякая организация предполагает вно-
щего ее суб'екта. Для Богданова это понятно, поскольку таким суб'ектом
него является человеческая активность, организующая социальный опыт.
юда же видно, что «всеобщая организационная наука» ничего общего не
ет с диалектикой. Т. Варьяша же, как известно, инстинктивно «влечет неве-
ая сила» ко всем туманным берегам. Но какая же бездна «эрудиции» после
го в его замечании по поводу отрицания «упорядоченного» бытия, что
кое утверждение есть ultima Thule всех «новых» гегельянцев-идеалистов (но
дь не для самого Гегеля)». Есть же эдакие специалисты корчить из себя
есть что, не имея за душой ничего!..

и другого. Очень приятно, хотя это несколько и противоречи по обыкновению, тому, что сам же т. Варьяш пишет несколькими страницами раньше, где он рекомендует правильную теорию (к торая с его точки зрения является в нашем знании б л и ж а ш е й инстанцией к миру, над которой возвышается метод), с с м е ш и в а т ь с отраженными правильной теорией реальным отношениями». Однако в писаниях т. Варьяша крупицы исти мелькают, как известно, непонятно по чьему вдохновению, ли изредка и притом так, что совсем не вяжутся со всем предыдущи и последующим. Так и в данном случае. Мелькнуло верное пре ложение и потонуло, как капля в море, в окружающей эклекти ческой воде.

Тов. Варьяш не понимает, что признавать его тождество- это значит отрицать исторический метод в применении к самом процессу познания. Мы писали в критике т. Варьяша: «Мар ксизм же стоит на и с т о р и ч е с к о й точке зрения, согласн которой наше познание, наша логика не есть ни только пси хический феномен, ни нечто в п о л н е адэкватное самой действи тельности. Мы познаем действительность в цепи относительны но об'е к т и в н ы х истин, и познаваемые нами логические кат гории и законы, не давая абсолютного познания действительны законов мира, дают их относительно—о б'е к т и в н о е познани именно поэтому могут служить орудием нашей практики, бес конечно приближаясь к абсолютной истине в процессе научног познания». Тов. Варьяшу должно бы было быть известным, пр его «эрудиции», что эта точка зрения принадлежит не Канту, впервые была выдвинута Гегелем, рисовавшим в своей гениал ной «Феноменологии Духа» величественную картину развити человеческого знания. И тогда бы он понял, что для д и а л е к т и к а отношение между предметом и понятием, суб'ектом и об'е том—не п р о с т о е т о ж д е с т в о, а е д и н с т в о п р о т и в о п л о ж н о с т е й. «Противоречие между предметом и понятием сост вляет внутренний и движущий момент знания»[1]). Или у Ленин поразительное по глубине определение логики: «Логика есть уч ние не о внешних формах мышления, а о законах развития всех м териальных, природных и духовных вещей», т.-е. развития всег конкретного содержания мира и познания его, т.-е. итог, сумм вывод и с т о р и и (подчеркнуто Лениным. *Н. К*) познания мира»[2] И в другом месте—к цитате из Гегеля, что «логика—чиста наука, т.-е. чистое знание в п о л н о м об'еме своего развити (подчеркнуто Лениным. *Н. К.*)—замечание Ленина: «1-я строка ахинея, 2-я гениальна». Тов. Варьяш цитировал в другом мес известные слова Маркса, что мы знаем в сущности лишь одн науку—науку истории, но так и не понял (эрудиция подвела!) какое это близкое отношение имеет к столь нелюбимому им Г гелю и к интересующему нас вопросу.

Не понимая диал. единства противоположностей и отождес вив логику и законы мира, как мы и писали, т. Варьяш незамедл

---

[1]) А. Деборин. «Маркс и Гегель».—«Под Знам. Маркс.» за 1923 № 10, стр. 9.

[2]) Ленин, Конспект, стр. 12.

тельно, конечно, пришел к тому рационализму и логизму (жуазной философии, о котором мы уже несколько раз писа и который превращает наше знание в абсолютное. Эту то зрения мы называли quasi-марксистской, как с этим согласи бкий «непредубежденный марксист». Т. Варьяш пишет, какие-то «более опытные и авторитетные» марксисты с ни чем-то согласны (Кто именно? В чем? Опять намеки без име: Марксисты не отрицают ни авторитетов, вопреки Богданову, щитат, вопреки т. Варьяшу. Но для всякого марксиста чист марксистского знамени выше любого авторитета. И тот) ксист, коль нашелся бы такой, как бы авторитетен он ни б который солидаризировался бы с т. Варьяшем в его путан перестал бы быть марксистом.

Нам остается сделать еще несколько дополнительных заме ний, чтобы покончить с проблемой метода.

Конечно же, совершеннейшие пустяки пишет т. Варьяш том, что мы «обособляем законы процессов в качестве метода самих процессов». Это, употребляя столь неправящееся т. Варья выражение, действительно сапоги всмятку. Хотя т. Варьяш п черкивает эту фразу,—мы, откровенно говоря, просто не поним ее. То, что он говорит далее о том, что мы не различаем мет исследования от метода изложения—просто неверно, т. к. нас целая страница посвящена этому вопросу (стр. 57—(Прием здесь у т. Варьяша слишком обычен, чтобы на нем ос навливаться. Об обособлении у нас законов от процессо речи связи и речи не было. Речь была в другой связи—во мы указывали на то, что у тов. Варьяша под флагом диалекти законов отрицается диалектика явлений (стр. 70). В данной св фраза т. Варьяша появилась по польскому правилу: дар за д даром ничего! В чем бы ты меня ни упрекал—во всем этом дол: и я упрекнуть тебя. И только в заключении мы имеем попы т. Варьяша защитить свое понимание сути дела. Защита, вп чем, своеобразная: мы не поняли, что у него написано. Что т Варьяш вообще пишет очень туманно—это верно. Но в дан случае мы имеем исключение. «Непредубежденный» читатель проверит дело. У тов. Варьяша было написано по поводу сопоставления гипотез Лоренца, Герца и Эйнштейна: «Это, нечно, **не есть еще** доказательство, что **сами проце** в природе протекают диалектически. Уничтожение одной ги зы другой, более широкой, само предполагает **постоянст** курсив всюду наш, где это особо не оговорено. *Н. К.*) течен природных процессов («постоянство процессов»—разве это проти речит диалектике, не доказывает ее? *Н. К.*). **О диалектик природе можно иметь право говорить только ра матривая естественную зависимость в целом, к** **логически** (курсив т. Варьяша. Двойной курсив на *Н. К.*). Ибо в каждый момент времени отношения зависимо мира являются **постоянными**, т.-е. подчиняются одним м же законам, таким образом эти законы для любого момен времени тождественны (как будто подчинение одним и тем законам исключает диалектичность развития? Ну и диалектиі *Н. К.*). Если принять во внимание космические периоды (З то такое? Даже не всеобщую связь явлений, а какие-то «к мические периоды»?! *Н. К.*), тогда возникнет и изменение за

нов, т.-е. процесс сделается диалектическим» [1]). Если вся эта тирада, с нелепейшим для диалектика противопоставлением космического, всеобщего—отдельному, и имеет смысл, то лишь тот, что т. Варьяш, сбитый с толку Лукачем, действительно пытался противопоставить диалектику законов — диалектике процессов. Пусть судит читатель по приведенной цитате, было ли это и правы ли мы были, осмеивая очередной выкрутас тов. Варьяша.

Мы уже писали, что тов. Варьяш не понимает диалектического метода. Ему только кажется, что он есть. То, что он принимает за него, не имеет с ним ничего общего. Вот еще одно доказательство того же. В заключении (пункт 8) т. Варьяш возражает против того, что мы отбрасываем его логику отношений: «т. н. предикативная логика (т.-е. формальная логика) не дает возможности перехода от одной вещи к другой», чего мы якобы не понимаем. Мы не знаем, какому марксизму учился т. Варьяш, но мы твердо знаем, что кроме формальной логики и логики отношений существует еще диалектическая логика, для которой вещи и их свойства составляют диалектическое единство, одинаково снимающее в себе и предикативную логику и логику отношений. Но этой высшей точки зрения не видит тов. Варьяш, ее не существует для него. Гегель мстит за себя.

Замечание о неверной формулировке закона развития производительных сил у т. Варьяша мы вынуждены также поддерживать, так как его ссылки на стр. 284 своего доклада совершенно неубедительны. Мы в противоположность т. Варьяшу, ни разу ни на каплю не видоизменили его текста, так как то место, которое мы цитировали и критиковали, находится, как известно и т. Варьяшу, на стр. 271, и там никаких оговорок к формулировке т. Варьяша нет. Под-ряд 13 страниц, очевидно, мы цитировать не могли. Так основательно защищается тов. Варьяш, подменяя один свой текст другим.

Насчет отношения теории и метода ко всему тому, что здесь сказано, мы не имеем оснований повторять в виде добавления то, что писали уже прошлый раз. К систематическому изложению проблемы мы еще надеемся вернуться вне связи с трудами тов. Варьяша. Все же то, что тов. Варьяш преподнес нам в антикритике по этому вопросу, мы разобрали достаточно подробно. Заметим лишь, что в докладе основной целью тов. Варьяша, как он тогда писал, было доказать ошибки тех «в наших собственных рядах», кто считает исторический материализм прежде всего методом изучения истории и кто хочет «не из исторического материализма, но из самой истории, согласно (курсив т. Варьяша. *Н. К.*) историческому материализму, выводит отдельные исторические законы» [2]). Тов. Варьяш хотел их выводить не из самой истории, очевидно, а из «одного общего закона», из некоего гипостазированного исторического материализма [3]). Сейчас оказывается, что его задачей было лишь показать, что «отделение метода от теории не есть диалектика», как будто бы «в наших собственных рядах» хоть

[1]) Вестник, стр. 268. На стр. 269, которую указывает т. Варьяш, вообще на эту тему ничего нет.

[2]) Вестник, стр. 269—271.

[3]) Ср. с этим у Энгельса.

то-нибудь, кроме т. Варьяша, их отделял? Так меняются времен
и даже одни и те же птицы поют разные песни.

Перейдем же к «математически-диалектическому способу познания тов. Варьяша.

II. Проблема математического познания.

Начнем с частных замечаний.

Изложив то, что мы писали, опираясь на Гегеля и Энгельса о природе математического познания, т. Варьяш выводит следующее заключение: «Значит, по ним и тов. Кареву, математика: 1) не улавливает качественного многообразия действительности, 2) в анализе бесконечно-малых (он не есть часть математики?—вопрошает т. Варьяш) она улавливает момент качественно-количественного развития». Из этого следует, что у нас «вопиющие» противоречия и мы ошибаемся, отождествляя в данном случае воззрения Гегеля и Энгельса.

Однако, хотя вера тов. Варьяша в том, что он знает философию математики, далеко превышает горчичное зерно, все же мы должны отказать ему в диалектическом понимании сути дела. Мы отождествили точку зрения Энгельса и Гегеля, у которого часто благодаря диалектическому методу, за идеалистической оболочкой скрывались материалистические воззрения (пусть Варьяш попробует отрицать это!), в определенном случае, в их воззрениях на опытное происхождение математических понятий, количественную безразличность предмета низшей математики и появление качественного момента в высшей. Признавал все это Гегель или нет? Признавал ли все это Энгельс или нет? Да, оба признавали. Здесь не помогут т. Варьяшу общие, всем известные, рассуждения о идеализме Гегеля и материализме Энгельса. Кто же не знает, что Гегель—идеалист? Или этим только и ограничивается то, что дает т. Варьяшу о Гегеле его «эрудиция»? Речь идет о совершенно конкретном диалектическом анализе Гегелем математического познания, который вполне, в отмеченных нами рамках, материалистичен, что следует и из его полного совпадения, даже в формулировках, с анализом Энгельса. Где тов. Варьяш опроверг это по существу? Он не может этого опровергнуть и потому занимается общими разговорами, для ведения которых не требуется никаких знаний. Ведь недаром же единственная «цитата» из Гегеля, которую приводит т. Варьяш, сводится к тому, что «входящие в математику положения должны быть строго доказаны»!.. Просто скандал для человека, пишущего о диалектическом методе. Тов. Варьяш—иностранец. Но он, к сожалению, уже успел усвоить так распространенное среди нас, русских коммунистов, чванство. Он знает математику, идеализм, естествознание,—все что угодно. Все, кто его критикуют, ничего не знают, ничему не учились, ничего не видели и не имеют никаких трудов по дифференциальному исчислению, хотя ни один человек еще не слышал о заслугах тов. Варьяша в этой области. Он—великий эрудит! Но еще тов. Ленин учил нас беспощадно осмеивать подобное чванство: особенно заслуживает оно всяческого осмеяния в человеке, который берется писать о марксизме, не зная его азов.

Понятно отсюда, что вопиющие противоречия в изложен... тами воззрениях Гегеля и Энгельса померещились тов. Варья... лишь потому, что он не различил математического познания, ...орое критиковал Гегель и критику, которого мы излагали, от ...конкретного содержания, которое составляет современную м...атику и в котором на высших ступенях применяется диалект... Тов. Варьяшу это было бы совершенно ясно, если бы он у...сужился прочитать повнимательнее указанные места из «Фен...нологии Духа» и второй отдел первой части «Науки Логики».

О том, что мы якобы отрицаем присутствие каких бы то было элементов формальной логики в высшей математике, ... Варьяш явным образом сочинил сам, так как у нас соверше... ясно написано, что «диалектический момент появляется с ...реходом от постоянных величин к переменным, к высшему а...лизу» (стр. 63).

Поэтому вся тирада о Протагоре и эклектике ничего не ст... Смущение некоторое вызывает только замечание т. Варьяша, ... наш «взгляд» на математику предшествовал изучению нами ...тематики (что, очевидно, плохо), тогда как в начале статьи ... пишет, что скверно, если «философская суть математичес... анализа усваивается не до знакомства с математикой, а п... него». Когда же «взгляд» на математику вырабатывать ... т. Варьяшу? До или после ее изучения? Мы думает, чт... процессе изучения математики, но разве тов. Варьяш ... знает такую «эклектику», он, всегда столь далекий эклектик...

Тов. Варьяш начинает с защиты Кантора (в тексте) с ... чтобы в конце и в примечании недоумевать зачем мы во... извлекли Кантора на вольный свет в связи с ним. Начнем и с первого.

Несмотря на всю эрудицию тов. Варьяша, все же невер... что Кантор опирается в своем различении двух родов бесконеч... и в понимании их на Гегеля. Кантор по существу отри... Гегеля. Он стремится к ложно им понятому Спинозе и выра... скорее кое в чем свое согласие с Дюрингом. Пусть читате... книге, которую я цитировал и которую поэтому так некстати ... Варьяш предлагает моему вниманию, прочтет стр. 72 [1]). В пр... вовсе т. Варьяшу, желающему сблизить Кантора с Гегелем, ... Кантор отклонил такую же попытку Вундта [2]). В да... случае, тов. Варьяша либо подводит его эрудиция, либо он пр... не хочет знать того, что ему неприятно. Цитата, приводимая ... Варьяшем, ничего не доказывает, ибо как раз здесь Г. Ка... апеллирует от Гегеля к Спинозе (повторяем—плохо им пони...мому).

Тов. Варьяш утверждает, что чудовищно то, что я гово... бесконечном Кантора. К счастью, тов. Варьяш сам наговорил ... столько чудовищных с точки зрения марксизма вещей, что ... можно, что у него все преломляется в обратном виде и может ... то, что ему чудится чудовищным—не будет таковым для ди...тика. И наоборот,—то, что ему кажется естественным—окая... чудовищным для диалектика.

[1]) Новые идеи в математике, сборник № 6. Учение о множествах Г. Кантора.
[2]) Там же, стр. 88.

Он утверждает, что мы не умеем цитировать, когда говорим
анторовском бесконечном, как «расположенном в некоторой вполн
пределенной точке». В тексте Кантора якобы совершенно друго
смотрим. Вот совершенно точная выписка из Кантора: «Отсю
из рассмотрения аналитической функции комплексной переменно
величины) следует полная закономерность того, чт
и мыслить в этом случае бесконечное, как расп
оженное в некоторой вполне определенной точк
стр. 4). Мы уверены, что всякий диалектик, даже всякий челове
просто обладающий здравым смыслом, откажется мыслить т
кое бесконечное. Возможно, что эта цитата не устраива
тов. Варьяша, но мы действительно не умеем цитировать та
чтобы он получал всякий раз от этого удовольствие. Совершенн
очевидно, что такое бесконечное не имеет ничего общего с пр
цессом в области бесконечного, как в том хочет нас уверит
тов. Варьяш, так как в области «иерархии бесконечных модусов
которой оперирует Кантор, порождение одних величин другим
вовсе не есть процесс, процесс перехода бесконечного в конечно
и обратно, как только можно представлять себе в данном случа
диалектическое развитие, а есть метафизическая конструкция и
наслаиваемых чисто внешне друг на друга рядов различного ти
бесконечностей.

О том, что Больцано был поп и что Кантор верил в бог
писал потому, что они свои теории, о которых шла речь, и
меющие никакого значения для прогресса положительной наук
строили для обоснования своей веры. Кантор прямо говорил, чт
он ищет новых путей для обоснования религии. Что Больцан
был еретик, ничего не меняет в сущности дела. Ведь ника
кой, как Больцано (зачем это забывать или замазы
вать т. Варьяшу в среде марксистов, утверждая, что неи
вестно, был ли он верующий человек) написал специальну
книгу «Атаназия или основания бессмертия души». Старая повад
ка изображать критикующих фидеизм марксистов — варварам
старая, давно известная, которой никого не запугаешь. М
вовсе не отказываемся от использования плодов научных достиж
ний тех или иных исследователей только потому, что они был
добрыми верующими. Аргумент т. Варьяша давно пережевывал
устами всех адептов идеализма и религии, критиковавших мар
ксизм, и нового в нем нет ровно ни капли. Но мы категоричес
отказываемся следовать за этими «верующими» там, где они
науку тащат мистический хлам и хотят обосновать его на почв
науки. А что это соединение науки с религией способно мистиф
цировать кое-кого—видно и на примере т. Варьяша. Поэтому, во
преки крикам Варьяша о нашей реакционности, мы будем попреж
нему недоверчивы к ученым попам и поповствующим ученым.

Тов. Варьяш утверждает, что мы напрасно отождествили ег
точку зрения с точкой зрения Больцано на отношение причин
ности к закону достаточного основания. Он подозревает, что м
читали у Больцано лишь одну страницу. Фрейдистам и бог веле
читать в сердцах других! К сожалению, путь его обычный. Т
место, которое он цитирует через полстраницы после того, которо
цитировали мы, в одном и том же § 207 «Wissenschaftslehre», в. I
прочитать, конечно, было не трудно, и, конечно же, дело не
том, что мы не читали его, а в том, что упрекали-то мы т. Варьяш

не по тому поводу, по какому он оправдываетс:
Старая история! Мы писали, что у него мы имеем то же подчеркивание различия логического основания и причины, которое мы имеем и у чешского теолога и идеалиста Больцано и которое в докладе т. Варьяш возвел чуть ли не в основной к материалистического мировоззрения. О тождестве вообще воззрени на причинность Больцано и Варьяша мы не говорили. Стоит лиш для этого прочесть то место у нас, на которое ссылается то Варьяш. Это наше замечание т. Варьяш обходит молчанием, та как ему нечего на него ответить. Ибо действительно основно различие между материализмом и идеализмом не там, где ег хотел видеть т. Варьяш.

Как ни скучно, но приходится, чтобы не оставлять ни едино зацепки нашему «совестливому оппоненту», продолжать, мягк выражаясь, выяснение его заблуждений по отдельным вопроса и замечаниям. Утверждая, что мы рассчитывали на то, что на никто не будет проверять—тов. Варьяш думает, что этим с себя ставит вне опасности проверки,—однако и в данном сл чае он ошибается.

Тов. Варьяш не согласен с нашим утверждением, что Лейбни и Кантор близки друг другу. Он ссылается на отклонение Кант ром авторитета Лейбница в одном вопросе. Он не замеча что одно это есть тем самым уже свидетельство высокого авт ритета Лейбница для Кантора. Он видит всегда лишь одну ст рону дела, как и подобает всякому метафизику. К счастью, ес свидетельства самого Кантора, что он хочет вернуться к «органи ческому» об'яснению природы Спинозы и Лейбница (это не отдел ный вопрос!) [1]).

Тов. Варьяш находит, что я пишу без знания дела, когд утверждаю, что Кантор относится пренебрежительно к исчислени бесконечно-малых, тогда как Кантор первую свою работу как р писал в этой области. Как будто бы из того, что т. Варьяш писа свои первые работы на фрейдовские темы следует, что для не только они и существуют и что он не собирается «заверши марксизм»! А вот в зрелых своих работах, создающих шк лу, Кантор писал, что его собственно-бесконечное относится бесконечно-большому. «Если вообще существуют, т.-е. доступн определению собственно-бесконечные малые величины, то они н верное не стоят ни в какой непосредственной связи с обычным становящимися (вот где процесс, т. Варьяш!) бесконечно-малы величинами» [2]). Или, вопреки своим же советам, т. Варьяш читает до конца и даже сначала тех самых книжек, которые рекомендует другим, в области математики, хваленой области е «эрудиции»?!

Таковы примеры 38 грубых ошибок на 35 страницах наш статьи, найденных у нас т. Варьяшем! Стоило ли трудитьс т. Варьяш, на посмеяние самого себя?!...

С грацией носорога тов. Варьяш выпутывается из затрудн ний, в которые он попал, об'явив калькулятивную логику Луиса абсолютной. Видите ли, надо различать абсолютное от абсолютн верного. Он сравнивает свое понимание абсолютной логики с т

---

[1]) Новые идеи в математике, сб. 6, стр. 23.
[2]) Там же, стр. 15.

пониманием абсолютного, которое есть в геометрии. Но ведь и т
во-первых, абсолютной называют такую геометрию, которая вк
чает в себя как частный случай Евклидову. Разве калькулятив
логика включает в себя остальные логики, в том числе и диал
тику, как частный случай? Во-вторых, разве действительно
области логики нет марксистского понимания абсолютного? Ра
вообще в логике понятие абсолютного не фигурирует с дав
пор и притом далеко не в геометрическом смысле этого сло
Или, может быть, и здесь подводит т. Варьяша его эрудиц
Ограничимся пока хотя бы этими вопросами к т. Варьяшу і
весьма полезного о них размышления.

Тов. Варьяш находит, что мы «находимся в недоразумени
обвиняя его в идеалистическом релятивизме и файгингерианст
Возражения он указывает в конце статьи. Мы уже видели ц
этим возражениям и видели также, что т. Варьяш не видит вых
за пределы логики отношений. Т.-е. он не видит выхода
пределы идеалистического релятивизма и ни словом более
обмолвливается в опровержение того, что он следовал кое в
в своей статье «Формальная и диалектическая логика»—Файг
геру. Для доказательства «недоразумения», как очевидно всяко
этого недостаточно.

Что касается изложения выступления т. Варьяша по пов
этики и доклада Фогараши, мы, конечно, не знали обстановки эт
выступления, но дали совершенно точный его перевод с венг
ского. В нашей критической статье есть длиннейшая выписка,
которой совершенно ясно всякому читателю, что т. Варьяш
только выяснял подлинные воззрения Канта, но и развивал св
отличные от Канта, метафизические (мораль=абсолютному знан
и т. д.). Там нет простого изложения Канта. Канторовское
влияние было в признании абсолютного этического закона. Остр
о смешении Канта с Кантором, очевидно, не помогает т. Варья
в данном случае. А что по части этики у т. Варьяша до
пор неблагополучно—будет видно из дальнейшего.

Наконец, pro domo sua. Хорошо ли мы сделали, цитируя ста
статьи т. Варьяша, и что было бы, если бы т. Варьяш цитиро
наши статьи до 1918 г. или даже пять лет тому назад? Цитиров
все можно, но это было бы несомненно напрасно затраченн
трудом, ибо в уездных и даже губернских «Известиях» ниче
кроме популяризации тогдашних лозунгов дня и обсуждения о
редных задач местных советов, тов. Варьяш не нашел бы.
вовсе не собирались состязаться с тов. Варьяшем ни в рево
ционных заслугах, ни в смысле академического стажа, ни в в
расте, ни в каком бы то ни было другом отношен
Мы это говорили и прошлый раз. Ничего личного
не касались в критике. Но того, что печатно защищал
Варьяш, на что он официально ссылался на марксистск
философских диспутах и что он продолжал считать верны
этого мы были в праве коснуться, и тот, кто это не понима
не понимает большевистского отношения к прошлому. И поэто
в теперешних об'яснениях т. Варьяша мы абсолютно не одобря
того места, где он пишет, что его фрейдистская брошюра о во
ных страстях, направлявшаяся им против войны, в первой ча
заключала «мало касающиеся дела (??!) психологические рас
ждения». Одно из двух. Либо т. Варьяш не был тогда марксис

и тогда все понятно и не о чем более говорить, либо он бы тогда марксистом и писал заведомо неверные положения для того чтобы несколько верных проскользнуло через цензуру. В таком случае категорически нельзя одобрить его способа действия, ка совершенно несовместимого с марксистским отношением к принципам революционной теории [1]).

Этим исчерпывается одна часть вопроса.

В связи с проблемой математического познания остаются ещ два более общих вопроса: зачем мы вообще извлекали на свет бо жий Кантора и каково вообще отношение математики и диалектики.

Что касается ответа на первый вопрос, то он нашему чита телю должен быть ясен. Свой переворот в области диалектической логики т. Варьяш связывал с современной философией математики. Важнейшую роль в ней играли в недавнее время, да играю еще в значительной степени и до сих пор, логисты и Кантор Отношение логистики к диалектике разбиралось у нас в журнале Мы взяли на себя хотя бы ряд беглых указаний на действитель ную роль Кантора, тем более, что Кантор примыкает к Больцано к которому, с другой стороны, примыкает Гуссерль великий идеа лист по мнению т. Варьяша. Как выясняется, мы попали не бровь, а в глаз и только этим и могут быть об'яснены совершенно неосновательные попытки тов. Варьяша защитить Кантора от заслуженной им критики.

Итак, по всем частным вопросам тов. Варьяш внов терпит фиаско. Что же касается общего вопроса об отношени диалектики к математике, то здесь т. Варьяш не разви никакой аргументации, наградил нас двумя формулами, которы вполне проясняют его точку зрения, а заодно и ее ошибочност

Он говорит о «математически-диалектическом» способе позна ния—как будто бы есть такой!—тем самым явно отождествля математику и диалектику. В другом месте он пытается спастис от этого отождествления, чувствуя всю его натянутость, фраз'ами по-сенатски, что он «утверждал лишь то, что элементарные ди лектические отношения (принципы или аксиомы) [2]) легче найт в математике, так как математика, являясь наиболее абстрактно и простой из наук, пользуется, естественно, наименьшими наипростейшими из диалектических истин». Эта простота—ху ворства, так как диалектика никогда не видела в просто критерий истинности или значения предмета. Только махист отыскивают мышление о мире по принципу наименьшей затрат сил. Или об этом также безмолствует эрудиция т. Варьяша?

Не будем повторять того, что писали в первый раз об отн шении диалектики и математики. Вслед за Лениным, отметивши эту формулу, мы думаем, что Гегель был прав, когда писал, ч «философия не может брать своего метода у подчиненной науки

---

[1]) Кстати, т. Варьяш пишет, что он не знал о книге т. Ленина «Ма риализм и эмпириокритицизм» и потому не знал «философского ленинизм Он видно до сих пор его не знает, так как не знает, что „философский ле низм" не есть нечто отличное от диалектического материализма Маркса Энгельса.

[2]) Опять аксиомы! Когда же т. Варьяш поймет, что в диалектике н аксиом того типа, что в математике?

матики»[1]). Все труды т. Варьяша еще одно лишнее т доказательство.

Перейдем теперь к возражениям т. Варьяша, связанны проблемой идеализма и материализма.

III. Злоключения с идеализмом.

Проблему функции и содержания оставим вместе с т Варьяшем до вопроса о бессознательном. О «центре тяжести» Варьяша речь пойдет также дальше.

Начнем с размышлений т. Варьяша о великих людях. С занимают у него непропорционально много места в научной ан критике и поминаются дважды. Очевидно, в эти общие рассуж ия спасается «эрудиция». У нас речь шла о них в связи с т что т. Варьяш зачислил в крупнейшие и последовательнейш идеалисты Гуссерля. Вопреки тов. Варьяшу, со всеми марксиста мы думаем, что все подлинно крупное в идеализме кончилос Гегелем. По главному пункту—о Гуссерле—теперь тов. Варь словно воды в рот набрал. Речь идет о взятых нами для илл страции основной мысли—Лейбнице и Кеплере. О противопос влении нами нас Марксу смешно и говорить. Мы взяли Ке пера и Лейбница потому, что известно, что Маркс их оче высоко ценил. И по заслугам. Но взяли мы их для того, что показать, что самая высокая оценка какого-либо гения прошло даже Марксом, еще не свидетельствует об **актуальном** зн чении именно этого мыслителя для настоящего. В этом смысле говорили о том, что Кеплер и Лейбниц мертвы для нашего времен между тем как на **актуальное значение Гегеля** указ ал в наши дни не кто иной, как Ленин. В этом вся соль де Тов. Варьяш же апеллирует к тому, чтобы щуцей Лейбни возвести на пьедестал **упадочную** философию Гуссерля. К нечно, очень приятно, что по сему поводу тов. Варьяш достига вершин своего остроумия, с высоты которых, опираясь на «эр дицию», он даже устанавливает, что без дифференциального интегрального исчислений, открытых Лейбницем, нельзя было ездить на трамвае, но все же приходится отказать т. Варьяш в **последовательной защите своей точки зрения**.

Еще более беспомощно то, что он говорит по поводу свое пророчества о стабилизации идеализма на несколько столети после победы пролетарской революции в виду несогласованнос естественных наук. Теперь он думает, что по этой причине дол ше будет держаться идеализм в **области... этики**! Хоро шо сверт! Да вы же замечательный шутник, т. Варьяш! Каку связь имеет этика с об'единением естественных наук? Да в когда-нибудь—оставим «эрудицию» в стороне—читали что-либо п поводу этики у марксистов? Разрешите поверить, что то, чт написано вами, действительно только шутка. Для вас же э будет лучше. Что же касается этического идеализма, то он име такое же отношение к разбираемым нами вопросам, какое вы им е, скажем, к Гегелю. И даже дальше того. Совсем очаров льно ваше заключение о том, что идеализм будет идеологие людей, не могущих примириться с коммунизмом (почему же? ри чем вы великодушно соглашаетесь, что если это—ошибк о тем лучше!.. Charmant! Как легко разрешаются научные пр лемы! Но ведь это же результат долгих лет изучения и нако

[1]) **Ленин**, Конспект, стр. 8.

ления «огромной массы знаний»! Можно ли сомневаться в том, что тов. Варьяш завершит всю предшествующую работу... Чего это стоит при его знаниях, остроумии и находчивости в философских спорах!

Вся эта глава выдержана тов. Варьяшем в высоко-лирических тонах.

Насчет цитат из Ференци—отложим дело до фрейдизма. Забавнее дело с Лениным и махизмом. О том, что тов. Варьяш в 1918 г., занимаясь философией марксизма, не знал Ленина—сказать нечего. Все знать, конечно, невозможно, хотя указание на книгу Ленина было помещено в «Neue Zeit» от 1 октября 1909 г. в отделе «Библиография социализма» [1]). Но написать при этом, что «у нас (т.-е. на Западе) в то время махизм совсем не был осужден марксистами, и никто не считал его несовместимым с марксизмом»—это чересчур смело. Во-первых, как бы ни расхваливать непримиримость русского марксизма—действительно большую его заслугу, которую т. Варьяшу приходится чувствовать сейчас на самом себе,—был и на Западе материализм Маркса и Энгельса, несовместимость которого с махизмом не так трудно увидеть человеку «непредубежденному». Во-вторых, и на западе велась анти-махистская пропаганда. Кто этого не знает? Большой грех берет себе на душу тов. Варьяш, обеляя О. Бауэра, Ф. Адлера и др. махиствующих философских путаников от марксизма.

Наконец, заключение главы. Я упрекаю тов. Варьяша в том, что он назвал Фейербаха—метафизиком, а ведь метафизиком его называл не кто иной, как Маркс. Бедный т. Варьяш! Разве так защищаются! Разве речь шла об историческом идеализме? Речь шла о том, что вы смешали в одну кучу Фейербаха и Спинозу с Штирнером и Больцано. Или, может быть, и теперь вы находите у них общее в мировоззрении?

IV. Фрейдизм и проблема мышления.

Очередной фокус т. Варьяша с превращением меня в фрейдиста (!) нуждается, пожалуй, в наиболее резкой аттестации. Это совершенно очевидное продолжение все того же метода отвечать на критику—нападением на критикующего по тому же поводу, по которому он критикует. Мы доказывали, что у т. Варьяша есть элементы фрейдизма. В антикритике он в свою очередь, надеясь смешать все карты,—ему терять все равно уже нечего!—доказывает, что я—фрейдист. Если подобные приемы называют антикритикой, то спрашивается, что же называется другим, более крепким русским словом?

Мы критиковали Фрейда. Доказывали, что фрейдовская концепция в основном, в учении о бессознательном, идеалистическая. Мы верим охотно, что тов. Варьяш хорошо, может быть, слишком хорошо знает Фрейда, но дело разве в уверениях друг друга на счет своих знаний? Доказывая, что учение Фрейда о бессознательном несовместимо с материализмом, мы, между прочим, по поводу наших фрейдистов, отрицающих основное значение в бессознательном за libido, половым чувством, писали: «Не спасает дела и если представлять бессознательное не так, как оно предст

[1]) III Ленинский сборник, 444.

[т]ию у Фрейда, в виде носителя, главным образом, сексуального [нач]ала, libido, а если превратить его в некую мистическую, изначальную и «затормаживаемую» в человеке энергию, бурно-прорывающуюся в революционном порыве. Это—эмоционально-психологическое, а не материалистическое понимание истории. К тому [же] такое понимание бессознательного не ново и для фрейдистской [ли]тературы, где его развивают наиболее реакционные ученики [Фр]ейда, вроде Юнга и Пфистера, соединяющего психоанализ с [бог]ословием. И если уж искать в чем-либо положительное у [Фр]ейда, то его можно найти единственно только в том, что он [об]ратил в анализе нервозов больше внимания, чем это делалось [до] него, на их сексуальную сторону, чем и вызвал против себя [в]общее гонение со стороны как известно чрезвычайно щепетиль[но]й буржуазной науки. И именно эта, и только эта, сторона фрейдизма, совпадает с современными выводами физиологии о значительной роли желез внутренней секреции во всей деятельности [на]шего организма и т. д. Но и эта правильная мысль, благодаря [не]верным общим предпосылкам, суб'ективизму и психологизму [ме]тода, превратилась в фрейдизме в нечто всеоб'емлющее и в [ко]нечном счете ложное, поскольку сексуальный момент заполонил [се]бя и вся и вместо того, чтобы быть подчиненным моментом по [от]ношению к социальному, стал претендовать на роль господствующего. Наши же отечественные горе-фрейдисты восприняли [как] раз дурное во Фрейде, его попытку истолковывать психологически социальные явления, его понятие бессознательного. Естественно, что, кроме беспросветной путаницы, у них в головах [ни]чего более получиться не могло» (стр. 80—81).

Из этой цитаты тов. Варьяш вывел, что мы находим у Фрейда [ма]териализм (где это сказано?) и «признаем сексуальную теорию [Ф]рейда». Смелость поистине поразительная! И по этому поводу [це]лый водопад слов с соответствующей позой. Да полно, уж не [дум]ает ли тов. Варьяш, что он на маскараде, где трудно отли[чи]ть кажимость от действительности? Мы отметили во всем учении [Ф]рейда правильную мысль, что в согласии с выводами современ[но]й физиологии (разве т. Варьяш их отрицает?) следует прида[ва]ть большую роль, чем это делалось до Фрейда, в анализе невро[зо]в (у нас здесь была очевидная описка: нервозов) сексуальному [мо]менту, но что у него эта правильная мысль, благодаря [не]верным общим предпосылкам, суб'ективизму и психо[ло]гизму метода (т.-е. основного), превратилась во все заполня[ю]щую схему и привела к неверным результатам. И мы отметили, [чт]о именно за то, что было правильного у Фрейда, его начали [гн]ать, как известно, страшно щепетильные, «приличные» буржуа и [им]енно здесь началась ревизия под влиянием буржуазного общественного мнения у учеников Фрейда типа Юнга и Пфистера. [От]метить это было, с моей точки зрения, обязанностью марксиста. Отметить вместе с тем лицемерие буржуазии, буржуазного [об]щества и буржуазной науки, одной рукой затыкающих уши [от] фрейдизма, другой—смакующих доведенные до абсурда его [сек]суальные откровения [1]). А Варьяш пишет после этого, что мы

[1]) Любопытно было бы посмотреть на лица наших коммунистов горе-фрейди[сто]в, когда они читали в воспоминаниях К. Цеткин, что Ленин решительно [ру]гал „модное" поветрие на фрейдизм. Человек, которого во всяком слу[ча]е не обвинишь в невежестве, реакционности и непонимании марксизма.

ничего не поняли во всем деле, что мы «принимаем сексуал теорию Фрейда» и расходимся в этом вопросе с какими-то мар стами. С т. Варьяшем расходимся наверное.

Как очевидно, никакой сексуальной теории Фрейда мы принимаем и не о том совсем шла речь. С своей же стороны дали критику фрейдовского бессознательного, в котором т. Вар и по днесь продолжает путаться.

Перейдем к тому, что на эту тему говорит он в своей а критике.

Очень хорошо, если теперь т. Варьяш уже не находит б принципиального сходства между воззрениями Маркса и Фр на бессознательное, но мы должны все же разочаровать его на того, что он писал прошлый раз. «Читатель убедится в эт думаю, что эта индивидуалистическая психологическая школ выдвигает принципиально новых взглядов на бессо тельность, в сравнении с тем, что было уже выдвинуто Мар и Энгельсом». Если для т. Варьяша различие индивидуал психологической и социологической точек зрения не относ к области принципов, то плохи эти принципы. Они явно ко лются в зависимости от потребностей полемики.

Дальнейшие рассуждения об условиях освобождения пр тариата являются лишь неважным изложением азов и явно с сятся к излюбленным эрудицией тов. Варьяша общим рассу ниям, отвлекающим от сути дела. Замечателен лишь выво них: бессознательным называется то, что нельзя знать ве несуществующих! И неужели ради столь банальной истины, стойного украшения всей эрудиции т. Варьяша, следовало ог городить? И разве хоть какое-либо отношение существует ме притягиваемым т. Варьяшем сюда же марксовским положен бытие определяет сознание (куда точнее у Маркса, чем у Варь действие предшествует сознанию) и всей фрейдовской систе

Нет, во всем этом тов. Варьяш явно лукавит. Никто б упрекнул его, если бы он просто отказался от нелепостей, кот наговорил в докладе. Это было бы достойно марксиста. Но вм этого он торопится замести следы того, о чем шел действител спор по поводу его доклада, замести банальными истинами, подносимыми с величественнейшим видом.

А спор по поводу фрейдовского бессознательного совсе сводился к тому, что оно—у Фрейда индивидуальное, а у Мар социальное. Спор шел о том, существует ли вообще в нас осо мир, особая инстанция бессознательного. В главе своего док «Материализм и идеализм», в самом заключении его, где н нельзя отговориться простым изложением воззрений совреме «великих идеалистов», т. Варьяш писал (и мы в свое время г ровали это): «Сознание строится на ощущениях, восприятиях, поминаниях, понятиях и т. д. Ничего подобного нельзя пр лагать в бессознательном. Эта инстанция как будто ляется связующим звеном между физиологичес и психологическим, как функцией материи» (дс т. Варьяша, стр. 307 [1]). Курсив т. Варьяша). Существо

---

[1]) Сам т. Варьяш пишет теперь, что у него изложению фрейдизма щены стр. 289—300.

...ной инстанции т. Варьяш был склонен даже предоставить ка... аргумент в защиту материализма. Это мы критиковали и доказывали, что признание существования какого бы то ни было особого мира бессознательного неприемлемо для материалиста. Сейчас по этому основному вопросу т. Варьяш нем, как рыба. Повторяем, не упреков, а одобрения заслуживает отказ от невер... ной точки зрения. Но у т. Варьяша не хватает ни мужества о... нем сознаться, ни, скажем мягко, достаточной прямоты не зату... шевывать этот отказ в глазах других переходом в контр-наступле... ние на критика. Впрочем—каждому свое!

То же самое относится и к цитатам из Ференци. Прежде всего в тексте тов. Варьяша в докладе нет указаний, что излагаемые им на стр. 295 воззрения принадлежат Ференци. Установить это читателю совсем не трудно. Из фрейдистов на это... странице упоминается лишь А. Адлер, совсем в другой связи. Далее—неверно, что вся глава «Вопрос о сущности идеологии» посвящена изложению фрейдистов. Изложение фрейдистов в ней постоянно перемежается с изложением воззрений Маркса, Энгельса, Плеханова, современных теорий т. Варьяша, при том весьм... сомнительного качества, кроме, например, его учения о рол... сознания у революционеров, ныне замалчиваемого т. Варьяше... (см. нашу статью, стр. 84) и т. д.

В его изложении учения о интроекции и проекции нет н... одних кавычек. До того доказывалось, что целый ряд более че... сомнительных «законов» душевной жизни фрейдистов вполне со... гласуем с Энгельсом, за исключением отличия лишь «техниче... ских выражений» (стр. 295). Отдели после этого Варьяша от фрей... дистов! Пора бы тов. Варьяшу, при его эрудиции, знать весьм... простую вещь: в изложении, с которым несогласен, необходимо 1) указать излагаемого автора, 2) точно цитировать то, что именн... ему принадлежит, и 3) оговаривать свое с ним расхождение, есл... рядом же, по другому поводу, выражаешь свое принципиально... согласие с его теориями. Без соблюдения этих простых законо... литературной работы т. Варьяш, правда, имеет великое преиму... щество по желанию соглашаться с излагаемыми им теориями ил... отказываться от них, по зато надолго теряет преимущество сч... таться серьезным исследователем-марксистом.

Наконец, зачем играть в прятки? Разве т. Варьяшу, в конц... концов, неизвестно, что он не только в главе, теперь им об'яв... ляемой изложением фрейдистов, пользовался указаниями Ференц... ци в применении к Марксу, когда на стр. 256 писал: «Вторым великим открытием его (Маркса) было то, что истин... может возникнуть только в процессе об'ективации, т.-е. чт... только эта функция может формально гарантиро... вать истину. Не мы должны конструировать внешний мир п... аналогии с нашими собственными психическими функциями, пр... ективно, т.-е. наделяя его нашей собственной мыслительно... деятельностью, но наоборот... Этим Маркс разоблачил тайн... идеализма. Идеализм оперирует проекцией, матери... лизм же—об'ективацией». (Курсив, как и всюду, наш. *Н. К.*, стр. 256). Полно, т. Варьяш! Маркс ли так ставил различи... материализма от идеализма? И зачем стыдливо отворачиватьс... от Ференци, когда Маркса обрабатываешь под его проекцию? Н... что вы надеетесь, замалчивая Ференци и отрекаясь теперь ...

него? Неужели на то, что не найдется людей, которые сопос
то, что вы пишете на расстоянии 39 стр. [256 стр. и стр.

Воистину в вопросе о фрейдизме в результатах этих
молвок и отречений—гора родила мышь!

Нет, все же видно не даром, даже для т. Варьяша, писал

Перейдем к проблеме психических функций.

Прежде всего о том, где у т. Варьяша проявляется ото
ность функций от содержания психики? Для начала дадим
справку для философской эрудиции т. Варьяша. Оторван
функции от содержания заключается вовсе не в том, что
функции без содержания. Как должно быть известно т. Варь
трансцедентальные функции у Канта также не действуют
содержания и всегда связаны с содержанием, проявляются то
в обработке этого содержания. Поэтому цитата, приводим
Варьяшем в свою защиту, рассчитана лишь на незнающих с
элементарных истин из истории философии. Разрыв насту
там, где эти функции представляются как какие-либо конст
независимые от содержания, и не изменяющиеся вместе с
Что же мы читаем в докладе тов. Варьяша:

1) На стр. 255: мыслительные функции «являются кон
тами, факторами, которые за определенную фазу истории не
нились и, следовательно, могут в качестве постоянного ус
об'яснять только мыслительные действия по их психологич
структуре, но не исторически выступавшие единичные содерж
отдельных структур».

Против этого не возражал бы и Кант!

2) Стр. 297: «психические функции такие же константы
стоянные), как и логические законы».

3) Стр. 289: «существуют психология содержания и пси
гия функций». Психология содержания по т. Варьяшу ус
со временем «место историческому материализму». Остается,
видно, не уступающая этого места особая психология фун

4) Стр. 298. О психологическом аппарате нашем, о ко
так печется т. Варьяш: «Этот аппарат, вообще говоря, ра
сегодня, в общем, так же, как и тысячу лет назад, и деятель
его не влияет на изменение результата, получающегося в
этого трансформационного процесса. Этот результат со вре
значительно изменяется, но, конечно, не потому, что ап
стал работать иначе, а потому, что существенно изменилось
ственное значение прорабатываемого им материала». Психо
ческие функции не возникают в определенные период
мени, а «чередуются по своему влиянию».

5) Наконец, в примечании на стр. 303 тов. Варьяш п
«Могут, наконец, быть и такие антропологические о
чения рамок зрения, которые вообще принципиально д
невозможным открытие некоторых истин». И через несколько
словно спохватываясь, т. Варьяш добавляет: «Но, по всей
ятности (?!), таких истин, принципиально недоступных м
тическому (?) анализу—вообще не существует». Разве эт
уступка Канту, а вместе с ним чистейшей поповщине? А
все марксисты до сих пор думали, что гегелевская критик

…ого понятия границы окончательно уничтожила уже самую …можность такой постановки вопроса. Нет, положительно Гегель …т за себя!

Перейдем к последнему пункту—к вопросу о роли психиче…го аппарата в цепи от базиса к надстройкам [1]).

Что у нас было написано на эту тему? Приведем полностью …тветствующее место на стр. 83—84: «Нам остается еще отме…ь, что, высасывая из пальца проблемы психических функций, …имаемых в кантианско-фрейдистско-адлеровском стиле, сколь …ужасно подобное сочетание, и приведя в подтверждение всему …му вареву Энгельса с его замечанием о необходимости разра…ывать формальную сторону возникновения идеологических …дставлений на основе данных производственных отношений, Варьяш лишь еще более увеличивает размах путаницы. Ибо …Энгельса формальная сторона проблемы есть не кантиан…я проблема того, как наполняются содержанием наши психи…кие формы, не проблема переработки их «в психо-физическом …ле», а проблема того, каким образом в данном уже материале …бивает себе путь и создается новый материал, соответствующий …енившимся экономическим условиям жизни общества. Чтобы …ять это, стоит дочитать лишь до конца цитируемое т. Варь…ем письмо Мерингу от 14 июля 1893 г. Тов. Варьяш не пони…ет, что здесь путь исследователя лежит не через изучение …и психического аппарата, являющегося постоянным, по т. Варь…у, и лишь чередующим свои функции,—это кантианская …ка зрения, а через изучение классовой психологии, выте…ющей из определенных классовых интересов, ее посредствующей …ли в сложном механизме передачи от базиса к высшим идеоло…ческим надстройкам».

Против чего мы возражали? Против навязываемой т. Варья…м Энгельсу проблемы изучения психических функций, явля…щихся, по т. Варьяшу, константами и не изменяющихся на …тяжении тысячелетий. Что именно об этом идет речь видно и …е из одного места у т. Варьяша. Он пишет, что то, что Энгельс …зывает формальным исследованием, в современной психологии …ней т. Варьяш видит по преимуществу лишь гуссерлеанцев …фрейдистов) называется обычно исследованием психических …нкций» (стр. 281). Ясно? А исследованием психических функ…й по т. Варьяшу занимается не психология содержания и …торический материализм, значит и не социальная психология, …учающая классовую психологию, а особая психология функций. …му же т. Варьяш хочет голову затуманить?

Никакой подобной кантианского рода проблемы Энгельс ни…гда себе не ставил. Ставил же он себе другую проблему, кото…ю т. Варьяш явно оказался не в состоянии понять, так как …понимает самых основ исторического и диалектического ма…риализма, несмотря на всю свою эрудицию. Тов. Варьяш …чет вымучить из Энгельса свое разграничение, цитируя слова

[1]) Речь идет именно о психическом аппарате. На стр. 323—4, на которую …шается т. Варьяш, помещена речь Богданова по поводу его доклада. Там …ксировано и несколько возгласов с мест т. Варьяша. Не ахти какая харак…истика! Там т. Варьяш говорит о связи психич. процессов с физиологическими …ейронах мозга, но кто не признает этой связи? и разве о ней речь?

Энгельса о совершении всякого человеческого действия при :редстве мышления. Но поверьте же, тов. Варьяш, что от цать в Энгельсе кантианца вовсе еще не зна этрекаться от него. Признание того, что человек есть вотное мыслящее и поэтому во всех его действиях участвует м ление бесспорно. Также как верна и первая часть цитаты Энгельса, что последнее основание нашей деятельности даю идеи, а материальная действительность. Разве т. Варьяш не зі что в этом суть положения «бытие определяет сознание»? Н всех слов Энгельса вовсе не следует, что есть особая за, анализа некиих психических функций—констант, которую вы гает т. Варьяш. И никакие крики современных гусей уж не сп этот кантианский Капитолий.

Наконец, о Марксе.

Проблема отношения идеологий и форм сознания, возни щих на основе определенной общественной и классовой псиз гии, ничего общего не имеет с поставленной Варьяшем блемой психических функций. Речь здесь как раз идет не о стантах, не меняющихся за тысячу лет, а о формах мышле т.-е. о категориях, которыми оперирует мышление опреде ных классов в определенные эпохи и которые постоянн меняются вместе с изменением их содержания, их про тов. Об этом говорит Маркс, но разве т. Варьяш хоть на понял, в чем тут дело? Не понял, потому что он не пони ни ист. мат., в свое время попытавшись изложить его в матической формуле, ни диалектики, для которой форма и держанию неразрывно и постоянно переходят друг в друга.

Чтобы покончить с фрейдизмом, еще два слова об А. Ад: Т. Варьяш жалуется, что мы обнаружили его заимствован А. Адлера. Он пытается утверждать, что его не понял і рованный нами официальный обозреватель фрейдистского жения в Венгрии. Мы одинаково не знаем, в каких га сотрудничали и этот обозреватель и тов. Варьяш, и полага более не на изложение обозревателя, а на приводимые им ци Т. Варьяш признает, что он выдвигал весьма сомнительной ности теорию фрустраций. Пусть он ответит, положа рук сердце: было здесь влияние А. Адлера или нет? И пусть жет затем, писал ли он в одной из своих фрейдистских ст что «Адлер был первым, кто сумел об'яснить социальные мены повелевания и повиновения»? Да или нет? Но об'ясня их А. Адлер «волей к власти»? Да или нет? И не писа уже теперь тов. Варьяш, в унисон тому, что писал т что фрейдисты пролили новый свет на «первые образовани торитета власти и постановлений» (доклад тов. Варьяша, стр. Если да—то не за чем т. Варьяшу разыгрывать оскорбле невинность и разве ему до сих пор еще не ясно, что «во власти», как принцип об'яснения общественных явлений чего общего не имеет с марксизмом?

Да будет нам на этом разрешено кончить наши стран но бесплодной равнине антикритики т. Варьяша и постав заключение еще один вопрос, действительно большой важн

IV. О значении Гегеля для марксизма.

Последнее обвинение, которым так широко бросается п
следнее время тов. Варьяш и которое в нашей с ним пол
мике составляет единственный плод его собственного творчества-
есть обвинение в гегельянстве. «Центр его тяжести», ка
известно, далеко не лежит на Гегеле, все же несогласные с то
Варьяшем—гегельянцы и потому—идеалисты.

Нам кажется, что эту перчатку должно поднять. Да! Вопрек
всем новоявленным «завершителям», третирующим ныне Гегел
как мертвую собаку, а диалектику—как схоластику, вопрек
всем этим достойным потомкам доблестного Моисея Мендельсон
и крикливых немецких эпигонов современной Марксу Германи
вопреки провинциальному тупоумию и столичному узколобию х
лителей Гегеля, мы—«гегельянцы»! Все великое в новейшей ист
рии было так или иначе связано с именем Гегеля. Без Гегелевско
диалектики не было бы марксовского «Капитала», давшего клю
к познанию и ниспровержению капиталистического рабств
Маркс открыто называл себя учеником Гегеля и писал, что «Г
гель первый дал исчерпывающую и сознательную ка
тину общих форм движения», хотя и под мистической оболочко
Ленин, живое воплощение марксизма эпохи пролетарских рев
люций и перехода от капитализма к социализму, называ
учение Гегеля — «поставленным на голову матери
лизмом» и видел очередную задачу пролетарских револ
ционеров в изучении гегелевской диалектики. Как отмеча
А. Деборин, почти все крупные революционные мыслител
XIX в. находились под влиянием Гегеля. Достаточно н
звать имена Лассаля, Прудона, Бакунина, Герцена, и Черн
шевского. И это потому, что даже в искаженном идеалистическо
виде диалектика заставляла их видеть во всем существующем-
преходящее, во всем окаменевшем—ростки нового, в теории-
алгебру революции. Какой же силы она должна была достич
когда Марксом была окончательно поставлена на ноги! Гегел
был первым сознательно поставившим проблему диалектическ
революционного развития и первым, давшим хотя бы и п
мистическим покрывалом, но исчерпывающую для состояния на
своего времени, картину общих форм движения материи. Уж
в предисловии к «Феноменологии Духа» чувствуется дыхан
новой эпохи и нового революционного мировоззрения: «Не труд
видеть, что наше время есть время рождения и перехода к н
вому периоду. Дух порвал с существующим миром его наличног
бытия и представления и готов отбросить его в прошлое и о
даться работе над своим преобразованием. Правда, он не быва
в покое, а находится в непрерывно прогрессирующем движени
Но подобно тому, как у ребенка после продолжительного сп
койного питания первое дыхание нарушает постепенность толь
количественного роста, вместе с чем совершается качественны
прыжок, и дитя рождается, так и формирующийся дух медлен
и спокойно зреет для новой формы, отбрасывая одну частиц
здания своего прежнего мира за другой; на их колебание ук
зывают только единичные симптомы: легкомыслие, как и скук
которые распространяются в жизни, неопределенное предчу
ствие неведомого суть признаки рождения чего-то иного. Эта п
степенная работа, которая не изменяет физиономии целого, н

рушается началом, которое, как молния, сразу устанавливает раз нового мира». Этим гениальным наброском картины рево ционного развития Гегель, в личной жизни и отчасти в св системе филистер и апологет прусской монархии, целиком зан своему методу. И после этого современные рыцари сис еще упрекают нас в преувеличении роли метода! Энгельс сал, что пролетариат является наследником немецкой идеали ческой философии Канта, Фихте и Гегеля. Тем оружием, к рое выковала эта философия и передала Марксу — су итог, вывод всей предшествующей двух-тысячелетней исто философского развития человечества—была диалектика, диа тика впервые сознательно развитая Гегелем. Здесь проле большая дорога истории. И здесь же, поэтому, пролегает и б шая дорога марксизма: от Маркса к Ленину. Точно так как в революционной борьбе III Интернационал является становителем революционных традиций «Манифеста Коммуни ческой партии и I Интернационала, точно так же и в фи софии ленинизм есть прежде всего восстановление марк ского отношения к диалектике, а вместе с ней и к Гегелю. Ит так же, как в политике отличительной чертой эпигонов II Инте ционала было соглашательство—так и в философии ему соот ствовали попытки «соединения» марксизма с Махом, Кантом, Ф те, Гуссерлем и tutti quanti. Бесспорно, что, на почве реа к социал-демократическому забвению Гегеля и диалектики, и здесь имели нечто в роде своеобразной «детской болезни ле ны». Лукач, Фогараши и др., в сменившем отрицание Геге увлечении им, ухватились было как раз не за то, что был Гегеле материалистического и конгениального Марксу, а за то, было в нем от прусского мещанина начала XIX века. Имен стороны русских марксистов—«гегельянцев» и был дан отпор ской болезни лукачизма (статья тов. Деборина против Лук Нам лично приходится писать против излишнего увлечения гелем в трактовке отдельных вопросов марксистской философи

Реакционно воскрешать гегелевский идеализм. Опасно батъся в этом направлении и в отдельных вопросах (хотя, отмечал уже и Ленин, в только что начавшемся изучении с трудного вопроса обойтись без ошибок вряд ли возможно). полным непониманием подлинного марксизма и возвратом к шим традициям социал-демократической философии было б пить о том, что диалектика—это схоластика, а марксисты, чающие по завету Ленина гегелевскую логику—этот «постав ный на голову «материализм»—«гегельянцы», идеалисты, дал от задач «современной» науки и философии.

Ох, уж эти любители сверх-современного, для которых любимой Плехановской поговорке

Что им книжка последняя скажет,
То в их голову сверху и ляжет.

Да, тов. Варьяш! Для марксиста Гегель современнее серля, как и Маркс современнее Фрейда. Для марк

---

[1]) Статья „О действительном и недействительном изучении Гег „Под Знаменем Марксизма" за 1924 г., № 4—5.

прежнее всего то, в чем он находит орудие для изменения [illegible]енности.

В этом смысле мы—«гегельянцы». В гегелевской логике мы [illegible] метод, посредством которого можно было бы не просто опи[illegible]ать мертвый предмет, не играть понятиями импликации, сил[illegible]гистики и тому подобными, что действительно является на[illegible]оящей схоластикой, а посредством которого можно было [illegible]скрывать законы развития предмета, определять те многочис[illegible]ные связи, которые ставят его в диалектическое взаимодей[illegible] со всеми окружающими, находить те противоречия, которые [illegible]ждают, движут и уничтожают предмет. Здесь мы надеемся [illegible]учиться рассматривать явления в их возникновении и отыски[illegible] силы, ведущие их к гибели, ибо поистине все существую[illegible] достойно гибели, чтобы уступить место новому, высшему, [illegible]ому учит логика Гегеля. Этого искали в ней все великие [illegible]волюционеры. И этого не найти ни в «абсолютной» каль[illegible]лятивной логике, ни в импликациях т. Варьяша, ни у са[illegible]го «великого» Гуссерля. В этом смысле мы с гордостью [illegible]жем сказать: да, мы—«гегельянцы»! И не потому, чтобы наш [illegible]нтр тяжести» лежал на Гегеле, а не на «Марксе, Энгельсе [illegible]т. Ленине», а потому, что «Центр тяжести» всего революцион[illegible]го марксизма от Маркса до Ленина лежит на диалектиче[illegible]ком понимании мира. Но говорить об этом т. Варьяшу разве [illegible] значит пробивать медную стену?

Однако, сколько бы он ни пытался перевалить на нас по [illegible]слугам пред'явленные ему упреки в идеализме и эклектике— [illegible]ая погудка!—ему никуда не уйти от них. Еще раз: тому, кто [illegible]небрегает гегелевской диалектикой—она мстит за себя! Для [illegible]го все попрежнему будут маячить те проблемы, которых нет [illegible] диалектика, и вовсе не будет тех, которые будут составлять [illegible] анализе развития предмета жизненный нерв для марксиста. [illegible]прощаемся же на этом с тов. Варьяшем. Пусть он не будет [illegible] особой претензии на нас за то, что мы применяли иногда по [illegible]ошению к нему довольно сильные выражения. И хотя и го[illegible]рят, что долг платежем красен, но мы руководились не этой [illegible]лью. Надо отучать людей, не знающих философии марксизма, [illegible]кать о ней прежде, чем они изучили ее. Иначе получается [illegible]лью путаница, размах которой тем более увеличивается, чем [illegible]лее ожесточенно человек пытается отстоять свое «бело» там, [illegible] на самом деле черно.

Пора понять, что марксизм—трудная вещь, к которой надо [illegible]носиться не менее, а более серьезно, чем к изучению какого[illegible]бо Кантора или Гуссерля, и что поэтому обязанность всякого [illegible]бросовестно относящегося к своему мировоззрению человека за[illegible]ть прежде всего за его классиков. В области диалектики к [illegible]овым бесспорно принадлежит и Гегель.

Вместе с тем, мы надеемся, что читатель не посетует на нас [illegible] чересчур длинный ответ,—но такова уж неблагодарная роль [illegible]итика, о которой мы говорили в начале. Тот, кого ты кри[illegible]куешь, считает себя в праве обходить молчанием целый ряд [illegible]оих замечаний (математические познания т. Варьяша несо[illegible]ненно помогут ему сосчитать число их)—на твою же долю

остается лишь то утешение, что лекарство, очевидно, подейс вало и больной просто не хочет вспоминать о проглочен им горькой пилюле.

Зато критик обязан тщательно процеживать из целых кадов льющейся на него воды—скудные клочки мыслей и режно разлагать на весьма мало благоухающие составные ; менты — чтобы не повернуться обвинению в неряшливо Этот труд в отношении ответа т. Варьяша мы посильно и полнили.

Пусть же судит читатель—легкое ли дело критика, да і том еще философская?!

БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература о Сен-Симоне на русском язык[

(К столетию со дня смерти 1825—19/V—1925).

Исполнившаяся 19 мая с. г. 100-летняя годовщина смерти Се Симона, одного из выдающихся представителей своеобразной социальн философии, сыгравшей немалую роль в деле выработки некоторых эл ментов научного социализма, а также все возрастающий интерес более углубленному изучению литературного наследия великого утопис ставит на очередь дня задачу библиографизации русской литератур о Сен-Симоне. Один из таких опытов в свое время был сделан В. Свя ловским в его работе: «Каталог утопий». ГИЗ. 1923 г., в котор о Сен-Симоне приведено только 14 отдельных изданий. Правда, авт названной работы оговаривается тем, что он свою задачу сознатель ограничивает только указанием «наиболее существенной литературы» (с стр. 6 назв. работы), но эта оговорка все же не может об'ясни почему в данном им перечне отсутствуют такие, весьма существенн источники, как произведения Плеханова, Маркса, Энгельса и некотор других. Если указатель В. Святловского не отличался особенной полн той ко времени своего появления, то это обстоятельство еще боль дает себя чувствовать в настоящее время, когда русская литерату о Сен-Симоне обогатилась рядом новых изданий как произведений само Сен-Симона, так и о нем.

Настоящий указатель и ставит себе задачей восполнить проб в области библиографизации русской литературы о Сен-Симоне.

1. Аксельрод-Ортодокс, Л. Критика основ буржуазного об ствоведения и исторический материализм. Изд. «Основа». 1925. С 31—34. (Вперв. в «Красной Нови». 1923 г.).

2. Бернацкий, М. Очерки по истории социализма. Очерк I «Современный мир». 1908 г. № 8. См. стр. 67—84.

3. Боровой, А. Сен-Симон и Фурье. Книга для чтения по ис рии «Нового Времени». Т. IV. 1913 г. Стр. 280—316.

4. Барт, П. Философия истории, как социология. Пер. с нем. Сп Изд. Л. Пантелеева. 1900 г. См. стр. 18—29, 37, 38, 42, 55, 57—(80, 186, 261, 291, 323—330, 333, 397.

5. Бунге, Н. Х. Очерки политико-экономической литературы. С 1895. См. Сен-Симон. Стр. 71—79.

6. В—ий, М. Сен-Симон, Энциклопедический словарь Брокгау Т. 29. Спб. 1900. Стр. 564—571.

7. Виппер, Р. Либерализм и первая историческая формула бор классов. «Мир божий». 1901 г. № 3.

Тоже перепеч. в его сборнике: «Две интеллигенции». М. 1912 Стр. 62—109.

8. Виппер, Р. Социальная философия Сен-Симона в журн. «Мир Божий» за 1901 г. кн. 12. Критика книги Иванова «Сен-Симон и сен-симонизм».

9. Виппер, Р. Органические теории, см. его «Обществен. уч... историч. теории XVIII—XIX в.» 2-е изд. М. 1908 г. См. стр. 135—

10. Волгин, В. Сен-Симон и сенсимонизм. Изд. «Красная Но... 1924 г., стр. 112. Тоже 2-е изд. 1925, стр. 104.

11. Волгин, В. Предисловие к книге: «Изложение учения ... имона». ГИЗ. 1923 г., см. стр. V—XXIII.

12. Волгин, В. Очерк по истории социализма. ГИЗ. 1923 см. «Сен-симонизм», стр. 133—150.

13. Волгин, В. Предисловие к книге: «Сен-Симон». Избран... сочинения. ГИЗ. 1923. Стр. III—XXXIII.

14. Вышинский, А. Очерки по истории коммунизма. «Кр... Новь». 1924 г., см. гл. «Сен-Симон и сен-симонисты», стр. 200—... Тоже 2-е изд. 1925 г.

15. Герцен, А. И. Об отношении Герцена к Сен-Симону, см. А... витный Указатель имен к полн. собр. соч. Герцена, т. XXII. Гиз. 1... Стр. 518.

16. Г. Д. Социальные реформаторы. Штутгарт. 1880 г. Стр. 51–

17. Голубков. Утопический и научный социализм. М. 190... Тоже. Изд. «Буревестник». Краснодар. 1923 г., стр. 21—29.

18. Горев, Б. От Т. Мора до Ленина. Изд. 5-е. Френкеля. 1... Стр. 21—24.

19. Горев, Б. Рецензия на книгу «Изложение учения Сен-Сим... (1828—1829). Из библиотеки «Предшественников современного со... лизма». «Под Знаменем Марксизма». 1923 г. № 2—3.

20. Горев, В. История социализма. Том I. Социализм на Зап... «Новая Москва». 2-е изд. М. 1924 г., см. стр. 108—115.

21. Гольдин, Н. С. Социализм и коммунизм во Франции. ... «Путь Просвещения». Х. 1924 г., см. гл. V. Сен-Симон и Фурье, ... 159—286. (Хрестоматия).

22. Грагам, В. Социализм новый и старый. Пер. с англ. С... 1906 г.

23. Гуго и Штегман. Справочная книга социалиста. Пер. ... ред. В. Богучарского. Изд. «Голос». 1906, т. II.

24. Диль, К. Социализм, коммунизм и анархизм. СПБ. 190... 240 стр.

Тоже. Изд. «Пролетарий». 1923. Харьков.

25. Жид, Ш. История экономических учений, пер. с франц. В. ...режникова. М. Изд. «Труд». 1914 г., стр. 119—135.

26. Иванов, И. Один из пророков нашего времени. (... W... «Saint-Simon et son oeuvre» S. Charletty: «Histoire du Sa...t-si... nisme»). «Мир Божий». 1897 г. № 5. Стр. 71—86.

27. Иванов, И. Сен-Симон и начатки французского позитиви... «Русская Мысль» 1900 г. № 6, 7, 8, 10, 11, 12.

28. Иванов, И. Сен-Симон и сен-симонизм (диссертация). ...сква. 1901. Стр. 735.

29. Инсаров, Х. (Х. Г. Раковский). Сен-Симон и сен-симони... В журн. «Научное Обозрение» за 1903 г. № 1. Стр. 148—166.

30. Карманный словарь иностранных слов, воше... в состав русского языка. Изд. Н. С. Кириллова. 1845—1846 г.г. Слово «Органическая Эпоха».

31. Краткий очерк истории социализма и социалы ных движений на Западе. ГИЗ, М. 1918 г. См. стр. 32—36.
Тоже. Изд. «Буревестник». 1924 г. Стр. 42—45.

32. Кареев, Н. История Западной Европы в новое время. 189 Т. IV. Стр. 632—647.

33. Ковалевский, М. М. Социология. Т. I. Спб. 1910. См стр. 141—155.

34. Коркунов, Н. История философии права. Спб. 1908. Изд. 5-е Стр. 404—406.

35. Кунов, Г. Философия истории Сен-Симона. См. «История фило софии в марксистском освещении». Ч. II. Изд. «Мир». 1924 г. Стр 264—283.

36. Из воспоминаний Е. А. Ламанского. «Русская Ста рина». 1915 г. № 1. См. стр. 75.

37. Лориа, А. Социология. Пер. под ред. Ю Филиппова. Спб. 190 Стр. 18—21. (Впер. в «Мире божием». 1902. XI).

38. Луи, Поль. Утопический и научный социализм во Франции Х. 1923 г. Стр. 20—34. Изд. Главполитпросвет УССР.
Тоже. Изд. «Красная Новь». М. 1923 г. Стр. 56.
Тоже. Французские мыслители и деятели XIX в. Изд. «Знание»
Тоже. Изд. «Молот». Спб. 1905 г.

39. Луи, Поль. История социализма во Франции. Кн-во «Молот» Тип. «Энергия». Спб. 1906 г. Стр. 61—75.
Тоже. Изд. Бр. А. и И. Гранат.

40. Лукин, Н. (Антонов). Новейшая история Западной Европы Вып. I. Изд. «Красная Новь». 1923 г. Стр. 70. (Сен-Симон и сен симонисты. Стр. 389—394.

41. Луначарский, А. Религия и социализм. Изд. «Шиповник» Т. II. Стр. 315—320.

42. Лященко, П. История экономических учений. Изд. «Прибой» 1924 г. Л. См. стр. 177—184.

43. Меринг, Ф. Из общественных учений XIX в. Спб. Изд. «Молот». 1905 г. Стр. 31.

44. Маркс, К. Капитал. Том III. Ч. 2-я. Изд. Института Маркса и Энгельса. ГИЗ. 1923 г. См. стр. 145—146.

45. Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест. 3-е изд под ред. и примеч. Д. Рязанова. ГИЗ. 1923 г. Стр. 98.

46. Менгер, А. Право на полный продукт труда. Пер. с 3-го нем. изд. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1906 г. См: § 6 Сен-симонизм Стр. 53—62.

47. Мишель, А. Идея государства. Спб. 1903 г. Стр. 591.
Тоже. М. 1908 г. См. гл. Сен-Симон и его школа. Стр. 155—18

48. Изложение учения Сен-Симона. Перев. с франц М. Е. Ландау, с предислов. и примечан. В. П. Волгина. М. ГИЗ 1923 г. XXIII. 332. См. рец. Б. Горева.—«ПЗМ». 1923 г. № 2, 3.

49. Новгородцев, П. Конспект к лекциям по истории философии права. М. 1909. Стр. 191—195.

50. Ососкова, Н. Нравственный облик Сен-Симона и его отношение к религии. «Зап. Научн. О-ва марксистов». 1922 г. № Стр. 86—99.

51. Осадчий, Т. Общественный быт и проекты его улучшения в XIX в. М. 1902.

Плеханов, Г. К вопросу о развитии монистического вз на историю. Собр. соч. VII т. см. гл. Ш. «Социалисты-утопи Стр. 87—116 (особенно стр. 89—94). (Сущ. ряд др. изд.).

52. Плеханов, Г. Н. Г. Чернышевский. Изд. «Шиповник». 1910. См. стр. 276—288.

Тоже. Собр. соч. Т. VI.

53. Плеханов, Г. В. Историческое подготовление научног циализма. Сборник статей под ред. Д. Рязанова. Изд. «Моско Рабочий». М. 1922 г. См. ст. «Огюстен Тьерри и материал. по ние истории». «Историческое развитие учения о классовой бо «Утопический социализм XIX века». См. стр. 83—85, 89—90, 98—99 196—198, 208—214, 222. (Существует ряд др. изд. названных ст

54. Рязанов, Д. Примечания к «Коммунистическому маниф Маркса и Энгельса. 3-е доп. изд. ГИЗ. 1924 г. (Стр. 247—255.

55. Сакулин, П. Русская литература и социализм. 2-е изд. 1925 г. См. о Сен-Симоне стр., указанные в предметном указ

56. Свентоховский, А. История утопий. Пер. Е. Загор М. 1910.

57. Святловский, В. Предисловие к сочинениям Сен-Си Т. I. Спб. 1912 г. Изд. «Всеобщей библиотеки». Спб. 1912 г. 3—30.

58. Святловский, В. В. Очеерки по истории экономически зрений на Западе и в России. Спб. 1913 г. Ч. I. См. Генрих Сен-С Стр. 338—359.

59. Святловский, В. История социализма. П. Изд. «Би 1922 г. См. гл. VII. Граф Анри Сен-Симон. Стр. 69—89.

Тоже. 2-е переработанное и дополненное изд. «Начатки Зн П. 1924 г. Стр. 102—157. См. резко отриц. отзыв В. Волгина в «Под Знам. Марксизма». 1924 г. № 3. Стр. 283—288.

60. Святловский, В. Каталог утопий. М. П. ГИЗ. 19 См. стр. 68—73.

61. Семевский, В. И. Сен-симонисты и фурьеристы в Р в царствование Николая I. «Книга для чтения по истории Новог мени». Т. IV. М. 1914 г. Стр. 240—282.

62. Семевский, В. М. В. Буташевич-Петрашевский и шевцы. Ч. I. Изд. «Задруга». М. 1922. См. стр. 66, 74, 185.

63. Сен-Симон и его ученики. «Отечественные зап 1863 г. № 10. Стр. 501—533.

64. Сен-Симон. Из записок. Со статьей Сент-Бева о С моне. «Мир божий». 1899 г. № 9, 10, 11 и 12.

65. Граф Анри-Рувруа де-Сен-Симон. Автобиогр «Записки Научн. О-ва марксистов». 1922. № 2. Стр. 31—40.

66. Сен-Симон. Катехизис промышленников. Пер. И. А пиро. См. «Родоначальники позитивизма». Вып. II. Стр. 173 «Бро Ефрон». Спб. 1910 г.

67. Сен-Симон. Очерк науки о человеке. Ч. I. Пер. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. См. «Родоначальник позитив Вып. III. Стр. 162. IV. Изд. «Брокгауз-Ефрон». Спб. 1911 г.

68. Изложение учения Сен-Симона. Пер. с франц. М. Е. Л с пред. и примеч. В. Волгина. ГИЗ. 1923 г. Стр. 336.

69. Социальная утопия. Спб. Изд. «Вестник Знания». 1903.

70. Сочинения Анри де-Сен-Симона. Перевод с цузского, под редакцией и с предисловием и примечан. В. В. Св ского. ГИЗ. М. П. 1923 г. Стр. XXIV—364.

71. Сен-Симон. Избранные сочинения. С пред. В. Волгина. Г
1923 г. Стр. 211.

72. Сюдра, Альфред. История коммунизма. Перев. с франц. С
1870 г. См. стр. 276—284.

73. Тахтарев, К. Главнейшие направления в развитии сои
логии. «Современный Мир». 1910. № 8. Стр. 183—185.

74. Туган-Барановский, М. Современный социализм в св
историческом развитии. Спб. 1906 г.

75. Туган-Барановский, М. Очерки новейшей истории по
тической экономии и социализма. 4-е изд. Спб. 1907 г. (См. стр. 9
116. (Впервые в журн. «Мир божий». 1901).

76. Фингерт, Б. А. Краткое руководство по истории социализ
ГИЗ. 1924 г. О Сен-Симоне. См. стр. 42—50 и 58—61.

77. Фогт, А. Социальные утопии. Изд. Суворина. Спб. 1907
Стр. 187.

Тоже. Изд. Проппера. Спб. 1907.

78. Форлендер, К. История социалистических идей. Пер. Г.
Федотова. Изд. «Сеятель». 1925 г. Стр. 114—119.

79. Фридлянд, Ц. Анри де-Сен-Симон—идеолог индустриали
«Под Знам. Марксизма» 1923 г. № 10. Стр. 196—226.

80. Фридлянд, Ц. Реценз. на след. книги: 1) Сочинения А
де-Сен-Симона, под ред. В. Святловского. ГИЗ. 1923 г. 2) Сен-Си
Избранные сочинения, под ред. и пред. В. Волгина. ГИЗ. 1923
3) Изложение учения Сен-Симона, с пред. В. Волгина. ГИЗ. 192
«Печать и Революция». 1924 г. № 2. Стр. 160—163.

81. Хлебников. Сен-симонизм. См. его: «Исследования и стат
Киев. 1879 г. Стр. 1—79.

82. Штейн, Л. Социальный вопрос с философской точки
ния, пер. с нем. Николаева, П. Изд. К. Солдатенкова. М. 189
См. стр. 302—314.

83. Штейнберг, С. Общественные и исторические взгляды
Симона. В журн. «Жизнь» за 1900 г., кн. 11.

84. Чернышевский, Н. Г. Июльская монархия. Гл. III. Про
Менильмонтанского семейства, см. собр. соч. Чернышевского. СПБ. 19
т. VI. Стр. 127—150. (Впервые в «Современнике» за 1860 г. № 5).

85. Чичерин, Б. Сен-Симон и его школа. В журнале «Воп
философии и психологии» за 1901 г., кн. 60.

86. Щеглов, Д. История социальных систем, т. I. СПБ. 1
Стр. 275—436.

87. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке.
1923 г., изд. «Красная Новь», см. стр. 5—9 и ряд друг. изданий.

88. Энгельс, Ф. Прогресс движения за социальную реформ
континенте; см. Собр. соч. Маркса и Энгельса, том II. ГИЗ. 192
см. стр. 286, 287, 289.

89. Энгельс. Примечание (О Сен-Симоне), см. Маркс. Кап
т. III. ч. 2, изд. Института Маркса и Энгельса. ГИЗ. 1923 г., стр.

90. Ященко, А. Социализм и интернационализм. Изд. Скирм
М. 1907.

Ф. В. Астон—И. Штарк—В. Коссель. Природа химичес
сил сродства, изд. «Земля и Фабрика». Москва—Ленинград 192
89 стр.

Интерес рецензируемой книжки заключается в том, что в
сопоставлены статьи Штарка и Косселя, двух исследователей, м

работавших над выяснением природы сил химического средства, то же время стоящих на враждебных, резко противоречащих друг д позициях. В то время, как Коссель развивает свою теорию химичес сродства на основе теории Рутерфорда-Бора, Штарк решительно о гает теорию строения атома Рутерфорда-Бора. Тем не менее, из полемики мы выносим впечатление, что существует ряд твердо ус вленных фактов, на которых сходятся Штарк и Коссель, несмотря на тивоположность точек зрения.

Согласно тому, что до сих пор было известно физикам и хим какое-либо электрически нейтральное тело, т.-е. тело, обладающее ным запасом положительного и отрицательного электричества, не м само собой передать часть своего заряда другому нейтральному Для того, чтобы тело передавало заряды, накопляло их, необхо чтобы извне затрачивалась энергия. Между тем, согласно новым тео нейтральные атомы при химических реакциях именно таким об передают друг другу заряды, при чем энергия не затрачивается, но ляется. В этом и заключается одна из трудностей проблемы об'яс сил химического средства.

Однако самый факт перескока зарядов с нейтральных атомов т установлен. Напр., всем известно, как энергично действуют на нейтральные атомы натрия, тогда как ион натрия на воду не дейс Установлено также существование валентных электронов на периф атомов. Но далее начинается область спорных гипотез. Штарк указ на ряд трудностей, которые теории Рутерфорда-Бора не удается п леть, и приводит ряд фактов, в особенности из области органич химии, которые этой теории противоречат. Штарк не считает возмо допустить даже знаменитое обращение электронов вокруг атомного вращение он переносит внутрь электронов: он принимает внут круговое движение частиц электрона. Таким образом, вопреки ми некоторых математиков, которые принимают электрон за математич точку, Штарк рассматривает внутренние кинетические силы элек энергию его деформации и т. п.

Впрочем, Штарк не дает сколько-нибудь законченной теории чение его статьи—в критике, которой он подвергает теорию Руте да-Бора. Штарк призывает отрешиться от иллюзий, признать т как бы она ни была авторитетна, тем, чем она есть в действитель т.-е. иллюзией. Штарк решительно выступает и против другой, общей иллюзии, которая давно уже широко распространяется ка гими писателями-популяризаторами, так и некоторыми исследоват

«Это — та иллюзия, которая льстиво и самодовольно нашеп человеческому тщеславию: как, однако, далеко мы ушли вперед в мы нашли математическую функцию мира, картина мира зак мировые загадки разгаданы, а вместе с ними, конечно, также и вая загадка о строении самой малой мировой частицы,—химич атома. Какое жалкое пустословие! Такое же старое, как и само ч чество. С той лишь разницей, что в настоящее время в более ченных формах и выражениях оно проникает и в научные круги»

Далее Штарк указывает, что вопросы о форме электронов и жительных ядер, о пространственном распределении энергии, как их, так и снаружи—далеко не выяснены и не могут быть вы посредством математических спекуляций: все эти вопросы должен шить опыт.

Теория Косселя была уже нами изложена в другом месте [1]).

Проф. Шилов во вступительной статье удачно вводит читате: в круг спорных вопросов.

Астон с обычной для него точностью, ясностью и пластичность излагает вопрос о размерах, числе и строении атомов.

Провалы популяризатора.

Проф. А. В. Немилов. Биологическая трагедия же: щины. Очерк физиологии женского организма. Изд. «Сеятель». Лени град 1925 г. Стр. 138. Цена 90 коп.

Он же. Как появилась на земле жизнь. Изд. «Образ ние». Ленинград 1924 г. Стр. 70.

Профессор А. В. Немилов принадлежит, несомненно, к числу на более талантливых наших ученых-популяризаторов. Его популяризац отличаются легким, красивым языком, увлекательностью и стройн стью построения, свежестью используемого им научного материа/ В свое время в нашем «Сборнике статей по вопросам популяризац естествознания» я охарактеризовал его, как автора, стоящего в сомнений и в ряду наилучших имен. Тем более я считаю себя обязанн предостеречь читателей против двух книг, помеченных выше, как кни безусловно, ложно построенных по их научной аргументации и вредн по вложенным в них идеям.

Начнем с первой из них.

В основу изложения всей книги положена глубоко вредная ложная идея о противоречии интересов личности и общества или, к предпочитает говорить Немилов, «особи» и «рода». Автор не счита нужным подвергнуть это свое исходное положение обсуждению и док зательству, но принимает за постулат для всех своих последующ «трагических» рассуждений следующую «аксиому»:

«...Человек же, с его развитой индивидуальностью, с его ли радочно работающим огромным мозгом, прекрасно сознает (!? *Б. З* что его интересы, как биологической особи, вовсе не связаны с те чтобы жизнь продолжалась и после него. Вернее даже, ему, как ор низму, как частице природы, нет никакого дела до того, будет кто-либо из людей жить после него или нет» (стр. 8).

Далее следует другое, не менее сомнительное по своей «научно обоснованности, положение, подтверждаемое цитатой из Шопенгауэ (отметим здесь же, что в научной и даже научно-популярной лите туре мы бы ожидали аргументов фактами, что было бы более солид чем цитаты из какого бы то ни было философа), что вся половая жиз человека есть лишь служение чуждым его личности интересам «род на которые он идет лишь в силу «уловок природы» и соблазнительн сти той приманки, каковою является, согласно мнению Шопенгауэра Немилова, половая любовь с ее физиологическими наслаждениями и р достями» (стр. 10).

Отсюда «весь трагизм человека и заключается в том, что (будучи в силах противостоять соблазну, способен сознавать, ч , в сущности, является только обманутой жертвой рода, тогда к якое животное так и умирает в иллюзии (откуда это у нас так чные познания об «иллюзиях» у животного? *Б. З.*), что расточа илие и жертвы исключительно ради собственного наслаждения» (стр. 1

В этих цитатах—основные предпосылки для всех дальнейших ..роений Немилова, и потому остановимся вкратце на их анализе. Ле понять, что все это не имеет ничего общего с биологией, как наук и автор книги делает непозволительное дело, когда он преподнос читателю, как якобы «научный», «биологический» факт, свои суб'екти ные трагические воззрения, навеянные пошлыми романами времен пр революционного декаданса или душещипательными философствования Отто Вейнигера.

Никто, конечно, не хочет лишить проф. Немилова права восп нимать биологические факты так трагически, как это он делает в св книжке, и многие из нас даже с интересом перечитали бы, пожал острые и меткие подчас парадоксы Шопенгауэра и Вейнигера. зачем же эти свои суб'ективные воззрения прикрывать авторитетом нау якобы в самом содержании биологических наук об'ективно заклю этот постулат о противоречии интересов «особи» и «рода»? Ибо в биология может лишь констатировать без дальнейших мудрствований, половой акт, а равно и материнство, у нормальной женщины являе лишь источником здоровых биологических радостей и отнюдь не д никаких оснований для каких-либо сетований по поводу того, что радости доступны человеку. Если же Немилову, вслед за Вейнигер и другими индивидуалистами—героями предреволюционных психологи ских романов, угодно думать, что ему «нет никакого дела до того, бу ли кто-либо из людей жить после него, или нет»,—то он заблуждае полагая, что он это думает «как биологическая особь», ибо это есть в гораздо более сильной степени порядок мыслей «социаль особи». Он должен был бы иметь в виду, что есть не мало люде иной социальной настройкой и общим укладом мыслей, которым чу и неприемлемо в самом своем корне это противопоставление интер «особи» и «рода».

Тем более, что мы склонны думать, что об'ективные биологич факты питают скорее оптимистические, чем «трагические» выводы, именно та социальная установка, которая примиряет интересы личн с интересами коллектива, вполне гармонирует с такой биологичес установкой, при которой «особь» в своих биологических функциях относ не безразлично к судьбе своего «рода»... При такой постановке биол ческие и социальные тенденции совпадают и гармонируют и м явиться лишь источником оптимизма. При постановке Немилова социальные тенденции и умонастроения индивидуалиста кажутся непримиримыми с теми биологическими отправлениями, которые отве интересам «рода»...

Тем хуже для Немилова, но какое же имеет он право провалы с социальных умонастроений изображать как якобы об'ективно добь биологическую истину?

Ошибка Немилова в том, что он не сумел трезво отдиффере ровать об'ективно-научный биологический материал от своих суб'е

настроений и подчинил все свое изложение этой ложной, предвзятой ...

Раз взятый неверно основной тон определяет все дальнейшие про... и грехи этой книжки. Факт за фактом подбираются чисто искус... со специальной целью доказать «трагедию женской доли» и ..., поддерживаемый на протяжении всей книги, тон сгущенного ги...трофированного «трагизма» способен будет, конечно, смутить не одну ...бую женскую читательскую душу и вообще менее «крепкую духом» ... читательского молодняка. И здесь второй основной грех автора ...тоит в том, что, подчинив свое изложение предвзятой идее, не ...щей ничего общего с биологией, как наукой, и не вытекающей ...материала этой науки, он неизбежно должен был насиловать научные ...ты, чтобы придать внешнюю убедительность теме и во что бы то ... стало оправдать эффектное заглавие книги.

Научная аргументация книги может произвести на несведущего ...теля впечатление весьма эффектное, и потому нам необходимо ... разсеять тот туман и смущение умов, которые ...на и здесь спо...на породить.

Не рассчитывая на исчерпывающее перечисление всех тех научных ...махов и натяжек, которые допущены автором в угоду его предвзятой ..., отмечу здесь некоторые, основные, обосновывающие все дальнейшее ...ложение книги, построения и созданные ad hoc «теории».

Так как идея книги—показать трагизм женщины в противоречиях ...вой жизни, то ясно, что эта трагедия тем покажется страшнее, ... удастся убедить читателя, что сексуальность—это есть основа, ...ало и конец бытия. Эту задачу—совсем под стать своим предте... в лице Фрейда или Пшибышевского с его художественными моти... на тему: «в начале бе пол»—Немилов осуществляет следующим ...зом: сначала он быстро и легко развенчивает «ложные» предста...ния, согласно которым в основе эволюции человека и его преобла...ния над другими животными лежит сильное развитие его мозга—все ... Немил—ов считает несущественным и даже «неверным» (стр. 13). ... качестве доказательства Немилов считает достаточным указать на ... что у кита и слона абсолютный вес мозга больше, чем у человека, ... некоторых обезьян, как у игрунковых или сапажу, относительный ... мозга выше, чем у человека. «Мы видим таким образом, что утвер...ние, будто человек отличается пропорционально более тяжелым моз...,—неверно» (стр. 13).

Мы вынуждены самым решительным образом протестовать против ...ь простого и легкого способа разделываться даже в популярной ...ратуре с научными фактами: Немилов мог бы привести и еще, ве...но, с десяток таких исключений из общего правила, но это отнюдь ... уничтожает того основного и обоснованного тысячами противополож... фактов положения, что размеры и развитие головного мозга явля...я определяющим фактором в развитии психических способностей. ... исключения, приводимые Немиловым, тем менее уместны, что ... и серьезный ученый в настоящее время и не думает свести определение ...пени развития мозга исключительно к его размерам, и в соответствую... литературе уже давно стал банальным пример, что самый большой ..., до сих пор измеренный в науке, принадлежал одному идиоту-кал...у. Отсюда ясно, что примеры Немилова не достигают цели и со...шенно не доказательны, поскольку они имеют целью изменить наши ...ловившиеся и достаточно уже прочно обоснованные воззрения на ... мозга в филогенетическом развитии человека.

Но зачем вообще проф. Немилову нужно было производить переворот в науке? Очевидно, для того, чтобы подготовить почв новой и эффектной теории эволюции, как функции половой актив Да, это так!

«Если мы будем перебирать другие системы органов и сравн их у человека и других живых существ, то везде мы найдем при внимательном изучении (неужели же только «при более внимател изучении»? *Б. З.*) известные черты отличия, но нигде не найдем анатомических признаков, которые мы имели бы право назвать су ственно человеческими (курсив автора. *Б. З.*). Но ест же одна система органов, которая достигла у человека особо вы степени развития и особенного усложнения: это, как это ни ка странным на первый взгляд (да, поистине странно, и мы это с покажем! *Б. З.*),—половая система» (курсив автора. *Б.* (стр. 14).

Чем же аргументирует Немилов в пользу этой новой и ориги ной «половой теории эволюции»?

Во-первых, Немилов ссылается на авторитет Фриденталя, ко отметил, что «по своим абсолютным и относительным размерам по. аппарат женщины превосходит аппарат всех прочих приматов. одного вида обезьян не наблюдается такого богатства вторично-по признаков, как у женщины. Влагалище и матка у нее крупнее и ставляют собою более совершенные органы, чем у самки горилл орангутанга. Среди всех прочих приматов только у женщины влага снабжено системой поперечных складок, которые превращают его вершеннейший аппарат для трения при половом акте». Отсюда, с сделать вывод Немилов, «сильное развитие и дифференциация пол аппарата и его органов сладострастия являются одним из самых р человеческих признаков» (стр. 14—15). Дальнейшее подтверждение теории Немилов видит в том, что «яичник женщины составляет часть всего тела, а у коровы—всего 150.000 часть; следовате у женщины яичники пропорционально тяжелее, чем у животных огромного бегемота яичник имеет почти тот же абсолютный вес, у женщины».

В итоге, по Немилову, «вечно возбуждаемый этой волной мо раздражителей (т.-е. половых гормонов. *Б. З.*), посылаемых в та органы, человек и стал тем, что он есть, т.-е. существом в одних шениях очень сходным, в других — резко отличным от обе (стр. 17—18).

Не приходится и говорить, что эта попытка перенесения Фре ских увлечений в область учения об эволюции не имеет ник серьезного научного значения.

Ранее Немилов очень легко и просто «угробил» факт филоген ского усложнения в строении мозговой системы, основанной на шой статистике относительного веса мозга и его строения в разных сах и родах животных, на основании одного-двух исключений. же он с тою же легковесностью строит свою «сексуальную те эволюции на нескольких совершенно произвольно выхваченных ф

Так, в случае мозга он не принимает обычного сравнения раз мозга человека с мозгом шимпанзе и предпочитает почему-то ссы на сапажу; здесь же он отклоняет возражение, указывающее на известный факт сексуальной активности обезьян, ссылкой на Ке сообщающего, что «человекообразные обезьяны не обнаруживают мерно сильной сексуальности»; при этом он совершенно забыв

том, что, поскольку Келер не дает сравнительного масштаба с че веком, эта ссылка вообще ничего не говорит и создает лишь видимо доказательства в пользу более сильной, чем у обезьян, сексуально человека.

С другой стороны, если уж итти по стопам Немилова, почему избравшего для сравнения размеров яичников жвачных, то смею у рить проф. Немилова, что «человеческим признаком сладострастия гораздо большей мере, чем человек, обладают, например, ламы, котор совокупляются по 5—6 раз в день, при чем каждый акт продолжает от 20 до 30 минут. И не должны ли мы будем считать на тех же осно ниях «венцом творения» каких-либо кроликов или петуха?

И, наконец, разве не тот же самый Немилов, противореча само себе, но в другой ситуации, на стр. 97 цитирует Фореля, что те : самые женщины, у которых поперечные складки влагалища долж по его мысли, символизировать особливое развитие сладострастия, ф тически не менее чем в 50% случаев «равнодушны» и «холодны» акту совокупления?

Спрашивается, что же проф. Немилов считает верным: то ли, ч женщины в 50% случаев совершенно не знают, что такое сладост стие, или же то, что женщины превосходят своим сладострасти обезьян?

Что же касается размеров матки и влагалища, то нужно ли об'яснения их более мощного развития прибегать к этой сомнительн теории эволюции и не проще ли понять их с точки зрения приспос ления к прохождению при родах несоразмерной по об'ему головы человеческого плода, т.-е. итти опять от мозга и головы, а не от полов органов?

Теперь о размерах яичников. Трудно придумать более произво ные примеры. Почему здесь понадобилось сравнивать непременно же щину и непременно с коровой? Ну, а если мы сравним мужчину с бином или с петухом, то не получится ли результат крайне плачевн для всех построений Немилова? И почему бы опять-таки если уж бр женщину, то не сравнить ее яичники с таковыми у кролика или куриц

Достаточно только этих примеров, чтобы понять, что в этой кн не выводы строятся на основании об'ективно существующих фактов, наоборот—факты специально прилаживаются и подбираются к зара уже составленным выводам.

Но дело не только в этих натяжках и ошибках толкования, но в более серьезном и коренном прегрешении всех этих построений: самой своей основе эти построения Немилова обнаруживают неп вильное и превратное понимание основных положений физиологии, оп деляющих взаимоотношения и влияние нервной системы и органов вн ренней секреции в психической эволюции: это — та ошибка, кот рую повторяют многие авторы, не критически увлекающиеся эфектны успехами эндокринологии, полагающие, что эндокринология может в теснить и свести на-нет чуть ли не всю роль нервной системы да в процессах психической деятельности. Это—та ошибка, против котор я уже неоднократно предостерегал, отмечая всю ненужность и нез ровость таких перегибов палки. Я уже предложил для лучшего уясне соотношения ролей нервной системы и внутренней секреции в пси ческой деятельности аналогию скрипки и смычка, при чем основн инструментом или «скрипкой», определяющей характер нашей пси ческой деятельности, является мозг и особенности его строения, же касается полового и других гормонов, то на их долю выпад

олее скромная роль смычков, при чем важно то, что химическая і ода этих гормонов как у человека, так и у обезьяны, коровы или і ика остается одна и та же. Тем более перед лицом этих фактов яют почву под ногами все попытки об'яснить эволюцию человек го отличия от обезьяны размерами его «органов сладострастия» и ать, что человек мог стать человеком в силу влияния полового і юна, а не в силу усложнения структуры той скрипки—мозга, кото вляется основным инструментом психической деятельности.

Этих нескольких примеров достаточно, чтобы понять общий рактер и построение книжки: ее главная характерная черта—это здоровое и преувеличенное устремление выдвинуть на первый план ф пола и терроризовать читателя «глубиною» и «безысходностью» той т гедии, которая якобы вытекает из этой якобы всеоб'емлющей вл пола. При этом автор предается ламентациям и истерическим стенан по любому поводу и притом по взаимно противоречащим причинам. в главе 2-ой он плачет над кастратами, которые якобы теряют инд дуальность (стр. 25), и в трагических словах описывает физичес отличия кастратов, как будто бы и здесь есть нечто об'ективно т гическое, а в конце той же главы с не менее трагическим и пат ческим видом описывает трепетание жизни сексуально здорового т В главе 3-й он проливает слезы над судьбою женщины, полной тво| ских живородных сил, вся жизнь которой якобы сводится к о тошноте да зубной боли, и в специально подчеркнутых фразах во вает «жертвенность» кормящей грудью матери; а в следующих гл с такою же трагической миной описывается печальная судьба ста| щей женщины именно потому, что она потеряла эти свои живород силы, т.-е. тошноту и зубную боль. И когда вы находите в 10 главе в в заключительного аккорда стенания по поводу «жестокой необходим для женщины расплачиваться страданиями за короткие минуты поло наслаждений», то перед вами вновь встает вопрос, зачем нужна эта фальшь и чему же верит сам автор в своих писаниях: ведь (верна его же собственная теория особого развития «органов сл страстия» у женщины, то он должен был бы измерять эти «ми| наслаждения» не минутами, а часами и днями, но тогда отпадает оп таки вся хитроумная постройка о противоречии интересов особи и р ибо, наоборот, мы фактически имели бы здесь биологическое созв| интересов продолжения рода с тем личным, индивидуальным насла нием здоровой, нетронутой Вейнингеровско-Немиловскими мудрств ниями «особи», которые она испытывает и в здоровых переживаниях ловой любви, и в переживаниях кормящей грудью матери.

И опять-таки нам хочется сказать Немилову, что если ему хоч плакать и стенать, то пусть плачет и стенает «в свое здоровье» про с но, в порядке на сей раз законного противопоставления интересов ли сти и общества, зачем же было плакать публично, на глазах у всего о ства, смущая менее крепкую и устойчивую часть читательской пуб ложной видимостью, якобы плач Немилова и его последователей и научно-биологическое обоснование? И это тем более не следовало лать, что плач трогает, когда он в меру, но и сострадание легко п ходит в смех при чрезмерных увлечениях и обилии всяких траги когда Немилов плачет и потому, что женщины бывают молоды, и от что они бывают стары, и оттого, что у мужчины есть яички, и от что у кастратов их нет, и оттого, что у женщины якобы си развиты «органы сладострастия», и оттого, что они отличаются пол холодностью, и оттого, что девочки болеют и умирают больше мальч

и (прибавим от себя то, о чем Немилов умолчал), очевидно, оттого, ч
в конечном итоге девочек остается в живых больше, чем мальчи
и т. д., и т. д.—получается картина плача во имя плача, но не в си
об'ективных внешних к тому оснований.

В угоду этой цели—внушить читателю чувство трагизма во ч
бы то ни стало и любыми средствами—Немилов привлекает к с
на помощь цитаты и ссылки на мало научно обоснованные соображен
других авторов, которых он принимает за доказанные только потом
что это выгодно для его собственных настроений. К числу таких
мительных «подпорок» к его сексуально-фрейдистским теориям, поми
всего выше отмеченного, мы бы отнесли соображения Лапинского
существовании в корне мозга якобы «полового центра», или же расс
ждения его о влиянии менструаций на психику женщины, которые я
бы—страшно повторить!—«подавляют у женщины право выбора, ос
бляют у нее проявление свободы воли (как страшно все это звуч
Б. З.) и делает из нее покорную рабу данного космического ритм
рабу, лишенную собственного выбора»... Поистине мороз по коже пр
бирает, когда подумаешь, сколь же трагична судьба женщины по срав
ию с мужской, которую Немилов в союзе с Лапинским надел
очевидно и свободою воли, и чуть ли не господством над всеми «косм
ческими ритмами»!

Такой же и даже еще менее приемлемый характер носят дальнейш
соображения Немилова, где он уже совершенно теряет чувство тр
вого самообладания и здоровой самокритики, предлагая читателю п
видом научных биологических истин следующие «перлы»: «родотвор
ская роль женщины»... «носит все же характер не творческий, а пасс
ный, ибо не она создает ребенка, а ребенок возникает в ней, помимо
воли и сознания» (стр. 101).

Поистине, эти изречения могут быть поняты только в одном смысл
что вся книга эта появилась в свет не потому, что она **д о л ж н а** бы
возникнуть «независимо от воли и сознания» того или другого авто
в силу об'ективно-научной обязательности и верности ее выводов, но
силу суб'ективно-«творческого» произвола ее автора, который заб
основное правило всякого научного творчества, не исключая и творчес
популярных книг: не только учить строгим методам научной индукц
но и в самом себе безжалостно искоренять все те суб'ективные моти
и движения, которые подчиняют научно-об'ективный материал пос
ронним и чуждым науке предвзятым идеям.

И вот перед нами встает еще один вопрос: как могло случить
что такой талантливый и научно вооруженный популяризатор, как пр
А. В. Немилов, подаривший нам не мало хороших популярных свеж
книг, разрядился таким неудачным «родотворческим актом»? Можно
рассматривать это как одиночную случайную «обмолвку», «кляксу язы
или же здесь есть своя система и планомерность? К нашему глубоко
сожалению, приходится предположить скорее последнее, и это—имен
то обстоятельство, которое особенно обязывало нас взяться за пе
В этом нас убеждает история другой книжки того же Немилова, вы
шедшей год назад и посвященной такой «ударной» теме, как вопро
«Как появилась на земле жизнь?».

Немногим более 10 лет назад А. В. Немилов—тогда еще молод
автор—поместил прекрасную статью на ту же тему в «Итогах наук
Тогда он занимал по этому вопросу определенную материалистическ
позицию и хотя и не заострял в своих суждениях отрицательную оце

потезы панспермии с ее идеей «вечной жизни», но достаточно опре зяно подчеркивал ту виталистическую тенденцию, которая протас ется в науку с этой гипотезой. Эта статья Немилова до сих п мяется одним из лучших популярных изложений вопроса о проис дении жизни.

И вот выпущенная теперь тем же Немиловым книжка не оставл чего на месте из былых его здравых рассуждений.

Живое и неживое оказываются теперь для Немилова разделены «пропастью», как это явствует из следующих его слов (стр. 11): « действительно связать живое с безжизненным и создать между ни переходы никому не удалось. Оба эти мира,—мир безжизненного и жи мир,—оказались отделенными друг от друга пропастью, и сколько исследовали ученые природу, так и не удалось ничем связать обе половины и найти между ними какие-либо переходы». И далее (стр. 1 «И много напрасного труда (курсив наш *Б. З.*) было зат чено учеными в разных странах на то, чтобы таким путем (т.-е. пу искусственных биологических синтезов. *Б. З.*) проникнуть в та жизни».

И далее Немилов более подробно обосновывает свою позицию следующих словах (стр. 28): «Суть-то вопроса в том и заключает каким образом безжизненный белок стал живым, а на это Пфлюге Аллен не отвечают вовсе»...

«...До сих пор в каждом явлении жизни, как бы просто оно было, есть «нечто», обо что пока разбиваются бесплодно все попы исследователей» и т. д., и т. д.

А далее следует вывод, который предлагает Немилов читате в качестве положительного разрешения вопроса о происхождении жиз «жизнь существовала вечно, она не имеет ни начала, ни конца».

Мне кажется, что нет надобности продолжать дальше, чтобы по зать, что перед нами—типичный пример научного пессимизма, незамет но естественным путем, приведшего автора книги к ничем не прик тому витализму. Характерно при этом, что в книге не прибавл ни одного нового веского аргумента, который бы изменил фактичес об'ективное соотношение вещей по сравнению с тем, что имело ме когда Немилов писал свою первую статью на эту тему. Более т самые формулировки Немилова, в которых он теперь ставит крест (надежности над «напрасным трудом» ученых, работающих в обла биохимических синтезов, по своей решительности и откровенности п восходят все то, что писали по этому поводу самые явные и с процентные виталисты. И что, наконец, является особо пикантным всей этой истории, что и в своей брошюре и еще более в на личной с ним переписке проф. А. В. Немилов упорно и ожесточе доказывает, что его гипотеза вечности жизни не только не виталисти но и, наоборот, есть чистейший прямолинейный материализм!

Поистине есть где развести руками и предаться печатным разм лениям о странном построении воззрений и вывертов мыслей у не торых людей. После некоторого размышления я тогда решил отказат от мысли печатно возражать против выводов этой идеологически вред но талантливой по изложению книги, рассматривая ее, как случай ошибку или описку в общем здраво и трезво мыслящего автора.

Но теперь, после выхода этой второй книжки того же авт я понял, что и во всяких ошибках и ляпсусах языка есть своя ло и что эта «логика» требует своего диалектического анализа.

Очевидно, здесь есть какая-то органическая причина, не позволяющая проф. Немилову видеть вещи в прямом свете и представляющая их его глазам в изуродованном виде.

Первый и основной дефект Немилова—это отсутствие устойчивого прочного научного мировоззрения и в частности неумение диалектически мыслить. Только таким путем он мог так безнадежно запутаться в кричащих противоречиях, когда свою собственную, суб'ективно в нем существующую неувязку отдельных цепей рефлексов он стремится приписать, об'ективно вне его действующей, природе вещей. В самом Немилове эта перепутаница произошла по целому ряду направлений: с одной стороны, это—смешение явлений биологического и социального порядка и неумение провести между ними различие, осознать для самого себя, где кончается компетенция биолога и где в нем самом говорит мыслитель, впитавший в себя мудрость таких мелко-буржуазных философов, как Вейнигер или Пшибышевский. Во-вторых, это ведет за собой смешение методов об'ективного и суб'ективного мышления, когда автор оперирует формально об'ективными понятиями научно-биологического характера и терминами рефлексологии, но не сумел подвергнуть элементарной самокритике исходные позиции всей своей философии и не видел, что в его изложении искажен весь смысл и ценность научно-об'ективного метода мышления, ибо не выводы подчиняются в его книге об'ективно существующим фактам, а факты насилуются и подбираются согласно уже заранее предвзятым идеям, заимствованным Немиловым, как уже сказано, не из науки и ее содержания, а из ряда мыслей совершенно иного порядка.

Наконец, отсутствие законченной и продуманной до конца методологии приводит автора к совершенно чудовищной метафизической постановке самих обсуждаемых им проблем.

Эта метафизика, повидимому, совершенно не осознанная автором, сквозит из всех его рассуждений о какой-то несуществующей «свободе воли» в поведении человека, в его ребяческих стремлениях провести какую-то черту, разделяющую «пассивный родотворческий акт» женщин от «активного творчества», протекающего под контролем воли и сознания. Для Немилова все эти понятия, созданные метафизической философией прошлого, которое формировало его сознание, повидимому, до сих пор остаются некоторою абсолютной сущностью, которая противопоставляется в его сознании «царству биологической необходимости», которая подчиняет своим законам все поведение человека. При таком метафизическом подходе к вопросам, это—совершенная случайность, и вопрос «ударности» темы, что Немилов построил свою «трагическую философию» вокруг идеи власти пола; с таким же успехом и лишь с малыми вариантами любой его единомышленник, не сумевший подчинить свое мировоззрение научно-каузальному диалектическому методу мышления, мог бы заливаться слезами по поводу того, что вообще новейшие успехи естествознания подчинили «свободный полет мысли», «свободное творчество», всю «душу» человека железным законам необходимости, лежащим в основе физиологии человеческого организма. Это неизбежно всякий раз, когда человек лишь формально принимает методы и достижения новой науки, но продолжает сохранять во всем своем образе мышления и философском мировоззрении лохмотья старой метафизики и поиски «свободной воли» и «активного творчества».

В наибольшей мере эта метафизичность всего мышления Немилова сказывается в его постановке проблемы происхождения жизни. Для него проблема перехода от неживого к живому мыслится, как некоторое «ста-

вление» без всякой предшествующей ему истории. Живое и нежив
зделены в его представлении пропастью, а возникновение жизни
к процесс, проходящий ряд сменяющих друг друга во време
гапов или скачков, где именно по самому существу диалектическо
шления мы затруднились бы сказать точно, где кончается нежив
начинается живое, ибо для нас процесс образования живого вещества
о есть накопление уже предсуществовавших в неорганической приро
ичеств», которое в своем количественном сочетании переходит в нов
—ачество», которое мы называем жизнью. Нет, Немилов чисто метаф
зически рассматривает живое и неживое, как некие абсолютные, раз
ленные пропастью сущности, и ждет от науки, чтобы она «единым тв
ческим актом» заполнила эту пропасть.

Еще более ложно и, мы бы сказали, научно-реакционно стави
вопрос о плодотворности биохимических синтезов. Для Немилова это
«напрасный труд» по той причине, что он еще не разрешил при жиз
Немилова проблему перехода от безжизненного белка к живому бел
И здесь опять-таки Немилов берет проблему не в ее развитии, а в
статике сегодняшнего дня, и поистине создается впечатление, что Н
милов обижен тем, что биохимические науки не оправдали его юн
надежд за те 10 лет, которые отделяют выход этой книжки от его пер
статьи на эту тему. А между тем, нужно лишь бросить взгляд на «диал
тику» всей проблемы, как она развертывалась на протяжении ли
последних 100 лет, чтобы понять, что если где-либо труд ученых не б
напрасен, то именно на этом пути биохимических синтезов.

Неужели же Немилов не знает, что лишь 100 лет назад принимал
за абсолютную научную истину, что все, что мы находим в теле че
века, есть продукт специфической жизненной силы, и что никогда че
веческие руки не изготовят самого простого из этих «органических»
ществ, что науке здесь дано лишь право анализа, но всякие пути синт
закрыты? И разве не знает Немилов, что для своего времени откры
Велером в 1827 г. способа искусственного синтеза мочевины «р
решало» принципиально вопрос о создании органического вещес
и положило первую веху в заполнении воображаемой «пропасти», раз
ляющей живое от неживого? И разве тому же Немилову не извест
как, подчиняясь всем законам диалектического развития, все более
более сужалось и ограничивалось содержание понятия «живого» и р
ширялась область приложения методов изучения «безжизненных» п
цессов? И если было время, когда «пропасть между живым и нежив
начиналась с мочевины, потом последовательно переносилась разбив
мыми и отступающими шаг за шагом реакционерами в науке—вита
стами к жирам, затем—к белкам, а теперь—к «коллоидному состоян
белков, то неужели же это дает Немилову право называть гениальн
труды Велера, Бертло и Эмиля Фишера «напрасным трудом»? Да,
напрасный труд для метафизиков в науке, для которых каждая труд
проблема сегодняшнего дня представляется никогда не переходимой п
пастью, но это—предмет восторга и преклонения для всякого диалек
чески мыслящего человека, который понимает, что в силу этого «нап
ного труда» уже на наших глазах заполняется содержанием и фа
ческими завоеваниями науки, та пропасть, которая постоянно раскрывае
под ногами лишь тех ученых, которые не понимают диалектическ
хода развития науки. Неспособность понять все это—большая лич
«трагедия» Немилова, ибо она помимо «воли и сознания» его сам
приводит его к тем внутренним противоречиям и основным прова

[Немил]ова, как ученого, которые пронизывают все построения этих его [популяр]ных популяризаций.

И мы видим в этом хороший пример и предостережение как лично [для] Немилова, так и для других, идущих или собирающихся итти по [этому] пути. Проф. Немилов—не только талантливый ученый популяриза[то]р, обладающий прекрасным слогом и умением доступно излагать [слож]ные и трудные проблемы, он также человек, искренно принявший [рев]олюцию и желающий принять посильное участие в строительстве [нов]ых устоев жизни и мировоззрений и влиять через популяризацию [есте]ствознания на массы. Но тогда он должен понять, что такое влияние [мож]ет принадлежать лишь тем, кто для себя самого разрешил основные [воп]росы научного мировоззрения в духе последовательного диалектиче[ског]о материализма, изжил те суб'ективно-метафизические пережитки [стар]ого, против которых марксизм ведет неустанную и ожесточенную [бор]ьбу. Вот почему, когда появляются такие книги, как рецензируемые [книг]и Немилова, мы чувствуем себя вынужденными, признавая всю [иск]ренность намерений автора, заявить, что эти книги не только не могут [быт]ь школой для нашей молодежи, но должны быть признаны именно [благодар]я талантливости и авторитетности имен их авторов явлением идеоло[гич]ески крайне вредным и по своим результатам—об'ективно-реакцион[ног]о значения.

Прежде, чем закончить эту статью, я считаю необходимым останов[ит]ься еще на одном вопросе, представляющем также большое общее [зна]чение: принимая за факт ложность общих методологических и научных [пре]досылок популяризаций Немилова, нельзя не отметить, что даже [в п]ределах этих промахов Немилов с чисто популяризаторской стороны [доп]устил в этих книгах большие ошибки, которые заставляют опа[сат]ься, что им избран и здесь скользкий и неверный путь.

Мы имеем в виду тот тон несколько хлесткой и гипертрофированн[ой] подчеркнутости, которая придана им этим его популяризаторским [выс]туплениям. Для обеих этих брошюр характерно то, что, при внешней [видим]ости якобы оригинальности их построения, фактически в обеих [книг]ах Немилов пошел по пути наименьшего сопротивления, разрешая [взя]тые им проблемы в духе наиболее понятном и близком настрое[ни]ям среднего обывателя, который станет читать книгу. В самом деле, [ведь] о «трагедии женской судьбы» — это ведь предмет бесконечных [сен]тиментальных рассуждений в средней мещанской семье, и в бес[кон]ечных «семейных» драмах, и, конечно, она не может не найти себе [широча]йший отклик в широких кругах читательской публики, ищущей, со[глас]но последней моде, «научного» обоснования всем своим бесплодным [муд]рствованиям на эту тему.

Во избежание непонимания оговорюсь здесь же, что я отнюдь не [хоч]у отрицать наличие «женской проблемы» и всей тяжести социального [пол]ожения женщины, обусловленного в значительной мере биологиче[ски]ми особенностями и строением женского организма. Но в отличие [от] обывательских ламентаций и преувеличений на эту тему мысль актив[ног]о общественника или ученого ищет реальных решений и выходов [из] этих трудностей в рамках существующих условий, трезво отделяя [об'ек]тивно данный в природе факт от тех бесплодных разговоров, которые [вед]ены на эту проблему в обывательских суждениях. Обязанность попу[ляр]изатора-биолога была бы в том, чтобы, даже приняв исходный [глу]боко пессимистический взгляд Немилова, подвергнуть его об'ектив[ном]у научному анализу и научить читателя отдифференцировать [в э]той социальной по существу проблеме биологический факт разности

роения полов от последующих социальных наслоений и показать чи ло те реальные меры, которые в рамках существующих биологически зможностей позволили бы облегчить те действительные тяготы, котор жатся на женщину, как на биологическую и социальную особь. Вме го, Немилов преподнес читателю существенное и гипертрофированн реложение обывательских пересудов, санкционированных, одобренн евдонаучным обоснованием.

Несомненно, что такой подход к теме должен особенно понравит ...требовательной части публики, ибо он найдет очень много отзвук в уже предсуществовавших настроениях ее, но, спросим мы Немило в том ли состоит задача популяризатора, чтобы потрафлять дурн вкусам и предвзятым настроениям массового читателя, или на нас леж обязательство научить читателя критически пересмотреть свой скудн обывательский багаж и сохранить в нем лишь то, что действитель прошло через горнило научного отбора и анализа?

Путь, предлагаемый нами,—конечно, может меньше понравиться ч тателю, ибо дает более трудные задачи его мыслительным способност но это—единственный путь, при котором популяризатор активно у ствует в формировании нового научно-критического мировоззрения нетронутой целине наших читательских мозгов; второй путь, путь Нем лова, грозит привести его к тому концу, который превращает научну популяризацию в ее диалектическую противоположность—в вульгар зацию науки и знания, когда мы стремимся науку приспособи к требованиям читателя в ущерб ее собственным принципам и закона

Равным образом и гипотеза вечности жизни, чудится нам, п купила Немилова именно тем, что она очень эффектна по своему вы жению и наиболее просто и понятно для массового читателя разреш этот трудный и сложный вопрос. Признание Немилова в этом смы мы усматриваем в следующих его собственных словах (стр. 35): «Р в окружающей нас природе мы не находим ни малейшей зацепки, малейшего намека (предпосылка, конечно, в корне неверная и не до занная Немиловым в предыдущем изложении, но «выгодная» для строения книги. *Б. З.*) на то, каким образом из неживого получ лось живое, то при таких условиях надо или вообще признать этот вопр неразрешимым (почему ?!. Одно из другого совершенно не следу если учесть, что наука развивается, и понять, что, если бы даже сегод мы не имели «намеков», то завтра они могут появиться. *Б. З.*), и ограничиться предположениями, выбирая из них самы простые и самые лучшие» (курсив наш. *Б. З.*).

Итак, ясно, что все предшествующие страницы, разоблачающие «і прасность» и бесплодность стараний науки разрешить «тайну жизн нужны были Немилову лишь для того, чтобы освободиться от необход мости научно-критически анализировать факты и наметить возможн решения вопроса, что было бы обременительно и для него, и для чи теля, и получить право выбирать лучшее из решений. А так как поня «лучшего» уже не подчиняется законам логики, но определяется суб'ект ными вкусами, то Немилов мог быть уверен, что читатель призна за «лучшее» именно эту эффектную и увлекательную по своему «кос ческому» охвату, но пустую и бессодержательную по существу гипот о вечности жизни [1]).

---

[1]) Оговорюсь здесь опять-таки во избежание лжетолкований, чт здесь возражаю против идеи именно в смысле ее философско-космическ толкования, не отрицая возможности занесения ее конкретно на землю с Ма или с любой другой планеты, ибо это есть лишь частность и деталь в об проблеме.

Мне кажется, что в этом месте у Немилова обнаруживается друга [ра]сточина, которая грозит подточить его не только как ученого-мысли[тел]я, но и как популяризатора.

Всякий популяризатор по самому роду своей работы должен искат[ь по]нятий и образов, наиболее понятных и знакомых читателю, чтобы [при]близить к его интересам предмет своих научных популяризаций. Сама [фо]рма популярного изложения ведет к неизбежным упрощениям и схема[тиз]ациям, которые преследуют цель, не теряя своей научной обосно[ван]ности, представить научный факт в его наиболее доступном и при[вле]кательном для читателя виде.

Ввиду этого популяризатор всегда ходит на краю опасности пе[рей]ти границу допустимого и в поисках приспособления к интереса[м и в]кусам читателя впасть в тон простого потворства дурным вкуса[м и] взглядам читателя. Это всегда происходит тогда, когда «интересность» [и] «увлекательность» формы перестает быть средством и превращаетс[я в] самоцель. И первым шагом на этом пути бывает, когда научная попу[ля]ризация оставляет почву строгого индуктивного каузально-аналитиче[ск]ого метода изложения и избирает в качестве критерия и способа реше[ни]я вопроса то, что кажется суб'ективно «лучшим» с точки зрения автор[а] и читателя. Эта опасность возрастает тем больше, чем талантливе[е по]пуляризатор и чем, следовательно, больше он «чувствует» свою ауди[то]рию, ибо именно тогда возрастает «соблазн» и «приманка» завоеват[ь пу]блику не строгим развертыванием научного анализа, а «чутьем» [и ин]туицией», которые подсказывают автору те именно решения, которы[е ка]жутся «наилучшими» с точки зрения сегодняшнего умонастроени[я чи]тателей. Автор начинает «плыть по течению» и популяризация в[ыли]вается в той или иной форме заменяется ее вульгаризацией. Лучший и единствен[ны]й способ спасения для всякого популяризатора—это мощно развит[ы]й аппарат внутреннего торможения и, строгая самокритика и само[ан]ализ, а также наличие собственного законченного научно-материалисти[чес]кого мировоззрения, которое исключает возможность поддаться [с]облазну внешней привлекательности эффектных дедукций. Но, как мы [ви]дели, Немилов грешит слабостью именно этих черт. С другой ж[е ст]ороны, его популяризаторский талант, не находя себе достаточных тор[мо]зов, повидимому, все больше увлекает его на путь приспособления [к в]кусам читателей. Мы считаем себя обязанными выбросить клич пред[у]преждения, что это путь скользкий и опасный, тем более, что пример [пр]оф. А. В. Немилова, быть может, послужит хорошим предостереже[ни]ем для тех из наших популяризаторов, которых увлекает его успе[х] [И] да простит нам профессор Немилов, если мы злоупотребляем его име[не]м, чтобы из разбора его двух неудачных книжек сделать предлог дл[я не]которых обобщений, которые пока не всегда и не целиком могут быт[ь п]риложены к нему персонально. Мы были бы весьма рады, если наш[и оп]асения относительно него не оправдаются и он найдет верны[й пу]ть, который обеспечит его от повторения подобных ошибок и провалов. [Н]о со своей стороны разве не лежит на каждом из нас обязательств[о в] тех случаях, когда совершаются преступления против основных принци[по]в научной популяризации,—бросать клич об опасности, следуя древнем[у п]римеру: «Платон мне друг, но истина является для нас наибольши[м д]ругом»!

Б. Завадовский.

Политическая экономия без понятия стоимости.

Теория Густава Касселя.

Lehrbuch der Allgemeinen Volkswirtschaftlehre. Bearbeitet von L. Pohle, Pr... der Nationalökonomie in Leipzig, und G. Cassel, Professor der Nationalök... mie in Stockholm. Erste-Abteilung: Theoretische Sozialökonomie von G. Cass... C. F. Wintersche Verlagsbuchhandlung. Zweite Auflage 1921).

Густав Кассель, профессор Стокгольмского университета,—во... дящее светило буржуазной науки и самый модный экономист по... военной Европы. Он—эксперт Лиги Наций по денежному вопросу и... но главная заслуга его перед буржуазией—это его преодоление т... довой теории стоимости. Кассель не удовлетворяется австрийской ш... лой, он идет еще дальше и отрицает вообще самое понятие стоим... (ценности),—стоит ли после этого останавливаться на трудовой тео... стоимости Маркса? Она еле удостаивается упоминания. Не мудр... что буржуазная наука поднимает на щит столь смелого новатора. ... всех больших экономических журналах его произведению посвящаю... пространные профессорские статьи, большей частью хвалебного, ... апологетического характера. Так, например, в журнале Шмоллера п... Нейссер пишет: «Книга Касселя первая строго проведенная попы... об'яснить современное хозяйство цельной теорией, полностью отк... вающейся от понятия стоимости». В «Архиве мирового хозяйства» Эй... бург подтверждает: «Мы здесь действительно и в полном смысле с... имеем дело с теорией, свободной от стоимости». В том же духе вы... зываются Манштедт и другие. Уже прежде делались попытки э... сипировать политическую экономию от теории стоимости, но они да... не нашли такого отголоска, оставались гелертерской экстравагантнос... и капризом. Так, Готтль-Отлилиенфельд, ныне профессор в Киле, из... ший недавно (в 1923 г.) книгу: «Экономическое измерение. Ликвида... умирающей теории стоимости», а также другую, под столь же ха... терным заглавием: «Свобода от слова», уже около тридцати лет т... назад, в 1897 г., выступил с той же программой в сочинении: «П... тие стоимости, как замаскированный догмат политической эконом... Но, очевидно, тогда понятие стоимости еще не умерло, оно перез... еще целое поколение; зато теперь Кассель окончательно уложил ... в гроб.

Надо, впрочем, отдать справедливость немецкой науке. Наш... ученые, отнесшиеся, при всей внешней корректности, крайне отри... тельно к «системе» Касселя и своей критикой не оставившие в ... что называется, живого места. Это тем замечательнее, что крит... исходила вовсе не из марксизма; это—буржуазные ученые, вскрыв... щие лишь внутренние противоречия и абсурдность построений К... селя. В первую очередь это парижский профессор Альфред Амм... Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpoitik, Band 50 u 51.

Ларчик Касселя открывается очень просто: понятие стоимост... заменяет понятием оценки. Это отмечают не только Аммон, но и ... Меллер и Эдгар Салин (Wiener Zeitschrift für Volkswirtschaft u. Zeitsc... für schweizerische Statistik und Volkswirtschaft).

Последний называет книгу именно аргументом против его же о... цания стоимости. Примитивная аргументация Касселя замаскирова...

го чрезвычайным нагромождением гелертерства. Но путаница остается путаницей, несмотря на весь ученый аппарат. В конце-концов все сво[дится] у Касселя именно к словам: вместо Wertschätzung он употребляет [Sc]hätzung вместо «оценки стоимости», как этот термин употребляется [ав]стрийской суб'ективной школой, он просто говорит «оценка». У Кас[се]ля сказался именно фетишизм слова, а не «эмансипация от слов», [ка]к ее проповедует Отлилиенфельд.

Свою бесценную теорию без ценности Кассель строит на допотоп[но]м аргументе редкостности. «Только редкие (knappe) средства являются экономическими средствами»,—заявляет он уже на третьей стра[ни]це своей книги. К этому аргументу прибегает также Мизес, новый [ни]спрудитель социализма. Мы знаем, что Маркс ликвидировал этот аргу[мен]т; Кассель проходит мимо, не считается с этим. На этом моменте [ре]дкостности и вытекающей из него необходимости классификации по[тре]бностей по важности Кассель строит и понятие менового хозяйства. [Н]е лишено известной доли курьезности, как Аммон—тоже громоздко [и по]степенно—доказывает: нет, классификация происходит не по важ[нос]ти потребностей, а по платежеспособности (так сказано) потреби[те]лей. Центральный для Касселя вопрос об образовании цен, разумеется, [та]кже строится на редкостности. «Притязания частных хозяйств на снаб[же]ние благами регулируются в нашем экономическом строе тем, что [на] все блага устанавливаются цены, которые должны быть уплачены [дл]я получения этих благ» (стр. 61). Итак: Волга впадает в Каспийское [мо]ре. Кем регулируются, кем и как «устанавливаются» (die Preise [we]rden gesetzt—чисто суб'ективно устанавливаются), на основании ка[ко]го об'ективного критерия—об этом история умалчивает. В русском [пе]реводе «устанавливаются» может иметь также об'ективный смысл, но [не]мецкий термин его исключает. Вся «теория» Касселя направлена про[ти]в об'ективного критерия трудовой стоимости, но действительных до[ка]зательств она не приводит. Вначале Кассель еще пытается говорить [о] «равномерности» в ограничении потребностей, равномерности, как по[ст]улате мирового хозяйства, но затем эта равномерность у него куда-то [ис]чезает и больше речи о ней не ведется. Даже Аммон, совсем далекий [от] Маркса, вполне правильно замечает, что Кассель вместо причинного [об]'яснения вводит контрабандой телеологию: как должны быть устанавливаемы цены, при чем эта попытка его кончается крахом. «Ме[но]вое хозяйство,—говорит Кассель,—измеряет важность различных по[тре]бностей по тем денежным суммам, которые предлагаются за удо[вле]творение этих потребностей» (стр. 71). Здесь уже Каспийское море [впа]дает в Волгу, все ставится на голову—без малейшего признака до[каза]тельства. Это порочный круг: на самом деле уж скорее цены опре[деля]ются потребностями, а не потребности ценами. Кассель вдруг ока[зыва]ется здесь ультра-об'ективистом; дело не меняется существенно [от т]ого, что он говорит не об определении потребностей, а об измерении [их] важности. К тому же попутно «меновое хозяйство» превращается [у н]его здесь в частно-хозяйствующего суб'екта. Таким же порочным [круг]ом является у Касселя вопрос о «распределении доходов»: сначала [оно] оказывается у него лишь членом общего процесса образования [цен], затем, наоборот, определяет этот последний, спрос на хлеб для [корм]а псов у богачей является сильнее, чем нужда голодных масс (этот [щ]епетильный пример приводится самим Касселем). В довершение [пут]аницы, Кассель говорит также о «регулировании производства»: «раз[реш]ение проблемы заключается в том, что на средства производства [уст]анавливаются (кем и как?) равномерные цены, на основании кото-

ных исчисляются готовые изделия, при чем производство направля только в сторону удовлетворения тех потребностей, которые го уплатить установленную таким образом (каким?) цену» (стр. 73). Sap sat! Аммон подчеркивает, что Кассель всюду говорит в «норматив телеологическом духе; «экономический принцип требует»—вот из ленное выражение Касселя, слова «требует» и «должен» Аммон цити из четырех страниц Касселя не менее 31 раза...

Отделавшись таким замечательным образом от понятия стоим Кассель строит свою систему уравнений цен. Она исходит из того, спрос на каждое благо варьирует с ценами всех благ, в обме которые отдельные хозяйства могут получить это благо. Но, пост математические уравнения между спросом, предложением и ценами, сель ничего не говорит о природе этих уравнений или функций, ность механизма цен им нисколько не об'яснена. А между тем Кас очень гордится своими уравнениями и отвергает австрийскую ш предельной полезности и даже вообще суб'ективную теорию стоим на том основании, что они считают полезность арифметически оп лимой, но на самом деле лишены «точной арифметической осно что понятие стоимости «совсем неопределенно и весьма растяжимо». знаем, однако, что именно у Касселя понятия редкостности и сп построены на той же зыбкой почве. Поэтому вдвойне любопытно, близкий к австрийской теории Аммон сражается с Касселем. Своя с не познаша. В общем получилось чрезвычайно головоломное геле ство, но если его перевести на удобочитаемый язык, то остается переливание из пустого в порожнее.

Лабиринт талмудических изысканий Касселя о капитале, ренте, центе крайне поучителен. Над каждой его страницей приходится ко часами даже экономисту, а в результате убеждаешься, что это бесплотная и бесплодная казуистика и сумбур. Определение кап у Касселя еще менее реально, чем у Бем-Баверка; у последнего ка есть «свойство» произведенных благ быть употребляемыми для п водства дальнейших благ, а у Касселя капитал есть «абстрактная ц стоимости»; каким чудом здесь проскочила стоимость, подвергнутая основательному остракизму там, где ей полагалось бы быть, ведает. Даже Аммон называет это определение мистицизмом. П телен этот хаос потому, что он воочию показывает нам всю цен ясных построений «Капитала». Мы, марксисты, привыкшие счита чуть ли не само собою разумеющимися истинами, чуть ли не т мами, склонны с течением времени забывать ту колоссальную р ума и синтеза, которая вложена в экономическую концепцию Ма Не мешает порой освежиться в этом отношении, перелистывая помощную и безнадежную путаницу Касселя.

На эквилибристике Касселя с понятиями ренты и процен будем останавливаться. Отметим другое, а именно его взгляды на принимательскую прибыль. «Что предпринимательская прибыль чается в действительности, нельзя оспаривать,—говорит Кассель.— чем, чистая предпринимательская прибыль очень велика только в с тельно редких случаях (хорош теоретический подход!—*Ф. К.*). В шинстве предприятий чистая предпринимательская прибыль, над лагать (dürfte), получается только при особенно благопри кон'юнктурах... Для высоты ее нельзя установить никаких нор прибыль вообще является не чем-то нормальным, а специфическо бенностью отдельного предприятия. Часто она является резуль чистых случайностей... Большей частью она также сильно меняется в

…кон'юнктурами данной области производства… Она покоится на преимущественном положении, которое завоевало себе данное предприятие в том или ином отношении… например, на обеспеченном круге клиентов, на популярной марке, на выгодных долгосрочных контрактах с поставщиками сырых материалов, вообще на хороших связях в коммерческом мире и пр… на крупном производстве… на превосходстве над своими конкурентами… на колоссальных капиталах… на правовой монополии… на монопольном положении трестов…». Даже буржуазный экономист Аммон понимает, что проблема предпринимательской прибыли, как таковой, «совершенно ускользнула от Касселя», что последний имеет здесь в виду вовсе не прибыль, а прибыли, частные кон'юнктурные и монопольные случаи. Теоретически останавливаться на этих построениях Касселя, на сей раз, в виде исключения, совершенно ясных, конечно, не имеет смысла. Отметим только ту смелость и последовательность, с которой этот кабинетный ученый «разрушает» одну за другой основы научного социализма. За трудовой стоимостью предпринимательская прибыль; мы увидим ниже, что точно так же перепроизводство и кризисы об'ясняются исключительно из явлений кредита. Не удивительно после этого, что Кассель пользуется таким престижем и авторитетом в буржуазном мире. Удивительно только, что его «наукой» не пользуются еще в самой широкой степени против марксизма и рабочего движения; возможно, что причина этого—крайняя непопулярность изложения, но надо полагать, что рано или поздно das grosse Werk Cassels, как выражаются его буржуазные оппоненты, войдет в арсенал наших классовых врагов. Тем более необходимо нам ознакомиться с этой «теорией». Если не ошибаемся, в русской литературе эти стороны теории Касселя не излагались, известны лишь его «Меморандумы» Лиге наций по денежному вопросу.

Все теории заработной платы, существовавшие до сих пор: теории Адама Смита и Рикардо, теория «фонда заработной платы», «железного закона заработной платы», «права на полный продукт труда» и, наконец, теорию Маркса Кассель опрокидывает одним богатырским взмахом. Кассель устраняет здесь весь хлам, нагроможденный за сто лет заблуждавшейся в потемках наукой». Так пишет Аммон, в общем разбивающий его вдребезги. И трудно различить, является ли это тонко замаскированной иронией или голосом класса.

Какова же теория заработной платы у самого Касселя? Цена «труда» (sic!), точно так же как цена за пользование почвой (рента) и капиталом (процент) определяется у Касселя только тем же фактором редкостности (Knappheit) труда. Нужды нет, что с этим критерием можно дойти до абсурда: если рабочих очень много, то им придется работать даром, а пожалуй, даже приплачивать… Таких-то откровений наука, оказывается, ждала сто лет, блуждая в потемках без света этой истины. Не приводим дальнейших мудрствований Касселя о взаимодействии между степенью редкостности капитала и почвы с одной стороны и степенью редкостности различных видов труда с другой. Еще глубокомысленнее следующий тезис Касселя: люди производятся на свет не из экономических соображений.

Переходим к теории денег. Это специальность Касселя. Она создала ему славу. А между тем в своем «большом труде» Кассель ограничивает свою задачу, дает не теорию денег, а только «эмпирическое исследование систематически сопоставленного фактического материала» (стр. 396); при чем это исследование распространяется только на изменения общего уровня цен за период от 1850 до 1910 г. В резуль-

тате Кассель констатирует, что эти изменения соответствовали положе
количественной теории денег; однако он не солидаризуется кате
чески с этой теорией, а, напротив, склонен считать ее недостато
Теоретическая позиция Касселя в этом вопросе остается невыясне
Нет у него также никакой теории бумажных денег. Как известно
личественную теорию можно применять или «ко всем ценам», или т
к общему уровню цен, в зависимости от неравномерных измене
отдельных хозяйствах. Кассель много внимания уделяет этой проб
а также взаимоотношению к скорости оборота и к количеству креди
платежных знаков; однако он не выходит из рамок эмпирии. Та
иначе, фактически он остается на почве количественной теории
развитой в своей первоначальной форме еще Дж. Ст. Миллем. Н
существенного Кассель не вносит и здесь.

Интересна с практической стороны проблема об отношении м
процентом на капитал и количеством денег. Казалось бы, что
панацея «редкостности» впервые имеет под собой реальную почву. Од
опыт показывает, что с увеличением количества денег высота про
понижается лишь на известной стадии, а потом, напротив, сильно
личивается. Эмпирия бессильна здесь дать исчерпывающее об'яс
Тем не менее Кассель строит на этом факторе редкостности (?)
свою теорию всемогущества банков и банкового процента, регул
щих всю хозяйственную жизнь страны. «Низкая процентная с
влияет на весь рынок капиталов в том смысле, как если бы насту
действительное увеличение предложения капиталов» (стр. 379). А им
банки выдают больше платежных средств... «Эти новосоздаваемые
ства вступят в конкуренцию с сбережениями... Такое усиленное
ложение распоряжения капиталом должно рано или поздно вызва
ответствующий спрос (?) и, следовательно, увеличенную проду
реального капитала» (стр. 435). Эта аргументация, в которой, м
прочим, денежный капитал фигурирует не в качестве «реального
убедительна и для Аммона; последний замечает, что увеличение
чества денег не всегда равносильно даже увеличению номинал
цифровой «стоимости» капитала, а именно: если это увеличение п
не на спрос капиталов, а на спрос предметов потребления. «Искус
ное понижение процента,—говорит Кассель,—повело к искусственно
ленной продукции капитала, что равносильно вынужденному повыш
бережливости в народном хозяйстве» (стр. 379). Это положение Ка
стало чуть ли не догмой в столь злободневной ныне дискуссии
фляции и инфляции. Оно—характерный продукт его политической
номии «без ценности». Практически понижение процента, увели
количества платежных знаков как-будто, действительно, способс
оживлению промышленности или, как выражается Кассель, выну
ному повышению бережливости в народном хозяйстве; это прояв
в вызываемом инфляцией, повышении общего уровня цен. Но А
подвергает сомнению и это положение Касселя, ратующего за
ренную инфляцию». Аммон на сей раз выдвигает тот аргумент
новые платежные средства идут главным образом на покупку «р
ного капитала», а не предметов потребления и поэтому цены по
поднимутся непропорционально над ценами последних,—это долж
увеличить, а понизить производство.

В заключение коснемся еще теории кризисов у Касселя. Он
подносит ее в общих рамках «теории движений кон'юнктуры». В от
от чисто эмпирического и исторического подхода к проблеме де
золота, Кассель в вопросе о кон'юнктурах работает методом те

ной индукции и ограничивается периодом от 1870 г. Он приходит к заключению, что изменения кон'юнктуры сводились, главным образом, к изменениям в отношении между производством «твердого» (festes) капитала и производством других благ. Термин твердый капитал означает у Касселя приблизительно то же, что мы понимаем под основным, а также постоянным капиталом, но так как без теории трудовой стоимости он лишен самого существенного своего признака, отличающего его от переменного капитала, он встречает со стороны Аммона характерное, можно сказать, не лишенное известной пикантности возражение, что это вовсе не экономическая, а чисто-техническая категория. Вот такова судьба политической экономии, вылущенной от понятия стоимости... Отчасти об'яснение кон'юнктур непропорциональностью в производстве постоянного и переменного капитала приближается к взгляду Маркса на кризисы, но у Касселя эти последние носят чисто-кредитный характер, он совершенно игнорирует и категорически отрицает фактор капиталистического перепроизводства. Кассель определяет кризисы, как момент всеобщей неспособности выполнить свои срочные долговые обязательства» (стр. 459 и 555). Это, конечно, не об'яснение, а цепляние за поверхность, пересказ проблемы другими словами. Аммон замечает на это: точно так же как кон'юнктуры об'ясняются у Касселя чисто-техническим моментом, так кризисы об'ясняются у него, главным образом, юридическим фактом. Выступая против теории перепроизводства, Кассель, между прочим, ссылается на то, что при кульминационном пункте кон'юнктуры «материалов», напротив, наблюдается определенно нехватка «твердых» капиталов, например, продукция железа часто бывает полностью запроданной вплоть до кризиса и дальше; на то это и кульминационный пункт—можно ответить на это. Кредитная теория кризисов Касселя не только поверхностна, но и абсолютно не нова. Она построена также на порочном круге доходности. Центральной движущей силой в кон'юнктурах является у Касселя процентная ставка: во время депрессии господствует низкая ставка, а она, в свою очередь, ведет к оживлению твердого капитала производства и цикл начинается снова: но при этом Кассель исходит из определенной доходности этого капитала (bei gegebenem Ertrag), на что ему вполне резонно возражают, что эта доходность, в свою очередь, зависит от кон'юнктур и что процент именно потому и низок во время депрессии, что от «твердого» капитала ожидается малая доходность. Итак: куда ни кинь, все клин,—Кассель всюду смешивает причину со следствием, поверхностные явления с внутренней сущностью, вся его система политической экономии без категории стоимости остается одним сплошным порочным кругом.

Ф. Капелюш.

Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Изд. во «Книга». Том X—1924. Том XI—1925.

К немногочисленным общим работам по истории России прибавился новый труд Н. Рожкова. Еще один—двенадцатый по счету—том,—и «Русская история в сравнительно-историческом освещении» будет завершена. Но и сейчас по поводу «Истории» можно сделать некоторые замечания. В этом смысле едва ли не самый интересный материал—если говорить об истории России—дают X и XI томы, хронологически охватывающие XIX и начало XX веков.

Первые же страницы X тома, предваряющие читателя о структ книги, заставляют подумать о несколько странной, по меньшей м разбивке материала. Правда, Н. Рожков еще в I томе осторо редупреждая о «некоторой искусственности» деления на периоды, о, что предлагается в X и XI томах (речь идет не об общей перио ации, но о делении гл. обр. XIX века), говорит, пожалуй, об изл ей скромности историка.

Н. Рожков начинает изучать разложение старого порядка, са державной дворянской монархии, «приблизительно с 1815 года» (т. стр. 6). Почему именно эта дата (какая точность!) пользуется осо расположением автора, остается неизвестным. Дальше следуют еще лее интересные «периодические» сюрпризы. «Сорокалетие, протек между 1815 и 1855 годами,—пишет Н. Рожков,—... для большего уд ства и большей обстоятельности изучения (?) необходимо раздел на три отдельных момента, которые условно обозначаются тер нами 20-е, 30-е и 40-е годы, хотя в точном смысле они хронологиче и не замыкаются в обозначаемые этими терминами десятилетия» (т. стр. 6). Таким образом для первой половины XIX века Рожков п нимает следующее деление: 20-е годы—1815—1825; 30-е—1826—184 40-е—1840—1855. Для последующих лет периодизация меняется, об' няя в одном разделе «60-е и 70-е годы» (1856—1880) и, нако 1880—1905. Для каждого отрезка времени Рожков подразумевает, видно, некоторую законченность всего комплекса исторических явле

Такое разделение не только,—вернее, не столько условно (вся периодизация условна), сколько совершенно произвольно. Прод жая итти дальше по пути Рожкова—можно разрезать историче эпоху на пятилетия, трехлетия и т. д.

И каждое из подобных делений будет произвольным и искусствен потому что нельзя найти резкую грань там, где в действительно имеет место часто неуловимый переход.

Для чего эти ампутации понадобились Н. Рожкову, мы ск узнаем.

Общая структура книги такова. Исходя из того положения, «История России в XIX веке и в начале XX столетия—это исто демократической революции» (стр. 5), Н. Рожков в каждой главе ис дует хозяйство, устройство общества, государственный строй и ду ную культуру «старого порядка». Если попробовать передать об впечатление, которое создается после прочтения разбираемых книг, окажется, что исторический процесс в отображении Н. Рожкова п ставляется чрезвычайно монотоным, лишенным какого бы то было «живого духа». Несмотря на обилие психологических характ стик различных представителей той или иной эпохи, кажется, что и рию творят не люди, а социологические категории.

Первое, что бросается в глаза,—это полное отсутствие ка ственных изменений, происходящих в различных областях об ственной жизни. Приведем для иллюстрации несколько выдержек. В ключении главы «20-е годы» Рожков пишет: «Мы познакомились, та образом, с разными сторонами русской жизни 20-х г.г. XIX ве Везде мы в большей или меньшей степени наблюдали надлом с рых порядков и отношений. Крепостное хозяйст продолжая господствовать, потеряло былую це ность и крепость, начинало уже частично терять под собой по обнаружились признаки начала перестройки сам его основ» (т. X, стр. 166). В главе 30-й: ...«в тридцатые годы

бласти народного хозяйства России заметным становится ц... ый ряд новых явлений... но в то же время наряду с эти... ыми тенденциями прочны были еще и старые устои» (т. ... стр. 271). В главе 37-й: «процесс образования переходны... форм (в сель... ом хозяйстве, курсив мой. *Н. Р.*) усилился в сор... ковых годах» (т. X, стр. 372. Курсив всюду мой. *Н. Р.*).

Таким образом вся русская история на протяжении более че... полустолетия оказывается подстриженной под одну гребенку «надлома и разложения» «старого порядка». Своеобразие, напр., экономики 20-х г... ов, ее отличие от экономики последних лет перед реформой исчезае... и подменяется количественным уменьшением элементов крепост... нического строя.

Вместо исторического процесса налицо какой-то убывающий алг... ебраический ряд: a^4... a^3... a^2... a...

Подобного рода неопределенные формулировки приводят Рожков... к целому ряду противоречий. Так, напр., на стр. 8 X тома он пишет... «Вообще в формах сельского хозяйства (20-х г.г. XIX века. *Н. Р.*) ср... авнительно с XVIII веком было мало изменений... Здесь почти вс... е было делом будущего». Перевертываем пять страниц и, к своем... у удивлению, узнаем, что «успехи товарного оборота к 20-м г.г. XIX век... а существенно поколебали крепостное хозяйство» (стр. 36). С одной сто... роны, «нельзя не признаться», с другой стороны, «надо сознаться».

Нетрудно заметить, что указанные недостатки работы Н. Рожкова... находятся в тесной взаимозависимости. Все они об'ясняются тем, что... автор «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» по... пробовал обойтись без диалектики.

Отсюда и отмеченные монотонность, безжизненность исторического... процесса «по Рожкову». Теперь становится ясной служебная роль те... х хирургических операций, которые Рожков проделал над XIX веком... Эти хронологические отрезки—«20-е годы», «30-е годы»—должны был... и заменить собою грани качественных изменений в истории России... т.е. «скачки».

Но попытка Н. Рожкова была заранее обречена на неудачу. Ни... какая схема не может «исполнять обязанности» диалектики.

Отказ Рожкова от диалектики оказался гибельным для его «Исто... рии». «Теория экономического об'яснения общественных явлений», сто... ронником которой Н. Рожков заявил себя в I томе, начинает претер... певать ряд существенных метаморфоз.

Начать с того, что в качестве показателя темпа экономического... развития Рожков выдвигает изменение народонаселения. В начале X тома... историк пытался уверить читателя, что в этом вопросе он, Рожков, ... вполне «благонадежен»: «...прирост населения... является всегда резуль... татом определенных экономических, а вовсе не биологических влияний» (т. X, стр. 7). В дальнейшем изложении данные о росте населения... становятся какой-то волшебной палочкой, открывающей тайну эконо... мического развития России. «Годичный прирост (населения в 30-х г.г.— *Н. Р.*) в городах,—устанавливает Рожков,—был... огромный сравнительно с приростом всего населения. Следовательно, городское хозяйство—инду... стрия и свободное, некрепостное сельское хозяйство—не переживали

угнетенного состояния» ¹) (стр. 169). Относительно 40-х г.г. из говорят, что городское население «росло несколько медленнее сельс (X, стр. 275). Казалось бы, по Рожкову, отсюда должен следо вывод о некоторой реакции крепостного хозяйства. К своему удивл мы узнаем, что положения, развитые Рожковым на 169 стр., не меш ему на стр. 275 говорить об «огромном кризисе крепостного хс ства». Но здесь Рожков привлекает данные о соотношении кре ного и свободного населения в деревне. Что же случилось с глав «показателем»—с количеством городского населения?

Итак, в первом случае: быстрый рост городского насел и соответствующий упадок крепостного хозяйства. Во втором слу медленный рост городского населения и соответственно « «огромный кризис» крепостного хозяйства. Согласитесь, это поминает анекдот о двух профессорах археологии. Один из них на при раскопках проволоку и на этом основании заявил, что в дре Египте был телеграф; другой—проволоки не нашел, а посему ут ждал, что в древнем Египте был беспроволочный телегра

Очевидно, предчувствуя опасность повторения подобных «недор мений», Н. Рожков в XI томе ни одним словом не упомин о росте населения, предоставляя самому читателю догадыва о судьбе без вести пропавшего «фактора».

В об'яснениях экономического развития России Рожков почти в ком солидаризируется со Струве, заявляя, что «прямого, сколько-ни значительного влияния на крепостное помещичье хозяйство внеш рынок почти совсем не оказывал. Но он все же на него влиял косве показывая фактически заманчивую перспективу большого хлебного и него рынка при устройстве хороших путей сообщения и примен вольнонаемного труда».

Говоря о крепостном хозяйстве, Рожков не отделяет хозяй крупных дворян-оброчников от предпринимательского—определен групп среднего дворянства и т. д.

Таким образом Рожков сам устранил возможность дальней анализа общественных течений, и становится понятным, почему, и дворянский либерализм, начиная от Мордвинова и декабристов, ко деятелями реформы, представляется в изображении Рожкова столь с цветным. Отсюда до идеалистического толкования—один шаг.

И действительно, Рожков характеризует реакционеров, как п ставителей «дворянского большинства—косного, слепого и цепко жавшегося рутины» (X, стр. 62), а либералов, как «передовую», « тестующую» группу дворянства. Рожков, правда, не забывает ска о перерождении дворянства в буржуазию, но все же его характ стики удивительно сходны с определениями Семевского, Кизевет и т. п.

Особенно не нравится Рожкову материалистическое об'яснение в ней политики. Почему возникла война 1854—1856 г.г.? Николаев Россия была европейским жандармом.

---

¹) Каким образом рост городского населения дает право Ро судить о развитии свободного сельского хозяйства, остаетс кретом историка. Разве не могли расти города за счет пополнения их о ными крепостными ремесленниками на-ряду с интенсификацией, напр., бар в деревне.

«...Буржуазия английская и французская не могла допустить, чтобы распорядителем судеб Европы было русское крепостническое дворянство, крепко державшееся за старый порядок. Э т о и б ы л о о с н о в н о й п р и ч н н о й К р ы м с к о й в о й н ы» (т. X, стр. 316. Курсив мой. *Н. Р.*).

Русско-турецкая война 1877 г. «вызвана была вовсе не буржуазно-капиталистическими мотивами, поскольку инициатива и задачи этой войны зависели от России и ее правительства» (т. XI, стр. 90). Завоевания в Средней Азии в 60-х и 70-х г.г. не имели ничего общего с борьбой буржуазии за рынки (Рожков признает, что впоследствии этот мотив играл известную роль). «Завоевания были простым конкистадорским захватом и хищничеством»... (т. XI, стр. 89).

Куда скрылись противоречия русского и английского капитализма, любовь торгового капитала России к Дарданеллам, симпатии текстильных фабрикантов к Туркестану? Куда исчезла экономика?

В «Русской истории» Рожкова мы не найдем ответа на эти «проклятые вопросы». Придется ждать появления специальных исследований, обещанных Н. Рожковым в I томе.

Отход Рожкова от исторического материализма принимает поистине катастрофический характер, когда автор «Русской истории» переходит к анализу общественной психологии и духовной культуры. Большей частью анализ этот вульгарен и поверхностен.

Возьмем для примера трактовку славянофильства. Вначале идут психологические характеристики, из которых каждый интересующийся может узнать, что Константин Аксаков «был человек с львиной физиономией, силач, горлан» (X, стр. 331), что историк Соловьев считал Петра Киреевского «добрым, простым, симпатичным существом» (X, стр. 332).

Социологический анализ сводится к замечанию, что «славянофилы были, в сущности, даже не либералы, а просто разумнейшие из консерваторов, делавшие уступку минимально-необходимую, чтобы сохранить за дворянством возможно большую часть «из наследия прошлого» (X, стр. 333). Но это об'яснение ничего не об'ясняет. Оно проходит мимо б у р ж у а з н ы х элементов в славянофильстве. А ведь эти буржуазные взгляды, своеобразно преломившиеся через призму мировоззрения барщинного дворянства, ясно отразились и в кажущейся «антигосударственности» славянофилов, и в их экономической программе...

«Основой славянофильского миросозерцания,—продолжает Рожков,—была религиозная философия. Поэтому не Гегель, а Шеллинг с его эстетико-религиозной мистикой был философским вдохновителем славянофилов» (X, стр. 333).

Читая это замечание, вспоминаешь слова Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии»: «В то время, как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя кто-нибудь, и тем, чем он является в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального знания. Она верит на слово каждой эпохе в том, что она говорит о себе и что она воображает о себе». (Архив М. и Э., т. I, стр. 233).

Впрочем, если говорить о славянофилах, то нам кажется, что они материалистичнее, нежели Рожков, об'ясняли свое шеллингианство. И. Киреевский в письме к Кошелеву возражал против «понятия Гегелева», «что всякое правление в государстве равно законно, только

бы стояло, и всякая революция законна, только бы удалась, и прав ние то беззаконно, которое свергнуто, и революция та беззаконна, і торая не удалась» (И. Киреевский, Соч., т. II, стр. 279).

Значит, виднейшему представителю славянофилов не по душе пр шелся знаменитый тезис Гегеля «все действительное разумно». Кире ский быстро оценил революционную сущность этого «Гегел понятия», т.-е. диалектики. Если мы, вдобавок, вспомним, что і тированное письмо относится к 1853 году, что Шеллинг был выпис в Берлин специально для противодействия левым гегельянцам,—нел бовь славянофилов к Гегелю и их увлечение Шеллингом станут і нятными.

Философия Гегеля оправдывала революцию 1848 г. А что славя филы боялись революции,—это хорошо известно Рожкову.

Недиалектический метод и вульгаризация марксизма заставля Н. Рожкова подчас жестоко расправляться с фактами. Обычно, ко он говорит о явлениях духовной культуры, оказывается, что «раско тость» в музыке, живописи XIX века соответствует «надлому» в эко мике. Так, напр., для 40-х г.г. в качестве иллюстрации «разложен дворянской культуры» и «перерождения дворянства в буржуазию» п водятся Гоголь, Тютчев и др.

Но вот в XI томе Рожков открывает, что «в публицистике и х дожественной литературе реакция 60-х и 70-х г.г. имела талантли и даже одного гениального представителя»...—речь идет о Досто ском (XI, стр. 99).

Читатель, уверовавший в об'яснения Рожкова, будет озадачен. С рый порядок «ломается» все сильнее и сильнее, после реформы быст развивается капитализм, а в литературе—реакция, расколотая, но і же реакция? Значит... Но для Н. Рожкова, забывшего мудрые сл Плеханова о том, что из непосредственно экономического об'ясне идеологий «ровно ничего не выйдет, кроме смешного и скучного вздор для Рожкова, повторяем, нет ничего трудного. Значит, ...«традиции про лого были еще могучи и устойчивы» (XI, стр. 100). Достоевский « гласован» с экономикой, и «схема» торжествует.

До сих пор мы лишь вскользь касались XI тома «Русской ис рии». Эта книга еще более, чем предыдущая, перегружена ошибочн положениями. Отметим главнейшие из них. В главе 39 мы натал ваемся на неверную оценку положения в 60-х г.г. Рожков счита что Россия того времени стояла накануне крестьянского восстания, что только реформы предотвратили революцию. Это, без сомнения, і реоценка значения крестьянских волнений, равно как и самой рефор Надолго сохранившиеся остатки крепостного хозяйства свидетельству о том, что опасность революции в 60-х г.г. была не так уж велика.

В числе мотивов революционного настроения народников имее указание на «избыток сил»—гипотеза, открывающая широкие персп тивы для историков «биологического» направления—так, напр., от интеллигенции от революции в 1907—1909 г.г. можно об'яснить « достатком сил» и т. д.

Главы, посвященные истории революционного движения, загро жены подробным перечислением кружков и участников движения. Иск чительный интерес представляют лишь те страницы, где Рожков і тается подвести социологический фундамент под большевистское и ме

[...]вистское течения в Р. С.-Д. Р. П. На этом стоит остановиться подробнее.

Рожков исходит из сравнительно-психологических характеристик [...]лифицированного и неквалифицированного пролетариата. „Бакунин, [пи]шет Н. Рожков,—высказал как-то мысль, что квалифицирован[ный] пролетариат—уже не пролетариат, а буржуазия: он не революцио[нен], потому что ему есть, что терять в буржуазно-капиталистическом об[ще]стве» (XI, стр. 389). Рожков не согласен с утверждением Бакуни[на: «...к]валифицированный пролетариат—также пролетариат». «...Но ква[ли]фицированный пролетариат—не бунтарь в бакун[ин]ском смысле, он понимает революцию, как переход власти из [рук] одного класса в руки другого не непременно путем восстания. У [него] на-ряду с чувством действует и холодный рассуд[ок, вно]сящий известную дозу скептицизма и критики. Отсюда—его склонн[ость] к соглашениям, компромиссам, уступкам, постепеновщина, если уго[дно]. Отсюда и боязнь крайнего централизма и подчинения, стремлен[ие к] автономии, бóльшая мера индивидуализма» (XI, стр. 389. Курсив [мой.] *Н. Р.*).

Психология неквалифицированных рабочих—иная: «оппортунизм, соглашательство в тактике были им чужды. Централизм... со[от]ветствовал их привычкам и вкусам... страдая остре[е от] окружающих условий, чем квалифицированный пролетариат, они силь[нее], чем он, были пропитаны и чувством классовой ненависти».

Выводы ясны: «Большинство квалифицированного п[ро]летариата и социал-демократической интеллигенц[ии] примыкало к меньшевизму. Меньшинство их и п[ро]летариат необученный, чернорабочий... и психоло[ги]чески и идеологически тяготели к большевизму» [(XI,] стр. 389, 390. Курсив всюду мой. *Н. Р.*).

Рассудительный меньшевик-мастеровой и эмоциональный больше[вик-]чернорабочий! Пикантно, не правда ли? Рожков спешит уверить, [что] это об'яснение верно «пока лишь для определенного момента—[для] революции 1905 года» (XI, стр. 390). Это похоже на оговорку «[для] очистки ради». Но попробуем взглянуть на цитированные строки в общем контексте. Не покажутся ли несколько знакомыми эти ра[ссуж]дения почтенного историка о пролетарской психологии, его [взгляд] на «бакунинское бунтарство»?

И не напоминают ли они «в сравнительно-историческ[ом] освещении» «социологических» изысканий Карла Каутского, Отто [Бау]эра, Дана, Далина, Ст. Ивановича?

Читатель, который познакомится с книгой Рожкова, будет, без [со]мнения, разочарован. В подзаголовке «Русской истории» значится [«в срав]нительно-историческом освещении».

Но в действительности этого сравнительно-исторического осве[ще]ния нет и в помине, не считая двух-трех замечаний.

Часть обширного труда Н. Рожкова посвящена истории Запад[ной] Европы и внеевропейских стран. Но это еще далеко не соответств[ует] [обоз]начаемому подзаголовку. У Рожкова русская история развивается с[ама] по себе. Напрасно мы стали бы искать указания на связь историческо[го] процесса в России и в Европе, на относительное своеобразие развит[ия] России. Если и встречаются исторические параллели, то большая ча[сть] их способна повергнуть читателя в недоумение. Так, напр., обстоит де[ло]

і стояло, и всякая революция законна, только бы удалась, и прав ie то беззаконно, которое свергнуто, и революция та беззаконна, і рая не удалась» (И. Киреевский, Соч., т. II, стр. 279).

Значит, виднейшему представителю славянофилов не по душе пр елся знаменитый тезис Гегеля «все действительное разумно». Кире ий быстро оценил революционную сущность этого «Гегел нятия», т.-е. диалектики. Если мы, вдобавок, вспомним, что і рованное письмо относится к 1853 году, что Шеллинг был выпис в Берлин специально для противодействия левым гегельянцам,—ней бовь славянофилов к Гегелю и их увлечение Шеллингом станут і нятными.

Философия Гегеля оправдывала революцию 1848 г. А что славя филы боялись революции,—это хорошо известно Рожкову.

Недиалектический метод и вульгаризация марксизма заставля Н. Рожкова подчас жестоко расправляться с фактами. Обычно, ко он говорит о явлениях духовной культуры, оказывается, что «раско тость» в музыке, живописи XIX века соответствует «надлому» в эко мике. Так, напр., для 40-х г.г. в качестве иллюстрации «разложен дворянской культуры» и «перерождения дворянства в буржуазию» п водятся Гоголь, Тютчев и др.

Но вот в XI томе Рожков открывает, что «в публицистике и » дожественной литературе реакция 60-х и 70-х г.г. имела талантли и даже одного гениального представителя»..—речь идет о Досто ском (XI, стр. 99).

Читатель, уверовавший в об'яснения Рожкова, будет озадачен. С рый порядок «ломается» все сильнее и сильнее, после реформы быст развивается капитализм, а в литературе—реакция, расколотая, но і же реакция? Значит... Но для Н. Рожкова, забывшего мудрые сл Плеханова о том, что из непосредственно экономического об'ясне идеологий «ровно ничего не выйдет, кроме смешного и скучного вздор для Рожкова, повторяем, нет ничего трудного. Значит, ...«традиции про лого были еще могучи и устойчивы» (XI, стр. 100). Достоевский « гласован» с экономикой, и «схема» торжествует.

До сих пор мы лишь вскользь касались XI тома «Русской ис рии». Эта книга еще более, чем предыдущая, перегружена ошибочн положениями. Отметим главнейшие из них. В главе 39 мы натал ваемся на неверную оценку положения в 60-х г.г. Рожков счита что Россия того времени стояла накануне крестьянского восстания, что только реформы предотвратили революцию. Это, без сомнения, і реоценка значения крестьянских волнений, равно как и самой рефор Надолго сохранившиеся остатки крепостного хозяйства свидетельству о том, что опасность революции в 60-х г.г. была не так уж велика.

В числе мотивов революционного настроения народников имее указание на «избыток сил»—гипотеза, открывающая широкие персп тивы для историков «биологического» направления—так, напр., от интеллигенции от революции в 1907—1909 г.г. можно об'яснить « достатком сил» и т. д.

Главы, посвященные истории революционного движения, загро ждены подробным перечислением кружков и участников движения. Иск чительный интерес представляют лишь те страницы, где Рожков і тается подвести социологический фундамент под большевистское и ме

вистское течения в Р. С.-Д. Р. П. На этом стоит остановиться подробнее.

Рожков исходит из сравнительно-психологических характеристик квалифицированного и неквалифицированного пролетариата. ...«Бакунин,—пишет Н. Рожков,—высказал как-то мысль, что квалифицированный пролетариат—уже не пролетариат, а буржуазия: он не революционен, потому что ему есть, что терять в буржуазно-капиталистическом обществе» (XI, стр. 389). Рожков не согласен с утверждением Бакунина; квалифицированный пролетариат—также пролетариат». «...Но квалифицированный пролетариат—не бунтарь в бакунинском смысле, он понимает революцию, как переход власти из рук одного класса в руки другого не непременно путем восстания. У него на-ряду с чувством действует и холодный рассудок, дающий известную дозу скептицизма и критики. Отсюда—его склонност к соглашениям, компромиссам, уступкам, постепеновщина, если угодно Отсюда и боязнь крайнего централизма и подчинения, стремление автономии, бо́льшая мера индивидуализма» (XI, стр. 389. Курсив мой *Н. Р.*).

Психология неквалифицированных рабочих—иная: «оппортунизм и соглашательство в тактике были им чужды. Централизм... соответствовал их привычкам и вкусам... страдая острее о окружающих условий, чем квалифицированный пролетариат, они сильнее чем он, были пропитаны и чувством классовой ненависти».

Выводы ясны: «Большинство квалифицированного пролетариата и социал-демократической интеллигенции примыкало к меньшевизму. Меньшинство их и пролетариат необученный, чернорабочий... и психологически и идеологически тяготели к большевизму» (XI стр. 389, 390. Курсив всюду мой. *Н. Р.*).

Рассудительный меньшевик-мастеровой и эмоциональный большевик чернорабочий! Пикантно, не правда ли? Рожков спешит уверить, что это об'яснение верно «пока лишь для определенного момента—кануна революции 1905 года» (XI, стр. 390). Это похоже на оговорку «приличия ради». Но попробуем взглянуть на цитированные строки в их общем контексте. Не покажутся ли несколько знакомыми эти рассуждения почтенного историка о пролетарской психологии, его ссылки на «бакунинское бунтарство»?

И не напоминают ли они «в сравнительно-историческом освещении» «социологических» изысканий Карла Каутского, Отто Бауэра, Дана, Далина, Ст. Ивановича?

Читатель, который познакомится с книгой Рожкова, будет, без сомнения, разочарован. В подзаголовке «Русской истории» значится «в сравнительно-историческом освещении».

Но в действительности этого сравнительно-исторического освещения нет и в помине, не считая двух-трех замечаний.

Часть обширного труда Н. Рожкова посвящена истории Западной Европы и внеевропейских стран. Но это еще далеко не соответствует названному подзаголовку. У Рожкова русская история развивается сама по себе. Напрасно мы стали бы искать указания на связь исторического процесса в России и в Европе, на относительное своеобразие развития России. Если и встречаются исторические параллели, то большая часть их способна повергнуть читателя в недоумение. Так, напр., обстоит дело,

когда Рожков заявляет, что «революционеры-левеллеры и диггеры, Р
и якобинцы, Морелли, Марат и Бабеф, Вейтлинг и Макс Шти
соответствовали нашим декабристам, левым западникам, как Герцен,
тинский и петрашевцы» (X, стр. 379).

Н. Рожков мог, конечно, прибавить сюда еще десяток имен
навряд ли достоинство «параллели» от этого повысилось бы.

Подведем итоги. X и XI томы «Русской истории в сравнител
историческом освещении»—книги, без всякого сомнения, поучитель
Автор убедил читателя в том, что печатный материал по истории Ро
необ'ятен (в одном X томе приведено до 900 ссылок более чем на
названий).

Вместе с тем он блестяще показал на собственном примере,
историк-марксист, попытавшись обойтись без диалектики, неизбежно
рестает быть марксистом, а следовательно, и историком, и что от
печальной участи не спасает самая широкая эрудиция.

Таким образом работы Рожкова лишний раз напоминают н
необходимости основательного изучения диалектического материализ

Нельзя, однако, забывать и о том, что книга Н. Рожкова с
лизирует некоторую опасность на идеологическом фронте. Уже д
был отмечен растущий интерес нашей интеллигенции к проблемам
ксизма. И возможно, что эти проблемы будут изучаться не по раб
Маркса и Энгельса, Плеханова и Ленина, а по вульгарным учебн
и курсам вроде «Русской истории в сравнительно-историческом о
щении».

Когда-то тов. М. Н. Покровский квалифицировал «рожковщину»,
идеологию до-технической интеллигенции,—учительства, в частности
этом определении можно спорить. Но что «экономическое об'ясн
истории» по Рожкову может найти себе доступ в среде учител
вследствие своей легкости,—бесспорно. В самом деле, не легче ли вм
изучения диалектики ограничиться приятием «базиса» и «надстро
затвердить ту истину, что «бытие определяет сознание», а на этом
зисе» разводить по примеру Рожкова полумарксистскую или немарк
скую путаницу. От такой опасности не гарантирована, конечно, и
рабочая молодежь.

В своей брошюре «Смысл и красота жизни» (изд. «Книга», 1
Н. Рожков пишет: «...бывает наука и наука. И потому надо вп
уяснить, какая именно наука и почему осмысливает и украшает жи
(стр. 8).

Поистине, золотые слова. Наука, отказывающаяся от диалектиче
метода ради схемы и упростительства,—не наука. Она никогд
осмыслит и не украсит жизнь. Именно поэтому «рожковщина» до
встретить самый серьезный отпор.

Н. Рубинште

---

*) Очевидно, исходя из этих педагогических соображений, Глав
просвет в прошлом 1923—24 учебном году п у д а м и рассылал по совпар
лам «Русскую историю» Рожкова. Мы не хотели бы думать иначе.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

НА ВСЕ ИЗДАНИЯ

„Правды“ и „Бедноты“

	На 1 мес.		На 3 мес.		На 6 мес.		На 9 мес.		На 12 мес.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
ПРАВДА	1	—	2	85	5	50	8	35	10	—
БЕДНОТА	—	60	1	75	3	40	5	10	6	50
ПРОЖЕКТОР	—	60	1	75	3	25	5	—	6	—
ПРЕДПРИЯТИЕ	1	—	2	85	5	50	8	35	10	—
РАБОЧ.-КР. КОРРЕСПОНДЕНТ	—	50	1	40	2	75	4	15	5	—
БОЛЬШЕВИК	—	60	1	75	3	25	5	—	6	—
ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА	1	50	4	25	8	—	11	60	15	—

Рабочим фабрик и заводов, служащим, красноармейцам и студентам при коллективн. подписке не менее 5 экз. в одно предприятие—цена на **„ПРАВДУ“ 80 К. в МЕС.**

Подписную плату перевод. по адресу:

Главная Контора „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТЫ“

Москва, М. Черкасский пер., 3/4.

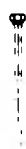
Подписка принимается также и в отделениях Издательства:

СЕВ.-ЗАП. ОБЛ. ОТД.—Ленинград, Пр. 25 Октября, 82.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ОТД.—Харьков, Площадь Тевелева, 17.

В ГУБЕРНСКИХ ОТДЕЛЕНИЯХ:

Бахмут—Площадь Свободы, 15.



Саратов—Никольская, 26.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

АНГЛИЯ: Kniga (England) Ltd St. Brige's House, Salisbury Square. London E. C. 4.

ГЕРМАНИЯ: Berlin, Unter den Linden, 47—III, G. Grossmann.